МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 14 № 2 2018

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2018

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 14 № 2 2018

Редакционный совет

Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, лектор Университета Британской Колумбии – Оканаган (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнэбаатар, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции и учредителя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2018

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14 No. 2 2018

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2018

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

PROCEEDING
ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14 No. 2 2018

Editorial council

D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, University of British Columbia – Okanagan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaatar, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Associate Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Irkutsk National Research Technical University
Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Publishers and Founder: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2018

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 14 № 2 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Песков С.А., Клементьев А.М., Молчанов Д.Н., Стерхова И.В., Молчанов Г.Н. Новое геоархеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в долине р. Куды 9

Шергин Д.Л., Ветров В.М. Перспективы исследований археологических памятников оз. Баунт (Баунтовский район, Республика Бурятия) 23

Гурулёв Д.А. Шлифованные ножи в каменных индустриях неолита и палеометалла Северного Приангарья 40

Эрдэнэбаатар Д. Материальное культурное наследие империи Хунну 54

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Шара-Тэбсэг – древний культовый и археоастрономический объект в Западном Забайкалье 74

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северно Прихубсугулье 93

ЭТНОЛОГИЯ

Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов 121

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг первый: законы природы в античной мысли 131

Степанов Д.А. Город Якутск и проблема сохранения его исторического облика 141

Чирикова М.В., Корчевина Л.В. Активизация архивной и историко-краеведческой деятельности в Восточной Сибири в XIX – начале XX в. 149

Третьяков В.Г. Из истории мысовского проекта Кяхтинской железной дороги 158

Иванов А.А. Побеги политических ссыльных Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. и их организация 165

Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. 177

Пахалюк К.А. Боевой путь полковника Б.В. Геруа: от боев за Галицию до Горлицкого прорыва (1914–1915 гг.) 186

Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения 193

Шекшеев А.П. Одиссея белогвардейца и эмигранта В.С. Короткова 206

Цыкунов Г.А. Крестьянский коммунизм в Сибири 216

Матвеенко А.Л., Скорикова Н.А. Эволюция административно-территориального деления западной части Иркутской губернии в первой трети XX века 223

Афанасов О.В. Формирование и деятельность Уральского военного округа во второй половине 1930-х гг. 231

Фомичёв С.О. Статистика политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа в 1937–1938 гг. 237

Кузнецов С.И. Японские интернированные в Монголии 1945–1947 гг. 245

Чжан Цзя Цзюнь. История и современность российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики 258

РЕЦЕНЗИЯ

Кайгородова Н.В. Сибирская деревня в огне революции и Гражданской войны 265

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14 No. 2 2018

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Peskov S.A., Klementev A.M., Molchanov D.N., Sterkhova I.V., Molchanov G.N. New geoarchaeological upper pleistocene site in the Kuda river valley 9

Shergin D.L., Vetrov V.M. Prospects of research of archaeological sites on the lake Baunt (Bauntovsky district, Republic of Buryatia) 23

Gurulev D.A. Grinded Knives in the Stone Industries of Northern Angara Region in the Neolithic and Paleometal Periods 40

Erdenebaatar D. Material cultural heritage of the Xiongnu empire 54

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Shara-Tebseg – the ancient cult and arheoastronomical object in Western Transbaikalia 74

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E. Women's burials in XIII–XIV centuries. The necropolis Nogoon Gozgor 1 in the Northern Hubsugul Area 93

ETHNOLOGY

Bravina R.I. Khoro people and the Amur layer in ethnocultural genesis of Yakuts 121

HISTORY

Shaforostov A.I. Story groups ideas about reality. Step one: the laws of nature in ancient thought 131

Stepanov D.A. Yakutsk city and the problem of preservation of its historical oblique 141

Chirikova M.V., Korchevina L.V. Activation of archive and local history research activities in Eastern Siberia in the XIX – the beginning of the XX centuries 149

Tretyakov V.G. From the history of the Mysovsky Project of the Kyakhta railway 158

Ivanov A.A. Escapes of political exiles of the Irkutsk province at the end of XIX – the beginning of the XX century and their organization 165

Rostov N.D., Shirshov M.A. Call of the Government militia warriors in the Siberian military district in the years of the Russian-japanese war, 1904-1905 177

Pakhalyuk K.A. Colonel B. Gerois in the World War I: from the battle for Galicia to Gorlitskiy breakthrough (1914–1915) 186

Poznyak T.Z. The refugees in Vladivostok from the First World War to the Civil War: problems of survival and public charity 193

Sheksheev A.P. Odyssey of White Guard and immigrant V.S. Korotkov 206

Tsykunov G.A. Peasant communism in Siberia 216

Matveenko A.L., Skorikova N.A. Evolution of the administrative-territorial division of the west part of the Irkutsky Gubernia in the first third of the 20th century 223

Afanasov O.V. Formation and activity of the Ural Military District in the second half of the 1930s. 231

Fomichev S.O. Statistics of Political Repressions of the Commanders and Command Staff of the Ural Military District in 1937–1938 237

Kuznetsov S.I. Japanese military internees in Mongolia in 1945–1947 245

Chzhan Czya Czyun. History and present time of the Russian-Chinese cooperation in the field of energy 258

REVIEW

Kaigorodova N.V. Siberian village in fire of the revolution and the Civil war 265

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 14 № 2 2018

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:
– история,
– археология,
– этнология.

Редколлегия

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 14 No. 2 2018

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Journal of Ancient Technology Laboratory».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:
– history,
– archaeology,
– ethnology.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 905(571.53)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-9-22

НОВОЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА В ДОЛИНЕ Р. КУДЫ

© С.А. Песков[a], Д.Н. Молчанов[b], А.М. Клементьев[c], И.В. Стерхова[d], Г.Н. Молчанов[c]

[a] Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2.
[b] Институт земной коры СО РАН,
664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128.
[c] Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.
[d] Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2.

Аннотация. Приводятся предварительные результаты исследования палеолитического местонахождения «Весна», зафиксированного в 2017 г. в западной части д. Куда Иркутского района Иркутской области. Местонахождение расположено на склоновой поверхности северной, северо-восточной экспозиции с абсолютными отметками 490–492 м и привязано к изголовью правого борта распадка, ориентированного с юга на северо-восток и выходящего в долину р. Куды. Археологический материал зафиксирован в отложениях солифлюциированных темно-бурых суглинков (раннесартанский солифлюксий), с присутствием гумусированных прослоек древних (каргинских?) почв. В качестве основного сырья для производства артефактов использован аргиллит, также присутствуют предметы из мелкозернистого кварцита. Коллекция артефактов представлена: плоскостными нуклеусами для получения пластин, пластинами, пластинчатыми сколами, отщепами, конвергентным скреблом, ретушированной пластиной. Сырьевой состав и морфология индустрии находят аналоги в материалах палеолитических местонахождений Щапово 1, им. И.В. Арембовского и им. М.П. Аксёнова. Фаунистический комплекс местонахождения представлен фрагментами костей шерстистого носорога, первобытного бизона и ископаемой лошади. Возраст культурных остатков можно определять в диапазоне от раннесартанского до каргинского времени (25–30 тыс. л. н.).
Ключевые слова: *Иркутская область, д. Куда, долина р. Куды, местонахождение верхнего палеолита, каменная индустрия, первичное расщепление, аргиллит, кварцит, фаунистический материал, плейстоцен.*

Информация о статье. Дата поступления 27 марта 2018 г.; дата принятия к печати 23 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Песков С.А., Клементьев А.М., Молчанов Д.Н., Стерхова И.В., Молчанов Г.Н. Новое геоархеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в долине р. Куды // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-9-22

NEW GEOARCHAEOLOGICAL UPPER PLEISTOCENE SITE IN THE KUDA RIVER VALLEY

© S.A. Peskov[a], A.M. Klementev[b], D.N. Molchanov[c], I.V. Sterkhova[d], G.N. Molchanov[c]

[a] Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2 5th Army Str., Irkutsk 664025, Russian Federation
[b] Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
128 Lermontov Str., Irkutsk 664033, Russian Federation
[c] Irkutsk State University,
1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation
[d] Service for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2 5th Army Str., Irkutsk 664025, Russian Federation

Abstract. This paper presents the preliminary results of studies of the Paleolithic site "Vesna", which was observed in 2017 in the western part of Kuda village, situated in Irkutsk region. The site is determined by the position on the slope surface of the northern, north-eastern exposure with absolute marks 490–492 m, facing the wide valley of the Kuda river, and is tied to the headboard of the starboard decay. The archaeological remains recorded in solifluction dark brown loam (lower Sartan solifluction), with the presence of humus layers of the ancients (the Karga?) soils. As the main raw material for the lithic-production it was used an argillite, also there are few fine quartzite artifacts. The collection of artifacts includes flat-front cores for the blade production, blades, flake-blades, flakes, convergent side-scraper, retouched blade. The raw material composition and morphology of the industry have some similarities with the assemblages of the sites Arembovsky, Aksenova and Shchapova I. Faunal complex of site is represented by the fragments of bones of woolly rhinoceros, primeval bison and fossil horse. Cultural remains age could be preliminary defined from lower Sartan to Karga time (25–30 000 years BP).
Keywords: *Irkutsk region, village Kuda, valley of the Kuda river, Upper Paleolithic site, stone industry, primary splitting, argillite, quartzite, faunal material, Pleistocene*

Article info. Received March 27, 2018; accepted for publication April 23, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Peskov S.A., Klementev A.M., Molchanov D.N., Sterkhova I.V., Molchanov G.N. New geoarchaeological upper pleistocene site in the Kuda river valley. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-9-22. (In Russian).

Палеолитическое местонахождение «Весна» выявлено в 2017 г. сотрудниками археологического отряда Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области под руководством С.А. Пескова в результате проведения разведочных археологических работ на западной окраине д. Куда Иркутского района на территории нового малоэтажного жилищного строительства в границах размещения бывшего дачного некоммерческого товарищества «Весна» (рис. 1). Геоморфологически участок местонахождения определяется положением на склоновой поверхности северной, северо-восточной экспозиции с абсолютными отметками 490–488 м и привязан к изголовью правого борта распадка, ориентированного с юга на север, северо-восток и выходящего в долину р. Куды. Относительные отметки поверхности составляют 50–52 м от уровня современного русла р. Куды (рис. 2). На данном участке поверхности выполнено пять шурфов общей площадью 20 м^2 (рис. 3).

Археологический и палеонтологический материалы фиксировались на глубине 0,60–1,4 м от уровня современной дневной поверхности в переотложенном состоянии. Практически весь археологический материал выявлен в отложениях шурфа 1 (44 экз. из 46), в шурфах 4 и 5 зафиксировано по одному артефакту. Подавляющее количество фаунистических остатков найдено в отложениях, вскрытых шурфами 1, 3 и 5 (рис. 3).

Описание стратиграфии

Описание стратиграфии приводится согласно схеме, разработанной для юга Средней Сибири Г.А. Воробьёвой и Г.И. Медведевым в 1990 г. В соответствии с данной схемой, субаэральные верхнеплейстоценовые отложения подразделяются на казанцевский (Kz), муруктинский (Mr), каргинский (Kr) и сартанский (Sr) горизонты (Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири, 1990).

В строении рыхлой толщи, вскрытой шурфами, стратиграфически выделяется от 4 до 6 слоев, отложения которых сформированы в период от плейстоцена (раннесартанские отложения – 24–21 тыс. л. н.) до голоцена, а также, вероятно, присутствуют отложения, имеющие досартанский возраст (Kr–?, Mr–?) (рис. 4). Голоценовая часть отложений представлена слоями 1 и 2, где слой 1 – современный дерново-почвенный горизонт Ад, имеющий небольшую мощность, средне-тяжелосуглинистый состав, характеризующийся трещиноватостью, включающий корни древесной и травяной растительности. Нижняя часть слоя карманистыми затеками переходит в нижележащий слой 2 по причине присутствия крупных древесных корневых систем и криогенных трещин. Сам слой сформирован в средне-позднеголоценовое времена – 6,5–0 тыс. л. н. Слой 2 – подгумусовый почвенный горизонт В, представленный бурыми средне-тяжелыми суглинками, сформированными в раннеголоценовый

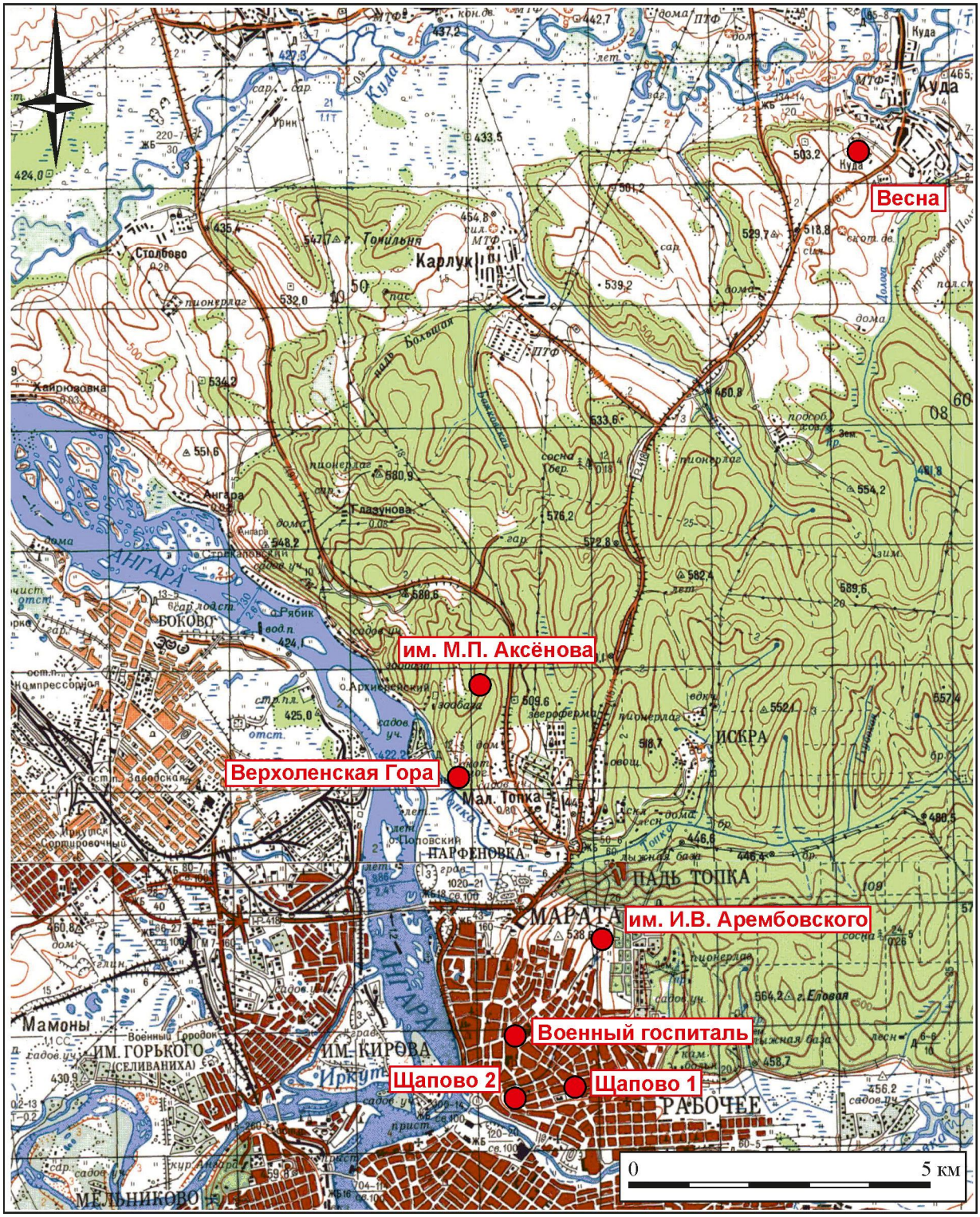


Рис. 1. Иркутская область, Иркутский район, г. Иркутск. Палеолитические местонахождения в долинах рек Ангара, Ушаковка, Куда

Fig. 1. Irkutsk region, Irkutsk district, Irkutsk city. Paleolithic sites in the valleys of the Angara, Ushakovka, Kuda rivers

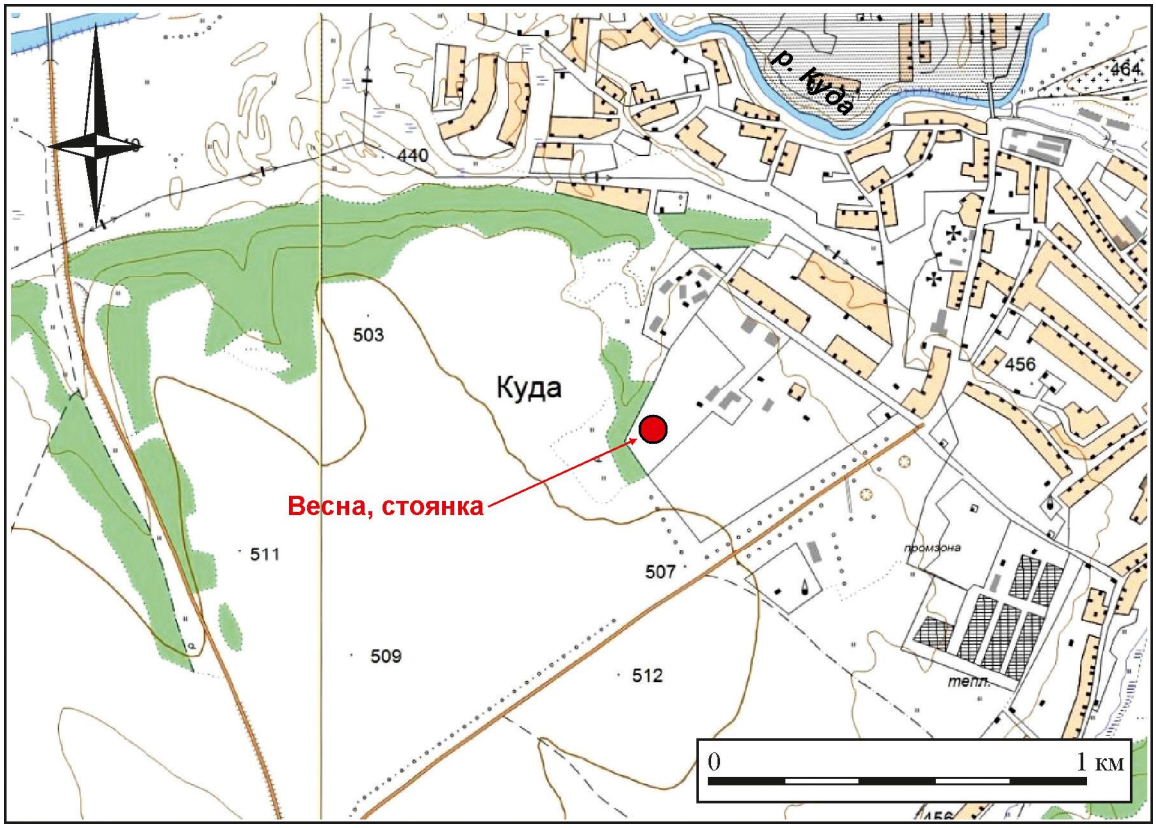


Рис. 2. Карта с указанием палеолитического местонахождения «Весна»
Fig. 2. Map showing the location of the Paleolithic site "Vesna"

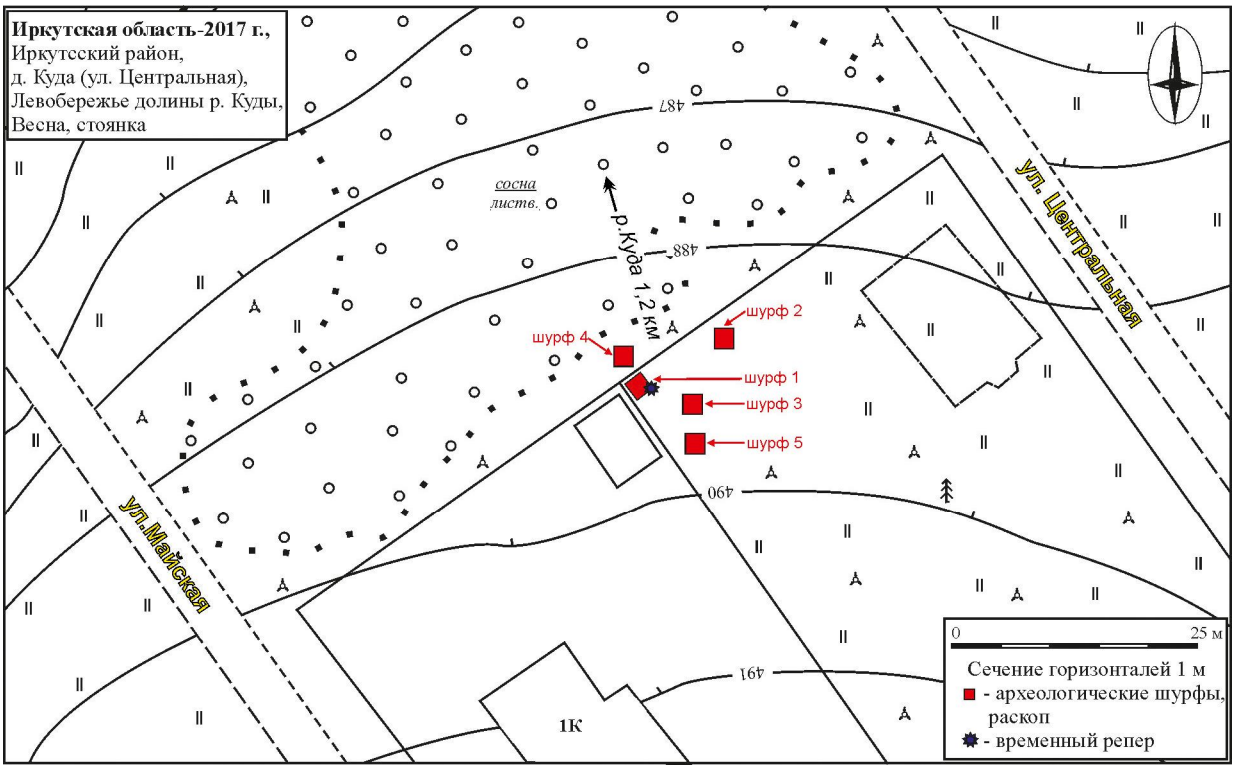


Рис. 3. Ситуационный план местонахождения «Весна»
Fig. 3. Situational plan of the site "Vesna"

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

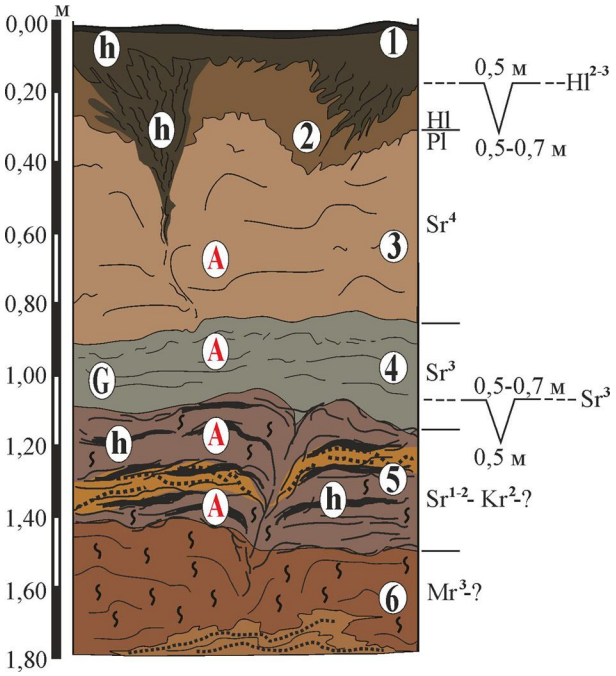


Рис. 4. Стратиграфический разрез местонахождения «Весна»: 1–6 – литологические слои; А – уровни фиксации археологического материала
Fig. 4. Stratigraphic section of the site "Vesna": 1–6 - numbers of lithological layers, A – levels of fixation of archaeological remains

период – 11–8 тыс. л. н. Плейстоценовая толща отложений представлена слоями 3–6, где слои 3 и 4, имеющие тяжелосуглинистый состав, относятся к периоду среднесартанского времени 19–11 тыс. л. н. Слой 3 бурый, плотный и относительно гомогенный. Слой 4 имеет признаки оглеения (сизовато-голубоватая окраска), процессы которого часто встречаются в тяжелосуглинистых отложениях с явлениями криогенеза. Тяжелый гранулометрический состав способствует удержанию избытка влаги, образующейся при сезонном таянии мерзлоты, вследствие чего происходит развитие реакций восстановления железа, восстановленная форма которого и придает слою голубовато-сизоватую окраску. Слой 5 сформирован в раннесартанский период (24–21 тыс. л. н.) и представлен тяжелыми солифлюциированными темно-бурыми суглинками (раннесартанский солифлюксий). Слой плотный, влажноватый, имеет слоистое строение и деформирован криогенными процессами. В некоторых случаях в слой вторгаются светло-бурые тяжелые суглинки с присутствием мелкодресвяного и песчаного материала, являющиеся, вероятно, продуктами переотложения древних кор выветривания. В толще присутствуют замытые темные гумусированные прослойки древних (каргинских?) почв. Переслаиваются сизоватые (оглеенные) и яркие рыжеватые (ожелезненные) прослойки, что часто встречается в отложениях с текущими криогенными процессами. Слой характеризуются высокой карбонатизированностью (зафиксированы новообразования) в виде мицелярных карбонатов. Слой 6 – это немного слоистые плотные глины и тяжелые суглинки яркого красно-бурого цвета. Слой влажноватый и нарушен криогенными трещинами. В слой также вторгаются светло-бурые тяжелые суглинки с присутствием мелкодресвяного и песчаного материала, являющиеся, вероятно, продуктами переотложения древних кор выветривания. Присутствующие новообразования в виде мицелярных карбонатов свидетельствуют о высокой карбонатизированности грунтов (рис. 4). Зафиксированные отложения сформировались предположительно в досартанский период (каргинский – Kr?, муруктинский – Mr?) (Воробьева, 2010). Для подтверждения данного предположения необходимо проведение физико-химических исследований.

Стратиграфические особенности отложений свидетельствуют о слабом осадконакоплении на данной территории, как в плейстоценовый период, так и в современный. Тяжелый гранулометрический состав способствует развитию криогенных процессов: солифлюкция и морозобойное трещинообразование (Макеев, Чигир, Худяков, Илясова, 1974). Криогенное трещинообразование, судя по уровню заложения трещин, происходило в основном в раннесартанский и раннеголоценовый периоды, что маркирует периоды похолодания на данной территории в прошлом. Тяжелый гранулометрический состав грунтов неблагоприятен для произрастания современной растительности, поэтому гумусированные горизонты очень слаборазвиты и имеют малую мощность, хоть из-за заполнения гумусом криогенных образований и создается впечатление их повышенной мощности.

Археологический материал и фаунистические остатки фиксируются в литологических слоях 3–5, большая часть которых приурочена к слою 5.

Материалы

Коллекция археологического материала местонахождения «Весна» представлена 46-ю артефактами, из которых к продуктам расщепления горных пород отнесено 39 экз., к сопутствующим находкам культурного слоя – 7 мелких округлых галек. Основным исходным субстратом коллекции является желто-серый и светло-коричневый аргиллит, также в двух случаях присутствует мелкозернистый кварцит.

Кроме того, выявлены многочисленные фаунистические остатки, представленные фрагментами костей шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis) и первобытного бизона (Bison priscus), фрагментами костей и зубов ископаемой лошади (Equus ferus).

Орудийный набор

1. Конвергентное скребло на уплощенной отдельности валуна мелкозернистого кварцита овальной формы в плане. Рабочие края выпуклые, оформлены разнофасеточной чешуйчатой захватывающей вентральной ретушью с наклоном от плоской до крутой. Ретушь покрывает два участка орудия: с левого края от медиальной части с заходом на притупленное дистальное окончание и с правого от проксимального конца до нижней части дистального сегмента. В проксимальной части рабочего фаса с правого края фиксируется выемка. Дорсальный фас орудия представлен естественной поверхностью камня. С дистального конца фиксируются два негатива снятий отщепов, ниже вдоль правого края до медиальной части читается негатив естественного отслоения камня, овальной формы. Бифасиально оформленное притупленное дистальное окончание и наличие выемки в проксимальной части орудия свидетельствуют в пользу функциональной универсальности данного предмета. Размеры изделия 183×107×31 мм (рис. 5).

2. Фрагмент ретушированной пластины треугольно-вытянутой формы в плане. Ретушь дорсальная, полукрутая, чешуйчатая, захватывающая, разнофасеточная дислоцируется по всей длине маргиналов. У орудия отсутствуют дистальный и проксимальный сегменты. Размеры пластины 65×23×6 мм (рис. 6).

Нуклеусы

Представлены пятью экземплярами. Все плоскостные, продольные, параллельного скалывания. Выполнены из аргиллита, в качестве заготовки, скорее всего, служили плитчатые отдельности сырья, отсутствие же в коллекции заготовок нуклеусов не дает точно утверждать это. По размерам целые нуклеусы имеют длину 70–101 мм, ширину 51–89 мм. Из них три нуклеуса прямоугольной формы в плане, по одному экземпляру подпрямоугольной и овальной формы. Три нуклеуса имеют

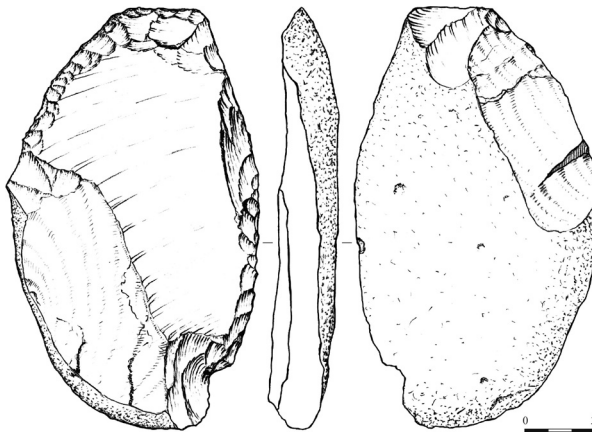


Рис. 5. Конвергентное скребло (мелкозернистый кварцит)
Fig. 5. Convergent side-scraper (fine quartzite)

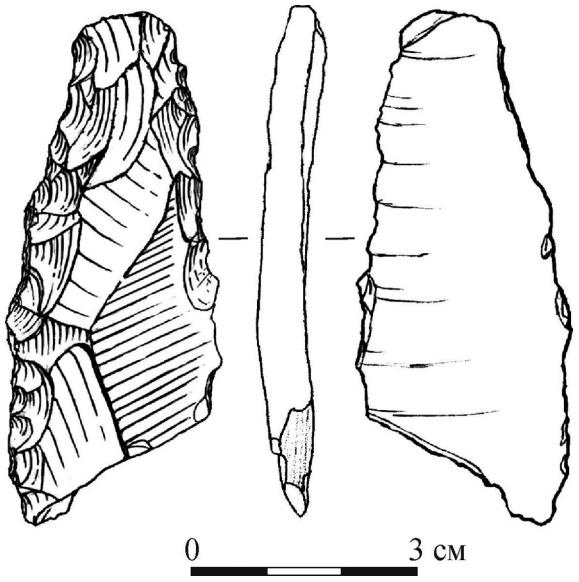


Рис. 6. Ретушированная пластина (аргиллит)
Fig. 6. Retouched blade (argillite)

полную сохранность, два частично фрагментированы.

Исходя из морфологических особенностей, нуклеусы представлены двумя группами:

1. Одноплощадочные, монофронтальные с параллельной однонаправленной огранкой фронта скалывания – 1 экз.;

2. Двухплощадочные, монофронтальные нуклеусы с параллельной встречной огранкой (полюсные) – 4 экз. (рис. 7).

У всех нуклеусов отмечается сходство в оформлении ударных площадок, они скошены на контрфронт, оформлены снятиями с фронта. Исходя из формы в плане, присутствуют выпуклые площадки и прямые. На трех площадках фиксируются следы удаления нависающего карниза в виде разноразмерных фасеток.

На фронтах всех нуклеусов читаются негативы параллельных и субпараллельных снятий, часто завершенных заломами в медиальной части, у некоторых фиксируется подправка фронта с латералей с целью удаления заломов образовавшихся на фронте скалывания. В характере оформления контрфронта присутствуют вариации с коркой и негативами оформляющих сколов по два экземпляра, у одного контрфронт представлен позитивом снятия.

В коллекции также присутствует удлиненно-овальная, расколотая поперек крупная галька из мелкозернистого кварцита черного цвета ромбовидная в поперечном сечении. Поверхность раскола оформлена несколькими встречными снятиями. Можно предположить, что данная система снятий выполнена для оформления площадки нуклеуса, так как читается один продольный скол с площадки по естественному ребру камня с пропорциями небольшой пластины. Размеры изделия 105×80×56 мм.

Продукты первичного расщепления

Пластины (7 экз.) практически все фрагментированы (рис. 8). По ширине имеют размеры 13–39 мм. В основном пластины ассиметричной формы в плане, лишь одна с симметричными сторонами. В большинстве пластины имеют продольную встречную огранку дорсальной поверхности, также присутствует однонаправленная и ортогональная огранка. Пластины с сохранившимися талонами (6 экз.) по типу остаточных ударных площадок представлены гладкими и фасетированными экземплярами поровну. У половины пластин фиксируется редукция карниза ударной площадки, превалирует прямая, реже обратная.

Отщепы (8 экз.) имеют ширину 16–55 мм. По соотношению длины и ширины преобладают укороченные. В основном с продольной однонаправленной огранкой дорсальной поверхности, одним экземпляром представлен скол с ортогональной огранкой. Отщепы с сохранившимися талонам (4 экз.), остаточные ударные площадки которых представлены гладким, фасетированным, двугранным и естественным типом. У большинства отщепов фиксируется прямая редукция карниза ударной площадки, реже обратная (рис. 9).

Технические сколы представлены тремя фрагментами полуреберчатых пластин и крупным фрагментом скола омоложения фронта плоскостного продольного нуклеуса, который имеет прямой профиль и овальную форму в плане. В данной категории присутствует вторичная пластина овальной формы в плане из коричневого аргиллита с выпуклым рельефом дорсальной поверхности и гладкими, противолежащими талонами – предположительно является снятием с латерали плоскостного нуклеуса встречного скалывания на стадии его оформления (рис. 10).

Отходы производства в виде осколков и обломков аргиллита представлены 10 экз., в большинстве имеют частичное покрытие естественной коркой.

Описание фаунистического материала

1. Дикая ископаемая лошадь (Equus ferus): изолированный резец, изолированный 3-й верхний коренной зуб, изолированные коренные зубы – 2 экз., 1-я фаланга и фрагменты другой 1-й фаланги, дистальные фрагменты большой берцовой кости, диафиз большой берцовой кости, фрагменты большой берцовой кости, фрагмент плечевой кости. По остаткам установлено наличие минимум двух особей – молодой и старой.

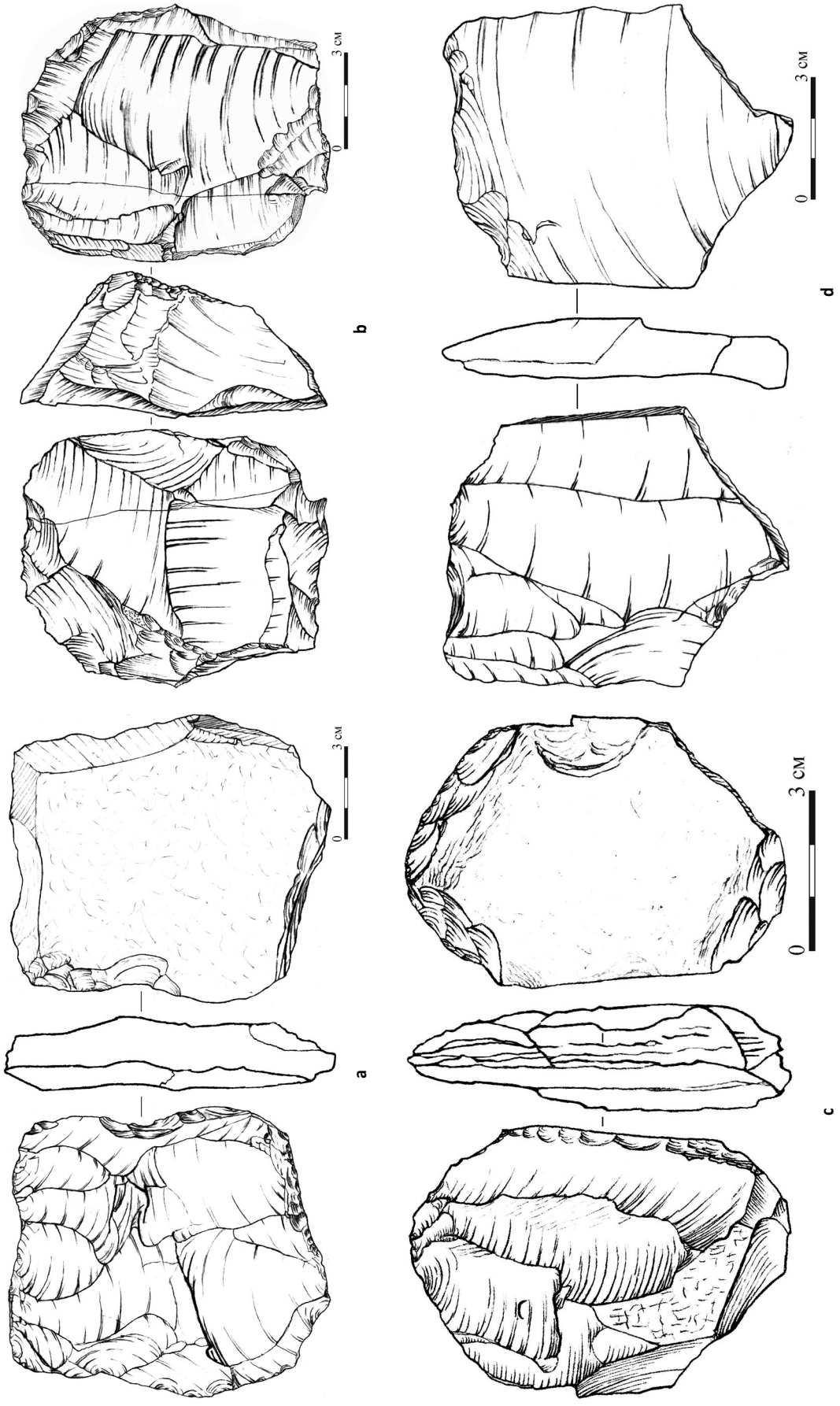


Рис. 7. Нуклеусы (аргиллит)
Fig. 7. Cores (argillite)

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

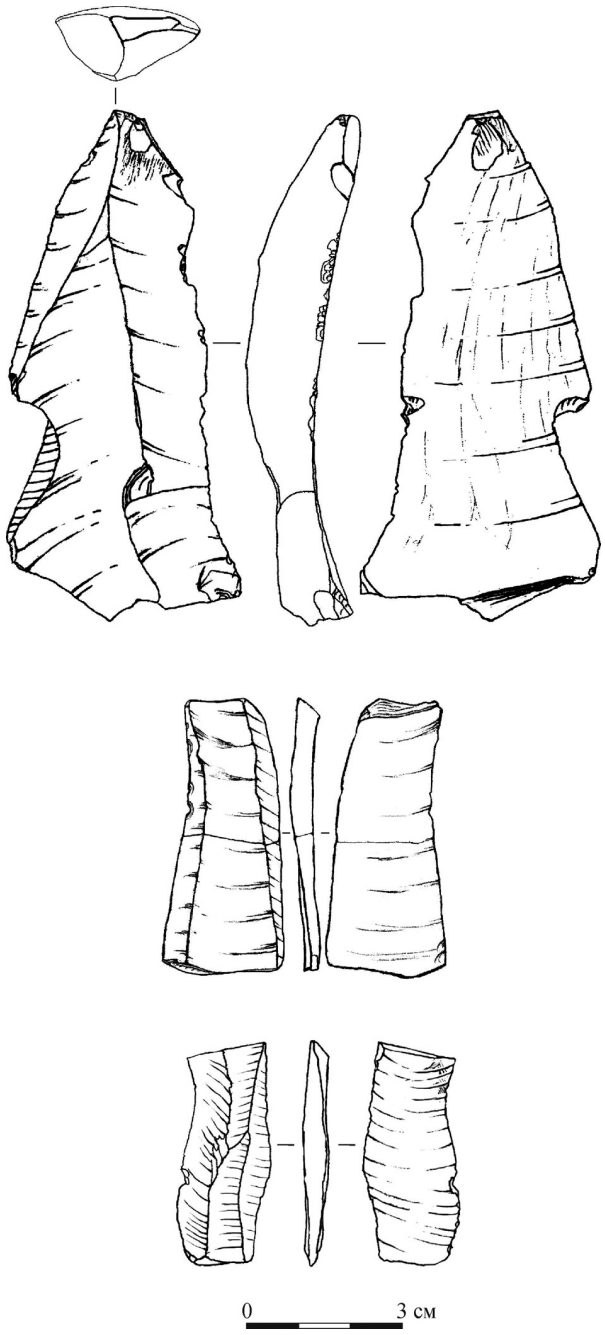


Рис. 8. Пластины (аргиллит)
Fig. 8. Blades (argillite)

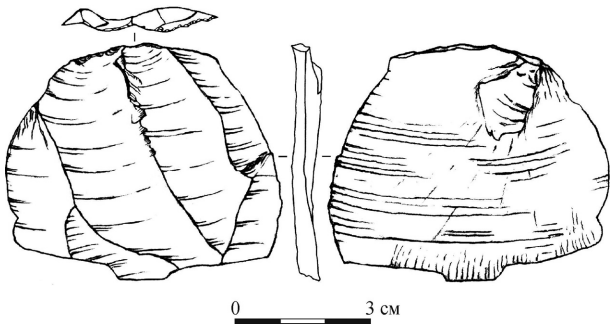


Рис. 9. Отщеп (аргиллит)
Fig. 9. Flake (argillite)

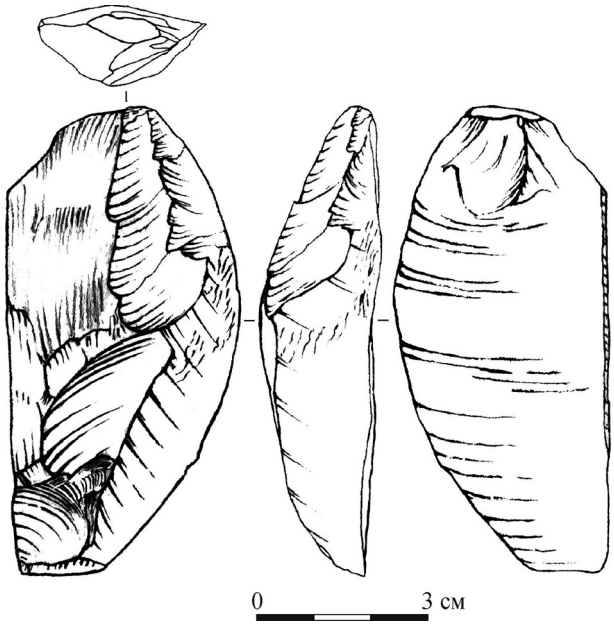


Рис. 10. Пластинчатый скол (аргиллит)
Fig. 10. Blade-like flake (argillite)

2. Первобытный бизон (Bison prisc*us*): 2-я фаланга, таранная кость, дистальный отдел плюсневой кости, 3-й нижний коренной зуб.

3. Шерстистый носорог (Coelodonta antiquitatis): суставный мыщелок нижнего эпифиза бедренной кости, фрагмент метаподии, 3-я пястная кость и фрагменты 3-й пястной кости.

Обсуждение

Археологические и палеонтологические находки на местонахождении «Весна» зафиксированы в переотложенном состоянии в толще плейстоценовых отложений в трех литологических слоях. Аппликации артефактов с разных уровней фиксации и общая морфология индустрии позволяют рассматривать коллекцию как единый археологический комплекс.

Исходный материал для изготовления артефактов в основном представлен желто-серым и светло-коричневым аргиллитом. В качестве основного сырья аргиллит в границах Иркутского геоархеологического района зафиксирован на местонахождениях рубежа плейстоцена–голоцена: Верхоленская гора 1, 2 и верхнепалеолитических объектах им. И.В. Аремовского и им. М.П. Аксенова (Сёмин, Шелковая, Чеботарёв 1990; Сёмин, 1991; Стратиграфия, палеогеография и археология юга

Средней Сибири, 1990; Сёмин, Когай, Молчанов, 2017).

Каменная коллекция местонахождения «Весна» немногочисленна, при этом материалы отражают стратегию первичного расщепления, направленную на получение пластин в качестве целевых заготовок. Это, главным образом, фиксируется в морфологии нуклеусов, которые представлены хорошо выраженной серией плоскостных продольных нуклеусов параллельно-однонаправленного и встречного скалывания. Пластины в большинстве имеют ассиметричную форму в плане и продольную одно- и бинаправленную огранку, что свидетельствует в пользу их снятия в этом принципе расщепления. Отщепы с продольной огранкой и характерные технические сколы также отражают утилизацию данных нуклеусов.

Аналоги в характере первичного расщепления, где пластины производились путем утилизации плоскостных нуклеусов параллельно однонаправленного и встречного (полюсного) скалывания, фиксируются в материалах верхнепалеолитических объектов им. И.В. Аремовского и им. М.П. Аксенова. При этом материалы коллекции первого объекта отражают утилизацию только плоскофронтальных нуклеусов, представленных группами двухплощадочных, монофронтальных, субпараллельного встречного скалывания (полюсных), одноплощадочных, монофронтальных – плоских веерных для скалывания пластин и нуклеусов одного целевого снятия (Сёмин, Шелковая, Чеботарёв 1990; Сёмин, 1991; Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири, 1990). В коллекции второго местонахождения кроме плоскостных нуклеусов для получения пластин и отщепов присутствуют и нуклеусы с узким фронтом скалывания – терминально-краевые (торцовые) для производства пластинок (Сёмин, Когай, Молчанов, 2017).

Немногочисленный состав орудийной коллекции местонахождения «Весна» не позволяет в полной мере проанализировать особенности приемов вторичной обработки. Здесь вторичная обработка представлена чешуйчатой унифасиальной ретушью, фиксируется на двух предметах: конвергентном продольном скребле, выполненном на уплощенной отдельности валуна мелкозернистого кварцита, и фрагменте аргиллитовой ретушированной пластины.

Конвергентное продольное скребло находит аналогии с подобным изделием (скребло продольное овально-концевое), выявленным при раскопках палеолитического местонахождения Щапово 1 в Иркутске. Сходство предметов выражается в выборе естественной заготовки (плитчатая отдельность) и характере распространения ретуши на поверхности орудия (Козырев, Слагода, 2008. С. 86, рис. 4). Каменная коллекция местонахождения Щапово 1, выполнена в основном из твердых эффузивных и кварцитовых пород. В индустрии отсутствуют пластины и орудия на них, присутствуют традиционные мустьерские формы орудий, при этом фиксируется техника сверления и шлифования. Также стоит отметить, что в составе каменной коллекции Щапово 1 присутствует один плоскофронтальный нуклеус с фасетированной площадкой для получения пластин. Археологический материал зафиксирован в раннекаргинских отложениях. В дальнейшем была получена радиоуглеродная дата – 39 900 ± 1 285 л. н. (СОАН–5569), подкрепляющая предположение о среднераннекаргинском возрасте культуровмещающих отложений местонахождения (Козырев, Слагода, 2008; Роговской, Бердникова, Попов, Молчанов, Клементьев, 2013).

Относительно характеристики фаунистического материала, зафиксированного на местонахождении «Весна», интересным является соотношение скелетных остатков копытных животных (рис. 11). Несмотря на малое количество материала, явно доминируют дистальные отделы конечностей и дентальные остатки черепов. Такие свидетельства интерпретируются как остатки первичной охотничьей разделки добычи на месте убоя (Binford, 1983; 2001). Дополнительно можно отметить высокий процент остатков больших берцовых костей дикой ископаемой лошади, которая хотя и относится к мясной части туши, но несет очень мало мяса и значительную долю сухожилий. Вероятно, мясо потреблялось, сухожилия добывались на месте, а кость выбрасывалась. Отмечены следы силового воздействия в виде радиальных негативов

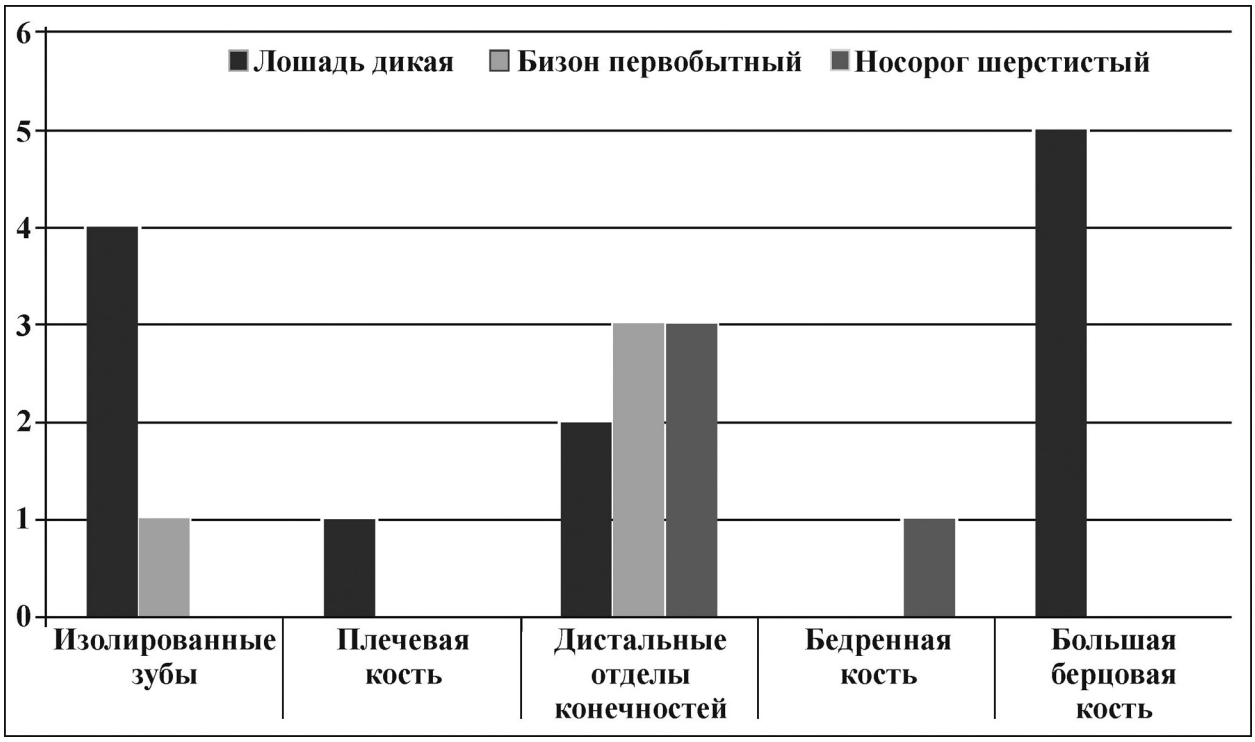


Рис. 11. Соотношение скелетных остатков копытных
Fig. 11. Ratio of skeletal ungulates remains

сколов (1 случай) и заломов кости при ударах (2 случая) на больших берцовых костях дикой ископаемой лошади.

Заключение

Особо стоит отметить геоморфологическую дислокацию местонахождения. Объект находится в значительном удалении (около 500–550 м) от бровки высокой (35–40 м) террасовидной поверхности левого борта долины р. Куды и приурочен к правому борту изголовья распадка, выходящего в долину. Экспозиция данной поверхности практически северная (север, северо-восток). Данное размещение объекта не характерно для палеолитических местонахождений Приангарья. В основном все известные местонахождения этого периода тяготеют к южным (инсолируемым) поверхностям, географически пригодным для размещения долговременных стоянок или стоянок-мастерских для первичной обработки каменного сырья.

Также, если учесть, что площадное распространение артефактов имеет локальный характер (примерная площадь распространения культурных остатков составляет около 100–200 м^2), а фаунистический материал интерпретировать как результат первичной охотничьей разделки на месте убоя, то можно предположить, что данный участок территории использовался как недолговременная, эпизодическая стоянка с функцией первичной обработки охотничьей добычи.

Основной массив артефактов зафиксирован в отложениях солифлюциированных темно-бурых суглинков (раннесартанский солифлюксий) с присутствием замытых темных гумусированных прослоек древних (каргинских?) почв (слой 5 разреза). На сегодняшний день возраст культурных остатков можно определять в диапазоне от раннесартанского до каргинского времени (25–30 тыс. л. н.).

Положение вертикального распространения артефактов в литологических слоях местонахождения требует дополнительного уточнения, общая морфология индустрии и аппликации артефактов свидетельствуют в пользу однородности данной индустрии.

Определение ископаемого материала по млекопитающим позволяет сделать предварительный вывод, что преимущественное наличие костных остатков бизона (Bison priscus) и лошади (Equus

ferus), наличие костей шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis) позволяет отнести весь комплекс к каргинскому времени. Такому заключению не противоречит полное отсутствие северного оленя – индикатора сартанских отложений Приангарья (Клементьев, 2013; Роговской, Бердникова, Попов, Молчанов, Клементьев, 2013).

Исходя из небольшой коллекции археологического материала, можно делать лишь предварительные выводы о технико-типологических особенностях данной каменной индустрии. Наиболее хорошо представлено первичное расщепление, которое отражает стандартизацию в производстве пластин через утилизацию плоскостных продольных нуклеусов параллельного скалывания. Такая стратегия первичного расщепления прослеживается в индустриях верхнепалеолитических объектов Иркутского геоархеологического района им. И.В. Аремовского и им. М.П. Аксенова, в коллекциях которых основным исходным субстратом выступает аргиллит, а в качестве заготовки его плитчатые отдельности. Это во многом определяло выбор стратегии первичного расщепления на данных объектах (Сёмин, Когай, Молчанов, 2017).

Орудийный набор не многочисленный, но находит аналоги в материалах ближайших палеолитических местонахождений (им. И.В. Аремовского, им. М.П. Аксёнова, Щапово 1).

Дальнейшие комплексные исследования местонахождения «Весна» позволят более точно определить возраст объекта, выявить особенности данной индустрии и определить место нового объекта в ансамбле верхнепалеолитических местонахождений Иркутского геоархеологического района и Приангарья.

Библиографический список

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. 205 с.

Клементьев А.М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. 2013. Вып. 1(2). С. 30–43.

Козырев А.С., Слагода Е.А. «Щапово» – новое геоархеологическое местонахождение верхнего плейстоцена в г. Иркутске // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 81–89.

Макеев О.В. Почвенный криогенез: к X Междунар. конгрессу почвоведов: сб. ст. М.: Наука, 1974. 243 с.

Роговской Е.О., Когай С.А., Козырев А.С., Попов А.А. Палеолитические объекты среднего и верхнего неоплейстоцена Иркутска: проблемы и перспективы изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 5. С. 97–107.

Роговской Е.О., Бердникова Н.Е., Попов А.А., Молчанов Г.Н., Клементьев А.М. Исследования нового палеолитического местонахождения Седова на территории

References

Vorob`eva G.A. *Pochva kak letopis` prirodnykh sobytii Pribaikal`ya: problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv* [Soil as a record of natural events of the Baikal region: problems of evolution and classification of soils]. Irkutsk: Irkutsk state University Publ., 2010, 205 p. (In Russian).

Klement`ev A.M. Fauna of the Late Karga Time of the Irkutsk Amphitheater. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013, iss. 1(2), pp. 30–43. (In Russian).

Kozyrev A.S., Slagoda E.A. "*Shchapovo" – novoe geoarkheologicheskoe mestonakhozhdenie verkhnego pleistotsena v g. Irkutske* ["Shchapovo" – a new geoarcheological site of the Upper Pleistocene in Irkutsk]. *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya azii* [Anthropogen. Paleoanthropology, Geoarcheology, Ethnology of Asia]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008, pp. 81–89. (In Russian).

Makeev O.V. *Pochvennyi kriogenez: k X Mezhdunarodnomu kongressu pochvovedov* [Soil cryogenesis: to the X International. Congress of Pedologists]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 243 p. (In Russian).

Rogovskoi E.O., Kogai S.A., Kozyrev A.S., Popov A.A. Paleolithic sites of the Middle and Upper Neopleistocene of Irkutsk: problems and prospects of study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2013, vol. 12, no. 5. pp. 97–107. (In Russian).

Rogovskoi E.O., Berdnikova N.E., Popov A.A., Molchanov G.N., Klement`ev A.M. Studies of the new Paleolithic site Sedova in the territory of Irkutsk. *Problemy*

рии Иркутска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. 15. С. 190–193.

Сёмин М.Ю., Шелковая С.О., Чеботарёв А.А. Новое палеолитическое местонахождение в г. Иркутске (имени И.В. Арембовского) // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. С. 114–115.

Сёмин М.Ю. Палеолитическое местонахождение имени И.В. Арембовского в Иркутске // Первая дальневосточная конференция молодых историков: доклады. Владивосток: Дальневосточное отделение Академии наук СССР. 1991. С. 73–75.

Сёмин М.Ю., Когай С.А., Молчанов Д.Н. Новое палеолитическое местонахождение в Иркутске – стоянка имени М.П. Аксёнова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 154–160.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири (к XIII конгрессу INQUA) / отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 165 с.

Binford L.R. In Pursuit of the Past: Decoding the Archaeological Record. New York: Thames and Hudson, 1983. 260 p.

Binford L.R. Constructing Frame of Reference. University of California Press, 2001. 583 p.

arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel`nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2009, vol. 15, pp. 190–193. (In Russian).

Semin M.Yu., Shelkovaya S.O., Chebotarev A.A. *Novoe paleoliticheskoe mestonakhozhdenie v g. Irkutske (imeni I.V. Arembovskogo)* [A new Paleolithic site in Irkutsk (named after I.V. Arembovski)]. *Paleoetnologiya Sibiri: tezisy dokladov k XXX regional`noi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii* [Paleoetnology of Siberia: theses of reports to the XXX Regional Archaeological Student Conference]. Irkutsk: Irkutsk state University Publ., 1990, pp. 114–115. (In Russian).

Semin M.Yu. *Paleoliticheskoe mestonakhozhdenie imeni I.V. Arembovskogo v Irkutske* [Paleolithic site named after I.V. Arembovsky in Irkutsk]. *Pervaya dal`nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov* [First Far Eastern Conference of Young Historians]. Vladivostok: Dal`nevostochnoe otdelenie Akademii nauk Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik Publ., 1991, pp. 73–75. (In Russian).

Semin M.Yu., Kogai S.A., Molchanov D.N. A new Paleolithic site in Irkutsk is a site named after M.P. Aksenov. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul`tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture], 2017, no. 6, pp. 154–160. (In Russian).

Medvedev G.I. *Stratigrafiya, paleogeografiya i arkheologiya yuga Srednei Sibiri: (k XIII kongressu INQUA)* [Stratigraphy, paleogeography and archeology of the south of Central Siberia (to the XIII Congress of INQUA)]. Irkutsk: Irkutsk state University Publ., 1990, 165 p. (In Russian).

Binford L.R. In Pursuit of the Past: Decoding the Archaeological Record. New York: Thames and Hudson, 1983, 260 p.

Binford L.R. Constructing Frame of Reference. University of California Press, 2001, 583 p.

Сведения об авторах

Песков Сергей Александрович,
главный специалист отдела подготовки и реализации мероприятий по охране объектов культурного наследия (археология),
Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2,
e-mail: ippeskov@mail.ru
Клементьев Алексей Михайлович,
кандидат географических наук, научный сотрудник,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128,
e-mail: klem-al@yandex.ru
Молчанов Дмитрий Николаевич,
стажер-исследователь,
Иркутский государственный университет,

Information about the authors

Sergey A. Peskov,
Leading specialist of the Department of Preparation and Implementation of Measures for the Protection of Cultural Heritage (Archaeology)
of Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2 5th Army Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Alexey M. Klementev,
Candidate of Sciences (Geography), Researcher,
Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
128 Lermontov Str., Irkutsk 664033, Russian Federation,
e-mail: klem-al@yandex.ru
Dmitry N. Molchanov,
Research Intern,
Irkutsk State University,

664003, Российская Федерация, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru

Стерхова Инга Владимировна,
почвовед, главный специалист-эксперт отдела археологии,
Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2,
e-mail: stinga.78@mail.ru

Молчанов Григорий Николаевич,
магистрант,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1,
e-mail: molchangr@yandex.ru

Критерии авторства

Песков С.А., Клементьев А.М., Молчанов Д.Н., Стерхова И.В., Молчанов Г.Н. провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru

Inga V. Sterkhova,
Pedologist, Leading specialist-expert of the Department of Archeology of the Service for the Protection of Cultural Heritage of the Irkutsk region,
2 5th Army Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: stinga.78@mail.ru

Grigory N. Molchanov,
Graduate student,
Irkutsk State University,
1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: molchangr@yandex.ru

Attribution criteria

Peskov S.A., Klementev A.M., Molchanov D.N., Sterkhova I.V., Molchanov G.N. conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustrations for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903(571.54)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-23-39

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОЗ. БАУНТ (БАУНТОВСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ)

© Д.Л. Шергин, В.М. Ветров

Иркутский государственный университет,
664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

Аннотация. С помощью публикации вводятся в научный оборот материалы стоянок и наскальные изображения, обнаруженные в ходе проведения археологической разведки оз. Баунт, Баунтовского района Республики Бурятия. В шести пунктах на дневной поверхности собраны предметы из камня, керамики и металла, а также в двух местах осмотрены наскальные изображения. Судя по морфологии собранного инвентаря, зафиксированные объекты предварительно могут быть отнесены к эпохе позднего неолита – железного века. Сопоставляя каменный и керамический материал стоянки Баунт, который приурочен к покровным отложениям первой 6–8-метровой надпойменной цокольной террасе с материалами памятников верхнего Витима, можно выделить ряд единых традиций, характерных для усть-юмурченской культуры позднего неолита, выражающихся в технике обработки каменного инвентаря, орудийном наборе, использовании определенного поделочного материала, формах сосудов и орнаментации. Выявленные петроглифы по стилю и сюжету находят аналогии среди наскальных изображений Забайкалья и сопредельных территорий и могут быть отнесены к железному веку. Таким образом, обнаружение этих объектов указывает на перспективность дальнейших исследований на побережье оз. Баунт и севере Баунтовского района в целом.
Ключевые слова: *Витимское плоскогорье, долина верхнего Витима, Баунтовская котловина, Верхняя Ципа, Нижняя Ципа, оз. Баунт, археологический объект, писаницы, неолит, бронзовый век, усть-юмурченская культура.*

Информация о статье. Дата поступления 27 марта 2018 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Шергин Д.Л., Ветров В.М. Перспективы исследований археологических памятников оз. Баунт (Баунтовский район, Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 23–39. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-23-39

PROSPECTS OF RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE LAKE BAUNT (BAUNTOVSKY DISTRICT, REPUBLIC OF BURYATIA)

© D.L. Shergin, V.M. Vetrov

Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar Str., Irkutsk 664011, Russian Federation

Abstract. The publication introduces into scientific circulation the materials of sites and rock paintings discovered during the archaeological exploration of Lake Bount, Bount district of the Republic of Buryatia. At 6 points on the open air surface several items of stone, ceramics and metal are collected, and rock paintings are inspected in two location. Judging by the morphology of the collected inventory, the picked objects can be preliminary attributed to the Late Neolithic Age - Iron Age. Comparing the stone and ceramic material of the Baunt site, which is confined to the coverslips of the first 6-8 meter above-floodplain terraces with the materials of the sites of the Upper Vitim, one can single out a number of common traditions typical for the Ust-Yumurchen Culture of the Late Neolithic, expressed in the technique of processing of stone implements, the use of a certain ornamental material, forms of vessels and ornamentation. The petroglyphs in style and plot find analogies among the rock carvings of Transbaikalia and adjacent territories and can be attributed to the Iron Age. Thus, the identified objects have shown prospects for further research on the coast of Lake Baunt and the north of Bount district as a whole.

Keywords: *Vitim Plateau, the valley of the Upper Vitim, Bount hollow, Upper Cipa, Lower Cipa, Lake Baunt, archaeological site, petroglyph site, Neolithic, Bronze Age, Ust-Jumurchen culture*

Article info. Received March 27, 2018; accepted for publication April 20, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Shergin D.L., Vetrov V.M. Prospects of research of archaeological sites on the lake Baunt (Bauntovsky district, Republic of Buryatia). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 23–39. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-23-39. (In Russian).

Введение

В полевой сезон 2013 г. отрядом Витимской археологической экспедиции Восточно-Сибирской государственной академии образования по инициативе Музея народов севера имени А. Г. Позднякова, Республики Бурятия проводились археологические изыскания на оз. Баунт в Баунтовском районе Республики Бурятия (рис. 1).

В 2008 г. сотрудниками музея был отмечен подъемный материал на северном берегу оз. Баунт в истоках р. Нижняя Ципа. На основании топонима местности «Старый Баунт» и характерных следов интенсивной человеческой деятельности допетровских времен в 2011 г. сотрудниками музея была выдвинута версия о нахождении Баунтовского острога в истоках р. Нижняя Ципа. В ходе подготови-

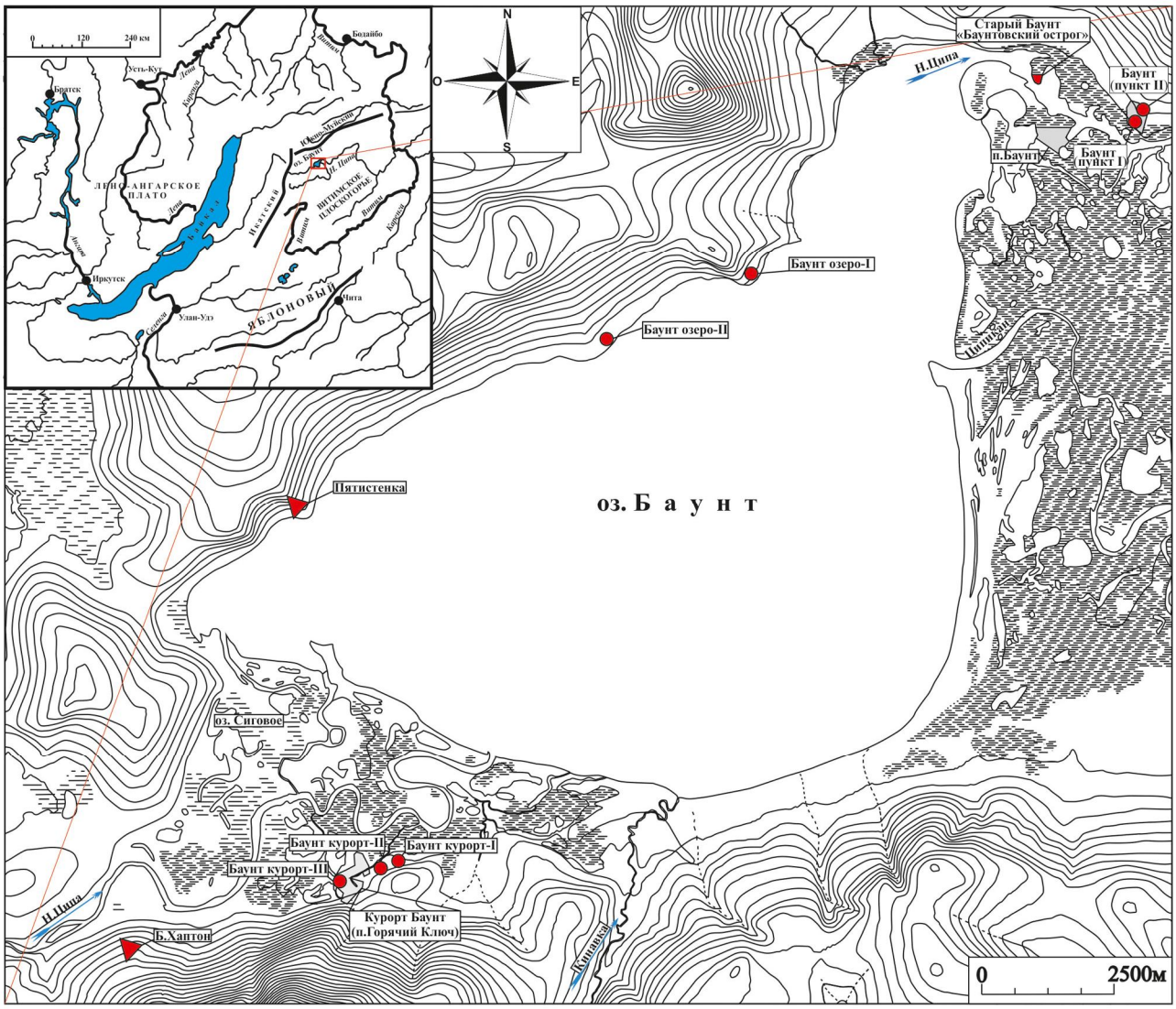


Рис. 1. Схема местоположения археологических объектов озера Баунт, Баунтовский район, Республика Бурятия
Fig. 1. Scheme of the location of archaeological sites of Lake Baunt, Bount District, Republic of Buryatia

тельных полевых работ участниками экспедиции была поставлена цель: провести спасательные работы на предполагаемом местонахождении Баунтовского острога, определение перспектив их продолжения и произвести разведку по обнаружению более древних объектов археологии.

Работы 2013 г. были направлены на подтверждение предположения, сделанного сотрудниками музея, о местоположении Баунтовского острога в истоках р. Нижней Ципы на базе ряда предметов из сбора школьников пос. Багдарин. Спасательные работы в предполагаемом месте нахождения Баунтовского острога дали обширный материал разного времени, начиная с монет царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) и кончая относительно современными вещами. Результаты по итогам исследования Баунтовского острога найдут свое отражение в дальнейшем.

Кроме спасательных работ было произведено частичное обследование побережья оз. Баунт на предмет выявления стоянок древнего человека и наскальных изображений. Итогом обследования явилось выявление в 6-ти пунктах на дневной поверхности предметов из камня, керамики и металла. Также в двух местах осмотрены наскальные изображения.

Природно–геоморфологический очерк района исследований

Орографически район исследований связан с двумя автономными геолого-геоморфологическими системами – Витимским плоскогорьем и Становым нагорьем. Основными морфологическими элементами Витимского плоскогорья являются широкие, часто плосковершинные возвышенности, перемежающиеся с межгорными впадинами, в ряде случаев, частично заполненными озерами позднеплейстоценового возраста (Ендрихинский, 1974). Район исследований, в котором проводились археологические изыскания, находится в северо-восточной части Бурятии. Основная его часть расположена на высоте более 900 м над уровнем моря. На севере находятся Ципиканские горы (Бабанты), пролегающие с юго-запада на северо-восток до Икатского хребта. На северо-западе расположен Южно-Муйский хребет; между ним и Бабантами простирается Баунтовская котловина, по которой протекают относительно крупные реки: Верхняя Ципа, Нижняя Ципа, Ципикан. В западной части Баунтовской котловины расположено оз. Баунт (рис. 1), занимающее третье место в Бурятии по площади поверхности (зеркалу) воды после Байкала и Гусиного озера и второе по общей площади водосбора (10 300 км^2) после Байкала. Берега высокие, скальные, обрывистые. Приустьевой участок р. Верхняя Ципа на юго-востоке и восточное побережье от Нижней Ципы до Ципикана заняты широкими заболоченными многокилометровыми поймами с большим количеством старичных озер. Длина оз. Баунт 17,5 км, максимальная ширина 9 км, площадь 111 км^2, глубина до 33 м, средняя глубина 17 м. Климат резко-континентальный; зима холодная и продолжительная. Температура понижается до – 57 °С.

Краткая история исследования археологических объектов Баунтовского района республики Бурятия

История археологических исследований в окрестностях оз. Баунт, как таковая отсутствует. Основная масса обнаруженных археологических памятников связана преимущественно с бассейном верхней части р. Витим. На 800-километровом участке долины Витима между с. Романовка и с. Усть-Муя, а также на его притоках 1, 2 и 3 порядков к настоящему моменту выявлено более 150 археологических памятников, представленных разновременными стоянками, ритуальными комплексами и петроглифами различных культур каменного, бронзового и железного веков (Аксенов, Ветров, 1977; Аксенов, Ветров, Шмыгун, 1975; Ветров, 1982, 1987; Ветров, Бояринцева, Никитин, 1991; Ветров, Трифонов, 1975; Трифонов, 1979, 1979), дающих информацию о путях развития древних культур в голоцене, т. е. на протяжении 10 тыс. лет. В результате многолетних исследований были выделены: Усть-Каренгская (12–4,5 тыс. л. н.), Усть-Юмурченская (4,5–3,5 тыс. л. н.) культуры (Ветров, 2000), выделение их происходило, преимущественно на основе результатов изучения памятников Витимской долины, границы культур в бассейне Верхнего Витима остаются расплывчатыми и в

большей степени условными. Недостаточная изученность северо-восточной части Бурятии, в частности, Баунтовской котловины (как и других районов) не позволяет еще в полной мере сформировать целостного представления об этапах развития древних культур этого региона.

Результаты обследования побережья оз. Баунт

Кроме работ на предполагаемом местонахождении Баунтовского острога, в шести пунктах на дневной поверхности собраны предметы из камня, керамики и металла, а также в двух местах осмотрены наскальные изображения (рис. 1), зафиксированные местным охотником А.В. Корсаком и частично опубликованные сотрудниками музея В.Н. Козулиным и А.П. Зотовым (Козулин, Зотов, 2000).

В районе курорта Баунт на юго-западном побережье оз. Баунт в приустьевом участке р. Верхняя Ципа выявлено три пункта (Баунт – курорт I–III), два (Баунт – озеро I, II) обнаружены на северо-западном берегу озера в 15 км к северо-востоку от курорта Баунт у подножия скальных обнажений с их северо-восточной стороны. Баунт – стоянка, расположенная в истоке р. Нижняя Ципа на ее левом берегу. Археологический материал, собранный в двух пунктах на юго-восточной окраине пос. Баунт (старый) у северо-западного подножия скального останца, приурочен к покровным отложениям первой 6–8-метровой надпойменной цокольной террасе (рис. 2, *a*).

Археологические объекты в окрестности курорта Баунт (юго-западное побережье оз. Баунт)

В результате разведочных археологических работ три пункта (Баунт – курорт I–III) находящегося на дневной поверхности археологического материала зафиксированы на юго-западном побережье оз. Баунт в приустьевом участке р. Верхняя Ципа, в окрестностях курорта Баунт – «Горячий Ключ» (рис. 1).

Баунт – курорт I. Стоянка расположена в 0,7 км к северо-востоку от восточной околицы поселка на правом берегу р. Верхняя Ципа у береговой кромки. Археологический материал связан с песчаными отложениями полуметровой пойменной террасы, размываемой паводковыми водами. В зоне разлива обнаружены предметы из камня и глины в количестве 37 предметов, из которых 13 экз. представлены изделиями из камня: клинок-бифас из плитки аргиллита с краевой оформляющей ретушью и следами расслоения на обоих фасах (рис. 3, *1*); две призматические пластины (рис. 3, *2–3*); пластинчатый скол из халцедона с

Рис. 2. Исток реки Нижняя Ципа, стоянка Баунт: *a – пункт I, II (вид с северо-запада); b – пункт I (вид с юго-востока)*
Fig. 2. The source of the Lower Cipa River, site Bount: *a – location I, II (view from the north-west); b – point I (view from the south-east)*

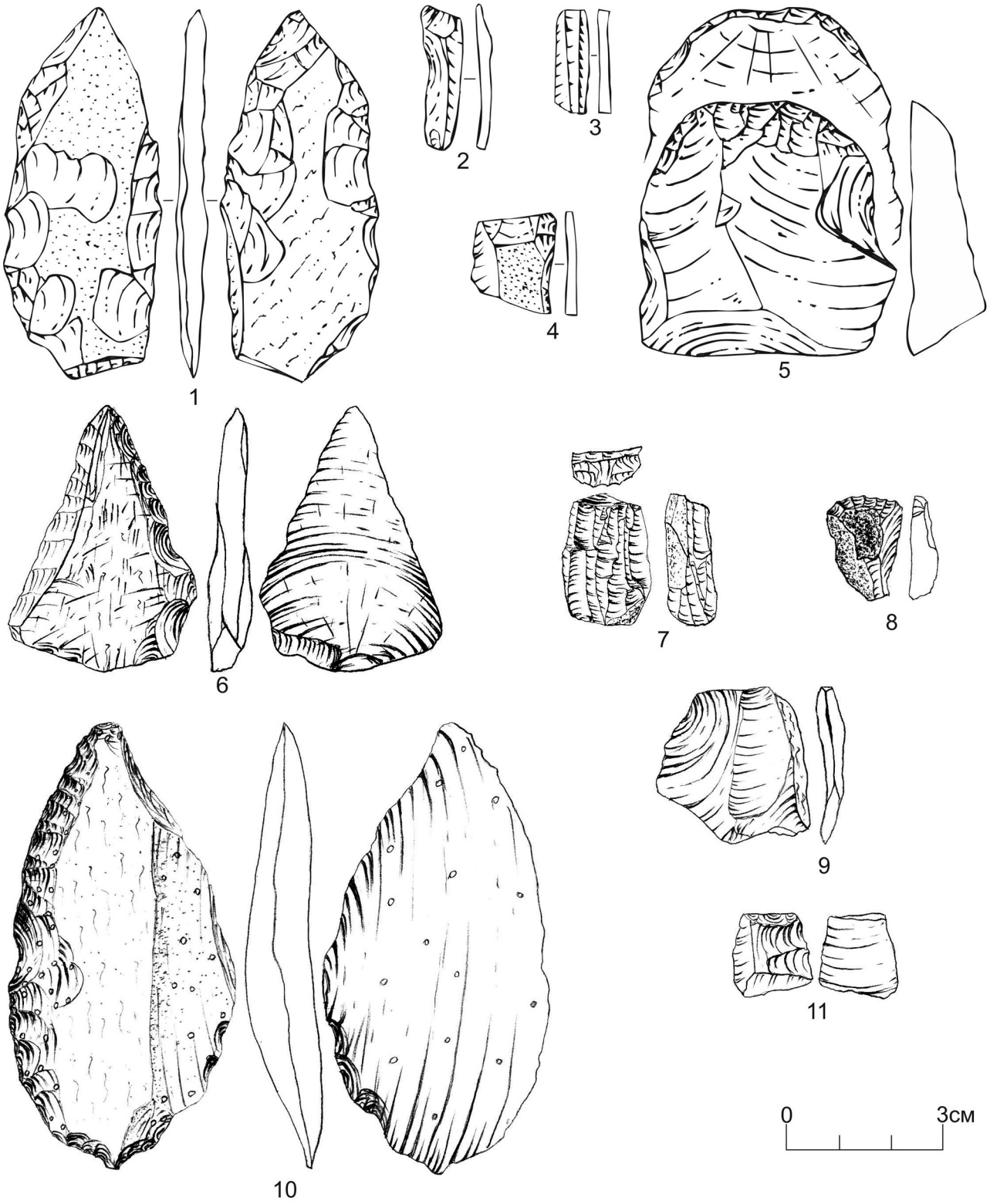


Рис. 3. Археологический материал стоянок оз. Баунт: *Баунт курорт I (1–4) и II (5), Баунт озеро I (6–9) и II (10–11)*
Fig. 3. Archaeological material of the sites of Lake Baunt: *Bount Resort I (1–4); Bount resort II (5); Bount Lake I (6–9); Bount Lake II (10–11)*

частично сохранившейся галечной коркой на дорсальном фасе (рис. 3, *4*). Остальные предметы из камня представлены отщепами из халцедона и кремня. Коллекция керамики представлена 23 фрагментами керамических сосудов, из которых 18 экз. гладкостенных сильно замытых и 5 экз. с затертыми крупными вафельными отпечатками со штрихами затирания изнутри, а так же один фрагмент зуба млекопитающего.

Баунт – курорт II. Стоянка зафиксирована в 0,2 км к северо-востоку от восточной околицы пос. Горячий Ключ. Археологический материал связан с покровными отложениями 1–1,5-метровой песчаной возвышенности (дюны?), где были обнаружены два каменных предмета. Это концевой скребок на крупном сколе, лезвие которого оформлено крутой притупляющей ретушью (рис. 3, *5*), и кремневый отщеп малых размеров.

Баунт – курорт III. Стоянка обнаружена на западной околице поселка, на мысовидном выступе у береговой кромки. Артефакты собраны на поверхности 7–8-метровой выположенной песчаной возвышенности (дюны?). Находки представлены изделиями из камня и глины в общей сложности 12 предметами, из которых 4 маленьких кремневых отщепа и 8 сильно замытых фрагментов гладкостенной керамики.

Судя по низким отметкам поверхностей, затопляемых во время паводков, и отчасти по морфологии собранного инвентаря, зафиксированные объекты предварительно могут быть отнесены к эпохе позднего металла.

Археологические объекты северо-западного побережья оз. Баунт

В результате обследования северо-западного побережья оз. Баунт к северо-востоку от курорта Баунт у подножия скальных обнажений с их северо-восточной стороны на дневной поверхности в двух местах в прибрежной зоне собран археологический материал, таким образом, выявлено два пункта, получивших наименование Баунт – озеро I и II (рис. 1).

Баунт – озеро I. Стоянка расположена в 14 км. к северо-востоку от курорта Баунт у подножия скальных обнажений с их северо-восточной стороны, где в 10 м от уреза воды на отметке 1,5 м. был собран археологический материал из камня и глины. Каменный инвентарь представлен крупным сколом подтреугольной формы с крутой дорсальной ретушью по обоим маргиналам из серого мелкозернистого кварцита (рис. 3, *6*), призматическим двух площадочным нуклеусом с одним фронтом (рис. 3, *7*), концевым скребком на халцедоновом отщепе, лезвие которого оформлено крутой притупляющей ретушью (рис. 3, *8*), и кремневым отщепом (рис. 3, *9*). Глиняные изделия представлены одним недиагностичным (сильно замытым) фрагментом керамики.

Баунт – озеро II. Объект расположен в 3,5 км к юго-западу от первого и в 11 км к северо-востоку от курорта Баунт в маленькой бухте у подножия скалистого выдающегося в озеро мыса с его северо-восточной стороны. В 6 м от уреза воды на отметке 1,5-метровой песчаной возвышенности были обнаружены два частично замытых каменных артефакта – это скребловидное орудие с оформленным носиком на крупном сколе, рабочий край которого оформлен крутой дорсальной ретушью (рис. 3, *10*), и кремневый отщеп (рис. 3, *11*).

Судя по низким отметкам поверхностей, затопляемых во время паводков, и, отчасти, по морфологии собранного инвентаря, зафиксированные объекты предварительно могут быть отнесены к эпохе позднего неолита – бронзовому веку.

Археологические объекты в окрестности п. Баунт (исток р. Нижняя Ципа)

Баунт – стоянка, расположенная в истоках р. Нижняя Ципа, на ее левом берегу, на юго-восточной окраине пос. Баунт. Археологический материал приурочен к покровным отложениям первой 6–8-метровой надпойменной цокольной террасы у северо-западного подножия скального останца.

В пределах поселка в двух пунктах на двух картофельных огородах был собран в большом количестве подъемный материал.

Баунт (пункт I). У подножья скального останца с северо-западной его стороны на картофельном поле В. Иванова (рис. 2, *b*) собраны предметы из камня, глины и металла в количестве 163 экз., из

которых 151 из камня и песчаника, 7 из глины, 5 из металла. Изделия из песчаника представлены: фрагментом абразива (оселок) с зашлифованной поверхностью с одной стороны (рис. 4, *1*); плиткой прямоугольной формы с продольными пропилами по краю с обеих сторон (рис. 4, *2*); фрагментом диска со шлифованными поверхностями с насечками, нанесенными по краю, на одной из поверхностей расположены два углубления диаметром 0,5 мм со следами сверления в устье глубиной до 1 мм (рис. 4, *7*). Изделия из камня представлены двумя предметами из белого нефрита – отщепом округлой формы со шлифованными поверхностями (рис. 4, *3*) и отщепом со шлифованной поверхностью на дорсальной стороне (рис. 4, *4*); двенадцатью нуклевидно оббитыми кремневыми гальками (рис. 4, *5–6*) и кусками кварцита; двумя нуклеусами – призматический одноплощадочный с одним фронтом и клиновидный продолговатой формы (рис. 4, *8–9*); острием с двумя противоположно расположенными жалами на концах (рис. 4, *10*); 10 скребками на отщепах (рис. 4, *11–17, 24*); резцами на пластинчатых сколах (рис. 4, *18–20*), один с негативами трансверсального скола (справа налево) в сочетании с продольной по правому маргиналу дополнительной ретушью на обоих фасах дистального конца (рис. 4, *18*); обломком наконечника стрелы с вогнутой базой (рис. 4, *21*); 111 отщепами, 9 из которых с ретушью (рис. 4, *22–23*); концевым скребком на пластине (рис. 4, *25*); 8 призматическими пластинами и их сегментами (рис. 4, *26–31*). Коллекция керамики представлена фрагментом венчика гладкостенного сосуда с подромбовидным утолщением в 1,5 см ниже среза (рис. 4, *32*), по внешней кромке которого нанесен ряд косых вдавлений влево вниз. Ниже, под углом к ним, проходит ряд оттисков 7-зубчатой гребенки (вправо вниз). Нижняя плоскость ромба украшена теми же оттисками под углом к верхним. Между рядами по грани утолщения нанесены отпечатки штампа в горизонтальном простирании. В нижней части слома прослеживаются отпечатки зубцов, по-видимому, еще одного ряда. С внутренней стороны по верхней части проходит ряд оттисков зубчатого штампа (влево вниз), по нижней части прослеживается ряд коротких (ногтевых?) отпечатков, пересекающая их линия, по-видимому, связана со сгоревшим стеблем травы. В коллекции имеется также фрагмент венчика гладкостенного сосуда (рис. 4, *33*), на котором в 0,5 см ниже среза, по внешней стороне нанесен сквозной прокол округлой формы диаметром 0,2 см, фрагмент керамики с отпечатками затертого шнура по ангобу и 3 маленьких фрагмента гладкостенного сосуда. Кроме этого обнаружена фигурка «медведя ?» из обожженной глины (рис. 4, *34*). Помимо перечисленных предметов была собрана коллекция советских монет первой половины XX в. (номиналом 20 коп. 1925 г., 10 коп. 1929 г., 5 коп. 1930 г., 20 коп. 1936 г.) и членский знак общества красного креста РСФСР на винте 1920 г.

Баунт (пункт II). В 120 м от подножья скального останца с северо-восточной его стороны собраны предметы из камня, глины и металла в количестве 29 штук, из которых 24 предмета – изделия из камня и песчаника, 1 – из глины и 4 – из металла.

Среди изделий из камня и песчаника встречается абразив (оселок) из плитки песчаника с зашлифованной поверхностью с одной стороны (рис. 5, *1*). На поверхность нанесены 9 точечных углублений диаметром до 0,5 мм. Два спаренных углубления расположены в верхней части абразива, два спаренных и от них одно справа в нижней имеют глубину до 0,1 мм. В устье углублений читаются следы сверления; абразив из плитки песчаника с пришлифованной поверхностью с одной стороны, на которой вдоль длинной оси протерты два желобка (рис. 5, *2*). С другой стороны также протерт желобок, внизу соединяющийся с противоположным. По их средней линии наблюдается слом. На пришлифованной поверхности в левом верхнем углу нанесено точечное углубление со следами сверления в устье. В группу изделий из камня и песчаника входят также комбинированный скребок (рис. 5, *3*); пластина со скошенным краевой ретушью дистальным концом (рис. 5, *4*); фрагмент вкладыша (полностью обработанной пластины) с пильчатой краевой ретушью (рис. 5, *5*); 4 призматические пластины с краевой ретушью (рис. 5, *6–9*); скобель (рис. 5, *10*). Отщепы и обколотые куски кварцита 14 экз. Керамика представлена одним замытым фрагментом сосуда серого цвета.

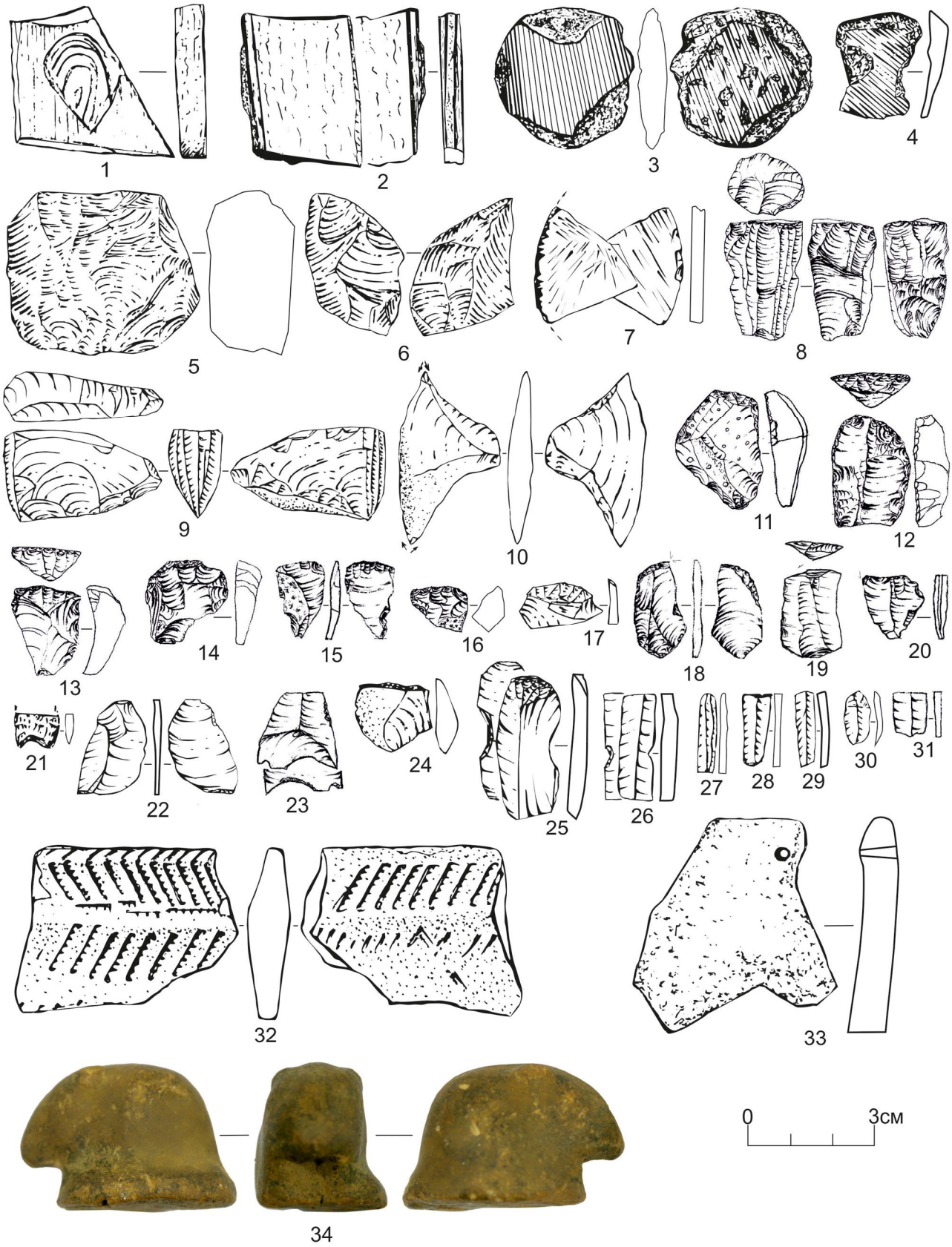


Рис. 4. Археологический материал стоянки Баунт (пункт I): 1–31 – изделия из камня; 32–34 – изделия из глины
Fig. 4. Archaeological material of the Baunt site (location I): 1–31 – stone products; 32–34 – clay products

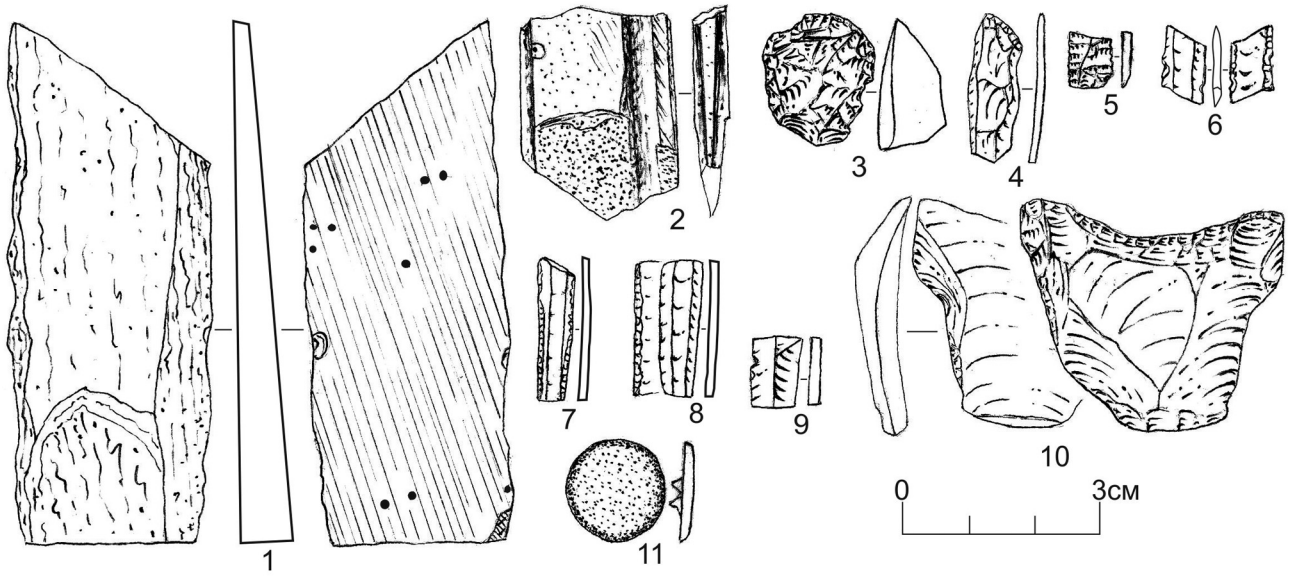


Рис. 5. Археологический материал стоянки Баунт (пункт II): *1–10 – изделия из камня; 11 – изделие из металла*
Fig. 5. Archaeological material of the Baunt site (location II): *1–10 – stone products; 11 – metal products*

Металлические предметы представлены: пуговицей круглой формы с фрагментами краски(?) с обеих сторон, петелька обломана (рис. 5, *11*); пулей округлой формы грубой отливки диаметром 1,1–1,3 см; двумя фрагментами кованых гвоздей.

Судя по высоким отметкам, удобному месторасположению объекта и морфологии собранного инвентаря, зафиксированные пункты предварительно могут быть отнесены ко времени от эпохи позднего неолита до этнографической современности.

Петроглифы

В ходе проводимой разведки юго-западного побережья оз. Баунт участниками экспедиции были осмотрены наскальные изображения, опубликованные сотрудниками музея: В.Н. Козулиным и А.Н. Зотовым в 2000 г. Осмотр показал, что все изображения контурные, нанесенные на высоте 0,6–2,3 м от основания останца охрой красновато-коричневого цвета. Сохранность рисунков неудовлетворительная: линии размыты, слабо прослеживаются; прочтение их затруднено более поздними натеками. Несмотря на это, на южной, западной и восточной сторонах останца удалось проследить ряд зоо- и антропоморфных фигур, различного рода знаков в виде вертикальных полос, точек, овалов, а также фрагментов каких-то объемных изображений. Кроме этого, в процессе общения с местными жителями пос. Горячий Ключ удалось установить, что место, где расположены рисунки, имеет название «пятистенка».

На сегодняшний день в бассейне Верхнего Витима известно 6 задокументированных пунктов с петроглифами.

Первый был зафиксирован в 1958 г. в 90 км к северо-востоку от пос. Багдарин в верхнем течение р. Сали (витимский приток 3-го порядка). Сделавший описание и копии нанесенных красной краской знаков, зоо - и антропоморфных изображений П.В. Осокин передал собранные материалы А.П. Окладникову, который их опубликовал в обобщающей монографии по петроглифам Забайкалья (Окладников, Запорожская, 1970). Рисунки связаны с одним из скальных останцов, сложенных серым и розовым гранитом. Всего было обнаружено около 40 изображений: антропоморфные и зооморфные фигуры (иногда сливающиеся), вертикально поставленные короткие полоски, неопределенные знаки. Особого внимания заслуживает композиция, представленная в книге А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской: «Вверху изображена птица в полёте, с широко раскинутыми и загнутыми вверх крыльями. Голова слегка повёрнута набок. Влево. Туловище птицы изящно выгнуто и сужено книзу. Хвост расширен и обрезан. Слева птица окаймлена полоской из пятен. Под птицей нарисованы три человечка. Они стоят рядом. Два крайних

слева человечка, один побольше, другой поменьше, трактованы одинаково: у них широко расставлены дугообразные ноги, руки разведены в стороны. Крайний слева человечек изображён своеобразно: (он как бы полусидит) туловище, одна нога, одна рука, опущенная вниз, и большая круглая голова. Сзади этот человечек окаймлён полоской из пятен. И такая же полоска обрамляет всю композицию снизу широкой дугой. Внизу слева - фигура птицы или человечка» (Окладников, Запорожская, 1970. С. 43, рис. 7).

Пункты 2 и 3 связаны со скальными выходами в вершине р. Муйшин (витимский приток 2-го порядка) на водоразделе р. Витим и р. Каренга. Нанесенные красной охрой зоо- и антропоморфные фигуры были показаны А.И. Арбатскому в 1976 г. эвенками-ороченами. Писаницы находятся в 15 км друг от друга, расположены на скальных плоскостях южной экспозиции. Изображения, не всегда хорошо читаемые, представлены фигурами лосей, оленей, «человечков» в виде креста, редко с рожками. Иногда сгруппированные они отражают сцены охоты (Арбатский, 1978).

Пункт 4 впервые был задокументирован в 1987 г. на р. Аикта (витимский приток 3-го порядка) в 18 км к северо-западу от пос. Таксимо геологами Восточно-Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья. В привходовом гроте карстовой пещеры, названной геологами «Иркутской», было отмечено 8 отдельных и групповых рисунков, выполненных железистой охрой. Преимущественно это различного рода знаки в виде колец, полуколец или угольников. Наиболее выразительной является группа из 3-х антропоморфных рогатых фигур с незаполненным краской «нагрудником» в виде повернутого вершиной вниз треугольника. В глубине грота, при расчистке одного из ходов стратиграфически выделялось 3 литологически различных слоя. В пределах среднего из них на разных глубинах найдены фрагменты черно-бурой керамики (сосуда) с отпечатками рубчатой лопатки на внешней поверхности, древесный уголь, обломки костей крупных млекопитающих, кусок известняка с остатками краски светло-коричневого цвета (Филиппов, Докучаев, 1990; Филиппов, 1995).

Пункт 5 расположен на юго-западном побережье оз. Баунт, которое посредством вытекающей из него р. Нижняя Ципа связано с западной частью Витимского бассейна в его среднем течении. Писаницы зафиксированы в 7 км к северу от пос. Горячий Ключ, в 30 м от кромки берега на скальном останце серого гранита, растрескавшегося на крупные отдельные блоки. Фиксация и описание рисунков производилась сотрудниками Музея народов Севера пос. Багдарин (Козулин, Зотов, 2000).

Кроме этого, в районе исследований, известны места с петроглифами пока лишь благодаря информации местных жителей.

Пункт 6 находится в 15 км к северо-западу от пос. Горячий Ключ (Курорт Баунт) и в 2 км к северо-западу от оз. Аян. Он был обнаружен в 2002 г. охотником А.В. Корсаком со слов рыбака И.Н. Пантина. По сообщению В.Н. Козулина и А.Н. Зотова петроглифы нанесены на скальном останце, на горе с отметкой 1 422 м над уровнем моря и связаны с углублением в скальном останце сложенным серым гранитом и представлены 2 изображениями, возможно композиционно связанными между собой. Первая профильная фигура животного (лось, изюбр?) развернутая влево имеет размеры 0,65×0,34. Сзади нее на расстоянии 0,2 м находится похожее на человека изображение, также профильное, развернутое влево. Оба рисунка контурные, нанесены охристой краской в небольшом углублении на высоте 0,97 м от основания останца.

Таким образом, обозначенные пункты и вся собранная информация по петроглифам бассейна Верхнего Витима свидетельствует о назревшей необходимости их целенаправленного поиска (Ветров, Миль, 1999; Ветров, 1999), что в свою очередь определило задачи и позволило участникам экспедиции наметить перспективные участки по выявлению новых следов изобразительной деятельности в районе оз. Баунт.

В результате осмотра правого берега р. Верхней Ципы, наиболее перспективного в археологическом отношении, в 4 км на юго-запад от пос. Горячий ключ (Курорт Баунт) у подножья горы Большой Хаптон с северо-восточной стороны и в 1 км от берега на одном (восточном и самом большом) из трех скальных останцев, стоящих рядом в виде тре-

угольника, обнаружены петроглифы. Выявленный объект получил наименование «Большой Хаптон» по названию одноименной горы, у подножия которой и был обнаружен (рис. 1). Петроглифы связаны с плоскостью скального останца, сложенного серым гранитом, расположены компактной группой в небольшой нише, которая прикрыта карнизом на высоте 4 м от основания блока с северо-восточной стороны. Рисунки контурные, нанесены бледно-красной охрой. Сохранность неудовлетворительная, ярче всего по тону, антропоморфное изображение и выше правее бесформенное пятно читаются плохо (рис. 6, *a*).

В ходе камеральных работ снимки, сделанные на цифровую камеру «Nikon» D70 при помощи компьютерной обработки в графическом редакторе «Adobe Photoshop», были отредактированы. Проведена их цветовая коррекция, усилены оттенки красного или произведено полное изменение цветов (рис. 6, *b, c*). Это позволило выявить невидимых глазу изображения и множество деталей, подтвердить интерпретацию некоторых фрагментов изображений. Таким образом, удалось почти полностью восстановить недостающие элементы изображений (рис. 7).

Рисунки состоят из следующих изображений:

– антропоморфная фигура с вытянутой головой и тонким длинным туловищем, руки и ноги разведены горизонтально в стороны, ноги показаны небольшой волнистой линией (рис. 7, *a*);

– длинная зигзагообразная линия, каждый новый шаг зигзага уменьшается вправо, что напоминает ползущую змею с выделенной головой, в виде горизонтальной черты примыкающей к зигзагу (рис. 7, *b*);

– линия, расположенная дугой, слева от змеи (рис. 7, *c*), состоящая из 17 вертикальных небольших штрихов напоминающих траву (степной орнамент);

– сложная композиция – в верхней левой части угадывается антропоморфное изображение, показанное двумя пересекающимися линиями, туловище показано полуромбом, внизу туловище переходит в ноги изображенные развилкой, руки опущены вниз, рядом есть следы других сильно размытых рисунков, в которых угадываются знаки дополненные косыми вертикальными линиями и пятнами, иногда сливающиеся (рис. 7, *d)*;

– отпечатки пальцев правой руки (как будто художник вытирал краску) (рис. 7, *e*).

На плоскости всего было выделено 5 изображений, которые можно объединить в одну композицию. Изображения выполнены прямыми сплошными и контурными линиями. В них прослеживается сходство в оформлении антропоморфных, змееобразных существ и серий вертикальных полос и пятен. По стилю и сюжету рисунки находят аналогии среди наскальных изображений как верхнего Витима, так и Прибайкалья, долины Амура, Верхнего Приамурья и Якутии (Окладников, 1977; Окладников, Запорожская, 1970; Окладников, Мазин, 1976; Кочмар, 1994).

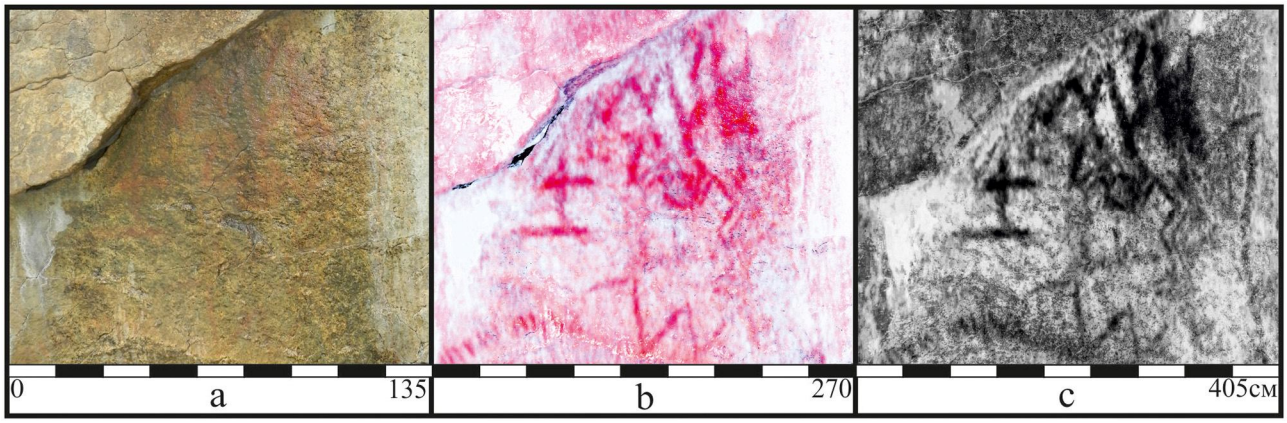


Рис. 6. Озеро Баунт, писаница Большой Хаптон: *a – фото до редактирования; b – в оттенках красного; c – в оттенках черно-белого*

Fig. 6. Lake Baunt, petroglyph site Bolshoi Hapton: *a – photo before editing; b – in shades of red; c – in shades of black and white*

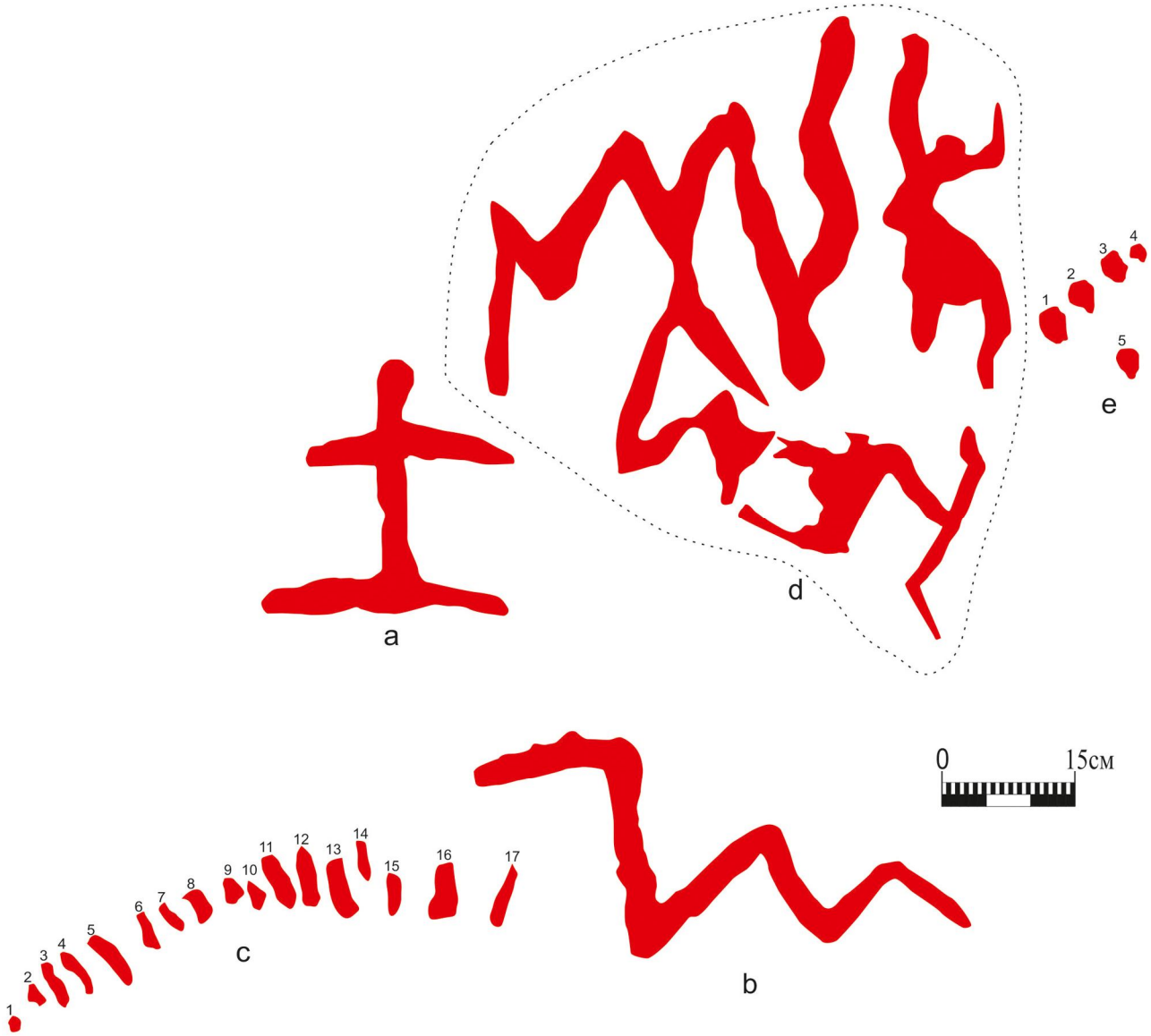


Рис. 7. Озеро Баунт, писаница Большой Хаптон: *a – антропоморфное; b – изображение змеи; c – знаковые; d – антропоморфные, знаковые (фрагменты композиции); e – знаковые*

Fig. 7. Lake Baunt, petroglyph site Bolshoi Hapton: *a – anthropomorphic; b – image of the snake; c – signed; d – anthropomorphic, sign (fragments of the composition); e – sign*

Обсуждение

В настоящее время основная масса обнаруженных археологических памятников связана, преимущественно с бассейном верхней части р. Витим и притоками 1, 2 и 3-го порядков, на этой территории зафиксировано более 200 объектов археологии представленных различными культурами каменного, бронзового и железного веков.

Недостаточная изученность территорий между южным и северным Забайкальем, отдаленных от основной артерии р. Витим, в частности Баунтовской котловины расположенной в северо-восточной части Бурятии (как и других районов) связана, прежде всего, с их труднодоступностью.

На данном этапе исследования определение возраста археологического материала выявленных объектов на побережье оз. Баунт возможно с привлечением данных по морфологии инвентаря и его гипсометрическому положению. С материалами стоянок выделенных культур, относящихся к позднему неолиту, в пределах Витимского плоскогорья в целом и соседних территорий выявленные объ-

екты оз. Баунт, в частности материалы стоянки Баунт (пункт I, II), расположенной на левом берегу в истоках р. Нижней Ципы, сближает наличие (кроме своеобразного каменного инвентаря – нуклевидно оббитых кремневых галек, призматических монофронтальных и клиновидных продолговатой формы нуклеусов, резцов на призматических пластинах с продольными реже поперечными сколами; наконечника стрелы с вогнутой базой, пластин со скошенным краевой ретушью краем; концевых и комбинированных скребков преимущественно из мелких отщепов, вкладышей с пильчатой краевой ретушью, пластины с боковыми выемками) керамики с выраженным подромбовидным утолщением под венчиком и оттисками зубчатой гребенки. Следует также отметить, что в качестве поделочного материала в 80 % был использован халцедон, но на побережье оз. Баунт в речном аллювии р. Ципикан, р. Верхняя Ципа и р. Нижняя Ципа обнаружен не был. Зато его много по берегам Витима в особенности его левого берега. В этом случае можно говорить о переносе сырья на оз. Баунт. Использование данного вида поделочного материала является единым и устойчивым признаком характерным для культур позднего неолита верхнего Витима.

Обращение к аналогиям каменного и керамического инвентаря, а также поделочного материала, позволяет нам соотнести данный материал с Усть-юмурченской культурой, выделенной на базе инвентаря 2-го слоя группы объектов в устье р. Юмурчен, по региональной схеме, относящейся к позднему неолиту (4,5–3,5 тыс. л. н.) верхнего Витима (Ветров, 2011).

Выявленные петроглифы позволили пополнить базу по данному виду археологических памятников и наметить пути их дальнейшего исследования на ближайшее время. В целом по стилю и сюжету обнаруженные рисунки находят практически полные аналогии среди наскальных изображений Селенги, Джиды и Уды (Окладников, Запорожская, 1970) и могут быть отнесены к железному веку.

Заключение

К 2013 г. на побережье и в районе оз. Баунт стали известными 10 местонахождений разного возраста (от неолита до этнографической современности) включая три пункта с писаницами и объект, относящийся ко времени освоения русскими Забайкалья.

Анализируя и сопоставляя этот материал с материалами памятников позднего неолита Верхнего Витима, несмотря на то, что он собран на поверхности, дает возможность выделить ряд особенностей:

1. Использование халцедоновых пород в качестве поделочного материала, преимущественно белого, желтого и бордового цветов.

2. Микролитический облик орудий труда позволяет сделать вывод об использовании микролитической техники обработки каменных орудий наряду с наличием крупных изделий.

3. Наличие определенных форм инвентаря – призматические и клиновидные нуклеусы; нуклеусы из галек и отщепов без специального оформления заготовки; резцы из призматических пластин с продольными и поперечными сколами; вкладыши из призматических пластин с краевой или сплошной односторонней обработкой; пластины со скошенным краем, боковыми выемками; концевые и комбинированные скребки из мелких отщепов; наконечники стрел подтреугольной формы с вогнутой базой; бифасиально обработанные сколы.

4. Сосуды с отпечатками рубчатой лопаточки или шнура с подтреугольным или овальным утолщением венчика с внешней или внутренней стороны и орнаментацией зубчатым штампом или прямоугольным в сечении стеком, а так же наличие пояска сквозных отверстий и овальных вдавлений. Отмеченные особенности характерны для традиции усть-юмурченской культуры, выражающиеся в использовании определенного поделочного материала, технике обработки каменного инвентаря, орудийном наборе, формах сосудов и орнаментации.

Большая часть Витимского плоскогорья, в особенности северное Забайкалье на притоках Витима 1, 2 и 3-го порядков остается неизвестным в археологическом отношении. Безусловно, стоянки и пет-

роглифы, обнаруженные в районе оз. Баунт, дополняют сведения об археологических памятниках верхнего Витима как в количественном отношении, так и качественном, и позволяют наметить пути решения вопросов, связанных с миграционными процессами древних культур Верхнего Витима в рамках Витимского плоскогорья. Кроме этого, выявленные объекты показали перспективность дальнейших исследований на побережье озера Баунт и севере Баунтовского района в целом, таким образом, необходимо продолжить дальнейшие исследования не только в местах обнаружения археологического материала, но и на всем побережье.

Библиографический список

Аксенов М.П., Ветров В.М. Исследования в горно-таежных районах р. Витим // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 185–186.

Аксенов М.П., Ветров В.М., Шмыгун П.Е. Исследования в долине р. Витим // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 185.

Арбатский А.И. Некоторые данные о религиозных пережитках эвенков // Древняя история народов юга Восточной Сибири: межвуз. сб. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1978. Вып. 4. С. 177–180.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине 1976–1978 гг. // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: сб. тр. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1982. С. 86–100.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 2–7 мая 2011 г.). Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2011. С. 34–41.

Ветров В.М. Археология каменного века Витимского плоскогорья (культуры и хронология) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: программа и материалы докладов Междунар. науч. семинара (Иркутск, 22–28 апреля 2000 г). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2000. С. 28–36.

Ветров В.М. Некоторые аспекты этноархеологиче-

References

Aksenov M.P., Vetrov V.M. *Issledovaniya v gorno-taezhnykh raionakh r. Vitim* [Studies in the mountain-taiga areas of the River Vitim]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological Discoveries of 1976]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 185–186. (In Russian).

Aksenov M.P., Vetrov V.M., Shmygun P.E. *Issledovaniya v doline r. Vitim* [Research in the valley of the River Vitim]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1974 goda* [Archaeological Discoveries of 1974]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 185. (In Russian).

Arbatskii A.I. *Nekotorye dannye o religioznykh perezhitkakh evenkov* [Some data on the religious remnants of the Evenks] *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri* [*Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia*]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1978, iss. 4, pp. 177–180. (In Russian).

Vetrov V.M. *Arkheologicheskie issledovaniya v Muiskoi kotlovine 1976–1978 gg.* [Archaeological research in the Muya depression of 1976-1978]. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Material culture of the ancient population of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1982, pp. 86–100. (In Russian).

Vetrov V.M. *Arkheologiya Vitimskogo ploskogor'ya: ust'-yumurchenskaya kul'tura (5–4,6–3,5 tys. l. n.)* [Archeology of the Vitim Plateau: Ust-Jumurchen culture (5 – 4,6–3,5 Kyr BP).]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri"* [*Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proceedings of the International Scientific Conference*]. (Irkutsk, May, 2–7, 2011). Iss. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, pp. 34–41. (In Russian).

Vetrov V.M. *Arkheologiya kamennogo veka Vitimskogo ploskogor'ya (kul'tury i khronologiya)* [Archeology of the Stone Age of the Vitim Plateau (cultures and chronology)]. *Programma i materialy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara "Arkhaicheskie i traditsionnye kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Problemy proiskhozhdeniya i transkontinental'nykh svyazei"* [Archaic and traditional cultures of Northeast Asia. Problems of origin and transcontinental links: program and materials of the reports of the Intern. Scientific Seminar]. (Irkutsk, April, 22–28, 2000). Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2000, pp. 28–36. (In Russian).

Vetrov V.M. *Nekotorye aspekty etnoark-*

ских исследований на Верхнем Витиме // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VII Междунар. науч. семинара. (Москва, июнь 1999 г.). Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 1999. С. 136–138.

Ветров В.М. Предварительный отчет о проведении археологических изысканий в зоне планируемой автодороги Большой Амалат – Монгой – Россошино. Улан-Удэ, 1987. 78 с.

Ветров В.М., Бояринцева Н.Н., Никитин Д.В. Итоги, перспективы и ближайшие задачи археологических изысканий на Верхнем Витиме // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Красноярск, 1991. Т. I. С. 43–45.

Ветров В.М., Миль Н.М. Перспективы изучения петроглифов Витима // Молодая археология и этнография Сибири: тез. докл. Чита: Изд-во Забайкальского государственного педагогического университета, 1999. Ч. 1. С. 90–91.

Ветров В.М., Трифонов А.П. Археологические исследования в верхнем течении долины р. Витим // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, 1975. Вып. 3. С. 150–170.

Ендрихинский А.С. Витимское плоскогорье // Нагорья Прибайкалья и Забайкалья. М.: Наука, 1974. С. 210–245.

Козулин В.Н., Зотов А.Н. Наскальные рисунки озера Баунт (предварительное сообщение) // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 196–198.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1994. 262 с.

Окладников А.П. Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 189 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука, 1977. 322 с.

heologicheskikh issledovanii na Verkhnem Vitime [Some aspects of ethnoarcheological research in Upper River Vitim]. *Materialy VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara "Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii"* [Integration of archaeological and ethnographic research: proceedings of the VII International Scientific Seminar. (Moscow, June 1999).]. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 1999, pp. 136–138. (In Russian).

Vetrov V.M. *Predvaritel'nyi otchet o provedenii arkheologicheskikh izyskanii v zone planiruemoi avtodorogi Bol'shoi Amalat – Mongoi – Rossoshino* [Preliminary report on the conduct of archaeological surveys in the zone of the planned highway Bolshoi Amalat – Mongoi – Rossoshino] Ulan-Ude, 1987, 78 p. (In Russian).

Vetrov V.M., Boyarintseva N.N., Nikitin D.V. *Itogi, perspektivy i blizhaishie zadachi arkheologicheskikh izyskanii na Verkhnem Vitime* [Results, prospects and immediate tasks of archaeological research in Upper Vitim]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology and ethnography of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, 1991, vol. I, pp. 43–45. (In Russian).

Vetrov V.M., Mil' N.M. *Perspektivy izucheniya petroglifov Vitima* [Prospects for studying petroglyphs of River Vitim]. *Molodaya arkheologiya i etnografiya Sibiri* [Young archeology and ethnography of Siberia]. Chita: Transbaikal State Pedagogical University Publ., 1999, part 1, pp. 90–91. (In Russian).

Vetrov V.M., Trifonov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya v verkhnem techenii doliny r. Vitim* [Archaeological research in the upper reaches of the valley of the River Vitim]. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri* [Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1975, iss. 3, pp. 150–170. (In Russian).

Endrikhinskii A.S. *Vitimskoe ploskogor'e* [Vitim plateau]. *Nagor'ya Pribaikal'ya i Zabaikal'ya* [Highlands of Cisbaikalia and Transbaikalia]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 210–245. (In Russian).

Kozulin V.N., Zotov A.N. *Naskal'nye risunki ozera Baunt (predvaritel'noe soobshchenie)* [Rock drawings of Lake Baunt (preliminary report)]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikal Siberia in ancient times]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2000, iss. 2, part 2, pp. 196–198. (In Russian).

Kochmar N.N. *Pisanitsy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, 262 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. Mazin A.I. *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya* [Petroglyphs of the River Olekma and upper reaches of the valley of the River Amur]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976, 189 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Petroglify Verkhnei Leny* [Petroglyphs of the upper reaches of the valley of the River Lena]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, 322 p. (In Russian).

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. В 2 ч. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Трифонов А.П. Исследования на севере Бурятии // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 277–278.

Трифонов А.П. Многослойные археологические памятники Нижняя Джилинда I и II // Археология. Этнография. Источниковедение: тез. докл. Отчетной научно-теоретическая конф. (Иркутск, 3–6 апреля 1979 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1979. С. 29–30.

Филиппов А.Г. Наскальные рисунки и керамика пещеры Иркутской (Бурятия) // Культуры и памятники бронзового и раннежелезного веков Забайкалья и Монголии: сб. ст. посвящ. Междунар. археол. конгр. «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1995. С. 123–129.

Филиппов А.Г., Докучаев А.Г. Петроглифы пещеры Иркутской (Бурятия) // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. (Иркутск, 29–31 марта 1990 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. С. 173–174.

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaikal'ya* [Petroglyphs of the Transbaikalia]. In 2 parts. P. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1970, 264 p. (In Russian).

Trifonov A.P. *Issledovaniya na severe Buryatii* [Research in the North of Buryatia]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda* [Archaeological discoveries in 1978]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 277–278. (In Russian).

Trifonov A.P. *Mnogosloinye arkheologicheskie pamyatniki Nizhnyaya Dzhilinda I i II* [Multilayer archaeological sites of Nizhnyaya Jilinda I and II]. *Otchetnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya "Arkheologiya. Etnografiya. Istochnikovedenie"* [Archeology. Ethnography. Source study: Proceedings of the Reporting Scientific and Theoretical Conference (Irkutsk, April 3-6, 1979)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1979, pp. 29–30. (In Russian).

Filippov A.G. *Naskal'nye risunki i keramika peshchery Irkutskoi (Buryatiya)* [Rock paintings and ceramics of the cave Irkutsk (Buryatia)]. *Mezhdunarodnyi arkheologicheskii kongress "100 let gunnskoi arkheologii. Nomadizm – proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoi perspektive. Gunnskii fenomen" "Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannezheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii"* [Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia: Collection of articles dedicated to the International Archaeologist Congress "100 years of Xiongnu archeology. Nomadism is the past, the present in a global context and historical perspective. The Xiongnu Phenomenon"]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, pp. 123–129. (In Russian).

Filippov A.G., Dokuchaev A.G. *Petroglify peshchery Irkutskoi (Buryatiya)* [Petroglyphs of the cave of Irkutsk (Buryatia)]. *Tezisy dokladov k XXX regional'noi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoetnology of Siberia: Proceedings of the XXX Regional Archaeologist Stud. Conference. (Irkutsk, March 29-31, 1990)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1990, pp. 173–174. (In Russian).

Сведения об авторах

Шергин Дмитрий Леонидович,
старший преподаватель кафедры истории и методики, Лаборатория археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9,
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

Ветров Виктор Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9.

Information about the authors

Dmitry L. Shergin,
Senior Lecturer of the Department of History and Methods, Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar Str., Irkutsk 664011, Russian Federation,
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

Victor M. Vetrov,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9 Sukhbaatar Str., Irkutsk 664011, Russian Federation.

Критерии авторства

Шергин Д.Л. и Ветров В.М. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, Д.Л. Шергин подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Shergin D.L. and Vetrov V.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, Shergin D.L. prepared the manuscript and illustration for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.211.8
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-40-53

ШЛИФОВАННЫЕ НОЖИ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

© Д.А. Гурулёв

Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, г. Красноярск, просп. Свободный, 79.

Аннотация. Каменные шлифованные ножи представляют собой своеобразный класс поликультурных орудий голоцена юга Средней Сибири. Среди этих изделий выделяются два устойчивых типа. Первый объединил ножи с линейным продольным лезвием, они имели широкое распространение в неолите и эпоху палеометалла; второй тип представлен ножами с треугольным концевым острием, и связан, преимущественно, с китойским культурным комплексом раннего неолита. На территории Северного Приангарья в настоящее время зафиксированы ножи только первого типа, характеристики и хронология которых в целом согласуются с материалами сопредельных регионов. Вопрос изменчивости и внутренней хронологии орудий с северной Ангары в настоящее время остается открытым ввиду малочисленности узких датировок находок. Шлифованные ножи демонстрируют вариабельность морфо-метрических характеристик при устойчивости общей конфигурации, обусловленной, судя по всему, функциональными предпосылками. Исходя из имеющихся данных, можно предполагать, что орудия использовались, в первую очередь, для обработки древесины и других твердых органических материалов. Феномен длительного бытования шлифованных ножей интересен в плане изучения вопросов устойчивости хозяйственно-производственных моделей и культурных традиций древнего населения Сибири.
Ключевые слова: *юг Средней Сибири, Северное Приангарье, неолит, эпоха палеметалла, каменные орудия, шлифованные ножи, каменное сырье, морфология, трасология, хронология.*

Информация о статье. Дата поступления 28 ноября 2017 г.; дата принятия к печати 15 января 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Гурулёв Д.А. Шлифованные ножи в каменных индустриях неолита и палеометалла Северного Приангарья // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 40–53. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-40-53

GRINDED KNIVES IN THE STONE INDUSTRIES OF NORTHERN ANGARA REGION IN THE NEOLITHIC AND PALEOMETAL PERIODS

© D.A. Gurulev

Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

Abstract. Stone grinded knives are a peculiar group of multicultural tools of the southern part of Middle Siberia in Holocene. There are two stable types among pieces. The first type consists of knives with one longitudinal working edge, which was widely spread in the Neolithic and Paleometal period. The second one is represented by knives with a double triangular working edge, which generally connected with the Kitoi cultural complex of the Early Neolithic. Currently on the territory of the Northern Angara region only knives of the first type were found. The characteristics and chronology of the knives are generally consistent with the materials of adjacent regions. The issue of variability and internal chronology of the northern Angara tools is currently open due to the small number of narrow interval age dates. Grinded knives have different morphometric characteristics with the stability of the general configuration, which is due, apparently, to functional reasons. Based on the available data, it can be assumed that the tools were used, first of all, for treatment of wood and other solid organic materials. The phe-

nomenon of long life of grinded knives is interesting in terms of researching of the issues of sustainability of economic models and cultural traditions of the ancient population of Siberia.

Keywords: *southern part of Middle Siberia, Northern Angara region, Neolithic, Paleometal Period, stone tools, grinded knives, stone raw material, morphology, microwear analysis, chronology*

Article info. Received November 28, 2017; accepted for publication January 15, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Gurulev D.A. Grinded Knives in the Stone Industries of Northern Angara Region in the Neolithic and Paleometal Periods. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 40-53. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-40-53. (In Russian).

Введение

Шлифованные ножи[1] представляют собой своеобразный класс поликультурных орудий каменных индустрий финального мезолита – палеометалла юга Средней Сибири. Изучение феномена длительного бытования одних типов орудий на фоне общего изменения материальной и духовной культуры актуально для разработки вопросов исторической преемственности хозяйственно-производственных традиций и моделей экономики древнего населения в регионе, для чего необходим комплексный анализ изделий, охватывающий исследования морфологии, технологической специфики и функции шлифованных ножей.

Первичным в рамках данной работы представляется суммирование имеющихся материалов на региональном уровне, что позволит оценить их информативность и подойти к проблеме местной специфики. Северное Приангарье является одним из наиболее масштабно изученных в полевом плане регионов Сибири. В то же время значительный перечень вопросов древней истории региона является слабо разработанным, что в полной мере применимо к проблеме специфики каменных шлифованных ножей, ранее не подвергавшимся специальным исследованиям.

Цель настоящей работы – обобщить имеющиеся материалы и данные по шлифованным ножам из Северного Приангарья. Достижение поставленной цели предполагает также обзор имеющихся исследований и сведений о культурно-хронологической принадлежности изделий в более широких рамках юга Средней Сибири.

[1] Понятие «нож» в работе используется для обозначения морфо-типологической категории изделий.
The concept of “knife” in the work is used to denote the morpho-typological category of products.

Каменные шлифованные ножи юга Средней Сибири: историография и хронология

Впервые шлифованные ножи были выделены в самостоятельную группу каменных орудий А.П. Окладниковым (1950) на материалах погребальных комплексов неолита и раннего бронзового века Верхнего (Южного) Приангарья, изученных в 1930-е гг. Шлифованные ножи им были разделены на два типа, различающиеся, в первую очередь, по форме и расположению рабочего края. Первый объединил орудия из «кремнистого сланца» и нефрита с одним линейным лезвием, расположенным на продольном крае изделия (однолезвийные). Ножи эти имеют форму близкую к полулунной, с выпуклой спинкой и, зачастую, слегка вогнутым лезвием (Там же. С. 194). Второй тип представлен нефритовыми ножами удлиненной формы с двулезвийным треугольным острием на торцовой части орудия (Там же. С. 363).

В результате последующих многолетних исследований на территории юга Средней Сибири была получена показательная и многочисленная коллекция шлифованных ножей, происходящих, преимущественно, с территории Верхнего Приангарья, Верхней Лены и западного побережья оз. Байкал. К настоящему времени установлено, что шлифованные ножи были распространены здесь начиная с финального мезолита вплоть до позднего бронзового века. Так, однолезвийныые ножи зафиксированы в сопроводительном инвентаре захоронений различных погребальных традиций: раннего неолита – китойской; позднего неолита – исаковской, серовской, архаической (верхнеленской), позднесеровской; раннего бронзового века – глазковской; развитого бронзового века – позднеглазковской; позднего бронзового века –

шумилихинской (Окладников, 1950; 1955; 1978; Горюнова, Смотрова, 1981; Георгиевская, 1989; Горюнова, 1997; 2002; Горюнова и др., 2004; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Базалийский, 2012; и др.). Нефритовые ножи с треугольным концевым лезвием, помимо захоронений китойской группы, для которых они являются специфическим, маркирующим типом (Окладников, 1950; Георгиевская, 1989; и др.), были отмечены в отдельном погребении Нижняя Джилинда (р. Витим), соотносимого с щукинской погребальной традицией финального мезолита (Базалийский, 2012. С. 52). Также шлифованные ножи были отмечены, хоть и в меньшей степени, на поселениях в Верхнем Приангарье (Крижевская, 1978. С. 85; Георгиевская, 1989. С. 91), Приольхонье (Хлобыстин, 1964. Рис. 9; Долганов, 2012. С. 79; Горюнова, Новиков, Вебер, 2014. С. 53), на Среднем Енисее (Макаров, 2005. С. 159) и др.

Первые известные находки шлифованных ножей в Северном Приангарье (рис. 1) были сделаны в 1929 г. Г.Ф. Дебецем на р. Илим (Окладников, 1950. С. 106. Рис. 61.4). Здесь же, в конце 1960-х гг. небольшая серия орудий была обнаружена в ходе исследования зоны затопления водохранилища Усть-Илимской ГЭС экспедицией Института истории, философии и филологии СО АН СССР (Васильевский, Аксенов, 1971. С. 154, 171, 174). В 1970–1990-х гг. на ангарском участке Усть-Илимского водохранилища серия шлифованных ножей обнаружена в погребениях могильника в устье р. Шаманки отрядом Иркутского государственного университета (Соколов, 1982. С. 103, 105) и Новостроечной

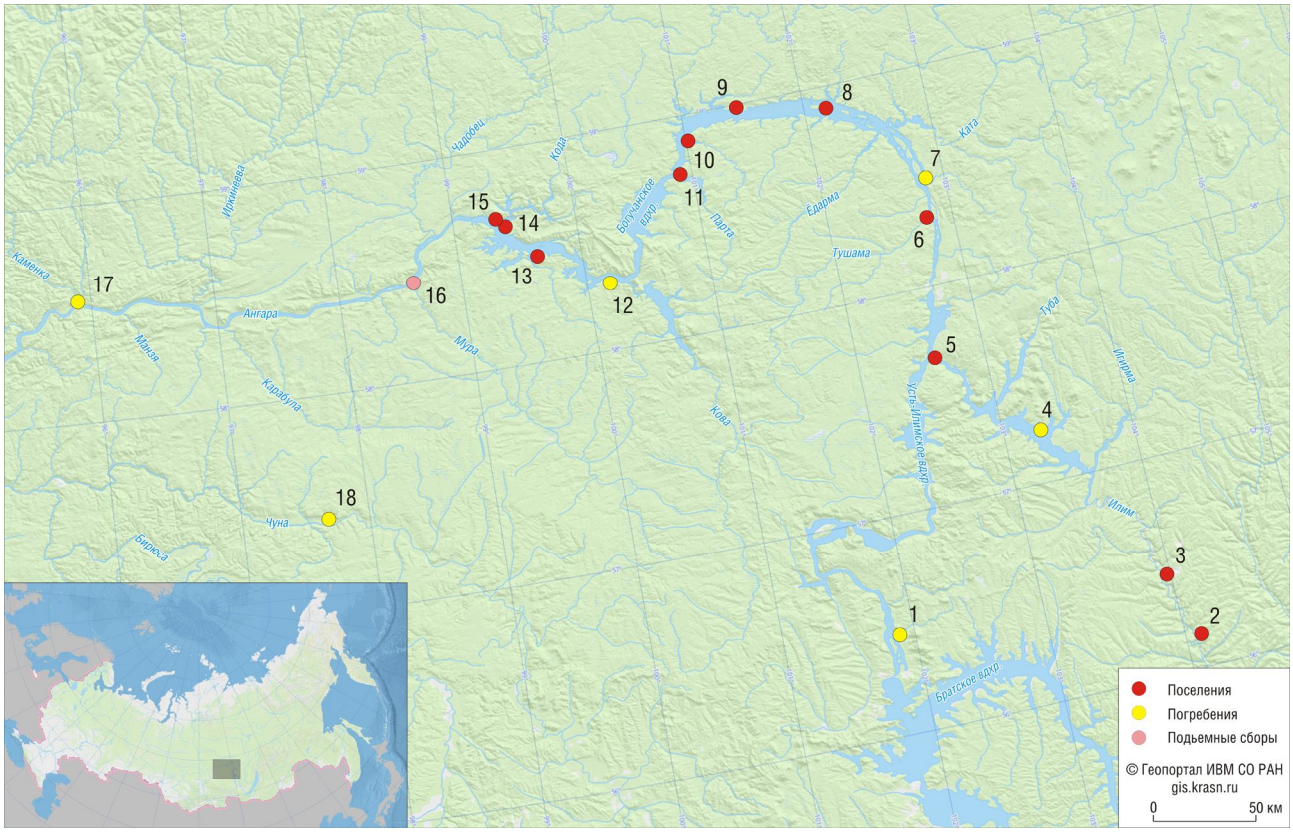


Рис. 1. Фрагмент карты Северного Приангарья с указанием размещения местонахождений каменных шлифованных ножей: *1 – Шаманка 1; 2 – Аталонга; 3 – Шестаково; 4 – Усть-Тушама (Илимская); 5 – Усть-Илим; 6 – Усть-Тушама 1; 7 – Усть-Зелинда-2; 8 – Сергушкин-1, пункт «А», Сергушкин-2; 9 – Хедугин ручей; 10 – Устье реки Кутарей, Гора Кутарей; 11 – Парта; 12 – Утес Медвежий; 13 – Пашина; 14 – Проспихинская Шивера-IV, Шивера Проспихино II; 15 – Кода-3; 16 – пункт сбора в районе устья р. Мура; 17 – Каменка-1; 18 – стоянка им. Генералова*

Fig. 1. Fragment of the map of the Northern Angara region showing location of stone grinded knives: *1 – Shamanka 1; 2 – Atalonga; 3 – Shestakovo; 4 – Ust'-Tushama (Ilimskaya); 5 – Ust'-Ilim; 6 – Ust'-Tushama 1; 7 – Ust'-Zelinda-2; 8 – Sergushkin-1, point «A», Sergushkin-2; 9 – Khedugin ruchei; 10 – Ust'e reki Kutarei, Gora Kutarei; 11 – Parta; 12 – Utes Medvezhii; 13 – Pashina; 14 – Prospikhinskaya Shivera-IV, Shivera Prospikhino II; 15 – Koda-3; 16 – surface find near from estuary of Mura; 17 – Kamenka-1; 18 – stoyanka im. Generalova*

экспедицией Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области (Луньков, 2002. С. 77). В нижнем течении р. Ангары находки ножей в разное время были сделаны в ходе исследований ИИФиФ СО АН СССР (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 67, 72, 76), Красноярского государственного педагогического института (с 1993 г. – университета) (Там же. С. 109; Заика, 2009. С. 64) и Сибирского федерального университета. Однако наибольшая часть известных шлифованных ножей была обнаружена здесь в ходе проведения развернутых исследований в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС в рамках Богучанской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН в 2008–2012 гг. (Выборнов, Субботина, 2010. С. 100; Лысенко, 2012. С. 89, 91; Марченко и др., 2012. С. 455; Славинский и др., 2012. С. 201. Рис. 2.2; Герман, Леонтьев, 2013. С. 143; Славинский и др., 2014. С. 117. Табл. 2; Деревянко и др., 2015. Рис. 172.1, 2, 8, 271.5, 337.4; Гришин и др., 2016. С. 104; Чеха, 2016. С. 108). В единственном числе известен нож, найденный вне долины р. Ангары – на стоянке им. Генералова, в бассейне р. Чуны (Уды), изучавшейся экспедицией ИГУ в 2013 г. (Бердникова и др., 2014. С. 177).

На территории Северного Приангарья большая часть находок шлифованных ножей обнаружена в компрессионных культурных слоях поселений, содержавших неразделимые материалы неолита и палеометалла (зачастую вместе с предметами более позднего времени). В отдельных случаях можно предполагать более узкую датировку материалов культурных слоев в рамках неолита на стоянках Усть-Илим (Васильевский, Аксенов, 1971. С. 170–176, 185) и Хедугин ручей (Лысенко, 2012). Более информативным источником для определения возраста ножей являются погребальные комплексы. Так, к неолиту отнесены орудия, зафиксированные в сопроводительном инвентаре разновременных захоронений могильника Усть–Зелинда-2 (Марченко и др., 2012. С. 455; Гришин и др., 2016. С. 83) и отдельного погребения на стоянке Утес Медвежий (Деревянко и др., 2015. С. 175). Поздним неолитом, на основании аналогий с материалами исаковских и серовских комплексов, датированы отдельные захоронения на местонахождениях Усть-Тушама (Илимская) (Васильевский, Аксенов, 1971. С. 152–154) и Каменка-1[2] (Заика, 2009). Финалом неолита – началом бронзового века (5000–4000 C^{14} л. н.) предварительно датировано погребение на стоянке им. Генаралова (Бердникова и др., 2014. С. 183). К раннему бронзовому веку должны быть отнесены изделия, обнаруженные в погребениях могильника Шаманка (Соколов, 1982; Луньков, 2002). Абсолютный возраст захоронений по аналогии с материалами погребений глазковской группы определен в интервале 4500–3500 C^{14} л. н. (Дударек, Лохов, 2014. С. 74).

На материалах юга Средней Сибири отмечено, что конфигурация и морфология однолезвийных ножей неолита, в частности, достаточно устойчива, за исключением вариаций общей формы и размеров (Окладников, 1950. С. 194; 1978. С. 79–80). На общем фоне выделялись только изделия из нефрита, отличающиеся меньшей стандартизацией, формой обушка и острия на конце лезвия, что объяснялось технологическими свойствами сырья, непригодного для обработки расщеплением (Окладников, 1978. С. 80). Наблюдаются некоторые различия неолитических и более поздних изделий. Так, для неолита характерно преобладание ножей из «кремнистого сланца», орудия же эпохи палеометалла изготовлены только из нефрита (Окладников, 1950. С. 194; 1955, С. 49; Горюнова и др., 2004. С. 64). Также для этого времени характерно увеличение числа изделий нестандартизированной (обусловленной параметрами заготовки) формы., на которых специально оформлено только лезвие (Горюнова, Смотрова, 1981. С. 21; Кунгурова, Горюнова, Вебер, 2008. С. 46) и общее уменьшение размеров орудий.

Однолезвийные шлифованные ножи в работах исследователей получили неоднозначную функциональную интерпретацию. Так, А.П. Окладниковым (1950. С. 194; 1978. С. 80) предполагалось многофункциональное использование неолитических ножей в качестве универсальных режущих орудий,

[2] По углю из кострища, перекрывающего кладку погребения, получена дата 4700 ± 120 лет (СОАН-3780).
The date 4700 ± 120 years has been obtained from charcoals of the hearth that cover the burial mound (COAN-3780).

входивших «в число самых необходимых». Г.М. Георгиевской (1989. С. 128) высказывалось предположение об их использовании в качестве инструментов для разделки рыбы.

В ходе экспериментально-трасологических исследований так же были предложены различные схемы использования однолезвийных ножей. С.А. Семеновым (Семенов, 1941. С. 204; 1957. С. 136, 141, 142) на орудиях из ангарских и верхоленских неолитических погребений были отмечены следы двусторонней заполировки и линейные следы, направленные к обуху, под углом к лезвию. Это позволило сделать вывод об использовании ножей для строгания дерева, кости и рога при обработке заготовок малого диаметра – древков, рукоятей, гарпунов и др., для чего вогнутое лезвие «было целесообразной формой». Н.Ю. Кунгуровой (1993) на ножах из поселений Верхнего Приобья зафиксированы двусторонняя матовая пришлифовка кромки лезвия и прерывистые линейные следы, расположенные параллельно краю. Единично отмечены выкрошенность и линейные царапины, расположенные под углом к лезвию. Идентичный износ и эффективность подобных ножей были установлены при срезании и раскройке бересты. Также экспериментами было показано, что при использовании прямого лезвия, заточенного под углом около 45°, орудия эффективны для строгания дерева. В последующем аналогичные следы износа были отмечены Н.Ю. Кунгуровой на ножах из погребений на могильниках западного побережья оз. Байкал – Хужир–Нугэ XIV (ранний бронзовый век) и Шаманка II (ранний неолит) (Кунгурова, Базалийский, Вебер, 2008. С. 62–63; Кунгурова, Горюнова, Вебер, 2008. С. 46). На основании однообразия износа она делает вывод об узкой специализации орудий в качестве инструментов для обработки бересты (Кунгурова, Горюнова, Вебер, 2008. С. 46). Оба исследователя отмечали непригодность ножей со шлифованным рабочим краем для резания мяса, кожи, где нужно более тонкое и острое лезвие. Иная интерпретация была предложена для ножа, обнаруженного на местонахождении Шивера Проспихино II в Северном Приангарье. Форма орудия и трасологические наблюдения позволили авторам (Выборнов, Субботина, 2010. С. 100) соотнести его с типом специализированных рыбных ножей, известных по материалам Дальнего Востока (Волков, 1999. С. 46–51).

Материалы

Основную часть рассматриваемой коллекции шлифованных ножей с территории Северного Приангарья (41 экз.) составляют изделия, известные по опубликованным материалам (38 экз.). Предметы преимущественно привлекались на основании текстовых описаний и иллюстративного материала, что накладывает ограничения для проведения анализа полного перечня морфологических признаков, частично не отраженных в работах. Не учитывались неинформативные фрагменты и изделия, известные только по коротким упоминаниям. Также привлекаются ранее не опубликованные изделия с комплекса Проспихинская Шивера-IV (2 экз.), и один предмет, происходящий из подъемных сборов в районе устья р. Мура.

Изделия обнаружены как в культурных слоях поселений (25 экз.), так и среди сопроводительного инвентаря погребальных комплексов (15 экз.).

Использованное сырье для большинства рассматриваемых ножей не указано (23 экз.). Семь изделий выполнены из нефрита, а девять из различных литифицированных осадочных пород, условно объеденных в одну группу. Среди последних авторами указывается аргиллит, песчанистый алевролит, сланец, в том числе кремнистый и шиферный. В отдельных случаях применялся «серый кремень» и кислый эффузив. В плане выбора сырья отмечается ориентация на использование горных пород, наиболее поддающихся шлифовке в силу меньшей, в сравнении с кремнистыми породами, твердости[3]. Использование нефрита, импортного

[3] Твердость нефрита составляет ~ 6 по шкале Мооса (Семенов, 1957. С. 47). Твердость, как и другие петрофизические свойства осадочных пород, сильно варьируются. Среди широко распространенных в голоценовых комплексах Северного Приангарья пород данной группы представлены породы с твердостью ~ 4,5–6,5 (Вишневский, Выборнов, Котляров, 2011; Гурулёв, 2013; Томилова и др., 2014. С. 85; Гришин и др., 2016. С. 152).
The hardness of the jade is ca. 6 on the Moos scale (Semenov, 1957, p. 47). Hardness, like other petrophysical properties, sedimentary rocks vary greatly. Among the

для региона сырья, обусловлено, судя по всему, сочетанием хорошей истираемости и высоких прочностных характеристик, обусловленных сильной вязкостью.

Все рассматриваемые ножи имеют одно лезвие, расположенное на продольном крае изделия. Исключение составляет небольшой (~ 34×25 мм) нефритовый нож ромбической формы с треугольным двойным лезвием (?) (рис. 2.1) со стоянки Кода-3. Форма изделия не находит аналогов среди известных ножей с треугольным острием с территории юга Средней Сибири, в связи с чем его типологическая атрибуция в настоящее время затруднена.

На основании общей формы и метрических характеристик возможно предварительное разделение ножей на три подтипа. К первому, включающему два варианта, отнесены изделия полулунной или близкой к ней формы, с выпуклым обушковым краем (24 экз.). Преобладают (18 экз.) ножи пластинчатой формы с вогнутым, иногда близким к прямому, лезвием (рис. 2.2–7). Остальные изделия (6 экз.) имеют более широкие пропорции, контур лезвий прямой, в одном случае – выпуклый (рис. 2.8–10). Размеры ножей[4] варьируются: длина ~ 40–77 мм, ширина ~ 12–35 мм. Второй подтип (14 экз.) составляют пластинчатые изделия, имеющие различную форму, близкую к прямоугольнику или овалу (рис. 2.11–18). Лезвия прямые (7 экз.), слабовогнутые (5 экз.) или слабовыпуклые (2 экз.). Ножи данной группы относительно более крупные: длина ~ 44–91 мм, ширина ~ 22–48 мм. Третий подтип составляют два небольших (~ 34×22 и 27×22 мм) ножа укороченных пропорций. Один имеет форму близкую к полулунной (рис. 2.19), другой – многоугольника (рис. 2.20). Лезвия – слабо вогнутые.

Поверхность ножей в большинстве случаев полностью шлифована, реже представлены слабо модифицированные изделия с частичной, неглубокой шлифовкой (рис. 2.8,11–13). В качестве заготовок ряда изделий использовались пластинчатые отщепы, на что указывают сохранение следов огранки дорсальной поверхности сколов-заготовок, остаточной ударной площадки, изогнутость и плавное уменьшение толщины в профиле и др. Для изготовления нефритовых ножей предположительно использовались плоские обломки породы.

Лезвия ножей выполнены дополнительной шлифовкой (заточкой) фаски по краю изделия. Преобладают орудия с односторонней заточкой. Орудия с двусторонним лезвием достоверно известны только среди материалов могильника Шаманка. В большинстве случаев лезвие захватывает около 4/5 длины изделия, реже – около половины или всю длину. На нескольких орудиях лезвия несут следы односторонней ретушной обработки, перекрывающей шлифовку. Лезвия ножей в верхней части при сопряжении со спиной орудия оканчиваются острием: у орудий первой группы преимущественно остроугольным, у других – тупоугольным либо выпуклым. В единичных случаях отмечено специальное оформление проксимального края в виде треугольного ретушированного выступа (рис. 2.12) или выделение клювовидного острия (рис. 2.14).

Характерной чертой значительной части ножей рассматриваемой выборки является ретушная обработка основания направленной на выделение рукояточной зоны[5], более отчетливо выраженной у изделий полулунной формы. На большинстве ножей также отмечена полная или частичная, как правило, краевая ретушь обушка, захватывающая

rocks of this group widespread in Holocene complexes of the Northern Angara region, rocks with a hardness of ca. 4.5-6.5 are represented (Vishnevsky, Vybornov, Kotlyarov, 2011; Gurulev, 2013; Tomilova et al., 2014. 85; Grishin et al., 2016. P. 152).

[4] За исключением одного крупного ножа ~ 89×56 мм (рис. 2.10).

With the exception of one large knife, ca. 89 × 56 mm (Fig. 2.10).

[5] Подтверждением фиксации инструментов в рукоятях является характер распространения следов износа, незахватывающих базальную часть (Семенов, 1957. Рис. 48.3–6; Кунгурова, 1993. Рис. 1.1,2,4–6; Кунгурова, Горюнова, Вебер, 2008. Рис. 1.1,3–5).

As a confirmation of the fixation of tools in the handles it is supposed the character of the propagation of traces of wear that do not capture the basal part (Semenov, 1957. Figure 48.3-6; Kungurova, 1993. Fig. 1.1,2,4-6; Kungurova, Goryunova, Weber, 2008. Figure 1.1, 3–5).

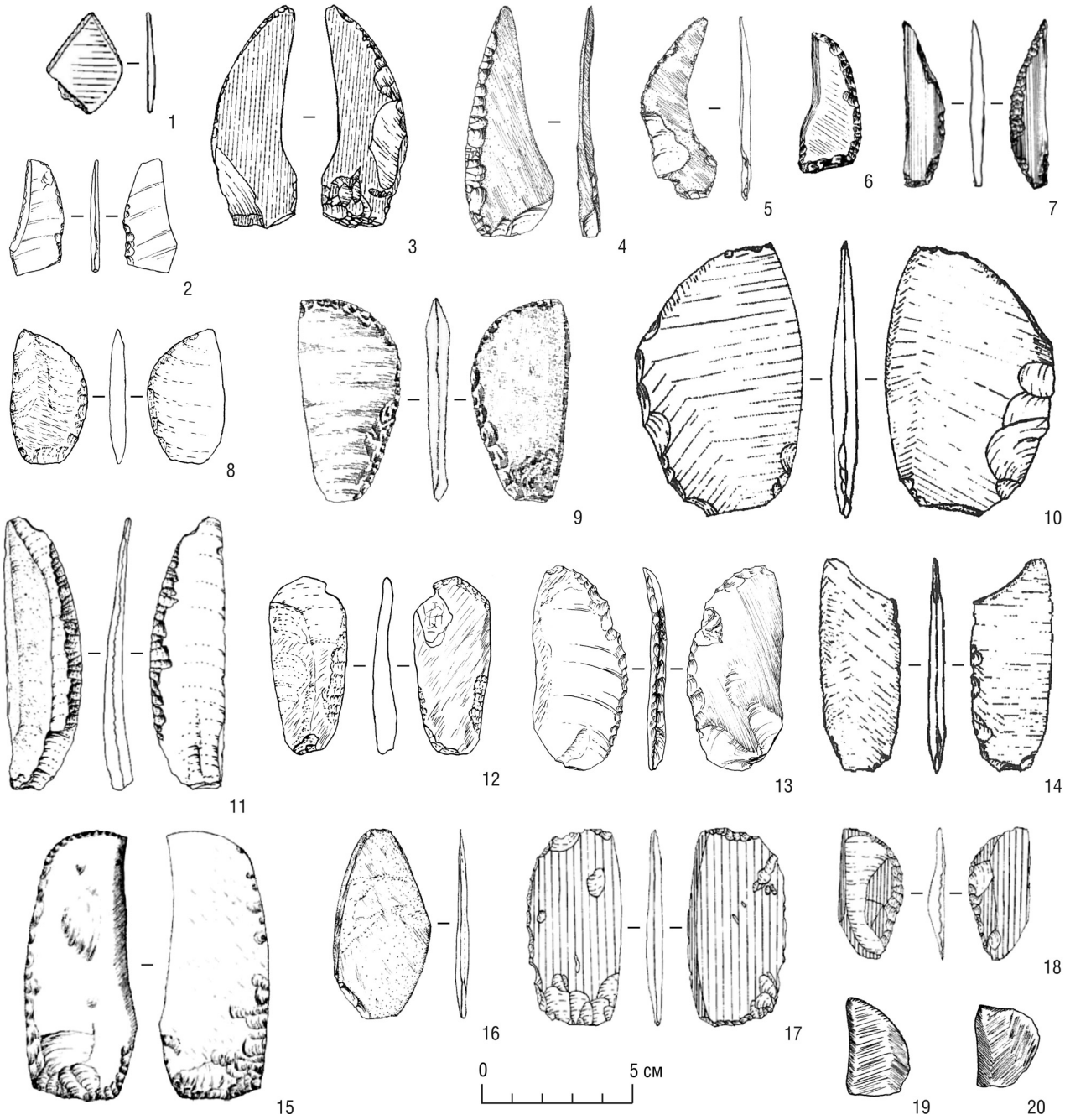


Рис. 2. Каменные шлифованные ножи Северного Приангарья: *1 – Кода-3 (Славинский и др., 2012. Рис. 2.2); 2 – Пашина (Гришин и др., 2016. Рис. 109.5); 3 – Шивера Проспихино II (Выборнов, Субботина, 2010. Рис. 3.1); 4, 5, 16 – Усть-Зелинда-2 (Марченко и др., 2012. Рис. 2.1–3); 6 – Аталонгская (Окладников, 1950. Рис. 61.4); 7 – Хедугин ручей (Лысенко, 2012. Рис. 3.22); 8 – подъемные сборы в районе устья р. Мура; 9 – Сергушкин-2 (Деревянко и др., 2015. Рис. 337.4); 10, 14 – Утес Медвежий (Деревянко и др., 2015. Рис. 172.2,8); 11 – Устье реки Кутарей (Чеха, 2016. Рис. 1.9); 12, 13 – Проспихинская Шивера-IV; 15 – Каменка–1 (Заика, 2009. Рис. 11.1); 17, 18 – Сергушкин–1, пункт «А» (Герман, Леонтьев, 2013. Рис. 8.21,24); 19, 20 – Шаманка (Соколов, 1982. Рис. 5.5, 6.2)*

Fig. 2. Stone grinded knives of the Northern Angara region: *1 – Koda-3 (Slavinskii et al., 2012. Fig. 2.2); 2 – Pashina (Grishin et al., 2016. Fig. 109.5); 3 – Shivera Prospikhino II (Vybornov, Subbotina, 2010. Fig. 3.1); 4, 5, 16 – Ust'-Zelinda-2 (Marchenko et al., 2012. Fig. 2.1–3); 6 – Atalongskaya (Okladnikov, 1950. Fig. 61.4); 7 – Khedugin ruchei (Lysenko, 2012. Fig. 3.22); 8 – surface find near from estuary of Mura; 9 – Sergushkin-2 (Derevyanko et al., 2015. Fig. 337.4); 10, 14 – Utes Medvezhii (Derevyanko et al., 2015. Fig. 172.2,8); 11 – Ust'e reki Kutarei (Chekha, 2016. Fig. 1.9); 12, 13 – Prospikhinskaya Shivera-IV; 15 – Kamenka–1 (Zaika, 2009. Fig. 11.1); 17, 18 – Sergushkin–1, point "A" (German, Leont'ev, 2013. Fig. 8.21,24); 19, 20 – Shamanka (Sokolov, 1982. Fig. 5.5, 6.2).*

зачастую верхний торцовый край. Для орудий из нефрита ретушная модификация не характерна.

Обсуждение

В результате анализа материалов Северного Приангарья, а также источниковой и аналитической базы по каменным шлифованным ножам юга Средней Сибири можно сделать ряд предварительных заключений.

Возраст однолезвийных ножей Северного Приангарья может быть обозначен обобщенно в широких хронологических рамках неолита – палеометалла. При этом, учитывая наибольшее распространение на сопредельных территориях ножей в погребальных комплексах позднего неолита (5200 – 4500 C^{14} л. н.)[6], допустимо предполагать возраст большей части рассматриваемых изделий в этом диапазоне, допуская при этом как более раннюю, так и более позднюю датировку отдельных изделий. Вопрос изменчивости и существования внутренней хронологии шлифованных ножей в настоящее время остается открытым. Отмеченная на материалах других регионов тенденция в использовании нефрита и упрощении моделей формообразования орудий не может быть подтверждена на региональном уровне в виду малочисленности узких датировок находок. В рамках данной проблемы стоит отметить, что в однокультурных (?) захоронениях могильника Шаманка наряду с нефритовыми ножами отмечены изделия из «кремнистого сланца» и «шифера» (Соколов, 1982. С. 103, 105; Луньков, 2002. С. 77). Также в настоящее время невозможно обозначить культурную атрибуцию изделий ввиду слабой разработанности культурно-хронологической периодизации Северного Приангарья.

При наличии вариабельности общей формы, размеров и степени шлифовки однолезвийных ножей Северного Приангарья отмечается устойчивое повторение основных маркирующих элементов: шлифованное лезвие, проксимальное острие, выделенная рукояточная часть, подправка обушкового и, зачастую, верхнего края. Морфологическое разнообразие шлифованных ножей может быть связано с рядом факторов, к которым, в первую очередь, должны быть отнесены обусловленность формы изделий параметрами исходных сколов-заготовок и/или функцией конкретных орудий, а также отсутствием детализированной культурно закрепленной морфо-технологической нормы. При этом необходимо учитывать возможность видоизменения изделий в ходе подшлифовки лезвия (Окладников, 1950. С. 194; Кунгурова, 1993. С. 31; Кунгурова, Горюнова, Вебер, 2008. С. 46) и сопряженной коррекции остальных частей орудия.

Правомерно считать, что специфичность однолезвийных ножей, устойчивость общих признаков, и их распространение в широком географическом и временном диапазоне обусловлены функциональными предпосылками, с чем, казалось бы, входят в противоречие факты фиксации на орудиях различных следов износа. Стоит, однако, думать, что полученные исследователями на различных выборках результаты не противоречат, а дополняют друг друга. Так, необходимо иметь в виду то, что речь идет о следах последнего использования, сформировавшихся после финального подновления лезвия, нивелировавшего предыдущий износ, в связи с чем допустимо предполагать возможность функциональной переориентации орудий в процессе использования. Основными параметрами, определяющими эффективность орудия для тех или иных операций, выступают заточка лезвия (одно- или двусторонняя) и ее угол. Так, среди ножей юга Средней Сибири отмечены орудия как с односторонним, так и двойным лезвием, без их выраженной культурно-хронологической группировки. На различные сферы применения ножей также косвенно указывает, в сумме с отсутствием стандартизации размеров и характера лезвия, вариабельность аккомодационной обработки, которая должна быть связана с различными типами фиксации орудий, на что уже указывалось исследователями, считавшими возможным использование ножей как посредством зажима в руке, так и в рукоятях – прямых (закрепление в торец) или коленчатых (по типу ранних металлических ножей) (Семенов, 1941. С. 205; 1957. Рис. 48.7, 50.2; 1968. С. 108; Окладников, 1978. С. 80; Кунгурова, 1993. С. 31).

[6] Датировка по: (Базалийский, 2012).
Date by: (Basaliisky, 2012).

Таким образом, наиболее релевантной кажется гипотеза о полифункциональной в рамках типа роли однолезвийных ножей как инструментов для обработки твердых органических материалов, в первую очередь древесины, в том числе бересты, что не исключает возможность более узкой специализации инструментов в рамках отдельных этапов использования в зависимости от хозяйственно-производственной необходимости. Так же допустимы изменения круга функций ножей в их исторической динамике при сохранении традиции общей конфигурации и технологии изготовления. Например, в эпоху палеометалла при появлении более универсальных металлических ножей, которое, несомненно, должно было отразиться на характере и сфере применения каменных орудий.

Возможность иного применения шлифованных ножей, в частности как инструментов для разделки рыбы и использования ретушированного «обушкового» края изделия (Шивера Проспихино II), требует дополнительного подтверждения. Однако стоит предполагать ограниченную применимость данной функциональной интерпретации к большим сериям орудий, чему противоречит разнообразие форм изделий и отсутствие в большинстве характерной «коленчатости», являющейся наиболее существенным морфологическим маркером рыбных ножей (Волков, 1999. С. 49).

Заключение

Приведенный обзор находок шлифованных ножей с территории Северного Приангарья при его объективных ограничениях не дает основания говорить об их региональной специфике в рамках юга Средней Сибири. Единообразие однолезвийных ножей предполагает как морфо-технологические, так и, видимо, функциональные вариации в рамках некоторого ограниченного круга задач. Стоит предполагать, что ножи с концевым треугольным лезвием не имели распространения в Северном Приангарье, что должно быть обусловлено слабым влиянием китойского культурного комплекса в регионе, фиксирующегося только по отдельным характерным вещам среди материалов поселений и элементам погребального обряда (Васильевский, 1978. С. 148; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 138).

В рамках дальнейших исследований для уточнения высказанных предварительных заключений представляется необходимым проведение дополнительного экспериментально-трасологического изучения разновременной выборки шлифованных ножей, охватывающей многообразие их морфологических вариаций. Только на этой базе станет возможным достоверное выделение наиболее существенных, функционально значимых морфологических характеристик, комплексная типология и определение их роли в системе стратегий жизнеобеспечения древнего населения юга Средней Сибири.

Автор выражает глубокую благодарность П.В. Мандрыке за возможность публикации материалов комплекса Проспихинская Шивера-IV и М.В. Панюхину за помощь при формировании выборки изделий с территории Среднего Приангарья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-11-24005.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Бердников И.М., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Дударек С.П., Соколова Н.Б., Тимощенко А.А., Попов А.А., Харламова Н.В. Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных

References

Bazaliiskii V.I. Mortuary complexes of Late Mesolithic – Neolithic in the Baikal region of Siberia: mortuary traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2012, iss. 9, pp. 43–101. (In Russian).

Berdnikova N.E., Rogovskoi E.O., Berdnikov I.M., Lipnina E.A., Lokhov D.N., Dudarek S.P., Sokolova N.B., Timoshchenko A.A., Popov A.A., Kharlamova N.V. Generalov Site (Tchouna River). Results of Rescue Excavations in 2013.

работ 2013 года // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. 2014. Т. 7. С. 150–191.

Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 131–151.

Васильевский Р.С., Аксенов М.П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск: Институт истории филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, 1971. Вып. 2. С. 135–201.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Вишневский А.В., Выборнов А.В., Котляров А.В. Петрографический паспорт стоянки гора Кутарей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2011. Т. XVII. С. 26–28.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 1999. 192 с.

Выборнов А.В., Субботина А.Л. Некоторые итоги исследований северо-западной оконечности ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино в Северном Приангарье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 3. С. 94–102.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 151 с.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин–1, пункт «А» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 133–155.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2002. 84 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Изд-во Института археологии

Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [The bulletin of Irkutsk state university. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 7, pp. 150–191. (In Russian).

Vasil'evskii R.S. Archaeological research in the Middle Angara region (some preliminary results of the work of the Angara-Ilim expedition 1967–1974). *Drevnie kul'tury Priangar'ya* [Ancient cultures of the Angara region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, pp. 131–151. (In Russian).

Vasil'evskii R.S., Aksenov M.P. Archaeological research in 1967 in the flood zone of the Ust-Ilimskaya hydroelectric power station. *Materialy polevykh issledovanii Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Field research materials of the Far Eastern archaeological expedition]. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1971, iss. 2, pp. 135–201. (In Russian).

Vasil'evskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya* [Archaeological sites of the Northern Angara region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 224 p. (In Russian).

Vishnevskii A.V., Vybornov A.V., Kotlyarov A.V. Petrographic passport of the site Gora Kutarei. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and contiguous territories]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, vol. XVI, pp. 26–28. (In Russian).

Volkov P.V. *Trasologicheskie issledovaniya v arkheologii Severnoi Azii* [Microwear research in the archeology of North Asia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

Vybornov A.V., Subbotina A.L. Some results of investigation in north-western tip of ensemble by archaeological sites Shivera Prospihino in Northern Angara. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state university. Series History, Philology], 2010, vol. 9, iss. 3, pp. 94–102. (In Russian).

Georgievskaya G.M. *Kitoiskaya kul'tura Pribaikal'ya* [The Kitoi culture of the Baikal region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, 151 p. (In Russian).

German P.V., Leont'ev S.N. The Ust'-Belaia pottery of Sergushkin-1 point "A" site. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of Irkutsk state university. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2013, no. 1, pp. 133–155. (In Russian).

Goryunova O.I. *Drevnie mogil'niki Pribaikal'ya (neolit – bronzovyi vek)* [Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic – Bronze Age)]. Irkutsk: Irkutsk state university Publ., 2002, 84 p. (In Russian).

Goryunova O.I. *Serovskie pogrebeniya Priol'khon'ya (oz. Baikal)* [Serovo burials of Olkhon island region]. No-

и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Ранненеолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 45–62.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.В. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2004. 88 с.

Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: могильник Шумилиха. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1981. С. 17–28.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулёв Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.). Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 168 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 2).

Гурулёв Д.А. Каменное сырье стоянки Аплинский порог (Северное Приангарье) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов LIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Владивосток, 24–30 марта 2013 г.). Владивосток: Издательский дом ДВФУ, 2013. С. 29–31.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2015. 564 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

vosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 112 p. (In Russian).

Goryunova O.I., Novikov A.G., Veber A.V. Early Neolithic complex of V (lower) cultural layer of settlement Sagan-Zaba II on Lake Baikal: planigraphy and dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of Irkutsk state university. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 8, pp. 45–62. (In Russian).

Goryunova O.I., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.B. *Drevnie pogrebeniya mogil'nika Ulyarba na Baikal (neolit – paleometall)* [Ancient graves of the Ulyarba burial grounds on Lake Baikal (the Neolithic and Metal ages)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 88 p. (In Russian).

Goryunova O.I., Smotrova V.I. Grave complexes of the burial ground of Shumilikha (analysis of materials and dating). *Bronzovyi vek Priangar'ya: mogil'nik Shumilikha* [Bronze Age of the Angara region: Shumilikha burial ground]. Irkutsk: Irkutsk state university Publ., 1981, pp. 17–28. (In Russian).

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Gurulev D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A., Vasil'ev S.K., Kerbs E.A. *Stoyanka Pashina v Severnom Priangar'e (issledovaniya 2008–2009 gg.)* [Pashina site in the Northern Angara region (research of 2008–2009)]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. [Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016, 168 p. (Tr. Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Boguchany archaeological expedition]; vol. 2). (In Russian).

Gurulev D.A. Stone raw materials of the Aplinsky porog site (Northern Angara). *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya ATR. Mezhdistsiplinarnyi aspekt: materialy dokladov LIII Regional'noi (IX Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, 24–30 marta 2013 g., Vladivostok* [Archeology, Ethnology and Anthropology of the Asia-Pacific region. Interdisciplinary aspect: the materials of the reports of the LIII Regional (IX All-Russian with international participation) archaeological and ethnographic conference of students, graduate students and young scientists, March 24–30, 2013, Vladivostok]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publ., 2013, pp. 29–31. (In Russian).

Derevyanko A.P., Tsyibankov A.A., Postnov A.V., Slavinskiy V.S., Vyibornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V., Prisekaylo A.A., Markovskiy G.I., Dudko A.A. *Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody)* [Boguchany archaeological expedition: an essay of field research (2007–2012)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, 564 p. (*Tr. Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Pro-

Долганов В.А. Корреляция комплексов поселений и погребений позднего неолита Приольхонья (озеро Байкал) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 76–81.

Дударек С.П., Лохов Д.Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 54–80.

Заика А.Л. Неолитическое погребение в устье р. Каменки на Нижней Ангаре // Известия Лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 60–72.

Крижевская Л.Я. Неолит поселения в устье р. Белой (по материалам раскопок 1957 и 1959 гг.) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 69–95.

Кунгурова Н.Ю. Шлифованные ножи Верхнего Приобья // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1993. С. 30–33.

Кунгурова Н.Ю., Базалийский В.И., Вебер А.В. Функции орудий из погребений могильника Шаманка II (предварительные результаты) // Известия Лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 57–64.

Кунгурова Н.Ю., Горюнова О.И., Вебер А.В. Результаты трасологических исследований каменных изделий из погребений могильника Хужир-Нугэ XIV (Приольхонье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 44–56.

Луньков А.В. Могильник в устье реки Шаманки (Северное Приангарье) // Археологическое наследие Байкальской Сибири. 2002. Вып. 2. С. 74–85.

Лысенко Д.Н. Поселенческий комплекс стоянки Хедугин ручей (результаты работ 2011 г.) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2012. Вып. V. С. 85–96.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 149–171.

Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Казакова Е.А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в

ceedings of the Boguchany archaeological expedition; vol. 1]). (In Russian).

Dolganov V.A. Correlation complexes of settlements and burials of late Neolithic in Cis-Ol'khon (Baikal lake). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: History, Philology], 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 76–81. (In Russian).

Dudarek S.P., Lokhov D.N. Burial complexes of the Bronze Age in the Northern Angara region. Chronology problems and cultural identity. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of Irkutsk state university. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 7, pp. 54–80. (In Russian).

Zaika A.L. Neolithic burial at the estuary of Kamenka River in the Lower Angara region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2009, iss. 7, pp. 60–72. (In Russian).

Krizhevskaya L.Ya. Neolithic site at the estuary of Belaya (based on excavations from 1957 and 1959). *Drevnie kul'tury Priangar'ya* [Ancient cultures of the Angara region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, pp. 69–95. (In Russian).

Kungurova N.Yu. Grinded knives of the Upper Ob' region. *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoi Sibiri* [Culture of the ancient peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University Publ., 1993, pp. 30–33. (In Russian).

Kungurova N.Yu., Bazaliiskii V.I., Veber A.V. Functions of tools from burials of the Shamanka II necropolis (preliminary results). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2008, iss. 6, pp. 57–64. (In Russian).

Kungurova N.Yu., Goryunova O.I., Veber A.V. Reluts of microwear examination of stone pieces from burials of the Khuzhir-Nuge XIV necropolis (Olkhon island region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2008, iss. 6, pp. 44–56. (In Russian).

Lun'kov A.V. Burial ground at the estuary of Shamanka (Northern Angara region). *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri* [Archaeological heritage of Baikal Siberia], 2002, iss. 2, pp. 74–85. (In Russian).

Lysenko D.N. *Poselencheskii kompleks stoyanki Khedugin ruchei (rezul'taty rabot 2011 g.)* [Settlement complex of the site Hedugin ruchei (results of works 2011)]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2012, iss. V, pp. 85–96. (In Russian).

Makarov N.P. *Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy Krasnoyarskoi lesostepi* [Chronology and periodization of the Neolithic and Bronze Age of the Krasnoyarsk forest-steppe]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2005, iss. 3, pp. 149–171. (In Russian).

Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Kazakova E.A. Researches at the Ust-Zelinda-2 burial ground

2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. XVIII. С. 455–460.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2010. 296 с.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 288 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 43).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. Ч. I, II. 412 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 18).

Славинский В.С., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Казакова Е.А., Милютин К.И. Археологические комплексы стоянки Кода–3 (Северное Приангарье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 194–205.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1957. № 54. 240 с. (Материалы и исследования по археологии СССР).

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 356 с.

Семенов С.А. Следы употребления на неолитических орудиях из ангарских погребений // Палеолит и неолит СССР. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 2. С. 203–211. (Материалы и исследования по археологии СССР).

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Зольников И.Д., Васильев С.К., Сердюк Н.В., Слепченко С.М., Марковский Г.И., Милютин К.И., Искаков Г.Т. Археологические комплексы стоянки

in 2012. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and contiguous territories], 2012, vol. XVIII, pp. 455–460. (In Russian).

Novikov A.G., Veber A.V., Goryunova O.I. *Pogrebal'nye kompleksy bronzovogo veka Pribaikal'ya: mogil'nik Khuzhir-Nuge XIV* [Burial complexes of the Baikal region Bronze Age: Khuzhir-Nuge XIV necropolis]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. [Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2010, 296 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Verkholenskii mogil'nik – pamyatnik drevnei kul'tury narodov Sibiri* [Verkholensky necropolis – burial site of ancient culture of peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, 288 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. Neolithic and Bronze Age of the Baikal region: Glazkovo period. Part III. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, 374 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR, no. 43]). (In Russian).

Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. I i II* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region: historical-archaeological research]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. Part I, II. no. 18, 412 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]). (In Russian).

Slavinskii V.S., Anoikin A.A., Rybalko A.G., Kazakova E.A., Milyutin K.I. The archaeological complexes of Koda-3 site (the Northern Trans-Angara territory). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: History, Philology], 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 194–205. (In Russian).

Semenov S.A. *Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneishikh orudii i izdelii po sledam raboty)* [Prehistoric technology (an experimental study of the oldest tools and artefacts from use-wear traces]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. no. 54. 240 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]). (In Russian).

Semenov S.A. *Razvitie tekhniki v kamennom veke* [The development of technology in the Stone Age]. Leningrad: Nauka Publ., 1968, 356 p. (In Russian).

Semenov S.A. *Sledy upotrebleniya na neoliticheskikh orudiyakh iz angarskikh pogrebenii* [Traces of use on Neolithic tools from the Angara burials]. *Paleolit i neolit SSSR* [Paleolithic and Neolithic of USSR]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, no. 2, pp. 203–211. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]). (In Russian).

Slavinskii V.S., Rybin E.P., Rybalko A.G., Anoikin A.A., Tsybankov A.A., Zol'nikov I.D., Vasil'ev S.K., Serdyuk N.V., Slepchenko S.M., Markovskii G.I., Milyutin K.I., Iskakov G.T. Archaeological complexes from Ust-Tushama-1 site (North-

Усть–Тушама–1 (Северное Приангарье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7. С. 109–123.

Соколов В.Н. Новые данные по археологии Средней Ангары // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1982. С. 101–116.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследований 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 82–99.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА. Москва. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

Чеха А.Н. Каменные индустрии слоя 3 стоянки Устье реки Кутарей в Северном Приангарье // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 106–113.

Сведения об авторе

Гурулёв Дмитрий Александрович,
младший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, г. Красноярск,
просп. Свободный, 79,
e-mail: pepel-ls@mail.ru

Критерии авторства

Гурулёв Д.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ern Trans-Angara basin). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: History, Philology], 2014, vol. 13, iss. 7, pp. 109–123. (In Russian.

Sokolov V.N. New data on the archeology of the Middle Angara region. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Material culture of the ancient population of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutsk state university Publ., 1982, pp. 101–116. (In Russian).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.N., Makhlaeva Yu.M., Gorel'chenkova O.A., Kharevich V.M., Oreshnikov I.A. Multilayered site Ust'-Kova I in the Northern Angara region: investigation results of 2008–2011. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The bulletin of Irkutsk state university. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 8, pp. 82–99. (In Russian).

Khlobystin L.P. Multilayered site Ulan-Khada on Baikal Lake (based on the materials of B.E. Petri). *KSIA* [Summaries of reports and field researches of the Institute of Archeology]. Moscow, 1964, iss, 97, pp. 25–32. (In Russian).

Chekha A.N. The stone industries of layer 3 of the Ust–Kutarey site in North Angara region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk state university journal of history], 2016, no. 6 (44), pp. 106–113. (In Russian).

Information about the author

Dmitry A. Gurulev,
junior researcher, Laboratory of Archaeology, Ethnography and History of Siberia,
Siberian Federal University,
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation,
e-mail: pepel-ls@mail.ru

Attribution criteria

Gurulev D.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 904
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-54-73

MATERIAL CULTURAL HERITAGE OF THE XIONGNU EMPIRE

© D. Erdenebaatar

Ulaanbaatar State University,
5-th khoroo, Bayanzurkhdistrict, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. This article will tell you about the general results of the archaeological exploration of the field season 2001–2011 on the site of the Gol mod-2-nd in Balgasiin tala. We are finished the big tomb visiting a Xiongnu elite man. The tomb itself is very large in size 86 meters long, 45–46 meters wide, 2–4 meters high and have 30 satellite burial's. We have a radio-carbon date it shows 40–80 years old AD, which that analysis is done in the laboratory NSF-Arizona AMS of the University of Arizona USA. This dating indicates how much greater age compared to the items found so far in the Xiongnu burial in the territory of our country, as well as in the Russian Federation. Another artifact, according to which you can determine the time of burial, is to serve the above-described cups of glass from the times of the Roman Empire. New material evidence has been found for a broad connection between the state of Xiongnu and the old west and east. The number of satellite burials at one large grave of the ruler, the number of horses brought as a sacrifice, about the seventeenth of chariots and carts put into the burial, their gold silver ornaments and articles of bronze and iron, as well as dishes made of clay and other materials indicate that this burial not an ordinary nobleman, but a great ruler, one of the shanyu-kings of the Xiongnu state.
Keywords: *Xiongnu, Balgasiintal, Gol mod, Han dynasty, the funeral ritual's and ceremony, burial's, elite tomb, horses brought as a sacrifice, chariots and carts, gold and silver decoration ornaments articles, large jade circle, Roman cups of multi-colored glass*

Article info. Received May 3, 2018; accepted for publication May 31, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Erdenebaatar D. Material cultural heritage of the Xiongnu empire. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 54–73. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-54-73. (In Russian).

МАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИИ ХУННУ

© Д. Эрдэнэбаатар

Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор, ул. Баянзурх, 5-й хороо.

Аннотация. В статье идет речь об общих результатах археологической разведки полевого сезона 2001–2011 гг. на памятнике Гол Мод-2 в Балгазийнтал. Мы закончили большую гробницу, посетив элитного человека Хунну. Сама гробница очень большая по размеру – 86 м в длину, 45–46 м в ширину, 2–4 м в высоту, она имеет 30 сопутствующих погребений. Установлена радиоуглеродная дата, показывающая возраст гробницы – 40–80 гг. н. э. (анализ проводился в лаборатории NSF-Arizona AMS Университета Аризоны США), это указывает на то, что предметы, найденные здесь, имеют гораздо больший возраст по сравнению с находками, обнаруженными ранее в хуннских захоронениях на территории Монголии и Российской Федерации. Другим артефактом, по которому можно определить время погребения, служат стеклянные чаши времени Римской империи. Были найдены новые вещественные доказательства, указывающие на связь государства Хунну со старым западом и востоком. Число сопутствующих захоронений в одной гробнице, количество лошадей, принесенных в жертву, колесницы и телеги, помещенные в погребение, золотые и серебряные украшения, изделия из бронзы и железа, блюда из глины и других материалов – все это указывает на то, что здесь захоронен не рядовой представитель элиты, а великий правитель, один из шаньюев-царей государства Хунну.
Ключевые слова: *Хунну, Балгазийнтал, Гол Мод, династия Хань, ритуал похорон, церемония похорон, погребения, элитная гробница, принесенные в жертву, колесницы и телеги, изделия из золота и серебра, украшения, большой нефритовый круг, римские чаши из разноцветных стекол.*

Информация о статье. Дата поступления 3 мая 2018 г.; дата принятия к печати 31 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Эрдэнэбаатар Д. Материальное культурное наследие империи Хунну // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 54–73. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-54-73

One of the peoples, who established their state in 400–300 BC on the territory of Asia and left the vivid traces of their civilization, is the Huns. On account of the recording the Huns as "匈奴" Xiong-nu (Hsiung-nu) in ancient Chinese resources, the western scholars and historians named the Huns as "Hunnu" (Khűnnű or Khunnu). In western historiography, specifically in ancient Roman and Greek history, the Huns were named as "Gunn" (Hun) or "Scythians", which resulted scholars, archeologists and historians write the history of the Huns under various names of Scythians, Hunnu [xjuŋ-nu] and Gunn (Hun).

The questions of 'Who were the Huns? Who were their successors and descendants?' still are the matters that present historians and archeologists couldn't solve as final. A scientific hypothesis of world history that 'Huns are Turkish and Turkish are not Mongols' still persist valid among many historians of the world, which in one hand does err the ancient history of Mongolia. In the other hand, it is a largely disputable issue to underestimate the 'history and culture' of the Mongols through a political-scientific method with an aim to use the history of the nomads with benefits for them.

Unfortunately, it's evident that most of the scholars and researchers who follow the idea of 'Huns are Turkish and Turkish are not Mongols' have never been to our country of Mongolia or they didn't notice the ancient and present correlations of Mongolian history-culture, customs and traditions.

Although Mongolian historians, including A.Amar (Амар, 1989. P. 31–38), renowned political personality and historian and G.Sukhbaatar (Сүхбаатар, 2000. P. 156–197), eminent historian did prove that the Hun state is the ancestors of Mongolians through certain evidences, Eastern and Western scholars haven't discerned it yet.

By that time in 400–300 years BC, the territory of the Hun state was totally different than current territorial maps of countries and the historical-cultural heritage and archeological finds created by the Huns are left on the territory of Mongolia as well as in China, Russia and other Eurasian countries. Certain scholars consider that the Huns migrated from Ordos, south-west of present Mongolia. Ordos was once the native land of Mongolians for generations, from earlier than the period Hun state through Great Mongol State.

The archeological finds yet discovered such as ancient tombs, city ruins and rock drawings (petroglyph) prove that the Huns were native to the present territory of Mongolia (Fig. 1).

When and how did the study of the history of the Hun state and its archeological finds start? How do the Huns turn out to be our predecessors? It's already time to respond to those questions. We do consider it's the time for us Mongolians to answer and disclose these matters to the world.

Eight hundred years ago, Great lord Chinggiskhaan noted in his invitation letter to Ch'angCh'un (QiuChuji) Daoist sage: "It seems to me that since the remote time of our shanyű such a vast empire has not been seen..." (Ли Жичан, 2010. P. 191), which remarkably stated that the Mongols are direct descendants of the Hun state.

This confirms that we, Mongols, were well aware of their history and origin. The Chinese, our southern neighbor, has had a settled way of life with lesser movement or migration, had meticulous methods to preserve their heritage on paper documentation, they were well aware of and used to write down our history. However, in their own distinction, they never forgot to note that 'the people in the north... are barbarians' in accordance with Chinese state policy and they has been recording this way in their chronicles for generations.

In the West, Jean-Baptiste Du Halde, French sinologist published his encyclopedic survey anthology of "The General History of China Containing a Geographical, Historical, Chronological, Political and Physical Description of the Empire of China, Chinese-Tartary, Corea, and Thibet; Including an Exact and Par-

Fig. 1. Dispersal of an elite tomb's on the territory of Mongolia
Рис. 1. Распространение элитных могил на территории Монголии

ticular Account of Their Customs, Manners, Ceremonies, Religion, Arts, and Sciences: The Whole Adorn'd with Curious Maps, and Variety of Copper-Plates" (Borovkova, 2001. P. 15) in 1738. This compilation of recordings on the history, origin, culture and communications of the nomads in ancient Chinese resources founded the start of specific studies on the history of the Hun Empire. Unfortunately, the western researchers did conduct their studies on Asian history from 'distance' without facing with the Mongols, who preserved their authentic culture and traditions, which led them to perceive the Huns as Turks in traditional western concept, considering the Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan in Middle Asia as Turks. These countries have their independent history, customs and traditions as well as their husbandry engagement that reflect largely and keep certain traces of culture and statehood policy of the Hun State and its following nomadic states to the Great Mongol Empire in their language, culture and way of life in any kind of form. However, these countries indeed, underwent the waves of statehood policy and culture of the Hun State through the succeeding states of Rouran, Turk, Uyghur to Great Mongol Empire, but their culture did not affect the Mongols. There's no evidence of ethnographic-culture and history to correlate and compare the Turkic State established and empowered in 6–8th century AD on the territory of Mongolia with present Turkmenistan and Turkey.

The people who developed and spread the geographical knowledge and know-how in Eurasian steppe are the proto-ancestors of Mongolians residing on present territory of Mongolia, namely the creators of Deer stone-Khirigsuur culture in Bronze Age through the nomadic states of Hun, Xianbei (Syanbi), Rouran (Nirun), Turk (Gőkturk), Khitan and Great Mongol State. These nomads for generations practiced nomadic pastoralism as the main branch of agriculture and their housekeeping. The mobile and pastoral lifestyle urged the nomads to discover the nature and to find out the border beyond. Thus, the vast steppe of Eurasian has become the main terrain of migration for nomads from generation to generation. The terminology of globalization has served for nomads as nomadic pastoralism and territory for nomadic people of that time.

The Chapter 110 of the Records of the Grand Historian (Shiji) by Sima Qian, ancient Chinese historian, contains a section titled "The Account of the Xiongnu"that specifically addresses the Hun Empire.

This historical narrative of the Xiongnu have characterized them as "[The Huns] dwell in the northern land, wandering from place to place pasturing their animals… The animals they raise consist of mainly horses, cows and sheep. Rarer animals include camels, donkeys, mules, hinnies (khulan), superior stallions and small [wild] horses. They move about in search of water and pasture and have no walled cities or fixed dwellings, nor do they engage in any kind of agriculture. Their lands, however, are divided into regions under the control of various leaders" (Syma Tsyan', 2002. P. 323).

For people of settled way of life, the nomads are seen as wandering people who just 'follow their animals'. Indeed, the nomads, specifically the Huns were fully cognizant of the climate and weather conditions, its gradual change and local geographic features of nature and they could protect and prevent from natural calamities their livestock by being well aware of which pasture of what herbs and water resources to pasture the livestock in seasons of summer and autumn for rearing and fattening and where to spend the winter and spring to overcome the harshness of weather for keeping the livestock safe and strong. For people who were totally unaware of such knowledge and methods, the nomads were barbarians 'wandering from place to wherever' and knowing nothing of walled cities. It's also written that "They all… From the chiefs of the tribe on down. Everyone *eats* the *meat* of the domestic animals and wears clothes of hide or wraps made of felt or fur" (Syma Tsyan', 2002. P. 323).

Likewise, the subsistence and customs would have seemed unacceptable and primitive to them for they were not aware that how the Huns processed the wool and cashmere and spun threads, how processed the hides and skin of livestock and tailored their clothes, how they supplied the harnesses and household items as well as warmed their dwellings from the raw materials derived from the livestock.

Taming and domesticating the wild animals and developing the animal husbandry as the main practice of socio-economy is one of the greatest achievements of the mankind and is a long-lasting tradition of knowledge and know-how of thousands of years. In originating and developing the animal husbandry, the people of the Hun State discovered the nature and found out the vastness of the earth. They recognized the earth is not just an assortment of flora and fauna, but is the resource that supplies all the needs of human beings and wildlife. They extracted the non-ferrous and precious metals of copper, lead, gold and silver, discovered the bronze, copper alloy of harder and more durable quality that was used in making weapons, house wares, decorative objects and horse harnesses and made objects of gold and silver for decorative and artistic purposes. In extracting and utilizing the natural resources, the nomads were aware of keeping environmentally harmless without destroying or polluting the pasture grassland, the core basis of the nomadic civilization. The nomads did develop their astronomy by discovering the celestial bodies, correlating and regulating their daily occupations.

The Account of the Xiongnu' in the Chapter 110 of the *Records of the Grand Historian* by Sima Qian reads, "...Every year in the first month the important people hold a restricted meeting at the Shan-yű'scourt, and perform sacrifices. In the fifth month they have a large gathering at Lung-ch'eng, where sacrifices are conducted to the Hunnu ancestors, Heaven and Earth, and the gods and spirits … At dawn the Shan-yü leaves his camp and makes obeisance to the sun as it rises, and in the evening he makes a similar obeisance to the moon. [. . .] Whenever the Hunnu begin some undertakings, they observe the stars and the moon. They attack when the moon is full and withdraw their troops when it wanes…" (Syma Tsyan',2002. P. 330). It is a clear evidence of how vital the motions and locations of the sun and the moon were for the Huns. "In autumn when the horses are fat, another great meeting is held at the Dai Forest when a reckoning is made of the number of persons and animals". The ancient Chinese historical resource states that "[the Huns] they have no writing, even promises and agreements are only verbal"; yet it soon after reads that "they note down by making cuts on a piece of wood (ko-mu)"and "their script is ugly as bird claw". The historical recording also states the diplomatic letters between the Hun State and the Han Dynasty in 162 BC and reached peace settlement through marriage treaty (Syma Tsyan', 2002. P. 336, 338).In like fashion, there are numerous contradictory

facts on nomads in the Records of the Grand Historianby Sima Qian. It's a Chinese way to describe the Huns as savages with no written culture, of whom the strongest tyrannize the weak. This idea is mentioned in the Records of the Grand Historian. It reads"...the young and strong to eat the fatty and delicious food and the elderly to eat what is left over. Thus they value the strong and healthy and despise the elderly and weak…" (Syma Tsyan', 2002. P. 323). Then after few lines, it states that "…The elderly [of the Xiongnu] are unable to fight. Therefore we give their fatty and delicious food to the young and strong, and thus the elderly may be protected and defended…' (Syma Tsyan', 2002. P. 336).

To anyone foreign and of sedentary culture, the nomadic way of life has many to be perceived falsely or considered unacceptable. In accordance with the tradition paying respect to the family host and the guests, it's no custom in a nomadic family to offer and have meal together with elders, wife and children at once. Until present, it's a tradition of paying respect for Mongolians and other felt-walled nations to have meal after having the family host and the guests offered meal. To foreigners, it may seem a custom discriminating and disrespecting the elders, women and children rather than Mongolian way to esteem the men-warriors. There's no definite information recorded on nomadic housekeeping activities of processing the dairy products and other foodstuff, processing animal skin and hides, spinning threads of wool and cashmere, making textiles and other consumption products to supply own needs.

In most cases, the western scholars followed the misconception on authentic nomadic way of life, their culture, traditions and customs as recorded by Chinese historians in disregard and misunderstanding of the nomads in the north in an underestimated manner; resulting misinterpretation and false translation by westerners, depicting the nomads as "barbarians" for their lacking knowledge and understanding of nomadic people. The fallacy of such historical resources has misled the historians and archeologists of the world for centuries until late 18–20th century. A nation that doesn't understand and recognize the culture of other nation would emphasize their incorrect perception directly in their historical resources without any annotation. We, Mongolians, as well, do not clearly perceive the sedentary culture and their practice in agriculture and we don't know much of their cultivation, harvesting and their culinary art. The Mongols disliked sedentary culture and disfavored living settled and building larger cities. Although the nomads built manufacturing villages, military fortifications and ramparts in correlation with the pastoral nomadism, the settled constructions of the nomads distinguished principally from the cities, walled fortresses and forts of sedentary people.

These are the evidences of historical recordings. The excavation of Hun archeological monuments first started with the anthropological study of 'Ancient inhabitants of Central Asia' by Yu.D.Talko-Gryntsevich, who conducted excavation near Khiagt in the territory of Buryatia, Russia in early 20th century. Later, Yu.D.Talko-Gryntsevich modestly recognized what discovery of great vitality he started (Tal'ko-Gryntsevich, 1999. P. 13–42) upon finding out the archeological excavation results of the expedition led by P.K.Kozlov conducted in the territory of Mongolia.

The years of 1924–1925 were the year of discovery in World Hun studies. In 1912, Andrei Ballod, technician engineer of 'Mongol-Or' gold mine undertook an amateurish dig in one of the largest tombs at NoyonUul, but his request to send and study the material objects he excavated to the Russian Academy of Sciences and Geographic Society 'disappeared' with no response. Right at that time, P.K.Kozlov, who was staying in NiislelKhuree (current Ulaanbaatar) in wait for visa issuance to travel to Tibet, met Ejov, who worked with N.Ballod (Yusupova, 2003. P. 130–131). Drawn his attention to excavate this Hun cemetery, Russian explorer P.Kozlov could obtain the permission from TseveenJamsran, leading scholar and Researcher and Secretary of Mongolian Institute of Sutra and Literacy (Yusupova, 2003. P. 133). The archeological finds discovered and excavated from the Hun elite tomb at NoyonUula (Yusupova, 2003. P. 953) saved P.K.Kozlov's life, whose expedition had officially been recalled due to accusations made against him for supposed White (anti-Bolshevik) leanings.

Since this discovery, the world was stunned by the history and culture of the Huns and got aware that the Hun wasn't a myth, but a true history. The archeo-

logical finds unearthed from NoyonUul are considered as one of the supreme discoveries in historio-archeology of 20th century and are kept as the invaluably precious treasure of the museum fund exposed at the Mongolian-Tibetan Hall of the State Hermitage Museum in St. Petersburg, Russia. And the territory of Mongolia is still the native cradle preserving the marvelous heritage of history, culture and archeology of the Hun State.

Since publicizing the archeological finds of NoyonUul in Russia and Japan, the perception that the Huns are the Scythians and Scythian culture had greater influence on Hun culture is still in power.

The history of the Huns, who created the most interesting and complicated past in ancient Mongolian history is still of serious attention and interest in the world. The finest example of Mongolian tradition to honor their history and tradition and their knowledge of their origin and culture is the invitation letter from the great lord Chinggiskhaan to Ch'angCh'un, Daoist disciple. It states: "It seems to me that since the remote time of our shanyű such a vast empire has not been seen..." (Ли Жичан, 2010. P. 19, 191), which remarkably noted the history of thousand years. This letter was first translated into Mongolian by N.Ishjamts, renowned historian and academician in 1950s and this translation was included in the book by Ya.Ganbaatar and Ts.Ganbaatar published in 2010.

The issue of the origin of the Great Hun State, recognized worldwide as "Hunnu" and the question of whether the Mongolians are their descendants or not are still unanswered without a final conclusion agreed by international scholars and researchers. The theoretical hypothesis and disputes of "Hunnu is of Turkic origin and the Turks are ethnographically non-Mongols" are still debated. Mongolian historians have noted and proved in their written recordings that the Hun State was a State of Mongols and current Mongolians are the descendants of the Huns with clear evidences for generations.

This time, we again prove that the material culture and archeological finds excavated from the Hun elite interment at Gol Mod II in Balgasyn Tal in the territory of Khanuibagh, Undur-Ulaansoum of Arkhangai province, Mongolia are inseparable part of the cultural heritage of proto-Mongols. The archeological excavations demonstrate the continuation of historic-cultural and ethnographic cultural heritage and traditions transmitted from proto-Mongols for generations from the ancient times of Bronze Age until present.

The arts of the Huns are the continuation of the ancient arts of Bronze Age in the territory of Mongolia and the Mongolians have inherited the traditions of their arts and culture. It's inevitable that those certain western and Russian researchers who consider the Hunnu-Scythian arts from a different point of view would come to Mongolia, conduct studies personally and they may have the opportunities to correct their mistaken perception. Particular scholars and researchers, who studied the life of ancient nomads, history and culture of felt-walled nations not in Mongolia, but from distance, have made attempt to explain the history and cultural traditions of the Hun State by finding the origin and development of history and culture from outside in accordance with their own points of view. Once such false attitude has been dominant, it's a solemn necessity to search for the great culture of the Hun State and its origin within the history of Mongolians, who have been dwelling as nomads in their native land for thousands of years until present.

Until 18–19th century, western historians, who read the mythical history of Xiongnu from ancient Chinese historical recordings, did have doubt on the existence of Hun State in the past. In mid 1920s of 20th century, i. e. 1924–1926, the excavation of ancient tomb, relating to the Hun State, located at NoyonUul in Central Mongoliawas conducted by P.K.Kozlov, Russian researcher (Kratkie otchety ekspeditsiipo issledovaniyu Severnoi Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoi Ekspeditsiei P.K. Kozlova, 1925. P. 1–42). This discovery glorified the name of the Hun State worldwide as a clear evidence of the true existence of the Hun State. The later historical resources, archeological and ethnographical studies once proved that the Hun State did exist and the present territory of Mongolia served as the core center of the Hun State. The people and the elites of the Hun States did not migrate to this land from any other place, but were natives to the land stretching from Altai Mountain range in the west to the Khingan mountain range in the east, from the north of Baikal lake in the north to the Great walls of

China in the south, which have been demonstrated by ancient Chinese historical recordings and the results of archeological studies conducted in the territories of Ordos steppe in Inner Mongolia, China, in Buryatia, Russia and in the territory of Mongolia.

The Hun Empire wasn't established suddenly out of nowhere, indeed it was a state founded on the basis of the rich history and culture of numerous states and tribes of previous eras of Bronze Age. It's certain that the Hun Empire did enrich the former traditions and transmitted their ethnographic and cultural traditions to succeeding states. Having empowered and established a nomadic state in the steppes of Northeastern Asia and expanded into a powerful empire conquering the entire steppe lands of Eurasia, the Hun Empire became the basis for the ancient greater succeeding states of Xianpei, Rouran, Turk, Uyghur, Khitan and Great Mongol.

Following the tradition of the Xiongnu's who crossed the great steppe of Eurasia and discovered the most of the world dry land, the later state's of Rouran and Turk and Great Mongol states conquered entirely these territories of dry land.

A glimpse on the great history and culture of the XiongnuEmpire that created such grand history is presented to delight your eyes and mind. The Huns and their ancestry - proto-xiongnu's, great nomads will definitely take their place on the platform of 'World History'. This we shall accomplish as well. The beginning of this hard and grand work is this book we present to you.

Customs and Traditions of the Interment and Funeral Rites of Hun Elites

In ancient Chinese historical resources, the recordings on funeral rites of Xiongnu kings and elites and correlated information are found. For instance, in the Chapter 110 of the Records of the Grand Historian by Sima Qian, Chinese historian, it's written that "...In funerals they use coffins and cases containing gold, silver and clothing; but they hacy no grave-mound, trees or mourning apparel. When a ruler dies, the ministers and concubines who were favoured by him and who are obliged to follow him in death often number in the hundreds or even thousands..." (Syma Tsyan', 2002. P. 330).

Observing the results of the excavations of Hun elites, the tombs of Hun kings and elites are discovered at sites of NoyonUul, Takhiltynkhotgor, Gol Mod, DuurligNars, Gol Mod II on the territory of Mongolia and at Ilim and Tsaram in Buryatia, Russia. Among those archeological sites, large tombs accompanied by attendants numbering more than ten as recorded in the Records of the Grand Historian (Shiji) by Sima Qian, main ancient Chinese historical resource. One of the main representations of the Hun elite cemeteries is the elite burial no. 1 at Gol Mod II excavated in the area of Balgasyntal (Ruin Steppe) in Khanuibagh of Undur-Ulaansoum of Arkhangai province. It had 30 accompanying burials, all of which, excluding one, were directly correlated to the elite tomb no. 1 (Балгасынталдахь, 2015. P. 30–47).

The funeral rite to accompany the burials along the two sides of the elite tomb is evident. Such funeral rite was first discovered in the funeral rituals implemented at the Hun elite tomb at Tsaram in Buryatia (Minyaev, Sakharovskaya, 2002. P. 88); then is observed at elite interments at Gol Mod II in Arkhangai province in Mongolia (Allard, Erdenbaatar, Batbold, Miller, 2002. P. 637–638) and in TakhiltynKhotgor in Khovd province (Miller, Bayarsaikhan, Egiimaa, Lee Ch, 2007. P. 27–36).

A tomb complex accompanied by hundreds or a thousand burials as written in historical records hasn't been found, it is evident that the funeral rite and tradition to bury offerings of the properties and wealth of the departed Hun elites and to accompany certain number of their servants to the funeral was firmly inherited, performed and transmitted during the entire period of the Hun State.

The Hun elite cemetery at Gol Mod II in Balgasyn Talsite,comprises over 190 elite tombs yet discovered. The Elite tomb 1 unearthed was approximately 80 meters in length and 40 meters in width when unexcavated. It was covered with topsoil with larch trees and grass grown, particularly the main tomb and the accompanying burials were covered with about 20 larch trees. Twenty seven accompanying tombs were arranged north-south in a lune (crescent) -shaped semi-circular line ordered big-small to the east of the tomb 1. Between the 27 accompanying tombs and the tomb 1, one circular shaped tomb with a diameter of

26 meters was arranged separately at 10 meters from the tomb 1. One small burial is investigated to the west of the tomb 1, but was identified to be not adjacent to the tomb 1 as a result of excavation (Miller, Allard, Erdenebaatar, Lee, 2008. P. 55–70).

A small circular tomb at 10 meters in the north of the tomb 1 and a small circular-shaped tomb at 3 meters to the west were investigated. Thirteen pairs of stone piles or clusters are arranged west-east in two lines in a length of 28 meters starting at additional 10 meters in the north of the accompanying tomb 28 located at the north of the tomb 1, which are the core components of this interment complex (Fig. 2). There was no deposit investigated of burning animal bones or fire between these two stone lines of 13 stone piles. The distance between these stone lines of thirteen pairs of stones was 1 meter.

After finishing the complete stratification removal, the tomb 1 was 86 meters in length, including the access ramp or funerary path, which alone lies 37 meters in length. The exterior western and eastern walls of the main tomb are both 48 meters in length, 3,5 meters in height. The northern wall that demonstrates the width is 46 meters in length and 3.5 meters in height. The western stone slab wall stretches 46 meters in length with a height of 2,0–2,20 meters in height (Fig. 3). The southern side of two joint walls with the ramp and entrance gate is 42 meters in total. The entrance gate or the top part of the trapezoidal ramp is 22 meters in width and the ramp bottom is 8 meters in width. As the stone cluster of the ramp wasn't symmetrically arranged orienting to the south in balance with the stone wall of the main tomb, additional stones were applied outside the ramp to balance symmetrically with the facade of the main tomb. A stone slab longitudinal wall erected vertically runs across the stone cist from the northern wall down to the stone row margin of the ramp. From this longitudinal stone wall, two perpendicular stone walls are arranged west east forming chambers.

Fig. 2. Satellite burial's elite tomb on the Gol mod-2
Рис. 2. Сопутствующие элитной могиле погребения на Гол Мод-2

Fig. 3. Elite tomb on the Gol mod-2 in site Balgasiintal
Рис. 3. Элитная могила на Гол Мод-2 на памятнике Балгазийнтал

It's evident that the stones of the longitudinal wall were arranged in saw set in north-south direction. Up to the facade wall with the ramp, the perpendicular stone walls are arranged for chambers separated west and east.

The tomb 1 was excessively looted with less possibility to identify the funeral rites implemented for the tomb, however the location of the log chamber, remains of coffin and locations of funerary offering of objects, including earthenware and decorative artifacts, its placement of the deceased orientating north and its funerary rite are equitable to that of other Xiongnu cemeteries investigated in former expeditions (Доржсүрэн, 2003. P. 170–214).

Funeral rites of Xiongnu King Interment

The grave pit of the internment entombing the departed is 21 meters in depth down to the bedrock, inside which a wooden chamber with a dimension of 6mx8m was built of larch logs of 25–30 cm in diameter. The wooden burial chamber is enclosed with blocks of schist 1 meter in depth. On this stone slab layer, a funeral rite of large fire was implemented, resulting a coal layer of 1 meter in thickness. On this coal layer, 16–17 chariots utilized by the Xiongnu king were internationally broken and burnt. This quantity was reckoned by calculating the unearthed wheel hubs, axle end pieces, beams, bronze and iron parts of the chariots. One wooden chariot was accompanied unburnt, which is a lacquered thin chariot of Chinese Han Dynasty. This chariot, possibly, was not a transportation vehicle for utilization, but may be presented from Han Dynasty in dedication to funeral rite of the Xiongnu king. This chariot was placed intact on the stone slab layer atop of charcoal layer, but it was apparent that its left wheel and wagon were broken during the excessive looting. Observing the funerary architecture atop the interment, it's evident that the grave pit was fenced with stone slabs as enclosure and finalized at the dromos. At 16 meters below the ground in the northern part of the burial mound, about 30 horses and 5–6 horned sheep or goat are sacrificed as zuldofferings, all of which heads oriented north.

Zuldis a traditional Mongolian cuisine of sheep head, neck, short ribs, five internal organs of heart, lungs, liver, kidney and spleen, skin and four shanks. Offering zuldin funeral rite has been a customary sacrificial rite of interments performed since ancient

times, particularly from the period of proto-Hun Deer Stone Culture and Khirigsuur Culture of Bronze Age.

The traces of looting by penetrating to the wooden chamber at the southeastern corner are observed. The log wooden chamber was collapsed down to the bottom due to the looter's rectangular hole at the corner and the pressure of overtop layers of sand and blocks of schist 18-20 in thickness that down weighed the chamber for over 2000 years. During the excavation process, it's exposed that in the center of the wooden chamber, a wooden coffin was placed, which was totally destroyed at hands of looters. Even the golden foil ornaments on the outer wall of the thin board coffin were stripped off. Remains of human skull and femur were unearthed and the funeral assemblage of the objects the king used, a variety of vessels, bronze pots, bronze offering tea-pots, bronze plates, bronze ware, earthenware, chariot horse harness ornaments and fittings made of gold, silver and bronze was placed in the exterior side of the coffin. In the west side of the coffin, the two bronze pots, two bronze pots, two bronze teapots, a bronze plate and a bronze vessel were places, while five to six large clay vessels, glass and jade cups were placed at the top or north side of the coffin. In the exterior corridor in the east side down to the wooden chamber wall, the gold, silver and bronze ornaments of horse harnesses and fittings of breast collar and cruppers, bridle and girth were positioned in north-south direction. All the accompanied objects were broken at hands of looters of due to collapse of wooden chamber.

Outside the monumental burial mound of the Xiongnuking, a graveyard of 29 accompanying tombs is located, of which one contained a headless horse burial, while other being human burials. As all the accompanying tombs were looted heavily, no possibility was given to provide sufficient information on humans buried insatellite tombs. However, according to the anthropological studies, the bone remains unearthed from 23 burials out of 28 burials identified the bone remains of 23 persons aging from 1 to 50 (Miller, Allard, Erdenebaatar, Lee, 2008. P. 55–70). The four burials had no remains or traces of human. The funerary assemblages of the satellite tombs were completely damaged, which made impossible to identify whether the departed persons in the satellitetombs were killed intentionally or died a natural death.

The traces of killing the humans for accompanying the Xiongnu tombs of ordinary people were observed at BurkhanTolgoiXiongnu tombs in Egiin Valley in Khutag-Undursoum, Bulgan province and Xiongnu cemetery at Oortsogtolgoi in Battsengelsoum, Arkhangai province; thus it's evident that everyone, without depending on social rank, position and wealth, had human sacrifice of their wife, child, slave, servant or attendant to their interments or afterlife.

The Xiongnu elite cemeteries appear similar to the elite tombs of Chinese Han Dynasty. On account of numerous outer and inner factors of that time, the funeral rites and interment constructions of the ordinary Xiongnu's and Xiongnu elites undertook certain changes. As the Xiongnu State and Han Dynasty were states of equity status, the two countries had close contacts in politics-economy and agriculture-culture, resulting mutual economic and cultural influences. One of such integration is the deep grave pit similar to the typical Han-style "elite" interment. A variety of objects of Han origin, including lacquer wares of cup, plate, bronze mirrors and chariots are found among the funeral assemblages accompanied to both the Hun elite tomb and its accompanying burials.

Material Culture of the Xiongnu's

The buried artifacts accompanied to the Xiongnu interment are the objects that the departed used and are the evidence inseparably related to the shamanic rituals to sacrifice these objects to use in their afterlife after death. In burials of infants, the objects are offered in less quantity with a few numbers of livestock. In case of sacrificing animals to such infant burial, the sacrificial animals are mainly young and newborn animals. It demonstrates that the properties one collected in one's life is directly correlated to the person's age and social rank and position.

The buried objects accompanied to the Xiongnu elite tomb 1 that were excavated at Gol Mod II in Balgasyn Tal in Khanuibagh, Undur-Ulaansoum of Arkhangaiprovinceare the material evidences in abundance to prove that the departed person was a Xiongnu elite, specifically ranking as a king. Although it was looted excessively and it's impossible to find out

what were looted, the vessels, decorative objects of the elite and the decorative horse harnesses, in accordance of their quality, quantity and both in appearance and context, definitely demonstrate that it is a tomb of a Hun king ordained from Heaven.

The main representation of the decorative objects survived looting is the jade disk, 23 cm in diameter, with a circular opening in the center.

Jadedisk

Researchers propose diverse hypotheses about the original function and significance of the jade disk. This jade disk is made of jade, 22,8 cm in height and 18,5 cm in diameter. The jade disk is crowned with two confronting felines sinking their fangs into the circle in the middle that's 2 cm in diameter. The crowning figures are 15 cm in width and 4,5 cm in height, where the two confronting felines are depicted symmetrically in the same size and shape. The chest, fore legs, hind, hind legs and the tail of both felines are ornately engraved in exquisitely curlicue pattern. A round circle with a diameter or 11,5 cm is engraved in relief on the jade disk, of which outer and inner circles, nine carnivores are engraved in relief to both sides of the disk. For instance, the chest of a carnivore is engraved on one side and its hind part is engraved in relief on the other side. The inner circle has 112 knob-like grain patterns in relief on one side and 126 knobs on the other side (Fig. 4).

This jade artifact is an object reflecting the cultural influence of Han Dynasty; nevertheless the geologists prove that such whitish jade is the iron-rich jade found in abundance at Mongol Altai mountain range. The engraving in relief on jade disk certainly depicts the ornate zoomorphic design of the nomads. Comparing this disk to the jade *pi*disksof similar date, particularly that related to the Han Dynasty period (Jades of Han Dynasty, 2005. P. 47–53), any jade object of the same shape and design as the jade disk unearthed from the Xiongnu elite tomb 1 at Gol Mod 2 hasn't been discovered to date.

Observing the rituals of ancient Chinese dynasties, such jade disks are explained diversely as a symbolic object to purify the path of the departed, an object of honor to accompany the king or elite or as a sacrificial object of offering rites. This jade disk, fortunately survived the looting for being attached to the coffin wall may have served as a ceremonial item to demonstrate the power and the rank of Hun king at that time. Although formerly, broken pieces of a circular-shaped jade object were excavated from the Hun elite tomb 1 at NoyonUul in Mongolia, they weren't as large as this jade disk in size. Broken pieces of a circular-shaped jade object unearthed from the Hun elite tomb 2 at DuurligNars in Bayan-Adargasoum of Khentii province, Mongolia, were studied in comparison to the jade culture of ancient China and the researchers correlated it to the ceremony of the funeral rites of

Fig. 4. Large Jade of the Xiongnu from elite tomb
Рис. 4. Большой хуннский нефрит из элитной гробницы

Han Dynasty (Eregzen, 2011. P. 132–141). We propose, the jade disk excavated from the Xiongnu elite tomb 1 at Gol Mod II in Balgasyn Tal site was, functionally, used as the representation of the power and glory of the Xiongnu king, but is not related to the customs of ancient Chinese Han Dynasty. Certainly, a tradition of decorating the belt of Mongolian great king's with similar large-sized circular jade object is known.

This jade disk that was cleaved to the left wall of the wooden coffin and fortunately survived intact the looting may have been placed near the waist or hip of the Xiongnu king. Although it was offered to the sacrificial funeral rite to accompany the departed, this jade disk was intact, but not intentionally broken, which exposes a different custom than accompanying the jade or bronze mirrors fragmented to the interments of ordinary people and Xiongnu elites.

Golden ornaments:Circular golden plate with a figure of Bers

A mythological creature called among Mongols as Bers is embossed in relief in accordance with their depiction in their imaginative fantasy. It's believed that this creature is of extraordinary power to reach the far distance in an instance. The most powerful piece in Mongolian chess is called with the name of this creature as Bers. This golden plaque is 13 cm in diameter and the creature depicted has a single horn, head of roaring-leopard, dragon neck and four legs of tiger, the most powerful animals on earth, where standing on two forelimbs and two hind legs pulled andraised upward. This mythological creature has wings on its left and right shoulders and its tail, though seen like a bird wing, is coiled around its body, apparently recognizable as a tail. The tip of horn, ears, neck, tail parts and knee joints are adorned with inlays of turquoise andcarnelian gems. In depicting the ribbed horn in coiled shape, nine ridges are embossed from the core of the horn to the tip. This symbolic creature of power is depicted facing leftward with its tail wrapped around its body encircled amid floral patterns. Its two forelegs are in standing posture and the hind legs are raised upward with its paws bent. The leaves and petals of the floral motif are embossed and accented with inlays of turquoise and chalcedony gems in bezels (Fig. 5).

Pear-shaped golden breastplate plaque with figures of a pair of Bers (Tending of leftward)

Golden plaque in a distorted ovoid shape with a length of 17,5 cm, a width of 6,5 cm in its bulged base and 5 cm in its tapered part. On this golden ornament, a pair of Bers, leopard-headed and dragon-necked mythological creatures are depicted, one with horn and the other without. These creatures are depicted en face with their heads flamboyantly embossed and their bodies tending rightward amid floral patterns. The creature beneath has a larger body and mane with no horn and the creature above has a smaller body and horn. Two mythological creatures and the floral motifs of five-petaled round flower and six-petaled leaf-shaped flowers are punctuated by turquoise and chalcedony inlays. Depiction of these creatures with and without horn evidently demonstrates the context of a couple of masculine and feminine creatures. The horned creature is feminine with smaller body and its ribbed horn has three ridges. The maned creature is the masculine with larger body in bezels (Fig. 6).

Golden shaffron plaque with a figure of a horned feline

This golden harness ornament with a length of 28,2 cm, depicts a crouching leopard with a four-ridged single horn and its head turned back. The upper part with the depiction of leopard head is 3,5 cm in width and the lower part with the depiction of tail is 2,5 cm in width. This single-horned mythological leopard is depicted elaborately in a crouching posture, where its chest and hind are embossed ornately. Its forelegs and hind legs are evidently in a crouching pose with its paws squeezed and stretched. The neck is stretched with its head turned back. The muscular parts of chest, hind and legs and the tip of the tail were accented with turquoise and chalcedony inlays. The leopard in move is embossed in relief amid floral motifs of five-petaled circular flowers and six-petaled leaf-shaped flowers. The of flowers were adorned with turquoise and chalcedony gems in bezels.

Golden harness ornament

It's a stretched oval 3,8 cm in length, 1,8 cm in width. The front of this golden plaque depicts a

Fig. 5. Round big golden decoration with a unicorn panther \bers
Рис. 5. Круглое большое золотое украшение с однорогим барсом

Fig. 6. Pear shaped golden decoration with a double panther \bers
Рис. 6. Грушевидное золотое украшение с двойным барсом

mythological Berscreature with a single ribbed horn of three ridges, roaring leopard head, dragon neck and tiger legs, of which two fore limbs are in a standing posture and two hind legs are pulled and raised upward. This mythological creature has wings on its left and right shoulders and its tail, though seen like a bird wing, is coiled around its body, apparently recognizable as a tail raised upward. The tip of horn, ears, neck, tail parts and knee joints are adorned with inlays of turquoise andcarnelian gems. In depicting the ribbed horn in coiled shape, nine ridges are embossed from the core of the horn to the tip. This symbolic creature of power is depicted facing leftward with its tail wrapped around its body encircled amid floral pattern. Its two forelegs are in standing posture and the hind legs are raised upward with its paws bent. The leaves and petals of the flower motif are embossed and accented with inlays of turquoise gems in bezels (Fig. 7).

Golden harness ornament

It's a stretched oval 3,2 cm in length, 1,3 cm in width. The golden plaque is plain with no motif or pattern embossed. Semi-circular chased golden ornaments in relief with a diameter of 3,5 cm. This ornament depicts a single-horned recumbent leopard amid elaborately embossed floral motifs of five-petaled and six-petaled oval-shaped flowers. The flower petals,

leopard muscles and horn are punctuated with inlays of turquoise gems in bezels (Fig. 8).

Oval golden harness ornament

This buckle-shaped golden plaque is 3,6×2,8 cm in dimension. The loop front, 9mm in width, of the oval-shaped opening is adorned with flamboyantly embossed four floral motifs of two circular five-petaled flowers and two oval-shaped eight-petaled flowers. The flower cores were punctuated with inlays of turquoise and chalcedony gems in bezels. The set of this golden ornaments comprises 11 pieces of the same shape, size and depiction (Fig. 9).

Lune-shaped golden harness ornament

The crescent plaque is 4,5 cm in length and 1,9 cm in width. It depicts a nine-petaled leaf-shaped flower in the center between two circular five-petaled flowers, all embossed in relief. The cores of flowers are adorned with turquoise inlays in bezels. The set of this ornament comprises 4 pieces of the same shape, size and depiction (Fig. 10).

Golden harness buckle

1. It's a girth buckle of 5,5 cm in length and 2,5 cm and 3,5 cm in width. It has a bronze tongue and is adorned with floral pattern and inlaid with tiny turquoise gems in bezels (Fig. 11, *a*).

2. It's a girth buckle of 4,5 cm in length and 2 cm and 3 cm in width. It has a bronze tongue and is adorned with floral pattern and inlaid with tiny turquoise gems in bezels (Fig. 11, *b*).

3. It's a girth buckle of 5,5 cm in length and 2,5 cm and 3,5 cm in width. It has notongue and is adorned with floral pattern and inlaid with tiny turquoise gems in bezels (Fig. 11, *c*).

4. It's a girth buckle of 5 cm in length and 2 cm and 3 cm in width. It had a bronze tongue, now missing, and is adorned with floral pattern and inlaid with tiny turquoise gems in bezels (Fig. 11, *d*).

Silver harness ornament with a figure of leftward-facing unicorn. Unicorn

On a silver plaque of rhombic ovoid shape, a single-horned unicorn with a height of 17,5 cm is depicted flamboyantly in a standing posture facing left-

Fig. 7. Golden decoration with a single horn panther \bers
Рис. 7. Золотое украшение с однорогим барсом

Fig. 8. Golden decoration with a tiger
Рис. 8. Золотое украшение с тигром

Fig. 9. Oval golden harness ornamental a eight-petaled flowers
Рис. 9. Овальная золотая упряжь, украшенная восьмилепестковыми цветами

ward amid curly cloud motif in a remarkably artistic manner. The silver plaque is slightly broken in the right side, which made the right hind leg bent and raised invisible. The throat mane, neck, chest and hind muscles are embellished in an extraordinary design in repousse. The tip of the ribbed horn is curled up and the seven ridges of horn are exquisitely shown in relief. Its two pricked ears are pinned back and forth (Fig. 12, *a*).

Silver harness ornament with a figure of rightward-facing unicorn. Unicorn

On a silver plaque of rhombic ovoid shape, a single-horned unicorn with a height of 17,7 cm is depicted flamboyantly in a standing posture facing rightward amid curly cloud motif in a remarkably artistic manner. The unicorn is standing on its left foreleg and right hind leg, with its right foreleg and left hind leg bent and raised upward. The throat mane, neck, chest and hind muscles are embellished in an extraordinary design in relief. Holes appear on muzzle, shoulder and the jaw due to wear. The tip of the ribbed horn is curled up and the seven ridges of horn are exquisitely shown in relief. Its two pricked ears are pinned back and forth (Fig. 12, *b*).

Fig. 10. Lune-shaped golden harness ornament
Рис. 10. Лунообразный золотой орнамент

Circular silver harness ornament with a figure of a unicorn antelope

1. The circular silverornament plaque depicts a single-horned unicorn antelope with its head reclined in a standing posture facing leftward in an outstandingly artistic manner. The unicorn-like antelope is standing on its left foreleg and right hind leg, with its right foreleg and left hind leg bent and raised upward. The curvilinear indented lines mark the curly manes on jaw, throat and chest and the muscles of shoulder and hind are embellished in repousse. The tail hair is

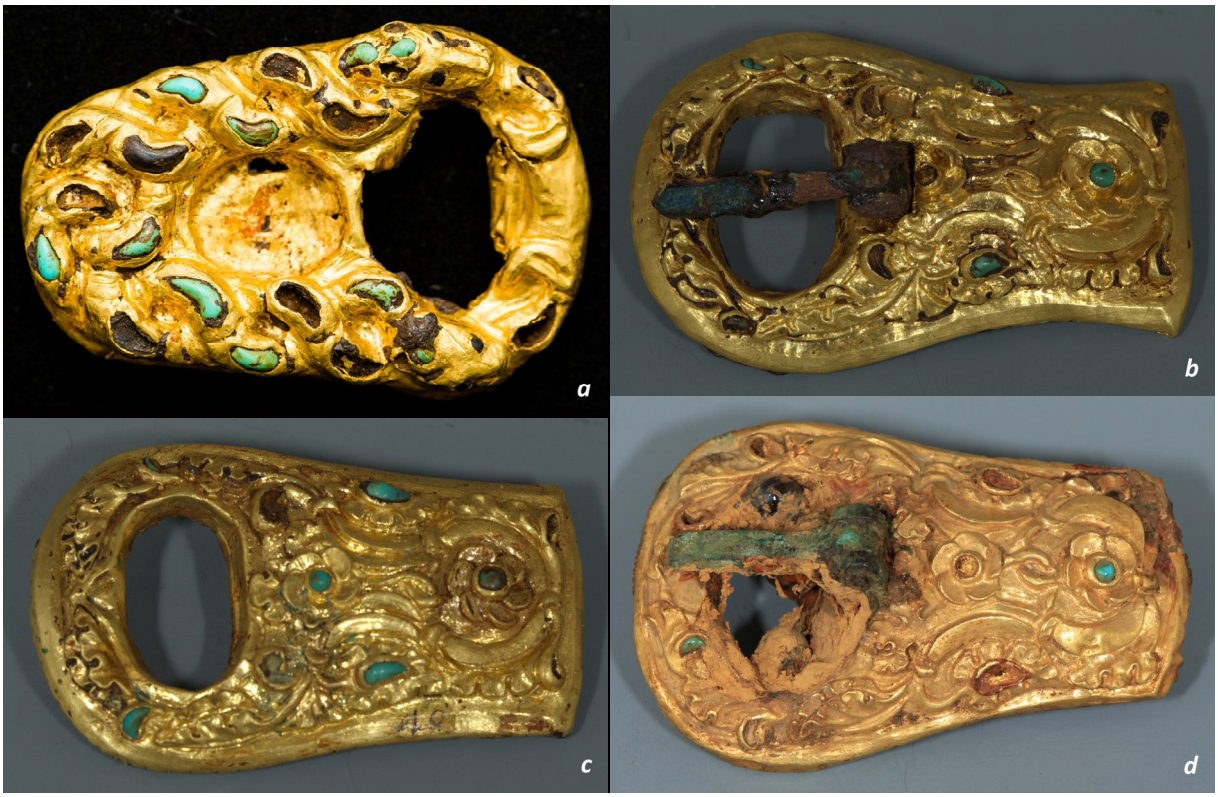


Fig. 11. Golden harness buckle
Рис. 11. Золотая пряжка

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

Fig. 12. Pear shaped silver decoration: *a – with a unicorn goat; b – with a unicorn antelope*
Рис. 12. Грушевидное серебряное украшение: *a – с однорогим козлом; b – с однорогой антилопой*

also accented with lines seen between its hind legs. The antelope figure is surrounded by thick cloudy motifs (Fig. 13, *a*).

2. The circular silver ornament plaque depicts a single-horned unicorn antelope with its head reclined in a standing posture facing rightward in an outstandingly artistic manner. The unicorn-like antelope is standing on its right foreleg and left hind leg, with its left foreleg and right hind leg bent and raised upward. The curvilinear indented lines mark the curly manes on jaw, throat and chest and the muscles of shoulder and hind are embellished in repousse. The tail hair is also accented with lines seen between its hind legs. The antelope figure is surrounded by thick cloudy motifs. This silver plaque was cracked in the middle due to heavy pressure (Fig. 13, *a*).

Circular silver harness ornament with a figure of a single-horned goat

1. The circular silver ornament plaque is 13 cm in diameter and is framed by tiny embossed dots. This plaque represents a single-horned bleating goat with its ears pinned back and forth in a standing posture facing leftward very naturalistically in an extraordinarily artistic manner. The single horn is curled up and the seven ridges of the ribbed horn are shown chased in lines. The curvilinear indented lines mark the manes on jaw, throat, chest, shoulder and hind that are embellished in repousse. The tail hair is also accented with lines seen between its hind legs. The muscles on shoulder and hind legs are embossed elaborately in chased relief. The leftward-facing single-horned goat is standing on its left foreleg and right hind leg, with its right foreleg and left hind leg bent and raised upward. The goat figure is surrounded by thick cloudy motifs (Fig. 13, *b*).

2. The circular silver ornament plaque is 13 cm in diameter and is framed by tiny embossed dots. This plaque represents a single-horned bleating goat with its ears pinned back and forth in a standing posture facing rightward very naturalistically in an extraordinarily artistic manner. The single horn is curled up and the five ridges of the ribbed horn are shown chased in lines. The curvilinear indented lines mark the manes on jaw, throat, chest, shoulder and hind that are embellished in repousse. The tail hair is also accented

Fig. 13. Round big silver decoration: *a – with a unicorn antelope; b – with a unicorn goat*
Рис. 13. Круглое большое серебряное украшение: *a – с однорогой антилопой; b – с однорогим козлом*

with lines seen between its hind legs. The muscles on shoulder and hind legs are embossed elaborately in chased relief. The single-horned goat is standing on its right foreleg and left hind leg, with its left foreleg and right hind leg bent and raisedupward facing rightward. The goat figure is surrounded by thick cloudy motifs (Fig. 13, *b*).

Bronze chariot ornament with a figure of single-horned Bers

This four-sided bronze ornaments are found in a quantity of four, of which three are complete and one broken. The rectangular-shaped four-sided bronze ornament is 17,5 cm in height and 6,5 cm in width. Each side of this decorative ornament on chariot poles is embellished with each different design of mythological creature called Bers in relief in a remarkably artistic manner. Side A. The mythological creature of Bersis depicted in a writhing pose entwined amid curly cloud motif. It stands on cloudy motif with its two hind legs, its tail wraps around the cloud motif. Two forelegs also step on cloudy motif and its chest turned reverse. Its neck turns reverse with its head en face. The en-face head has a ribbed horn with three ridges, two pricked ears and opened mouth peering through the entwined cloud (Fig. 14).

Side B. It depicts a leftward-facing Berserect on its two fore legs and sitting on its two hind legs on a flat board amid curly cloud motifs. Its tail is hanging down looped at the tip and its head is turned back-

ward with one horn and pricked ears. It has wings on shoulders.

Side C. It depicts a *bers* with its chest rising upward, but sitting on its two hind legs on a small flat board amid curly cloud motifs. Its right foreleg steps on cloud motif and its left foreleg is bent upward. It has a long ribbed horn with four ridges, two pricked ears and wings on shoulders.

Side D. Amid cloudy motif, a *bers* stands on its right fore- and hind legs, with its; eft fore- and hind legs net upward. Its head is turned back and has a long ribbed horn with four ridges, mane on the neck and two pricked ears.

Bronze ornament with a figure of tiger head

This squarish ornament is 8 cm x 7,5 cm in size and depicts an en-face tiger's head. It has a flat loop of 1,5 cm x 1,5 cm in size. This chariot ornament depicts the features of a feline face naturalistically with pricked ears and protruded eyes (Fig. 15).

Roman glass bowl

The ancient Roman dichroic glass cup was unearthed from the adjacent tomb no. 30 of the Noble tomb no. 1 in Gol Mod archeological site. Its rim is 7,5 cm in diameter, 6 cm in height and 10 cm in diameter in its spherical belly. It's a deep navy blown glass with white stripes fused vertically on ridges. After finishing the white stripes, the melt white glass is poured on the bottom of the glass cup. The spherical belly of the cup was pinched when hot for raised vertical decorative ridges. It has a capacity of 250 ml.

Fig. 14. Bronze decoration with a unicorn panther \bers
Рис. 14. Бронзовое украшение с однорогим барсом

Observing the glass cup and other broken pieces of glassware excavated from the adjacent tomb no. 30 of the Noble tomb no. 1 in Gol Mod archeological site, three kinds of ancient Roman glassware were unearthed, of which this glass cup is in complete condition and the other two shattered into pieces impossible to restore. However, the shattered rim, belly piece and bottom of a pink-colored broken cup is exactly the same as the Roman cup kept at Bonn Museum, Germany with its pattern, shape and decoration (Fig. 16).

Conclusion

The complex of burial places for kings and nobles of the Xiongnuare in the Balgasiintal site in the valley of the Hanui River in the Arkhangaiaimag, called the "Gol mod-2", was the first large grave complex that was investigated by Mongolian archaeologists independently, without the participation of foreign colleagues. The works on these graves, revealed in the first in 2001, were carried out systematically, with observance of all archaeological excavations for several years. This excavation was an example of a full-fledged complex study of the historical monument and the Xiongnu archeology.

I would like to briefly mention some features and differences revealed in the result of research of artifacts discovered during the excavation of the first large burial in the Gol mod-2 in Balgasiintal site.

Firstly, we made a detailed survey of localities, on which are located more than 200 burials of Xiongnu kings and nobles, which can serve as a good guide for subsequent researchers to properly organize excavations.

What is new for us is that the first excavations of the main grave of the Huns ruler were carried out simultaneously with 30 satellite burials. The methodological basis for such a work was half-researched by Russian archeologist S.S. Minyaev. Also, the first excavations of the Xiongnu nobility in Mongolia were carried out by Mongolian archaeologists independently. The present work continued for eight years, from 2002 to 2011.

As a result of these studies, a number of moments of the history of the Xiongnu Empire from the II century BC were specified, before the I century AD. New material evidence has been found for a broad connection between the state of Xiongnu and the old west and east. The number of satellite burials at one large grave of the ruler, the number of horses brought as a sacrifice, about the seventeenth of chariots and carts put into the burial, their gold silver ornaments and articles of bronze and iron, as well as dishes made of clay and other materials indicate that this burial not an ordinary nobleman, but a great ruler, one of theshanyu-kings of the Xiongnu state.

Were placed in the burial of a large jade circle,

Fig. 15. Bronze decoration with a tiger
Рис. 15. Бронзовое украшение с тигром

Fig. 16. Roman glass
Рис. 16. Римское стекло

most likely refers to the Han dynasty time, on the flat sides that are skillfully engraved animal silhouettes, as well as Roman cups of multi-colored glass. By the number, and such skillfully executed artifacts, the present burial is unmatched in the history of archaeological exploration of Mongolia.

References

Амар А. Монголынтовчтүүх. Улсынхэвлэлийнгазар. УБ.,1989. (In Mongolian).

Балгасын тал дахь Гол мод-2-ын Хүннүгийн язгууртны булшны судалгаа. УБ., 2015. (In Mongolian).

Доржсүрэн Ц. Археологийн судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн эмхэтгэл. УБ., 2003. (In Mongolian).

Ли Жичан. Чанчунь бомбын өрнө этгээдэд зорчсон тэмдэглэл. Орчуулж, тайлбарласан, Ганбаатар.Я, Ганбаатар.Ц. УБ., 2010. (In Mongolian).

Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний өвөг. Монголын эртний түүх судлал. Iботь. УБ., 2000. (In Mongolian).

Borovkova L.A. *Tsarstva "Zapadnogo kraya" vo II–I vekakh do n. e. (Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya po svedeniyam iz Shi tszi i Khan' shu)* [The kingdoms of the "Western Territory" in the II-I centuries BC. (*Eastern Turkestan and Central Asia, according to information from Shi tszi and Khan' shu)*]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, 353 p. (In Russian).

Kratkie otchety ekspeditsii po issledovaniyu Severnoi Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoi Ekspeditsiei P.K. Kozlova [Brief reports on the study of Northern Mongolia in connection with the Mongolian-Tibetan expedition of P.K. Kozlov]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1925, 58p. (In Russian).

Minyaev S.S, Sakharovskaya L.A. Accompanying graves of "King" complex №7 in the burial ground Tsaram. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2002, iss. 9, pp. 86–118. (In Russian).

Syma Tsyan'. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes].In 9 vol. Vol. 1.Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2002, 83 p. (In Russian).

Syma Tsyan'. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes].In 9 vol. Vol. 2.Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2003, 212 p. (InRussian).

Tal'ko-Gryntsevich Yu.D. *Materialy k paleoetnologii Zabaikal'ya* [Materials to paleoethology of Transbaikalia]. *Arkheologicheskie pamyatniki syunnu* [Archaeological sites of the Xiongnu]. Iss. 4. Saint Petersburg: "AziatIKA" Publ., 1999, 124 p. (In Russian).

Yusupova T.I. *Petr Kuz'mich Kozlov. Dnevniki Mongolo-Tibetskii ekspeditsii 1923–1926* [Pyotr Kuzmich Kozlov. Diaries of the Mongolian-Tibetan expedition 1923–1926]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2003, 1039 p. (In Russian).

Jades of Han Dynasty. Taipei, 2005. 303 p.

Allard F., Erdenbaatar D., Batbold N., Miller B.K. A Xiongnu cemetery found in Mongolia. Antiquity 76, 2002, pp. 637–638.

Eregzen G. Symbolism and purposes of use of jade objects in unusual shapes unearthed from the tomb of Xiongnu Elite. Nomadic heritage studies. Nomadic Heritage Studies Museum Nationale Mongoli. Vol. XI. Fasc. 11. UB., 2011.

Miller B.K., Allard F.,Erdenebaatar D., Lee C. Xiongnu Tomb Complex: TombsinGol Mod II (Mongolia, 2002–2005). Archeological News. Issue no. 15. Moscow, 2008.

MillerB.K, BayarsaikhanJ., EgiimaaTs., LeeCh.Xiongnu Elite Tomb Complexes in the Mongolian Altai.Results of the Mongol-American Hovd Archaeology Project, 2007.

Information about the author

Dimaadjav Erdenebaatar,
Professor, Head Department of the Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5-th khoroo, Bayanzurkhdistrict, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Attribution criteria

Erdenebaatar D. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustration for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Эрдэнэбаатар Димааджав,
профессор, заведующий кафедрой археологии,
Улан-Баторскийгосударственныйуниверситет,
Монголия, г. Улан-Батор, ул. Баянзурх, 5-й хороо,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Критерии авторства

Эрдэнэбатор Д. провел исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовили рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.7
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-74-92

ШАРА-ТЭБСЭГ – ДРЕВНИЙ КУЛЬТОВЫЙ И АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

© В.И. Ташак[a], Ю.Е. Антонова[b]

[a] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.
[b] Музей Бурятского научного центра СО РАН,
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Аннотация. Шара-Тэбсэг – крупный археологический объект в Западном Забайкалье, широко известный под наименованием «Меркитская крепость» эпохи средневековья. На основе новейших мультидисциплинарных исследований, проводившихся как на самом объекте, так и на местонахождениях, расположенных рядом с этим объектом, дается интерпретация памятника как ритуально-культового. Шара-Тэбсэг включает в себя различные элементы ландшафта: скалы, проходы в скалах, ровные площадки на вершинах скал, а также рукотворные конструкции: каменные стенки и валы. Прототипом для организации двух культовых площадок на Шара-Тэбсэг послужили площадки ландшафтных святилищ на скале Гэр-Шулуун, расположенной в 1 км на северо-восток от Шара-Тэбсэг. Еще одна культовая площадка Шара-Тэбсэг значительно больше по размерам, но она также организована по подобному принципу. Изучение одной из площадок Гэр-Шулууна с применением раскопок, а также изучение культовых объектов на сопредельных территориях позволили отнести время начала строительства подобных святилищ к эпохе позднего бронзового века. По нашему мнению, начало строительства святилища Шара-Тэбсэг связано с наблюдениями за заходом солнца в дни зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия.
Ключевые слова: *археология, бронзовый век, железный век, древние святилища, культовые объекты, организация пространства, каменные стенки, «Меркитская крепость», астроархеология, Западное Забайкалье.*

Информация о статье. Дата поступления 3 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 5 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Шара-Тэбсэг – древний культовый и археоастрономический объект в Западном Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 74–92. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-74-92

SHARA-TEBSEG – THE ANCIENT CULT AND ARHEOASTRONOMICAL OBJECT IN WESTERN TRANSBAIKALIA

© V.I. Tashak[a], Yu.E. Antonova[b]

[a] Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation
[b] Museum Curator, Buryat Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Museum,
8 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation

Abstract. Shara-Tebseg is a large archeological site in Western Transbaikalia and is wildly known as «Merkit Fortress» of the Middle Age. On the base of new multidisciplinary investigations conducted as on the indicated so on the neighboring sites Shara-Tebseg is interpreted as ritual-cult sanctuary. Shara-Tebseg includes different elements of landscape – rocks, ways through the rocks, plain areas on the rocks' tops, and artificial constructions – stone walls made in two techniques (walls from piled up stones and from vertically set slabs). Areas of the landscape sanctuaries on the rock Ger-Shuluun situated in 1 km to the north-west from Shara-Tebseg were prototype for the organization of two cult areas at Shara-Tebseg. One more Shara-Tebseg cult area is considerably larger though it is also organized in similar way. Research works with applying excavations on

the one of the cult areas at Ger-Shuluun and investigating cult objects in neighboring territories allow us refer the time of the beginning of such sanctuaries building to the late Bronze Age. In our opinion, the start of constructing the sanctuary at Shara-Tebseg is related with the observation of the sunsets in the days of winter solstice and the vernal equinox.
Keywords: *archeology, Bronze Age, Iron Age, ancient cultures, cult objects, spatial organization, stone walls, "Merkit Fortress", astroarchaeology, Western Transbaikalia*

Article info. Received February 3, 2018; accepted for publication March 5, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Tashak V.I., Antonova Yu.E. Shara-Tebseg – the ancient cult and arheoastronomical object in Western Transbaikalia. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 74–92. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-74-92. (In Russian).

Введение

На сегодняшний день на территории Республики Бурятия одним из популярных туристических ресурсов является археологический объект, широко известный под названием «Меркитская крепость». Сейчас это название на слуху благодаря прессе и туроператорам, облюбовавшим объект для организации поездок, но возникло оно благодаря публикациям А.В. Тиваненко, который, во-первых, решил, что сделал открытие, попав сюда (Тиваненко, 1998. С. 81), а во-вторых, предполагает, что памятник являлся крепостью меркитов в период монгольского средневековья (Тиваненко, 1992). В первом случае А.В. Тиваненко ошибся. Археологический объект, который сейчас многим известен под названием «Меркитская крепость» был открыт еще в 1920-е гг. деятелем общества им. Доржи-Банзарова В.В. Поповым (Отчет о деятельности…, 1928). Он же дал и название – Шара-Тэбсэг. И если при описании Шара-Тэбсэг А.В. Тиваненко оперирует художественными образами, то В.В. Попов характеризовал памятник с научных позиций, принятых на тот момент времени. Он рассматривал Шара-Тэбсэг как крупный комплекс с остатками каменных сооружений по типу стенок и валов в совокупности с погребальными сооружениями разных видов (курганы-керексуры и плиточные могилы).

Начиная со времени первого упоминания В.В. Поповым о Шара-Тэбсэг в научной литературе и до настоящего времени широкомасштабных исследований этого археологического памятника не проводилось. Описания, данные А.В. Тиваненко, причудливо сочетают художественное видение и представления автора о некоторых естественных элементах объекта как о рукотворных. Исключение составлял только первый научный отчет самого первооткрывателя памятника В.В. Попова, который, например, указывает длину некоторых элементов объекта и описывает степень их сохранности (Отчет о деятельности…, 1928). Отсюда упрощенный подход к определению / идентификации памятника во всех смыслах: начиная от выявления всех входящих в комплекс объектов и заканчивая истинными масштабами комплекса. Если быть точнее, то после публикации отчета В.В. Попова и до начала 1990-х гг. XX в. Шара-Тэбсэг практически не упоминался в научной или какой-либо другой литературе. Начиная с 1990-х гг. и в первое десятилетие 2000-х гг. Шара-Тэбсэг оброс современными «легендами», которые сопровождаются опусами о ряде естественных элементов ландшафта как о рукотворных. В справочной же археологической литературе Шара-Тэбсэг рассматривается исследователями как памятник ритуально-культовой деятельности древнего населения. Вместе с тем в справочной литературе речь идет о наличии объекта, но изучения всей территории Шара-Тэбсэг не проводилось. Не применялись здесь и современные методы исследований археологии и естественных наук.

Цель данной работы – показать масштабы археологического объекта Шара-Тэбсэг, выделить его основные элементы, а также их роль в общем комплексе древнего культового объекта.

Расположение археологического памятника

Шара-Тэбсэг расположен в 5 км на восток от правого берега реки Хилок в юго-западных отрогах хребта Цаган-Дабан и занимает скалистый гребень горного отрога (рис. 1) с несколькими отдельными скальными массивами и площадками на скалах.

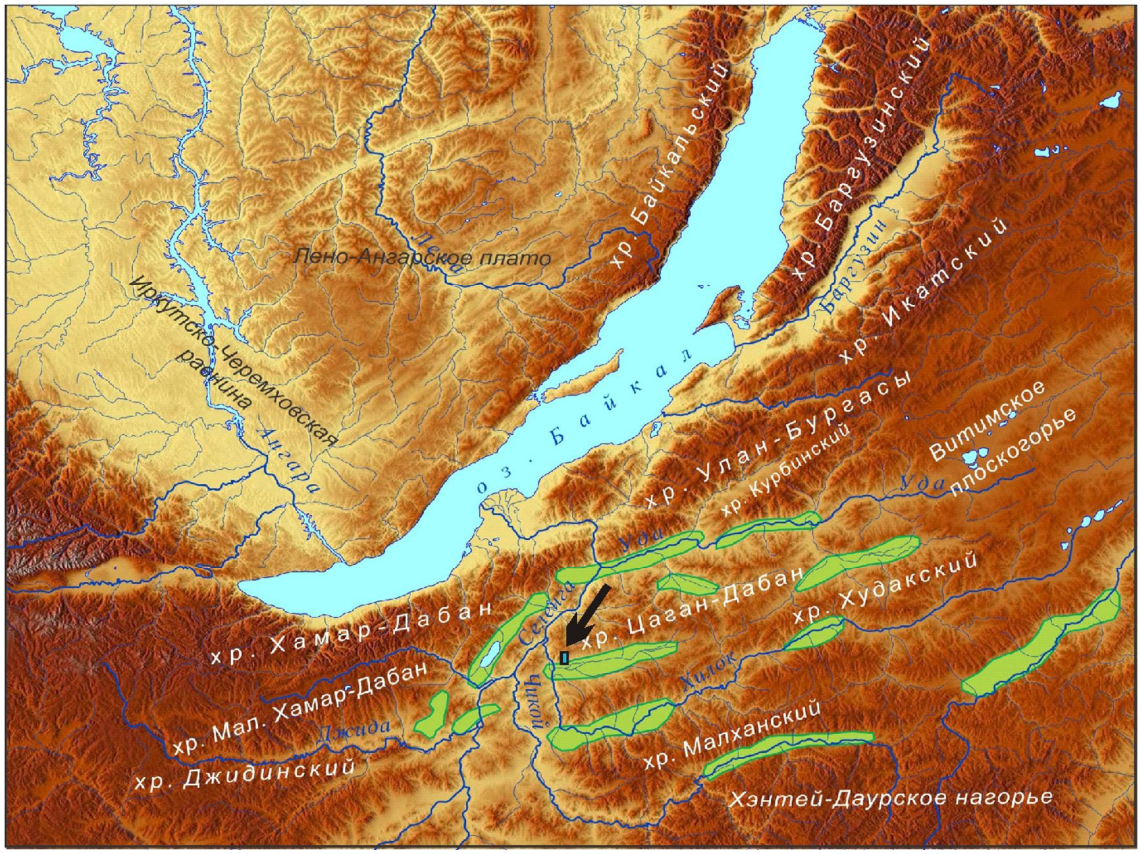


Рис. 1. Схема расположения святилища Шара-Тэбсэг в Западном Забайкалье
Fig. 1. Scheme of the location of the Shara-Tabsag sanctuary in Western Transbaikalia

Хребет Цаган-Дабан представляет собой средневысотную локальную горную систему со скалистыми грядовыми и массивными плосковершинными горами. В целом для хребта характерны гранитные скалы (Платов, Терещенков, Савченко, Бусуек, Аносова, Полянский, 2002). В юго-западной его части преобладают сиениты и граносиениты, слагающие скалы, в том числе дайки. Гряды даек формируют отвесные протяженные скалистые стены в юго-западных отрогах Цаган-Дабана, что вместе с серией плоских вершин делало весьма привлекательным ландшафт при выборе мест для организации культовых объектов древности. В целом ландшафтная ситуация на юго-западе хребта Цаган-Дабан способствовала образованию здесь серии изолированных, но объединенных одним ландшафтом святилищ (Ташак, Антонова, Кобылкин, 2015).

Скалистый отрог, на котором находится Шара-Тэбсэг (в переводе с бурятского и монгольского – желтый или золотой столик (площадка)), обращен на юг, к обширной низменности – устьевой части Тугнуйско-Сухаринской долины. Устьевая часть долины шириной около 20 км с учетом выдвинутых в долину останцовых гор со сглаженными денудационными процессами склонами образована в месте впадения небольшой речки Сухары (Сулхары) в Хилок. От подножия склонов Цаган-Дабана в долину простираются обширные подгорные шлейфы.

Описание археологического объекта

В результате детального изучения археологического местонахождения Шара-Тэбсэг установлено, что в его площадь входит весь небольшой горный отрог хребта с несколькими массивами скал и склонами, протягивающийся более чем на 880 м с юга на север (рис. 2, 3). Ширина объекта с востока на запад составляет 200 м при учете территории по подножию скал и до 350 м при измерении по подножию склонов отрога. Перепад высот от подножия склонов с самыми нижними линейными каменными конструкциями (Ташак, Антонова, 2015)

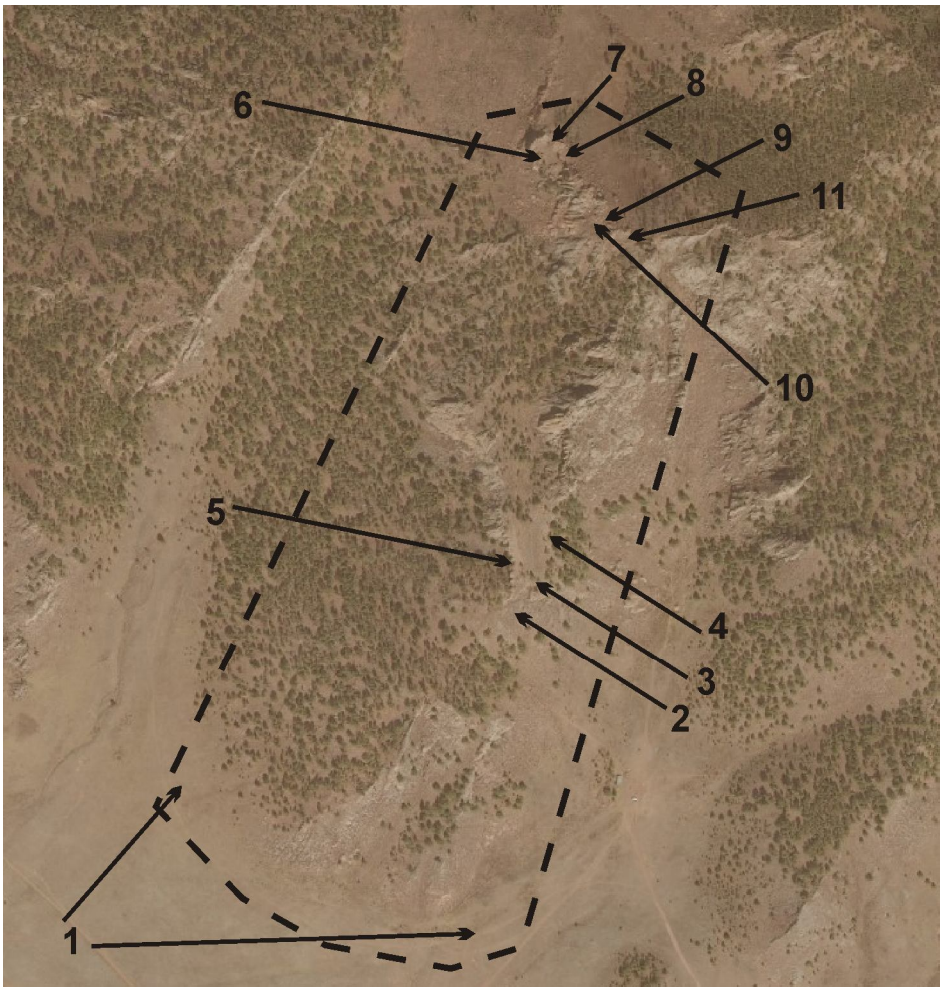


Рис. 2. Схема общей площади святилища Шара-Тэбсэг:
1 – каменная стенка у подножия горы; 2 – каменная стенка на склоне; 3 – естественный желоб; 4 – каменный вал; 5 – первая площадка; 6 – вторая площадка; 7 – «перемычка» между скал из цепочки камней; 8 – каменная стенка, возведенная на поверхности скалы; 9 – второй вал; 10 – дальний вал; 11 – третья площадка
Fig. 2. Scheme of the total area of the Shara-Tabsag sanctuary:
1 – a stone wall at the foot of the mountain; 2 – stone wall on the slope; 3 – natural forehead; 4 – stone shaft; 5 – the first platform; 6 – second the playground; 7 – "jumper" between the rocks of the chain of stones; 8 – stone wall erected on the rock surface; 9 – second shaft; 10 – the far shaft; 11 – the third platform

до высших точек, где также наблюдаются каменные линейные конструкции, составляет более 260 м. Превышение нижней линейной каменной конструкции над уровнем реки Хилок – более 150 м. Следовательно, наиболее высокорасположенные структурные элементы Шара-Тэбсэг возвышаются над рекой Хилок более чем на 400 м. На сегодняшний день Шара-Тэбсэг – наиболее крупный из известных культовых объектов на территории Западного Забайкалья. В данной статье мы предлагаем последовательное рассмотрение структурных элементов комплекса Шара-Тэбсэг, начиная с нижнего.

Первым структурным элементом Шара-Тэбсэг является невысокая стенка из вертикально поставленных каменных плит, протянувшаяся у южного подножия отрога, с которым связан весь археологический объект (рис. 2, 3, 4). Каменная стена начинается от юго-западного угла прямоугольной оградки кургана-керексура, расположенного на востоке южного подножия отрога. Далее стена огибает южное подножие отрога, протянувшись по широкой дуге (см. рис. 4) с востока на запад на 305 м. В настоящее время стена прослеживается по задернованным камням крепиды. В отчете В.В. Попова указана длина «цепи камней» в 865 шагов

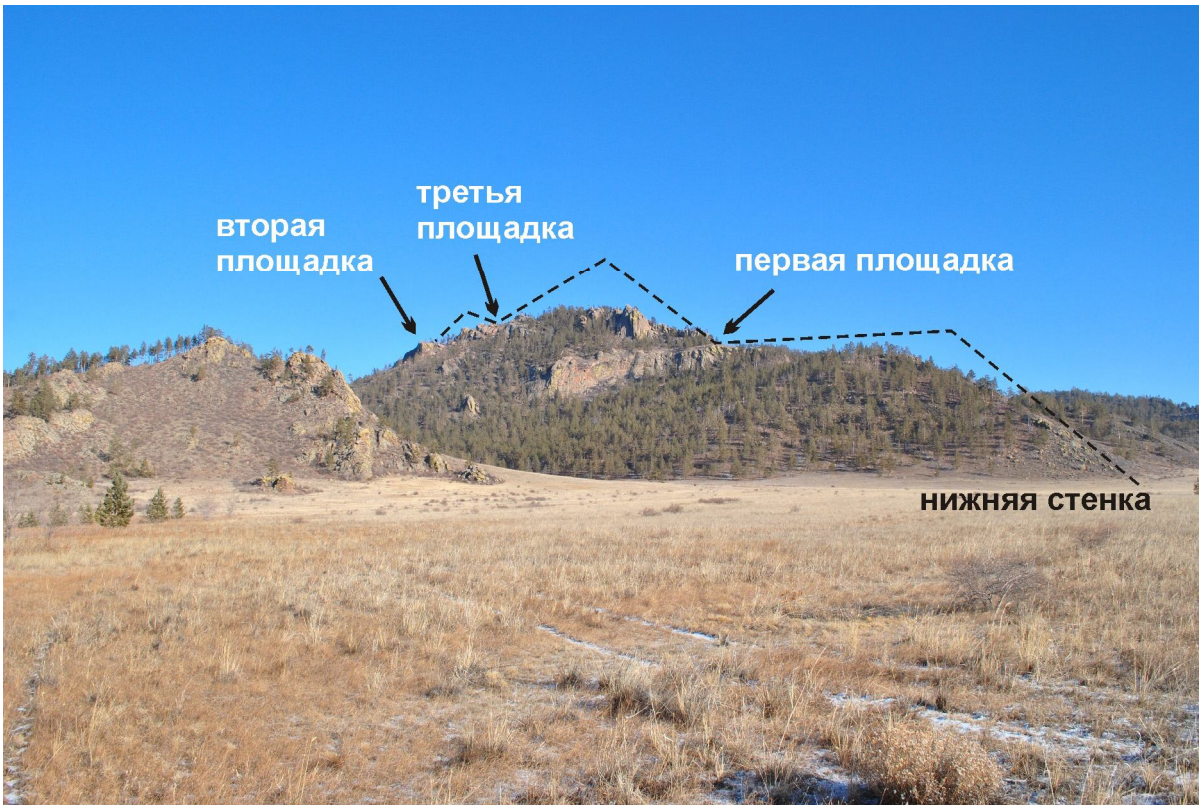


Рис. 3. Основные структуры святилища Шара-Тэбсэг (вид с юго-запада)
Fig. 3. The main structures of the Shara-Tabsage sanctuary (view from the south-west)

(Отчет о деятельности…, 1928. С. 154). О первоначальном облике конструкции позволяют судить одиночные плиты высотой до 1 м, которые были поставлены вертикально, а теперь наклонены в разной степени. Расстояние между стенкой и началом склона горы (проход) на разных участках – от 15 до 40 м, преобладает ширина около 20 м. В своем отчете В.В. Попов писал, что между стенкой и склоном «находится до 15 могил, ориентированных с в. на з., с четырехугольными оградами из каменных плит» (Отчет о деятельности…, 1928. С. 154, 155). Исследователь отметил, что некоторые могилы очень хорошей сохранности. На сегодняшний день здесь прослеживается только несколько задернованных крепид, поддерживавших плиты надмогильных конструкций – большинство наземных конструкций полностью уничтожено.

Второй четко фиксируемый рукотворный элемент древнего объекта – это такая же стенка (рис. 2, 4, 5) из поставленных вертикально необработанных каменных плит, расположенная высоко на склоне в 360 м севернее кургана-керексура и в 120 м выше. Стенка возведена по краю крутого склона и в 4–5 м от подножия скалы и образует своеобразный проход (рис. 6, *b*) между склоном, обрывающимся вниз, и подножием скалы, уходящей вверх. Нижняя часть прохода обращена устьем на запад. Далее стенка, охватывая подножие скалы, поворачивает на север и постепенно поднимается в гору. Общая протяженность тропы между склоном и скалой составляет около 50 м с учетом кривизны. Стенка, отделяющая тропу от склона, фиксируется на протяжении 34 м, из которых более десятка метров прослеживается по единичным сильно наклоненным или поваленным плитам и камням крепиды. Лучшая сохранность стенки фиксируется в нижней (юго-западной) части.

На севере тропа между склоном и скалой входит в естественный желоб, сформированный в скале в процессе разрушения самой скалы (рис. 2, 4, 5, 6, *c*). Этот желоб предстает как третий (в данном случае нерукотворный) структурный элемент культового комплекса. Общая протяженность желоба – 8 м. Подобные образования в виде вертикальных

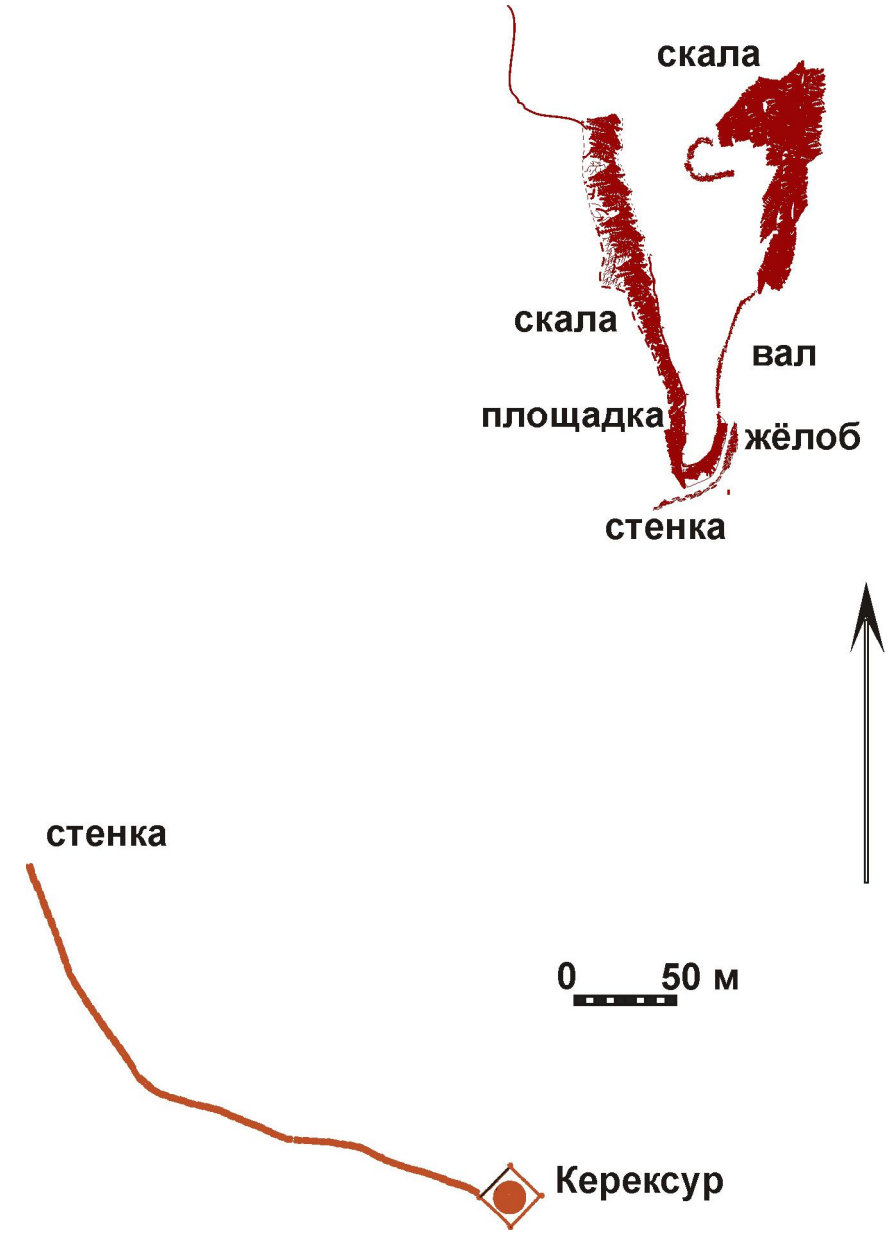


Рис. 4. Схема взаиморасположения нижней стенки и первой площадки с сопровождающими конструктивными и естественными элементами святилища Шара-Тэбсэг
Fig. 4. Scheme of the interposition of the lower wall and the first site with the accompanying constructive and natural elements of the Shara-Tabseg sanctuary

или горизонтальных желобов изобилуют на юге Цаган-Дабана, скалы которого представлены дайками. По выходу из желоба тропа приводит на плоскую вершину скалы, подножие которой охватывает стенка из вертикально поставленных камней.

Скала острым мысовидным окончанием обращена на юг. Ее западный край, отвесно обрываясь вниз, тянется более чем на 150 м в северном направлении. Далее скалистый борт продолжается, но он уже не отвесный, а с разной крутизной склона и расчленен склоновыми желобами, а также выступающими отдельными скалами. Высота отвесной скалы вместе с каменными завалами у подножия в некоторых местах достигает 40 м.

Плоская вершина скалы на мысовидном ее окончании представляет собой площадку (рис. 2–5), ограниченную с юга и запада отвесными обрывами. На востоке отвесный скалистый край фиксируется только на участке мысовидного окончания. Здесь скала заканчивается в зоне выхода из естест-

Рис. 5. Первая площадка и сопровождающие конструктивные и естественные элементы святилища Шара-Тэбсэг (вид сверху)
Fig. 5. The first site and the accompanying constructive and natural elements of the Shara-Tabseg sanctuary (top view)

венного желоба. Далее на север (с небольшим отклонением на восток) край площадки ограничивается крутым склоном, поросшим реликтовым абрикосом. В 80 м севернее желоба над всей площадкой возвышается еще одна скала, круто обрывающаяся по восточному краю. С запада эту скалу охватывает широкая террасовидная поверхность, в которую переходит площадка и которая венчает первый скалистый уступ.

Важным рукотворным элементом на плоской вершине первой скалы является еще одна линейная каменная конструкция, отличающаяся от первых двух. Конструкция представляет собой вал (рис. 2, 4, 5, 6, *а*), сложенный из необработанных скальных обломков. Отделяя площадку от склона, вал проходит по ее краю на 85 м, он начинается немного южнее выхода из каменного желоба и протягивается до подножия второй скалы на севере.

Таким образом, каменный вал подчеркивает восточную границу площадки, с запада и юга ограниченную отвесными обрывами, а на севере – возвышающейся скалой. Если быть более точными, длина площадки от мыса на юге в северную строну составляет около 30 м при максимальной ширине 17 м. Далее на север начинается расширение плоской вершины скалы, но здесь проявляется уклон с востока на запад, который оставляет относительно ровной только узкую полосу по западному краю скалистого уступа. Вне всякого сомнения, каменный вал, проложенный по краю площадки, был призван выделить саму площадку как основную площадь проведения обрядов. Этим валом выделялась сакральная площадь.

В южной части археологического объекта Шара-Тэбсэг нами выделено три искусственных структурных элемента и один естественный: две стенки из поставленных вертикально плитчатых и брусковидных скальных обломков; вал из скальных обломков и естественный желоб в скале. Здесь следует выделить еще один элемент – это площадка на плоской вершине скалы как особым образом

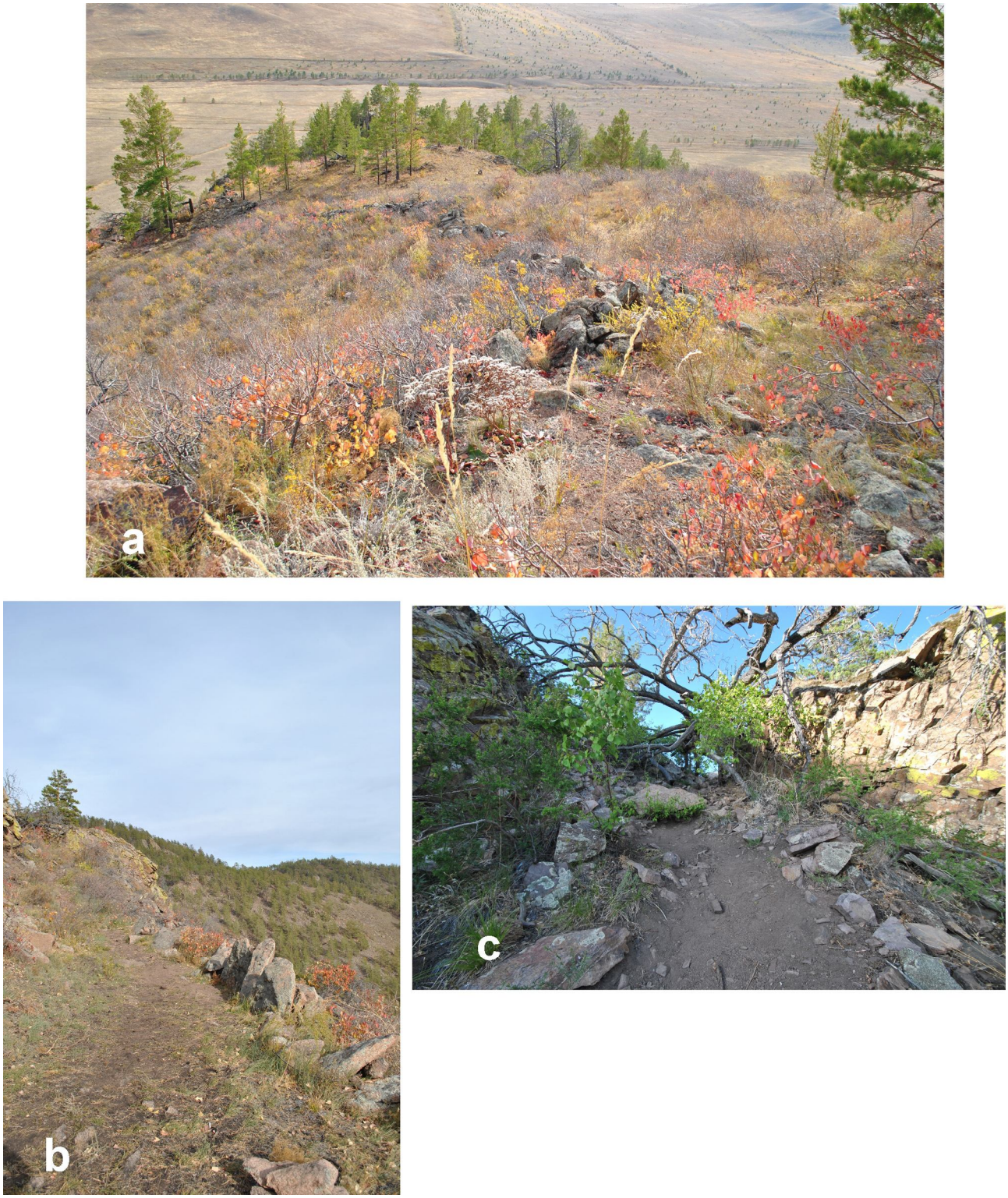


Рис. 6. Структурные элементы святилища Шара-Тэбсэг в районе первой площадки:
a – вал, ограничивающий площадку с востока; b – фрагмент стенки из вертикально поставленных скальных обломков; c – желоб – естественный проход в скале
Fig. 6. The structural elements of the Shara-Tabsag sanctuary in the area of the first site:
a – the shaft bounding the platform from the east; b – a fragment of a wall from vertically delivered rock fragments; c – trough – natural passage in the rock

организованное и выделенное ритуальное пространство.

Следующим структурным элементом археологического объекта Шара-Тэбсэг является площадка на плоской вершине скалы (рис. 2, 7, 8, *a*) выдвинутой на запад от западного склона отрога, которая получила обозначение «площадка 2». Скала с плоской вершиной расположена в 400 м на север от северной оконечности искусственного вала. Превышение второй площадки над первой – 70 м. На поверхности скалы образовалось плавно вогнутое углубление с массивными и широкими бортами с запада и севера. С востока площадку ограничивает скала, возвышающаяся над ней. С южной стороны борта площадки низкие, то есть она открыта на юг. Само углубление заполнено продуктами разрушения скал – дресвой, щебнем, песком. Все это перекрыто только формирующимся дерновым покровом. На скальной поверхности северо-восточной части широкого борта площадки возведена стенка из вертикально поставленных плитчатых обломков скал (рис. 2, 7, 8, *b*). Стенка аналогична первой стенке у подножия отрога и второй стенке у подножия скалы. Поскольку вся конструкция была возведена прямо на поверхности скалы, то на примере этой стенки четко прослеживается способ строительства первой и второй стенок, а также стенок у плиточных могил – плитчатые камни, поставленные ребром на поверхность и для устойчивости обложенные в основании скальными обломками (крепида). Общая протяженность всей искусственной конструкции, ориентированной почти строго на север, составляет около 3 м. Кроме этого, в разрыве скалы, ограничивающей площадку 2 с севера, редкой цепочкой, представляющей собой некую «перемычку» и замыкающей пространство между скал, проложены камни (рис. 2, 7, 8, *c*).

Еще одна структура объекта расположена в 80 м на юго-восток от второй площадки и в 30–37 м выше. Сложена структура из двух элементов: искусственного вала, получившего обозначение «вал 2», и площадки между скал. Вал проходит по гор-

Рис. 7. Расположение структурных элементов в северной части святилища Шара-Тэбсэг (вид сверху)
Fig. 7. The location of structural elements in the northern part of the Shara-Tabseg sanctuary (top view)

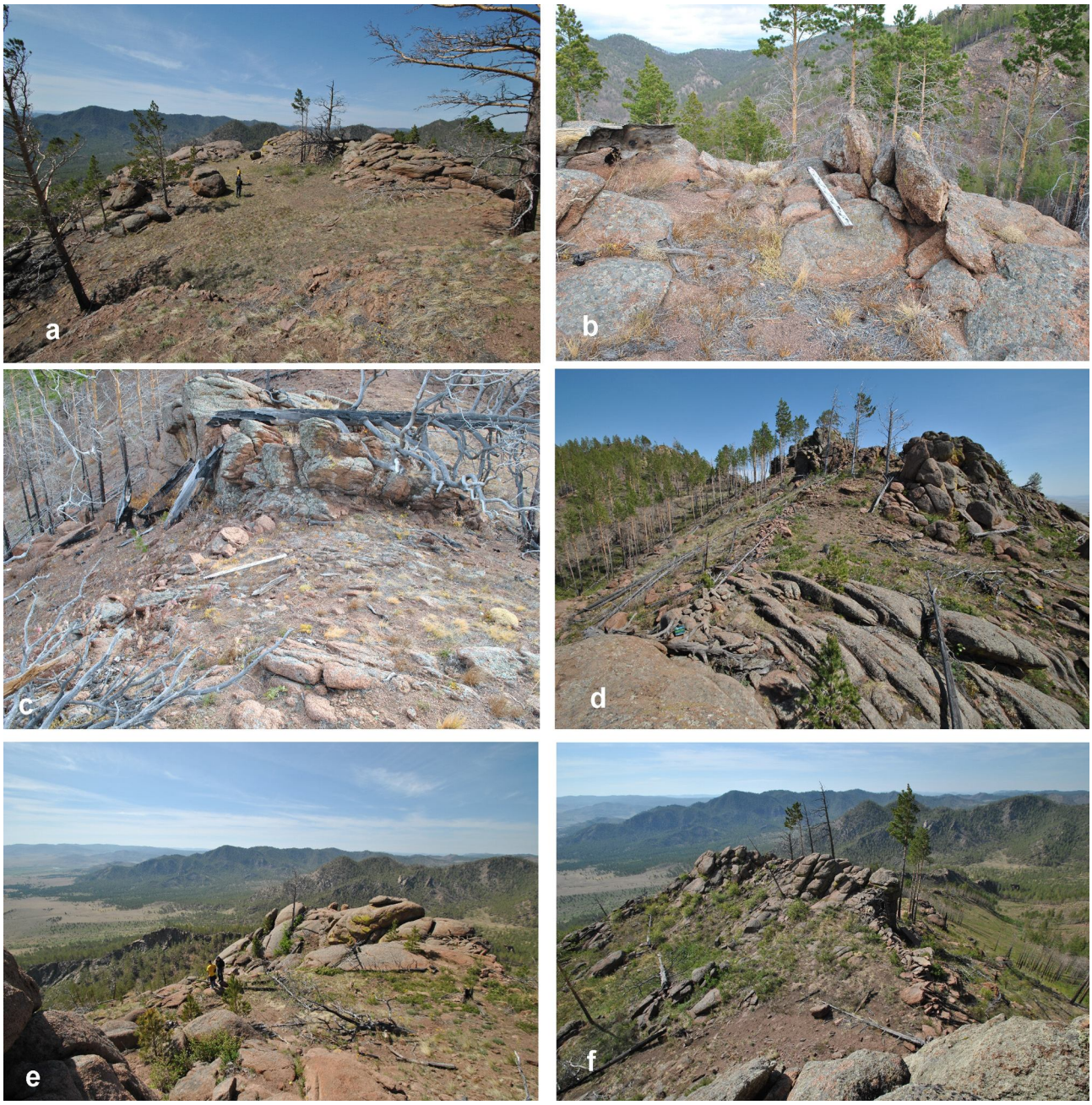


Рис. 8. Структурные элементы в северной части святилища Шара-Тэбсэг:
a – вторая площадка (вид с востока); b – стенка, возведенная на поверхности скалы (вид с юга); c – «перемычка» между скал из цепочки камней; d – второй вал (вид с запада); e – третья площадка (вид с востока); f – дальний вал (вид с востока)
Fig. 8. Structural elements in the northern part of the Shara-Tabsag sanctuary:
a – the second platform (view from the east); b – wall erected on the rock surface (view from the south); c – "jumper" between rocks from a chain of stones; d – second shaft (view from the west); e – third platform (view from the east); f – far shaft (view from the east)

ному гребню, замыкая цепь между двух скал (рис. 2, 7, 8, *d*) и ограничивая площадку с севера и северо-востока. Протяженность искусственного вала – около 30 м. Площадка, получившая обозначение «площадка 3» (рис. 2, 7, 8, *e*), открыта на юг и юго-запад. Ее поверхность плавно понижается в южную сторону. В центре площадки в виде низкой стелы установлен небольшой продолговатый скальный обломок. Основание стелы закреплено камнями крепиды по такому же принципу, как и камни сте-

нок, насколько об этом позволяет судить скопление у основания камней, погруженных в толщу дресвы и крупнозернистого песка.

Последний четко различимый рукотворный элемент древнего ритуального комплекса расположен в 15 м юго-восточнее вала третьей площадки. Это тоже вал из камней, названный «дальний вал», протяженностью около 12 м, проложенный между скальных массивов (рис. 2, 7, 8, *f*). Вал третьей площадки и последний вал разделяет невысокий скальный массив. Камни выложены поверх естественных скальных выходов по гребню отрога – с севера и юга от вала крутые склоны.

Дискуссия

Согласно представленному описанию археологического объекта основными рукотворными элементами здесь являются линейные конструкции, сооруженные из необработанных скальных обломков. Сами линейные конструкции представлены двумя типами: стенки из поставленных вертикально и закрепленных у основания плоских скальных обломков; валы, сложенные из необработанных скальных обломков. Всего зафиксировано три стенки и три вала. Дополнительно выделяется закрепленный в вертикальном положении продолговатый скальный обломок. Все остальные элементы Шара-Тэбсэг природного происхождения: это скалистый горный отрог с отвесными скальными стеками и плоскими вершинами, представляющими собой обширные по площади скалистые уступы. Также естественным элементом является каменный желоб, формирующий верхнюю часть тропы, ведущую на первую площадку.

По нашему мнению, каменные валы служили вполне определенным целям: использовались для обозначения границ сакральной территории и в качестве связующего звена между отдельными скальными массивами. Выделение отдельных площадок как сакральных территорий можно проследить на примере ландшафтных святилищ скалы Гэр-Шулуун, которая расположена в 1 км на северо-восток от третьей площадки Шара-Тэбсэг. Святилища Гэр-Шулууна организованы в естественных углублениях на поверхности огромной скалы (Ташак, Антонова. Исследование древнего святилища…, 2017). Эти углубления можно сравнить с пещерами или обширными гротами, но без верхнего свода. Все они напоминают вторую площадку Шара-Тэбсэг, но в отличие от последней, где стенки покатые, площадки Гэр-Шулууна окаймлены крутыми и высокими скальными стенками естественного происхождения. Все площадки Гэр-Шулууна, на которых организованы святилища, открыты на юг, что также отмечено и на Шара-Тэбсэг. На площадке Гэр-Шулуун-1 две бреши в естественной стенке с севера были частично заложены камнями. Этот факт наглядно демонстрирует предназначение искусственных валов: ограждение определенного пространства и соединение скал в единую цепь или стену.

Надо полагать, именно углубления в скале Гэр-Шулуун, служившие для организации ландшафтных святилищ, послужили прототипом организации культового пространства на Шара-Тэбсэг. Этот вывод в полной мере справедлив для второй и третьей площадок Шара-Тэбсэг. Первая площадка Шара-Тэбсэг отличается от всех остальных размерами: она значительно крупнее. При этом первая площадка также открыта на юг, юго-запад и юго-восток. С северо-востока площадка ограничена огромной скалой.

По нашему мнению, организация сакральной территории на этой площадке, а также огороженной тропы, ведущей к ней, была вызвана конкретными причинами. Дело в том, что, находясь в середине желоба, которым завершается подъем на первую площадку, можно наблюдать, как заходит солнце в дни зимнего солнцестояния (Ташак, Антонова. Шара-Тэбсэг – древний культовый объект…, 2017). При наблюдении захода солнца с этого места видно, что солнечный диск касается горной вершины, расположенной в 24 км на юго-запад. На самом деле солнце заходит за небольшой горный хребет, обращенный длинной осью к Шара-Тэбсэг, в связи с чем хребет видится с этого места как одиночная гора с длинными и покатыми западными склонами. Коснувшись вершины горы, солнечный диск медленно движется по поверхности склона, и только коснувшись подножия, скрывается за горизонтом (рис. 9). По всей видимости, это явление было подмечено еще в эпоху бронзового века, что

Рис. 9. Шара-Тэбсэг. Заход солнца в дни зимнего солнцестояния (вид из центра естественного желоба). Солнце «скатывается» по склону горы
Fig. 9. Shara-Tabsag. Sunset on the days of the winter solstice (view from the center of the natural gutter). The sun "rolls" down the mountainside

и послужило побудительным мотивом строительства ограждения для тропы, ведущей к желобу. При этом ограждение было выведено на запад. Поскольку природный объект оказался ориентированным на астрономически значимое явление, мы предположили, что строительство стенки из вертикально поставленных плитчатых обломков скал также было направлено на фиксацию астрономического явления. Это предположение подтвердилось: находясь в центре объекта, в его западной части, можно наблюдать заход солнца по центру тропы в дни весеннего равноденствия. Не исключено, что здесь находились какие-то визирные столбы, но в настоящее время следов их строительства не наблюдается, да и сама стенка сильно повреждена. В.В. Попов писал о каменном барьере длиной 64 м (Отчет о деятельности…, 1928. С. 155), в настоящее время, как было указано ранее, вся тропа прослеживается на протяжении около 50 м, а от барьера (стены) сохранилось менее половины. Исходя из конфигурации рельефа, стена продолжалась в западную сторону. Не следует предполагать, что закралась ошибка, если нижняя цепь камней была измерена В.В. Поповым в шагах, а здесь – в метрах. Далее в отчете приводится длина еще одного барьера, который ограничивает площадку с востока, измерения его длины, произведенные В.В. Поповым, совпадают с нашими – 85 м.

Таким образом, с нашей точки зрения, ландшафтной основой для организации святилища на первой площадке Шара-Тэбсэг стал естественный желоб в скале. Как уже было указано, в дни зимнего солнцестояния солнце заходит напротив желоба, стенки которого ограничивают обзор горизонта. Подобное наблюдение было сделано при изучении Стоунхенджа – одного из самых известных культовых объектов древности. Здесь естественным объектом, послужившим основой для строительства

«Авеню Стоунхенджа», стали глубокие борозды в каменном основании, образованные ледником в эпоху плейстоцена. Борозды оказались ориентированы на закат солнца в дни зимнего солнцестояния, это и стало причиной строительства «авеню». «Авеню» («проспект») упирается в центральный круг Стоунхенджа (Allen, Chan, Cleal, French, Marshall, Pollard, Pullen, Richards, Ruggles, Robinson, Rylatt, Thomas, Welham, Parker Pearson, 2016).

Не менее интересная аналогия с Шара-Тэбсэг зафиксирована при наблюдении захода солнца в дни весеннего равноденствия в Восточном Казахстане, когда солнце, касаясь вершины горы, начинает «скатываться» по ее склону (Марсадолов, Дмитриева, Иконников, 2008).

О назначении нижней стенки из вертикально поставленных плитчатых обломков скал в настоящее время можно говорить предположительно. Возможно, стенка отделяла мир профанный от мира сакрального. Как было отмечено, еще В.В. Попов указывал на наличие плиточных могил межу стенкой и склоном горы. Остатки крепид от этих могил наблюдаются и сейчас. Такое явление не обычное, но и не единичное. Например, в структуре могильника Боо в Селенгинском районе Бурятии также зафиксирована стенка из вертикально поставленных камней. Все погребения могильника Боо расположены с северной стороны от стенки, как и в Шара-Тэбсэг.

Нами производились шурфовочные работы на второй площадке Шара-Тэбсэг. Здесь обнаружены фрагменты керамики толщиной не более 5 мм, с большим количеством отощителя, со следами шнурового технического декора, что обычно для эпох бронзового и раннего железного веков Забайкалья. Тем не менее находки в шурфе единичны, и на этом основании нельзя утвердительно говорить о возрасте или культурной принадлежности объекта.

На восточной площадке скалы Гэр-Шулууна (святилище Гэр-Шулуун-1) производились раскопочные работы. Здесь найден разнообразный археологический материал: фрагменты керамических сосудов, железные ножи, бусины из камня, стекла, фрагменты шлифованных украшений и пр. (Ташак, Антонова. Исследования древнего святилища…, 2017). Судя по археологическому материалу, предварительно местонахождение датировалось широким диапазоном: с раннего железного века до средневековья. При этом в качестве основной рабочей гипотезы выдвигалось предположение, что все рассмотренные культовые объекты в западной части Тугнуйско-Сухаринской долины начинали функционировать в эпоху бронзового века. Данное предположение было подтверждено радиоуглеродной датой 2670 ± 180 л. н. (ЛУ-8742), полученной по единичным остаткам костей животных. Максимального расцвета святилища Гэр-Шулууна достигают в железном веке и продолжают функционировать в раннем средневековье. Такому выводу не противоречит комплекс находок, представленный керамикой с вертикальным лощением, железными ножами с плавным переходом черешка в спинку лезвия, керамическим пряслом и разнообразными бусинами. Вертикальное лощение характерно для хуннской керамики, у хуннов также наблюдается использование богхеда для изготовления украшений (Коновалов, 1976). Находят аналогии в материалах хуннских памятников и однолезвийные ножи со слабовыгнутой спинкой, хотя подобные ножи широко распространены и в последующее время. В то же время ромбовидный и спиралеобразный орнамент характерен для уйгурской керамики (Савинов, 2006; Худяков, 1989; Худяков, Цэвээндорж, 1982) конца I тыс. н. э. Этот же орнамент отмечен на ковровых изделиях из хуннских погребений (Руденко, 1962. С. 81). Исходя из предположения, что площадки Гэр-Шулууна могли являться прототипом для организации культового пространства на Шара-Тэбсэг, мы относим начало функционирования Шара-Тэбсэг также к концу бронзового века.

Что касается интерпретации Шара-Тэбсэг как крепости, археологические шурфовочные и раскопочные работы как на отдельных площадках Шара-Тэбсэг, так и на сопредельных объектах, определяемых нами как культовые местонахождения, не выявили материалов, характерных для долговременных стоянок, например обилия кухонных и бытовых отходов. Среди находок преобладают фрагменты керамики, украшения, железные ножи, обломки изделий из бронзы. Ножи, оставленные там,

где совсем не наблюдается следов той деятельности, в которой могли бы эти ножи использоваться, обилие украшений в виде различных бус и подвесок говорит о жертвенном характере материала и недолговременном пребывании людей на различных святилищах. Названные артефакты оставлялись здесь намеренно, а не были случайно утеряны, поскольку, как было указано, они не сопровождаются бытовыми отходами, которые здесь должны были быть при постоянном или долгосрочном пребывании людей. Все площадки как Гэр-Шулууна, так и Шара-Тэбсэг труднодоступны, лишены воды, открыты ветрам, что делает их некомфортными даже для кратковременного пребывания здесь людей. Кроме этого, все площадки небольшие по площади и не могут вместить более нескольких человек, которым не тесно будет только при организации сна. О какой-либо жизнедеятельности для обеспечения обороны говорить не приходится. Исключение составляет первая площадка Шара-Тэбсэг: ее поверхность больше, но и она может вместить только несколько десятков человек, которым уже будет довольно тесно. Согласно А.В. Тиваненко, здесь могло укрыться население долин Тугнуя и Хилка (Тиваненко, 1998, с. 82). Такого количества людей не вместит вся первая площадка с прилегающим к ней с северо-запада уступом, протянувшимся на 100 м севернее площадки. По археологическим данным такое количество людей одновременно здесь никогда не находилось.

Указание А.В. Тиваненко на то, что в скалах делались специальные углубления для хранения запасов воды (Тиваненко, 1998. С. 82, 83), не соответствует действительности. Наблюдаемые раскопы с северной стороны первой площадки Гэр-Шулуна были сделаны в недавнем прошлом. В.В. Попов пишет в отчете, что местные буряты в начале XX в. предпринимали здесь раскопки в поисках драгоценностей (Отчет о деятельности…, 1928. С. 155). Последнее вполне обосновано, поскольку различные украшения здесь оставлялись в качестве жертвоприношений на протяжении длительного времени. В настоящее время на площадках Шара-Тэбсэг и Гэр-Шулууна можно наблюдать обилие мелких раскопчиков, оставленных черными археологами, вооруженными металлоискателями.

Археологические местонахождения с линейными каменными конструкциями в виде стенок и валов известны в разных районах Южной Сибири. Ближайшая конструкция в виде вала обнаружена в 6,5 км на северо-запад от Шара-Тэбсэг. Объект назван Хилокский вал, поскольку расположен на гребне небольшого горного отрога рядом с берегом реки Хилок (Ташак, Антонова. Святилища и культовые места…, 2017. С. 269). Здесь небольшой каменный вал, протянувшийся между скальными выходами, создает непрерывную каменную гряду и огораживает только с одной стороны две площадки на гребне отрога. На одной из площадок был поставлен шурф, в котором обнаружены единичные фрагменты керамики. Еще один вал обнаружен в 2,5 км на северо-запад от села Тарбатай. Вал протянулся по склону на несколько десятков метров от вершины одиночной горы в западном направлении.

В последнее время активно изучаются городища-святилища в Прибайкалье (Иркутская область и северо-западное побережье озера Байкал – республика Бурятия). К этому типу памятников отнесены как объекты с земляными валами и рвами (Харинский, 2007; 2013; 2015; Емельянова, Харинский, 2008), так и с каменными валами, сосредоточенными в прибрежной зоне Байкала (Харинский, 2016; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015). В последнем случае каменные выкладки выделяли площадки под скалами.

Археологические объекты с каменными валами и стенками известны в Хакасии и на Горном Алтае. Археологические памятники с остатками ограждений из скальных обломков разного размера в Хакасии носят название «све» (Готлиб, 1997). По их поводу высказываются различные мнения, например, некоторые авторы однозначно рассматривают их как крепости (Скобелев, 2016). Выдвигается и предположение о культовом характере некоторых све, основанное на их детальном археологическом обследовании (Готлиб, 2009). Анализ взаимосвязи естественных и рукотворных структурных элементов таких местонахождений Хакасии, как Саратский и Первый сундуки, с астрономическими явлениями

позволил исследователям также рассматривать их как астроархеологические и культовые объекты (Ларичев, Гиенко, Паршиков, Прокопьева, 2008; Ларичев, Гиенко, Паршиков, 2013).

Подобные археологические памятники на Горном Алтае носят название «шибэ» (Соёнов, 2008). Часть из них интерпретируются как крепости и полевые фортификационные сооружения и датируются XVII–XVIII вв. (Соёнов, Трифанова, 2010). Ряд других местонахождений такого типа предположительно рассматривается как хозяйственные и ритуально-культовые сооружения (Соёнов, 2010. С. 234).

Заключение

Археологический объект Шара-Тэбсэг представляет собой сложный комплекс элементов ландшафта и рукотворных конструкций, с помощью которых производилась организация сакрального пространства (Антонова, Ташак, 2014). Прототипом для организации второй и третьей площадок Шара-Тэбсэг послужили площадки ландшафтных святилищ Гэр-Шулууна. Первая площадка также организована по подобному принципу, но значительно больше по размерам.

В одной из своих интерпретаций объекта Шара-Тэбсэг А.В. Тиваненко называет его «крепость-святилище» (Тиваненко, 1998. С. 84) и связывает с XII–XIII вв. н. э. Только в одной части интерпретации можно согласиться с А.В. Тиваненко: данный объект является святилищем в первую очередь. Об использовании его как крепости нет никаких данных, и его формирование начинается в эпоху бронзового века. Именно в это время строится ограждение из каменных плит тропы, ведущей через естественный желоб на первую площадку. Образование этой структуры связано с наблюдениями за заходом солнца в дни зимнего солнцестояния и весеннего солнцеворота. Из всех археологических материалов, полученных на самом Шара-Тэбсэг и в его окрестностях, крайне мало тех, которые однозначно могли бы быть датированы развитым средневековьем. Радиоуглеродная дата, полученная при изучении восточной площадки Гэр-Шулууна (Гэр-Шулуун-1), указывает на начало функционирования святилищ подобного типа в конце бронзового века. Археологический материал, также полученный в раскопе Гэр-Шулууна-1, и соседствующие с Шара-Тэбсэг хуннские могильники (Ташак, Антонова. Погребальные археологические объекты…, 2017) показывают, что активное освоение этих святилищ происходит в конце I в. до н. э. – в начале I в. н. э., то есть в эпоху хунну.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Библиографический список

Антонова Ю.Е., Ташак В.И. Древние святилища Западного Забайкалья: вопросы дефиниций и типологии // Вестник бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 4 (16). С. 191–200.

Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 132–145.

Готлиб А.И. Исследование горного сооружения «све Сулекское городище» в Хакасии // Вестник НГУ. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 221–230.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Из-

References

Antonova Yu.E., Tashak V.I. Ancient sanctuaries of Western Transbaikalia: questions of definitions and typology. *Vestnik buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [The Bulletin of the Buriat Science Centre of SB RAS], 2014, no. 4 (16), pp. 191–200. (In Russian).

Gotlib A.I. *Gornye arkhitekturno-fortifikatsionnye sooruzheniya okunevskoi epokhi v Khakasii* [Mountain architectural fortified structures of Okunevo epoch in Khakasia]. *Okunevskii sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevo volume. Culture. Art. Anthropology]. Saint Petersburg: Petro-RIF Publ., 1997, pp. 132–145. (In Russian).

Gotlib A.I. Field research the mountain fortification construction “sve Sulek hillfort” in Khakassia. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya. Arkheologiya i etnografiya* [The Bulletin of Novosibirsk State University. History and Philology], 2009, vol. 8, iss. 3, pp. 221–230. (In Russian).

Emelianova Yu.A., Kharinsky A.V. Earliest settlement-sacral center on the coast of Lake Baikal. *Izvestiya Labora-*

вестия Лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 145–166.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. 248 с.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2013. № 6. С. 120–146.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Первый Сундук – Мировая гора, достигающая высоты солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. XIV. С. 184–189.

Марсадолов Л.С., Дмитриева Н.В., Иконников В.А. Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы Монастыри на Западном Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2008. № 2. С. 207–218.

Отчет о деятельности Бурят-Монгольского Научного Общества имени Д. Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 гг. // Бурятиеведение. 1928. Вып. IV (8). С. 107–161.

Платов В.С., Терещенков В.Г., Савченко А.А., Бусуек С.М., Аносова Г.Б., Полянский С.А. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200000. Серия Селенгинская. Лист M 48-VI. Объяснительная записка. М. – СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2002. 156 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

Савинов Д.Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово: Летопись, 2006. С. 44–50.

Скобелев С.Г. Крепость Онло на горе Первый Сундук // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и

torii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient technologies], 2008, iss. 6, pp. 145–166. (In Russian).

Konovalov P.B. *Khunnu v Zabaykale (Pogrebalnye pamyatniki)* [Xiongnu in Transbaikalia (Burial mounds)]. Ulan-Ude: Bu-ryatskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1976, 248 p. (In Russian).

Larichev V.E., Gienko E.G., Parshikov S.A. Observational astronomy and system of time counting in Bronze Age of Northern Khakasia (to the problem of astral character of hieratic priesthood's religion of Okunevo culture). *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospective* [Worldview of the population in the South Siberia and the Central Asia in historical retrospect], 2013, no. 6, pp. 120–146. (In Russian).

Larichev V.E., Gienko E.G., Parshikov S.A., Prokop'eva S.A. The first «Sunduk» – world mountain, reaching the height of the Sun (to the methods of identification of patterns of cultural equipped space sacral nature monuments). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, Ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories], 2008, vol. XIV, pp. 184–189. (In Russian).

Marsadolov L.S., Dmitrieva N.V., Ikonnikov V.A. The first paleoastronomical investigations on the sanctuary at Monastyri Mountain in Western Altai. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in the historical retrospective], 2008, no. 2, pp. 207–218. (In Russian).

Otchet o deyatelnosti Buryat-Mongolskogo Nauchnogo Obshchestva imeni D. Report of the activity of D. Banzarov Buryat Mongolian science society from the 1st October 1926 to the 1st January 1928. *Buryatievedenie* [Buryat studies], 1928, iss. IV (8), pp. 107–161. (In Russian).

Platov V.S., Tereshchenkov V.G., Savchenko A.A., Busuek S.M., Anosova G.B., Polyanskii S.A. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1:200000. Seriya Selenginskaya. List M 48-VI. Ob"yasnitel'naya zapiska* [State geological map of Russian Federation. Scale 1:200000. Series Selenga. List M 48-VI. Explanatory note]. Moscow – Saint Petersburg: Kartograficheskaya fabrika Vserossijskogo nauchno-issledovatel'skogo geologicheskogo instituta Publ., 2002, 156 p. (In Russian).

Rudenko S.I. *Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany* [Xiongnu culture and Noin-Ula burial mounds]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1962, 206 p. (In Russian).

Savinov D.G. *Potomki kokel`tsev na strazhe uigurskikh gorodishch* [Posterity of the Kokels on guard of Uigur hillforts]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archeology of Southern Siberia], iss. 24. Kemerovo: Letopis` Publ., 2006, pp. 44–50. (In Russian).

Skobelev S.G. *Krepost' Onlo na gore Pervyi Sunduk* [Fortress Onlo on the Mountain Pervyi Sunduk]. *Sbornik trudov II vserossiiskogo polevogo seminara "Astro-*

других исторических объектов: сб. тр. II Всерос. полевого семинара. Новосибирск: Изд-во ИПЦ НГУ, 2016. С. 97–105.

Соёнов В.И. Горные каменные сооружения шибе южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. С. 5–17.

Соёнов В.И. Полевые каменные фортификационные сооружения Горного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 233–235.

Соёнов В.И., Трифанова С.В. Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. 104 с.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Исследования древнего святилища в скальном убежище (Западное Забайкалье) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй: III Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 252–255.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Линейные каменные конструкции в древних культовых объектах Западного Забайкалья // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: Изд-во Зимовниковского краеведческого музея, 2015. С. 101–111.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Погребальные археологические объекты железного века на западе Тугнуйско-Сухаринской долины // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2017. № 4 (28). С. 9–17.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Святилища и культовые места бронзового и железного веков западной части Тугнуйско-Сулхаринской долины в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 264–271.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Шара-Тэбсэг – древний культовый объект в долине р. Хилок (Ресбулика Бурятия) // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов: сб. тр. II Всерос. полевого семинара. Новосибирск: Изд-во ИПЦ НГУ, 2016. С. 97–105.

nomicheskie metody issledovanii arkheoastronomicheskikh ob"ektov gornoi gryady "Sunduki" i drugikh istoricheskikh ob"ektov" [Astronomical methods of invastigations of archeo-astronomical objects on the Mountain ridge Sunduki and other historical objects]. Novosibirsk: Izdatel`sko-poligraficheskii tsentr Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016, pp. 97–105. (In Russian).

Soenov V.I. *Gornye kamennye sooruzheniya shibe yuzhnoi okrainy Chuiskoi kotloviny* [Mountain stone constructions sheebe of south end of Chuya depression]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri* [Investigations of the historical-culture heritage of the Southern Siberian population]. Iss. 7. Gorno-Altaisk: AKIN, 2008, pp. 5–17. (In Russian).

Soenov V.I. Field Stone Fortification Constructions in the Mountain Altai. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The News of Altai State University], 2010, no. 4-1 (68), pp. 233–235. (In Russian).

Soenov V.I., Trifanova S.V. *Polevye kamennye fortifikatsionnye sooruzheniya Altaya* [Field stone fortifications of the Altai Mountain]. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2010, 104 p. (In Russian).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. *Issledovaniya drevnego svyatilishcha v skal'nom ubezhishche (Zapadnoe Zabaikal'e)* [Studies of ancient sanctuary in the rock shelter (Western Transbaikal region)]. *III Mezhdunarodnyi kongress srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii"* [III International congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes "Between east and west: the movement of cultures, technologies and empires"]. Vladivostok: Dal`nauka Publ., 2017, pp. 252–255. (In Russian).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. *Lineinye kamennye konstruktsii v drevnikh kul'tovykh ob"ektakh Zapadnogo Zabaikal'ya* [Linear stone constructions in ancient cult objects of Western Transbaikalia]. *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki* [Ancient cults, ceremonies, rites: sites and practices]. Zimovniky: Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei Publ., 2015, pp. 101–111. (In Russian).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Burial archeological objects of Iron Age in the West of the Tugnui-Suhara valley. *Vestnik buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [The Bulletin of the Buriat Science Centre of SB RAS], 2017, no. 4 (28), pp. 9–17. (In Russian).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Bronze and Early Iron Age sanctuaries and cult objects of Western part of Tugnui-Sulhara valley in Western Transbaikalia. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures], 2017, iss. 6, pp. 264–271. (In Russian).

Tashak V.I., Antonova Yu.E. *Shara-Tebseg – drevnii kul'tovyi ob"ekt v doline r. Khilok (Respublika Buryatiya)* [Shara-Tebseg – ancient cult object in the Khilok river valley (Buriatia Republik)]. *"Astronomicheskie metody issledovanii arkheoastronomicheskikh ob"ektov gornoi gryady "Sunduki"*

го семинара. Новосибирск: Изд-во ИПЦ НГУ, 2017. С. 192–194.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Кобылкин Д.В. Древние святилища Западного Забайкалья в современных ландшафтах // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения изданий томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V Междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). Ч. 2. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 304–307.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 69 с.

Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов. Изд. 2-е, доп. Слюдянка: Слюдянская районная типография, 1998. 112 с.

Харинский А.В. Городища-святилища в структуре сакральных представлений древнего населения Предбайкалья // Известия Иркутского государственного университета. История. 2015. Т. 13. С. 6–17.

Харинский А.В. Городища-святилища северо-западного побережья озера Байкал – сакральные территории, преобразованные человеком // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Междунар. науч. конф. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень, 2016. С. 236–239.

Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. Вып. 6. С. 200–217.

Харинский А.В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 133–136.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 15–51.

i drugikh istoricheskikh ob"ektov" [Astronomical methods of invastigations of archeo-astronomical objects on the Mountain ridge Sunduki and other historical objects]. Novosibirsk: Izdatel`sko-poligraficheskii tsentr Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017, pp. 192–194. (In Russian).

Tashak V. I., Antonova Yu. E., Kobylkin D. V. *Drevnie svyatilishcha Zapadnogo Zabaikaliya v sovremennykh landshaftakh* [Ancient sanctuaries of Western Transbaikalia in contemporary landscapes]. *Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii po istoricheskoi geografii "Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost kompleksnykh regionalnykh issledovanii (100-letie zaversheniya izdanii tomov serii "Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva")* [Materials of the V Historical Geography international conference "Historical geography of Russia: retrospective view and modernity of the complex regional investigations (centenary of the completeness of publishing volumes "Russia. Complete geographical description of our Country") (Saint Petersburg, 18–21 may 2015)]. P. 2. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ., 2015, pp. 304–307. (In Russian).

Tivanenko A.V. *Gibel' plemeni merkitov* [Death of the Merkit tribe]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences Publ., 1992, 69 p. (In Russian).

Tivanenko A.V. *Gibel' plemeni merkitov* [Death of the Merkit tribe]. Slyudyanka: Slyudyanskaya raionnaya tipografiya Publ., 1998, 112 p. (In Russian).

Kharinskii A.V. Forts-Sacred Places in the Structure of Sacral Concepts of the Ancient Population of Cisbaikalia. *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. History], 2015, vol. 13, pp. 6–17. (In Russian).

Kharinskii A.V. *Gorodishcha-svyatilishcha severo-zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal – sakral'nye territorii, preobrazovannye chelovekom* [Forts – holy places of the Northwestern coast of Lake Baikal – sacred territories transshaped by the human]. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv"* [Materials of the V International science conference "Ecology of ancient and traditional societies"]. Vol. 5, p. 1. Tyumen, 2016, pp. 236–239. (In Russian).

Kharinskii A.V. *Kapsal'skie "gorodishcha"* [Kapsal "forts"]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient technology laboratory], 2007, iss. 6, pp. 200–217. (In Russian).

Kharinskii A.V. Forts – holy places of Kuda valley: form and design. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2013, no. 2 (22), pp. 133–136. (In Russian).

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E. Archaeological objects of the northwest coast of Lake Baikal: Based on exploration in 1996, 1998 and 2015. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient technology laboratory], 2015, no. 4 (17), pp. 15–51. (In Russian).

Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 134–152.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 85–94.

Allen M. J., Chan B., Cleal R., French C., Marshall P., Pollard J., Pullen R., Richards C., Ruggles C., Robinson D., Rylatt J., Thomas J., Welham K., Parker Pearson M. Stonehenge's Avenue and «Bluestonehenge» // Antiquity. 2016. Vol. 90. P. 991–1008.
https://doi.org/10.15184/aqy.2016.98

Сведения об авторах

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: tvi1960@mail.ru

Антонова Юлия Евгеньевна,
хранитель фондов,
Музей Бурятского научного центра СО РАН,
670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8,
e-mail: yulya_an@mail.ru

Критерии авторства

Ташак В.И. и Антонова Ю.Е. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Khudyakov Yu.S. *K istorii goncharnoi keramiki v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral`noi Azii* [To the history of the pottery in South Siberia and Central Asia]. *Keramika kak istoricheskii istochnik* [Ceramics as historical source]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, pp. 134–152. (In Russian).

Khudyakov Yu.S., Tseveendorzh D. *Keramika Ordu-Balyka* [Ceramics of Ordu-Balyk]. *Arkheologiya Severnoi Azii* [Archeology of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, pp. 85–94. (In Russian).

Allen M. J., Chan B., Cleal R., French C., Marshall P., Pollard J., Pullen R., Richards C., Ruggles C., Robinson D., Rylatt J., Thomas J., Welham K., Parker Pearson M. Stonehenge's Avenue and "Bluestonehenge". Antiquity, 2016, vol. 90, pp. 991–1008.
https://doi.org/10.15184/aqy.2016.98

Information about the authors

Vasily I. Tashak
Candidate of Sciences (History), Associate Professort, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation,
e-mail: tvi1960@mail.ru

Yuliya E. Antonova,
Museum Curator,
Buryat Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Museum,
8 Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation,
e-mail: yulya_an@mail.ru

Attribution criteria

Tashak V.I. and Antonova Yu.E. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-93-120

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ XIII–XIV ВВ. МОГИЛЬНИКА НОГООН ГОЗГОР 1 В СЕВЕРНОМ ПРИХУБСУГУЛЬЕ

© А.В. Харинский[a], Д. Эрдэнэбаатар[b], М.А. Портнягин[a], С. Оргилбаяр[b], Д.Е. Кичигин[a]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
[b] Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, Улан-Батор, Баянзурх район, 5-й хороо.

Аннотация. В июле 2017 г. усилиями совместной археологической экспедиции Иркутского национального исследовательского технического университета и Улан-Баторского государственного университета проводились раскопки на могильнике Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье. Изначально работы планировалось вести на двух погребальных комплексах № 5 и 6. К началу раскопочных работ выяснилось, что погребение № 6 ограблено современными грабителями: в центре надмогильной конструкции заложен грабительский шурф глубиной до 1,2 м. В отвалах выброшенного грунта обнаружены кости человека, барана и остатки шелковой ткани, на отдельных фрагментах которой отмечены изображения пионов и попугаев, стилизованный облачный и волнообразный орнаменты. На месте могилы №5 разбит раскоп площадью 32 м^2. Под овальной кладкой размерами 5×3 м на глубине 75–80 см от современной поверхности земли обнаружены останки погребенной женщины, в могиле также найдены остатки бокки – берестяной каркас головного убора. В Северном Прихубсугулье такая находка встречена впервые. В результате исследований установлено, что могильник Ногоон Гозгор 1 датируется XIII–XIV вв., оставлен коренным населением района, которое, несомненно, было включено в глобальные культурно-исторические процессы, протекавшие в Евразии в эпоху Монгольской империи.
Ключевые слова: *Монголия, Северное Прихубсугулье, XIII–XIV вв., могильник Ногоон Гозгор 1, погребение, бокка, шелк, изображение пиона, изображение попугая.*

Информация о статье. Дата поступления 6 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 5 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северно Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120

WOMEN'S BURIALS IN XIII–XIV CENTURIES. THE CEMETERY NOGOON GOZGOR 1 IN THE NORTHERN HUBSUGUL AREA

© A.V. Kharinskii[a], D. Erdenebaatar[b], M.A. Portniagin[a], S. Orgilbayar[b], D.E. Kichigin[a]

[a] Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation
[b] Ulaanbaatar State University,
5th horoo, Bayanzurkh District, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In July 2017, the archaeological expedition of the Irkutsk National Research Technical University and the Ulaanbaatar State University conducted the excavations at the cemetery Nogoon Gozgor 1 in the northern Hubsugul area. Initially, the work was planned to be conducted at two funeral complexes No. 5 and 6. By the beginning of the excavation work, it was revealed that burial No. 6 had been plundered by modern robbers: in the center of the above-grave construction a predatory pier with a depth of up to 1.2 m was laid. In the dumps of the ejected soil, bones of a human, a sheep and remains of silk fabrics were found, on separate fragments of which there are images of peonies and parrots, a stylized cloudy and undulating ornamenta-

tion. On the location of the grave No. 5, an excavation area of 32 m2 is made. Under the oval masonry of 5 × 3 m in size at a depth of 75–80 cm from the modern surface of the earth, the remains of the buried woman are found, in the grave there are also remains of bokky – the birch bark frame of the headdress. Such a find in Northern Hubsugul Area was first met. As a result of the research it was established that the cemetery Nogoon Gozgor 1 dates back to the 13th-14th centuries, was left by the indigenous population of the region, which undoubtedly was included in the global cultural and historical processes taking place in Eurasia in the era of the Mongolian Empire.

Keywords: *Mongolia, Northern Hubsugul Area, XIII–XIV centuries, cemetery Nogoon Gozgor 1, burial, bokka, silk, image of a peony, image of a parrot*

Article info. Received April 6, 2018; accepted for publication May 5, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E. Women's burials in XIII–XIV centuries. The necropolis Nogoon Gozgor 1 in the Northern Hubsugul Area. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 93–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120. (In Russian).

Введение

Могильник Ногоон Гозгор 1 располагается на северо-восточном побережье озера Хубсугул (Хубсугульский аймак, Ханх самон), в 7,2 км к северу от поселка Ханх, на северо-восточном склоне горы Ногоон Гозгор (Зеленая вершина), в 1,4 км к северо-востоку от моста через реку Хавцал (рис. 1). На северном склоне горы преобладают моховые и мохово-лишайниковые лиственничные леса, что характерно для Северного Прихубсугулья в целом (Выркин, Белозерцева, Энхтайван, 2013. С.49). В напочвенном покрове доминируют мхи и лишайники, участие злаков и осок незначительно. Подлесок представлен несколькими видами ив, рододендроном даурским, жимолостью алтайской и красной смородиной. Южный и восточный склон горы покрыты степными ассоциациями растений, характерными для горно-степного ландшафта. Их флористический состав беден. Разнотравья относительно мало, для него типичны полынь, лук, прострел (Выркин, Белозерцева, Энхтайван, 2013.С. 53).

Некрополь состоит из двух групп каменных кладок, располагающихся на двух небольших относительно пологих площадках (рис. 2). Верхняя из площадок находится на высоте 1805–1806 м над уровнем моря, а нижняя на высоте 1789–1794 м. На верхней площадке локализуются три надмогильные каменные кладки, на нижней площадке – четыре кладки. Кладки могильника вытянуты цепочкой, ориентированной по линии юго-запад – запад и северо-восток – восток, длина которой составляет 90 м. Кладки № 1–2 находятся в лесу, который занимает северо-западную часть территории площадок. Кладки № 3–7 локализуются у края леса на открытой местности.

Могильник открыт в 1999 г. А.В. Харинским (Харинский, Наумов, 2000). В 2006 г. он был вновь осмотрен. Проведено его описание и фотофиксация погребальных конструкций (Харинский, Ожередов, 2006). В 2008 г. на некрополе вскрыта могила № 4, под которой обнаружены останки погребенного. Умерший располагался вытянуто на спине и был ориентирован головой на север. Вместе с погребенным в могильной яме найдены остатки седла со стременами, колчан со стрелами и нож. В 2009 г. вскрыта могила № 3. Четырехугольная каменная кладка погребения разрушена в древности. Захоронение ограблено. Часть человеческих костей выброшена наружу. Судя по пропорциям могильной ямы, погребенный располагался вытянуто, головой на север. В яме найдено несколько человеческих костей и железная пряжка.

Итоги исследований на могильнике Ногоон Гозгор 1 были подведены в статье, опубликованной в 2011 г. (Харинский, Эрдэнэбаатор, 2011). Захоронения некрополя по ряду показателей отличаются от монгольских погребений. Их надмогильная кладка имеет четырехугольную форму, а не круглую или овальную, как у монгольских захоронений. В погребениях отсутствуют деревянные внутримогильные конструкции, характерные для монгольских захоронений. Сосуд, найденный под кладкой погребения №4, не имеет аналогов среди монгольской керамики. Набор остального инвентаря – стремена, нож, кресало, наконечники стрел, пряжка – имеет широкие аналогии среди материалов начала II тыс., найденных в Южной Сибири и

Рис. 1. Карта расположения могильника Ногоон Гозгор 1
Fig. 1. Map of the location of cemetery Nogoon Gozgor 1

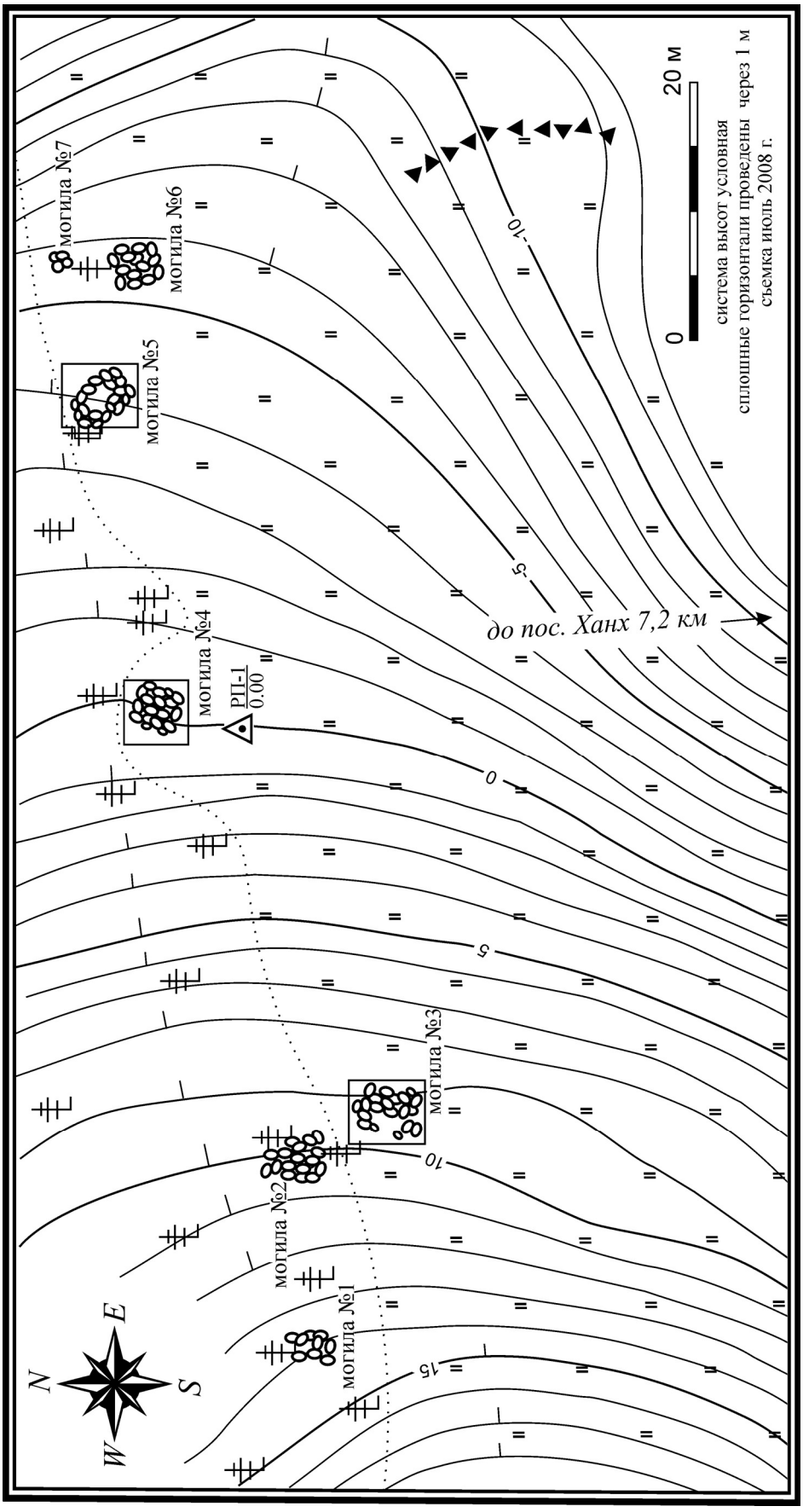


Рис. 2. Ногоон Гозгор 1, план могильника
Fig. 2. Cemetery Nogoon Gozgor 1, plan of cemetery

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

Центральной Азии, и не отличается от изделий из монгольских захоронений.

Выявленные особенности указывают на то, что население Северного Прихубсугулья в начале II тыс. следовало в русле тех культурно-технологических тенденций, которые существовали в то время в регионе. В среде кочевников-скотоводов они, прежде всего, выражались в изменениях, происходивших в сфере вооружения и конского снаряжения. Артефакты, относящиеся к этим категориям инвентаря, в исследованных захоронениях идентичны подобным находкам из других частей региона. Однако наряду с общими культурно-историческими тенденциями, фиксируемыми в Центральной Азии, население Северного Прихубсугулья обладало и определенными особенностями. Погребальный обряд, выявленный в ходе раскопок могилы № 4 некрополя Ногоон Гозгор 1, не находит близких аналогий в соседних районах. Поэтому предварительно можно говорить о культурных особенностях населения Прихубсугулья, выраженных в погребальной практике и керамическом производстве. Насколько они устойчивы в настоящее время судить сложно из-за малого количества исследованных захоронений, но уже сейчас с уверенностью можно утверждать, что культурные изменения, протекавшие в Центральной Азии в начале II тыс., проявились в Северном Прихубсугулье с некоторым запозданием. Возможно, это связано с противодействием жителей района распространению имперского культурного влияния, проявившегося, в том числе, и в выработке схожей погребальной практики. С другой стороны, это запаздывание можно объяснить малой привлекательностью Прихубсугулья для новых кочевых элит, что обусловлено особенностями его географического положения – высокогорьем и более суровыми климатическими условиями, чем в соседних районах (Харинский, Эрдэнэбаатор, 2011).

Результаты раскопок 2017 г.

В июле 2017 г. исследования на некрополе Ногоон Гозгор 1 были продолжены совместной археологической экспедицией Иркутского национального исследовательского технического университета и Улан-Баторского государственного университета. Работы проводились на двух могилах – № 5 и 6. К моменту начала работ выяснилось, что на месте могилы № 6 заложен грабительский шурф. Захоронение было ограблено осенью 2016 г. или весной 2017 г. Грабительская яма впущена в могилу, из которой были выброшены кости человека, барана и остатки одежды. Грабителей интересовали только металлические вещи, которые и были ими изъяты из погребения. Видимо при поиске древних металлических вещей грабители использовали металлоискатель. Реконструировать по оставшимся деталям погребальный ритуал захоронения № 6 было невозможно. В грабительских отвалах и яме были собраны человеческие и бараньи кости и остатки одежды погребенной здесь женщины.

На месте могилы № 5 разбит раскоп площадью 32 м^2, ориентированный длинными стенками по линии север – юг (рис. 2). Перед раскопками вскрываемая площадь нивелировалась, определялась высота каменных конструкций, искусственных углублений и археологических находок. Отсчет высот велся от вершины репера № 1 (РП-1), установленного в 2008 г. Он представлял собой деревянный столбик, вкопанный в землю в 20 м к юго-западу от юго-западного угла раскопа, разбитого на месте могилы № 4. При нивелировочных работах вершина РП-1 принималась за «0». Точки, располагавшиеся ниже него, записывались со знаком минус (–), а выше него со знаком плюс (+). Отсчет высот велся в сантиметрах. Ниже всех располагался юго-восточный угол раскопа (–412). Выше всех северо-западный угол (–337).

Могила № 5 находилась к югу от лиственничного леса, в 20 м от кладки № 4 по азимуту 75° (рис. 2). В результате расчистки выяснилось, что кладка могилы № 5 имеет неправильную овальную форму размером 5×3 м. Длинной осью она ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В центре конструкции каменное заполнение отсутствовало. Кладка была разобрана во время произошедшего еще в древности ограбления. Размер грабительского лаза в верхней части имел форму овала размером 0,8×1,9м и был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Кладка одно-, двух-

слойная и преимущественно состоит из горизонтально уложенных камней. Их размеры варьируются от 8×8×4 см до 54×60×30 см. Ряд камней располагается наклонно. Такое положение они приобрели, когда грабители извлекали их из центральной части кладки и беспорядочно отбрасывали в сторону, чтобы добраться до останков погребенной. Выброшенные из верхней части грабительского шурфа камни образовали в южной части кладки дополнительный слой камней. Отдельные разрозненные камни располагаются на некотором удалении от кладки в северо-восточном направлении. Вероятно, они приобрели такое положение в ходе частичного разрушения первоначальной каменной конструкции (рис. 3, рис. 4, *1*).

Кладка заложена из основания слоя серой супеси. После ее разборки и зачистки центральной части раскопа было выявлено несколько камней (рис. 4, *2*). Самый крупный из них имеет размер 46×95 см, он занимал центральное положение. Самый маленький из зафиксированных камней имел размер 10×19 см. В 20 см к западу от скопления камней обнаружены 2 человеческие фаланги, они располагались на глубине 15 см от поверхности земли.

В слое серой супеси с дресвой, на глубине 20–30 см от поверхности земли проявились контуры могильной ямы. Они не очень четкие и образуют овал, ориентированный по линии юго-восток – северо-запад. В древности в могильную яму была сделана грабительская врезка. Размеры могильного пятна 1,0×2,1м. Его цвет от светло-серого до бежевого и от темно-серого до бурого. Более темный цвет пятна в северо-западной части, где располагается грабительская яма, более светлый в юго-восточной части, куда не доходила грабительская врезка. В северо-западной части могильного пятна находилось два камня, располагавшихся на боко-

Рис. 3. Ногоон Гозгор 1, могила № 5, вид с северо-запада на кладку после расчистки
Fig. 3. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 5, view from northwest to masonry after clearing

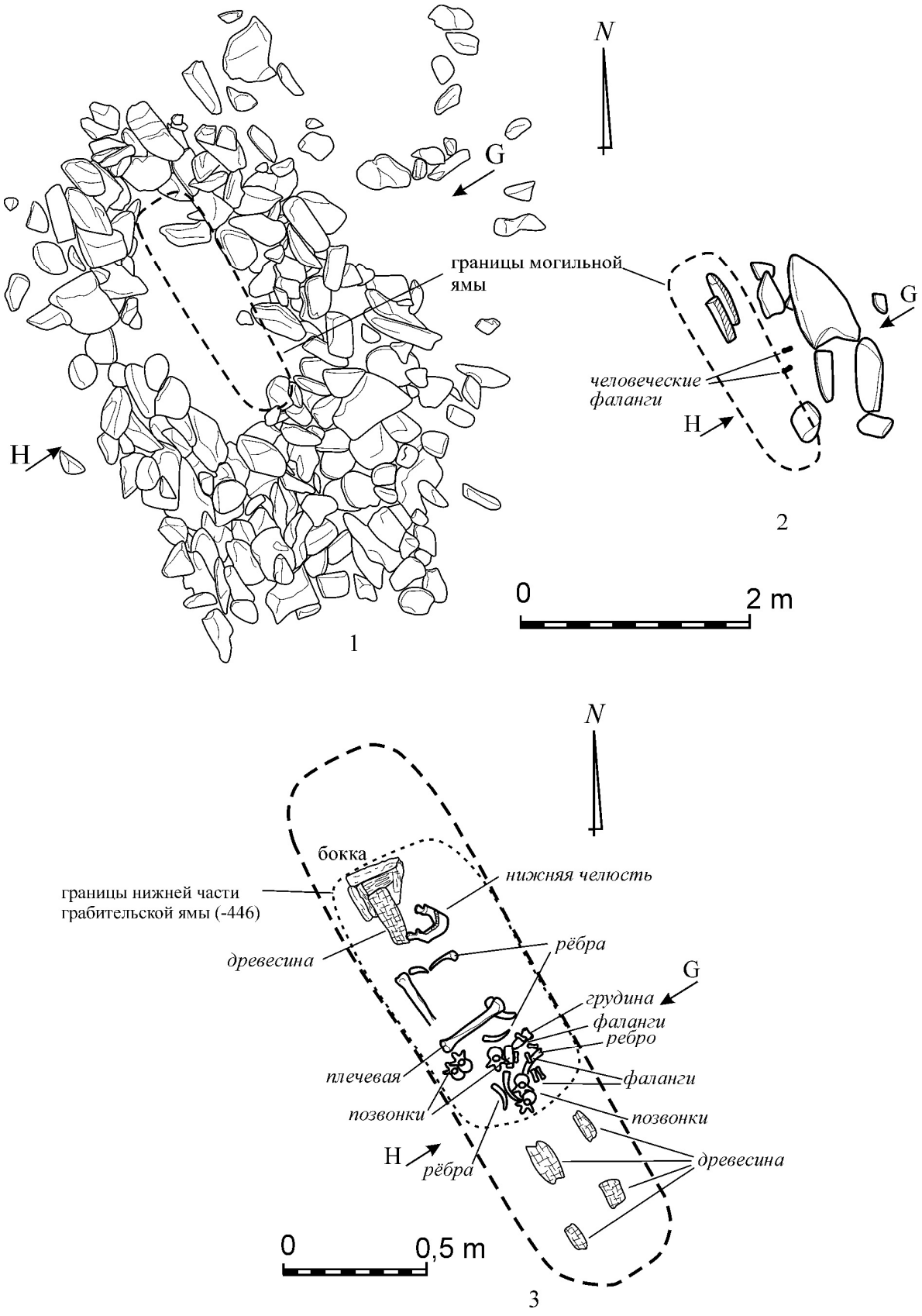


Рис. 4. Ногоон Гозгор 1, могила № 5: *1 – кладка после расчистки (–360); 2 – верхний уровень могильной ямы (–380); 3 – верхний уровень останков погребенной (–446)*

Fig. 4. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 5: *1 – masonry after clearing (–360); 2 – the upper level of the grave pit (–380); 3 – the upper level of the remains of the buried (–446)*

вой грани (рис. 4, *2*). Размер юго-западного из них 8×27×46см, северо-восточного – 9×23×59 см. Они вплотную примыкают друг к другу. Вероятно, камни приобрели наклонное положение в процессе сползания в грабительскую яму, а не были так установлены изначально.

В могильной яме на глубине около 75 см от поверхности земли стали проявляться разрозненные человеческие кости (рис. 4, *3*). Над областью таза и нижнего отдела позвоночника на глубине 80 см от поверхности земли располагались позвонки грудного и шейного отдела. Вместе с ними находились фаланги пальцев руки, ребра и грудина. Поперек могильной ямы располагалась левая плечевая кость, развернутая верхним эпифизом на северо-восток.

В северо-восточной части ямы зафиксированы остатки бокки (богтаг) – женского головного убора из бересты. Сохранившаяся часть бокки имеет следующие размеры: длина – 36 см, ширина в самом узком участке – 13 см, в самом широком – 25 см. В конструкции бокки можно выделить два элемента – несущую (основную) часть и навершие (крышку) (рис. 6). Несущая (основная) часть имеет форму уплощенного цилиндра, а навершие – трапеции. Два этих конструктивных элемента соединяются швом.

К юго-востоку от бокки располагалась нижняя челюсть человека (рис. 4, *3*). Череп отсутствовал. Сверху бокка перекрывалась фрагментом деревянной доски. Остатки древесины были отмечены и в юго-восточной части ямы. Вероятно, сверху умерший был накрыт деревянной доской или крышкой деревянной внутри могильной конструкции, стенки которой не сохранились.

Умерший располагался вытянуто на спине, верхней частью он был ориентирован по азимуту 325° (рис. 5, *1*). Значительная часть скелета не потревожена. Кроме черепа, левой плечевой кости, большей части ребер, костей кистей рук, шейных и грудных позвонков, остальные кости находились в анатомическом порядке. Судя по ним, в могиле была погребена женщина старческого возраста. В нижней челюсти погребенной зафиксирован только один обломанный зуб (клык). Большую часть зубов она утратила еще при жизни. Зубные ячейки, в которых они находились, зарубцевались.

Нижние эпифизы локтевых и лучевых костей скелета находились на тазовых костях. Под костяком зафиксированы фрагменты древесины, возможно, изначально это была доска. Под поясным отделом позвоночника погребенной обнаружено 3 стыковавшихся друг с другом поясничных позвонка барана. Из-за плохой сохранности древесины, не удалось определить находились ли они на доске или под доской, на которой располагалась умершая. Глубина могильной ямы составляла 0,85 м (рис. 5, *2*).

В районе захоронения отмечена следующая стратиграфическая ситуация (сверху вниз, м): дерн – 0,04–0,07; серая супесь в основании с дресвой – 0,15–0,20; бурая супесь с мелкими неокатанными камнями – 0,32–0,35; скальная крошка с обломочным материалом в желтой супеси – вскрыта до 0,40.

Могила № 6 расположена в 8 м от кладки № 5 по азимуту 100°, к югу от одиноко стоящей лиственницы (рис. 7). Кладка, описание которой производилось в 2007 г., четырехугольной формы размером 3,6×4,1 м. Она ориентирована по линии с азимутом 30°. Большая часть камней располагается горизонтально. С восточной стороны кладки один камень установлен вертикально. Его размеры 16×34×36 см, остальные камни 8×20–44×48 см.

На месте захоронения грабителями была оставлена вытянутая овальная яма. Ее размеры составили 1,5×0,7 м, глубина – 1,2 м, она ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 8).

Для того чтобы получить хоть какую-то информацию о разрушенном погребении, была проведена расчистка отвалов, образовавшихся из земли, выброшенной грабителями из ямы. В отвале встречены камни от надмогильной кладки, фрагменты шелковой ткани и кожи, человеческие и бараньи кости. Среди бараньих костей найдены плюсневая кость, ребра, астрагал, позвонки, плечевая кость и фрагменты других костей. Человеческие кости представлены позвонками, ребрами и лучевой костью.

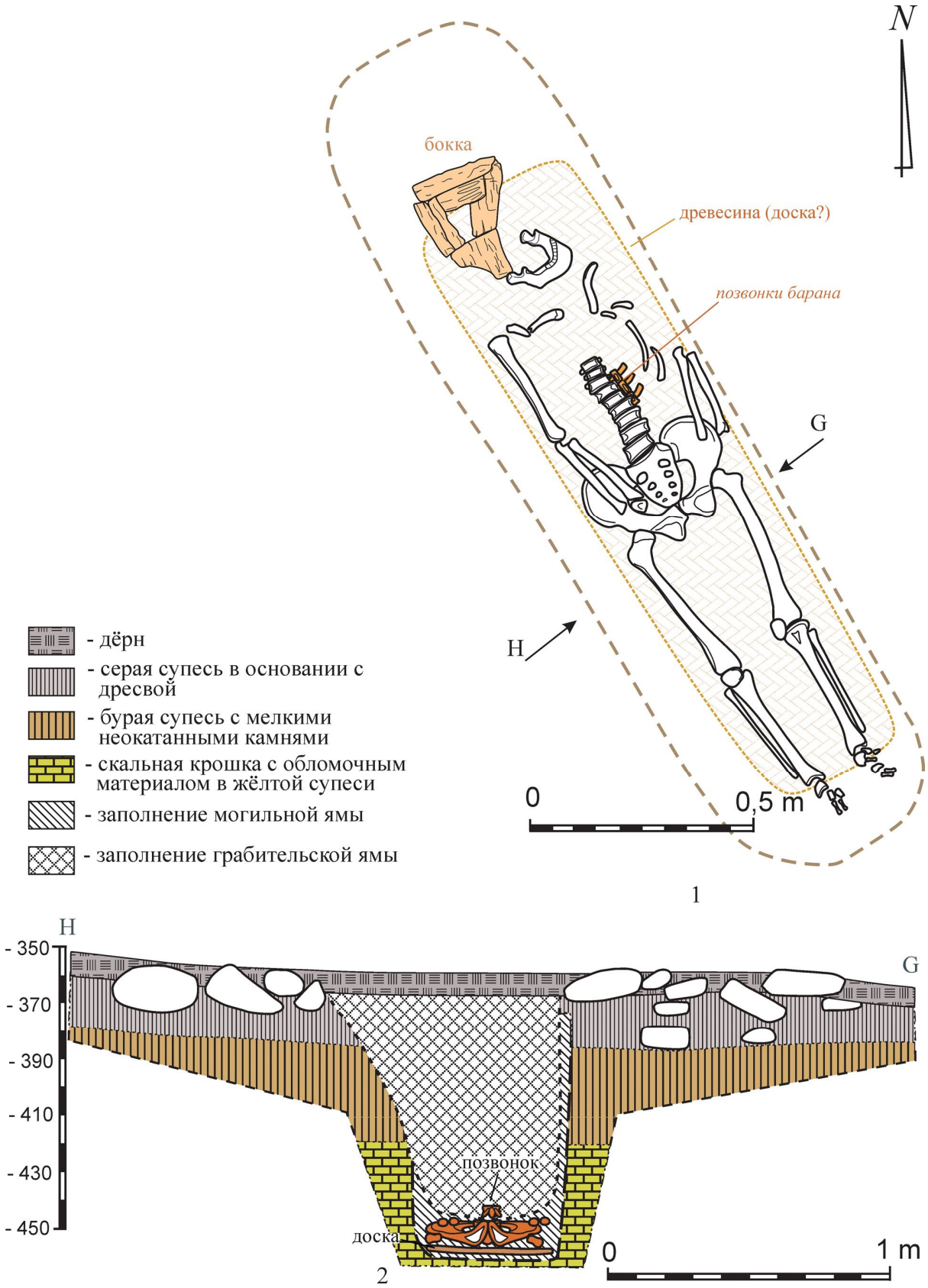


Рис. 5. Ногоон Гозгор 1, могила № 5: *1 – нижняя часть могильной ямы (–450) с непотревоженной частью костяка; 2 – поперечный стратиграфический разрез могилы*

Fig. 5. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 5: *1 – the lower part of the grave pit (–450) with undisturbed part of the skeleton; 2 – cross stratigraphic section of the grave*

Рис. 6. Ногоон Гозгор 1, могила № 5. Берестяная основа бокки: *1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона*
Fig. 6. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 5. Birch bark base of bokka: *1 – front side, 2 – back side*

Рис. 7. Ногоон Гозгор 1, могила № 6, снято с востока, 2008 г.
Fig. 7. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 6, photographed from the east, 2008

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

Рис. 8. Ногоон Гозгор 1. Грабительский раскоп на месте могилы № 6, снято с юга
Fig. 8. Cemetery Nogoon Gozgor 1. Robber excavation at the site of the grave No. 6, photographed from the south

На дне ямы виднелись сваленные в кучу человеческие кости, слегка присыпанные почвой. Выше всех располагался череп женщины с отверстием в правой части теменной кости. Также в перемешанном состоянии было обнаружено несколько других костей человека и барана.

В северо-западном и юго-восточном торцевых концах ямы были сделаны подбои. В северо-восточную стенку подбоя уходили кости позвоночного отдела барана.

О функциональном назначении обнаруженных возле грабительской ямы фрагментов кожи судить сложно, поскольку они не сохранили своей первоначальной формы и размеров. Стоит только отметить, что они имеют зеленоватый оттенок (следы окислов меди), на одном из них есть отверстие трапециевидной формы с неровными сторонами, на боковой стороне другого фрагмента имеются регулярные небольшие отверстия – следы сшивания.

В процессе расчистки ямы было обнаружено множество фрагментов полихромной и однотонной шелковой ткани. Некоторые фрагменты украшены орнаментом. Можно выделить три его вида: изображения птиц и цветов; стилизованный облачный орнамент; орнамент в виде волнообразных линий.

Фрагмент ткани со стилизованным облачным орнаментом шириной 6,5 см, длиной 17,5 см (рис. 9) имеет искусственные продольные и поперечные прошитые складки и две продольные завязки шириной 1,2 см, пришитые к основе поперечным швом. Скорее всего, изначально цвет этой ткани был золотистый, но со временем он стал более блеклым. Местами цвет приобретает зеленоватые оттенки, что может являться следами окисления металла.

Фрагмент ткани, украшенный изображениями птиц и цветов (рис. 10) не имеет по краям следов обрыва и представляет собой хорошо сохранив-

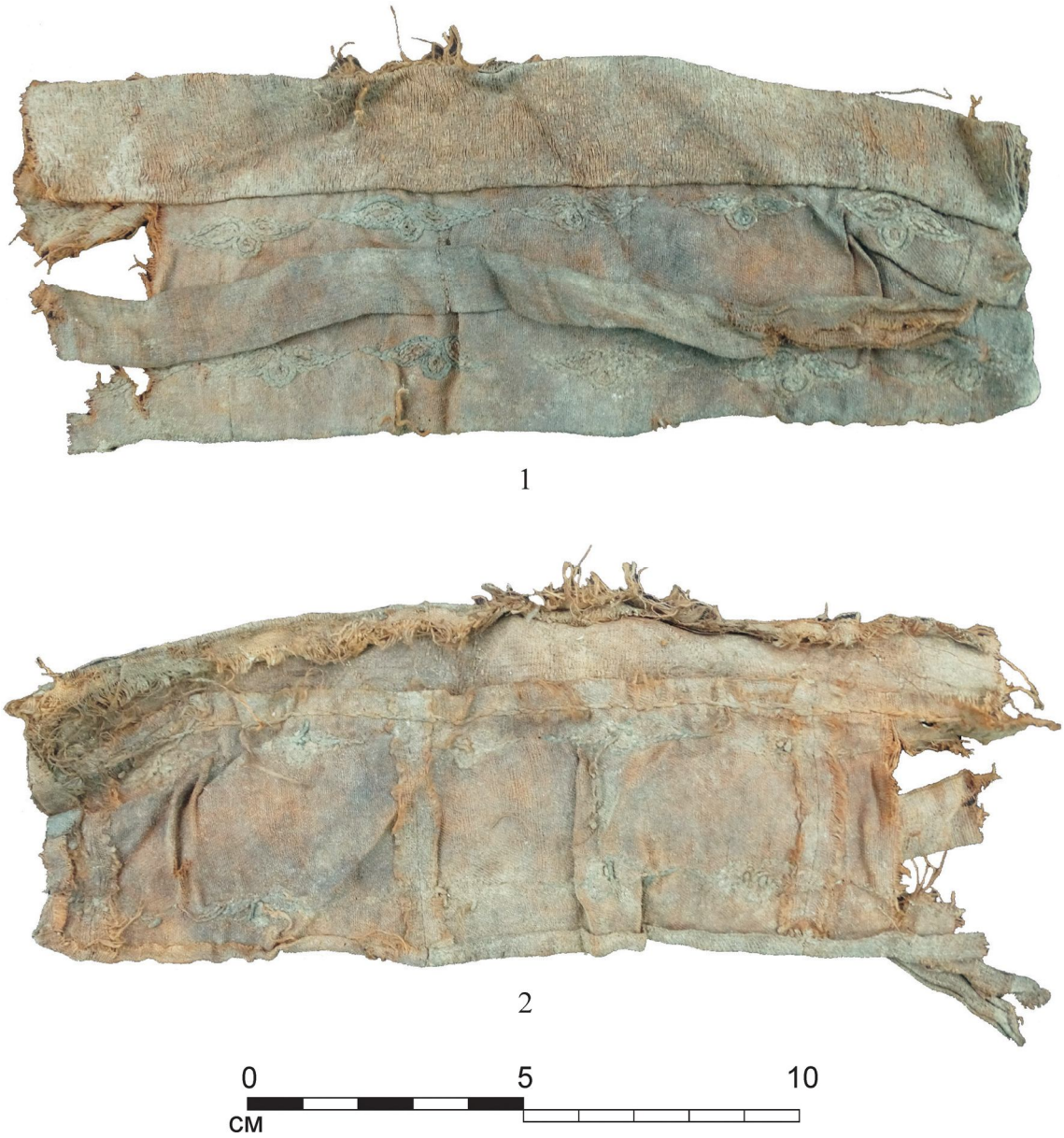


Рис. 9. Ногоон Гозгор 1, могила № 6.Фрагмент ткани со стилизованным облачным орнаментом:
1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона
Fig. 9. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 6. Fragment of fabric with a stylized cloud ornament:
1 – front side, 2 – back side

шийся элемент костюма, близкий по своим размерам к носовым платкам. Он имеет серо-бурую цветовую основу на одной из сторон. Оборотная сторона мутно-желтого цвета. Нити, которыми выполнен орнамент, на лицевой стороне имеют золотистый цвет. Выходя на оборотную сторону, они приобретают темно-серый цвет. Платок был сложен пополам по вертикали. Он четырехугольной формы размером 18,8×20,8 см (рис. 12). Платок вырезан из отреза ткани. По его верхнему, правому и нижнему краям располагается бахрома длиной 0,5 см. Перед бахромой по краю платка сверху, справа и снизу идет кант толщиной 3 мм, состоящий из 3 тонких полос. Слева канта нет. На ткани, из которой вырезан платок, по вертикали располагаются чередующиеся композиции. Они состоят из двух птиц с загнутыми клювами, сидящими с противоположных сторон от цветка, напротив друг друга. В одной из композиций птицы располагаются хвостами друг к другу. Их головы развернуты и обращены друг к другу. В другой композиции птицы повернуты грудками друг к другу, но головы их

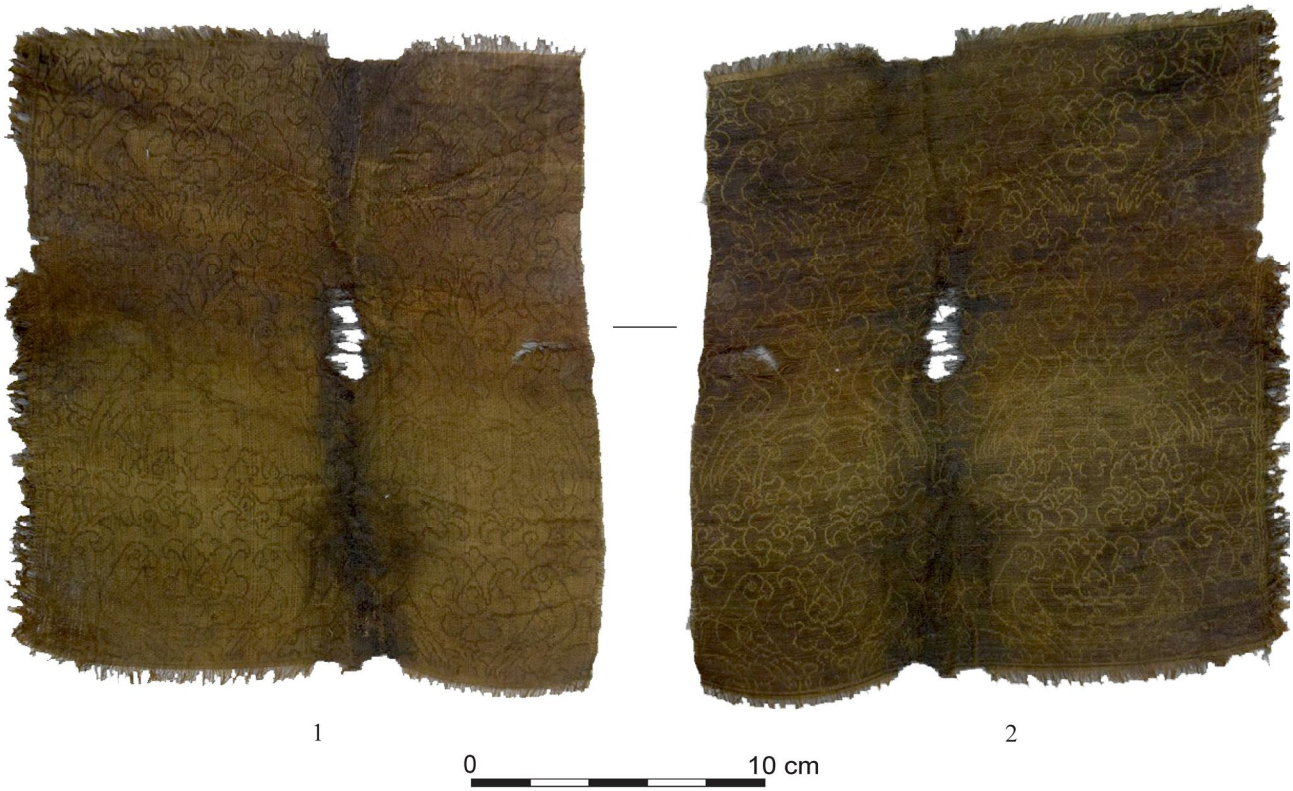


Рис. 10. Ногоон Гозгор 1, могила № 6. Шелковый платок с изображением попугаев и пионов:
1 – оборотная сторона, 2 – лицевая сторона
Fig. 10. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 6. Silk handkerchief with the image of parrots and pions:
1 – the reverse side, 2 – the front side

развернуты в противоположные стороны. Ряды композиций с птицами разделены вертикальными рядами изображений цветов.

Кусок ткани для платка был вырезан таким образом, что в него попало шесть композиций с птицами – три в одном вертикальном ряду и три в другом. В обоих рядах сверху располагаются композиции, в которых птицы повернуты друг к другу хвостами. В центре – композиции с птицами, повернутыми друг к другу грудками. В нижних композициях повторяются изображения верхней части платка. В средних композициях хвосты у птиц длинней, чем в верхних и нижних композициях. Остальные элементы декора сохраняют одинаковые размеры в разных частях платка.

Изображения птиц и цветов не симметричны относительно вертикальной и горизонтальной срединной линии платка. Хвосты птиц нижних композиций располагаются у края платка. В верхней композиции между головами птиц и верхним краем платка находится горизонтальный ряд, состоящий из листьев растений. Правый край платка захватил большую часть вертикального ряда растений, разделяющего композиции с птицами, а левый край его меньшую часть.

Обсуждение

В 2017 г. на могильнике Ногоон Гозгор 1 исследовано два женских захоронения. Первое из них было ограблено еще в древности, поэтому погребальная конструкция и целостность костяка были нарушены. Вероятно, грабители изъяли часть сопроводительного инвентаря, в том числе и украшения бокки. Проследить погребальную конструкцию и положение костяка во втором захоронении (№ 6) не удалось. Они были нарушены современными грабителями. Сверху могила перекрывалась каменной кладкой. Грабительский шурф, обнаруженный в 2017 г., вероятно, повторял форму могильной ямы. Он был вытянут с юго-запада на северо-восток. Поэтому можно считать, что погребенная была ориентирована головой на северо-

1

2

3

4

Рис. 11. Императрицы династии Юань в головных уборах бокка (богтаг):
1 – Тажигийн (Таджи) жена Дармабала, брата Тэмура (1294–1307); 2 – Жэнгэ жена ХайсанХулуг (1307–1311); 3 – жена Хайсан Хулуга, мать Туг-Тэмура (1328–1329); 4 – жена Шидэбала (1321–1323)

Fig. 11. Empress of the Yuan Dynasty in the headdresses of bokkah (bogtag):
1 – Tajigiyin (Taji), the wife of Darmabal, the brother of Temur (1294–1307); 2 – Zhangge, wife of HaysanHulug (1307–1311); 3 – wife of Haysan Huluga, mother of Tug-Temur (1328–1329); 4 – wife of Shidabal (1321–1323)

Рис. 12. Ногоон Гозгор 1, могила № 6. Прорисовка орнаментальной композиции с шелкового платка
Fig. 12. Cemetery Nogoon Gozgor 1, grave Nr. 6. Drawing of ornamental composition from a silk scarf

запад и располагалась вытянуто на спине, как в двух других захоронениях могильника – № 4 и 5. Несмотря на полное разрушение могилы № 6 и изъятие из нее всех металлических вещей, возле грабительской ямы были собраны остатки одежды, позволяющие судить о костюме погребенной.

В северо-западной части могильной ямы погребения № 5 зафиксированы остатки берестяной основы бокки (богтаг, бугтак, бокто, гу-гу и др.) – являвшейся в имперский период (XIII–XIV вв.) «характерным для монголов женским головным убором» (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 36). На террито-

рии Северного Прихубсугулья это первая подобная находка. Бокка не являлась повседневным головным убором женщин и надевалась лишь по торжественным поводам. Бокка делалась из древесной коры или бересты, покрывалась шелковой тканью и украшалась павлинными перьями и драгоценными камнями (Лхагвасурэн, 2007. С.227–228). Этот головной убор воспроизведен на портретах императриц Юаньской династии, оригиналы которых сохранились в архивах старинного императорского дворца в Пекине (Mostaert, 1927). Форма бокк на всех портретах практически одинакова (рис. 11). Сверху они покрыты красной тканью. Различаются лишь украшения, крепившиеся к этим головным уборам (Эрдэнэбат, 2006. С. 32–36).

В конструкции берестяной основы боки из могилы № 5 можно выделить три элемента – несущую часть, навершие и крышку (рис. 6). Несущая часть имеет форму уплощенного цилиндра, а навершие – форму уплощенной трапеции (уплощены под тяжестью земли). Два этих конструктивных элемента соединяются швом. Навершие состоит из 12 фрагментов бересты различной формы. На правой стороне от основания навершия (соединительного шва с основной частью) вверх тянутся 4 полоски бересты, имеющие форму параллелограмма или прямоугольника – по 2 с каждого края (внахлест), с наклоном влево и вправо соответственно. На концах эти полоски соединяются с другим фрагментом бересты, имеющим форму вытянутой трапеции. Одна из крайних полосок большей ширины, чем остальные, имеет продольный сгиб и накладывается на край левой стороны бокки, тем самым, соединяя обе стороны. С левой стороны также тянутся полоски бересты. Две с одного края и три с другого. Сверху данная конструкция перекрывается крышкой, имеющей форму вытянутого прямоугольника. Длинными сторонами данный элемент соединялся с верхними частями правой и левой сторон. Каждый фрагмент бересты скрепляется с другим с помощью шва, о чем говорят регулярные отверстия по краям. Нити не сохранились.

Несущая часть берестяной основы бокки устроена проще. Она состоит из одной ленты бересты, концы которой накладываются друг на друга, тем самым образуя цилиндр. Концы ленты скреплены швом.

Исходя из конструктивных особенностей, боку из могилы № 5 следует отнести к монголо-тяньшаньской разновидности (Пилипенко, 2007; Пилипенко, 2013). Это объясняется формой ее составных элементов – широкой основной несущей частью (конусообразный цилиндр), трапециевидным навершием и прямоугольной крышкой. Бокки с территории Нижнего Поволжья (Мыськов, 1995.С. 42) и их томско-алтайские разновидности (Пилипенко, 2003.) характеризуются более узкой и высокой основой, воронкообразным навершием (томско-алтайская), навершием в форме остроносого сапожка (Нижнее Поволжье) и овальной крышкой.

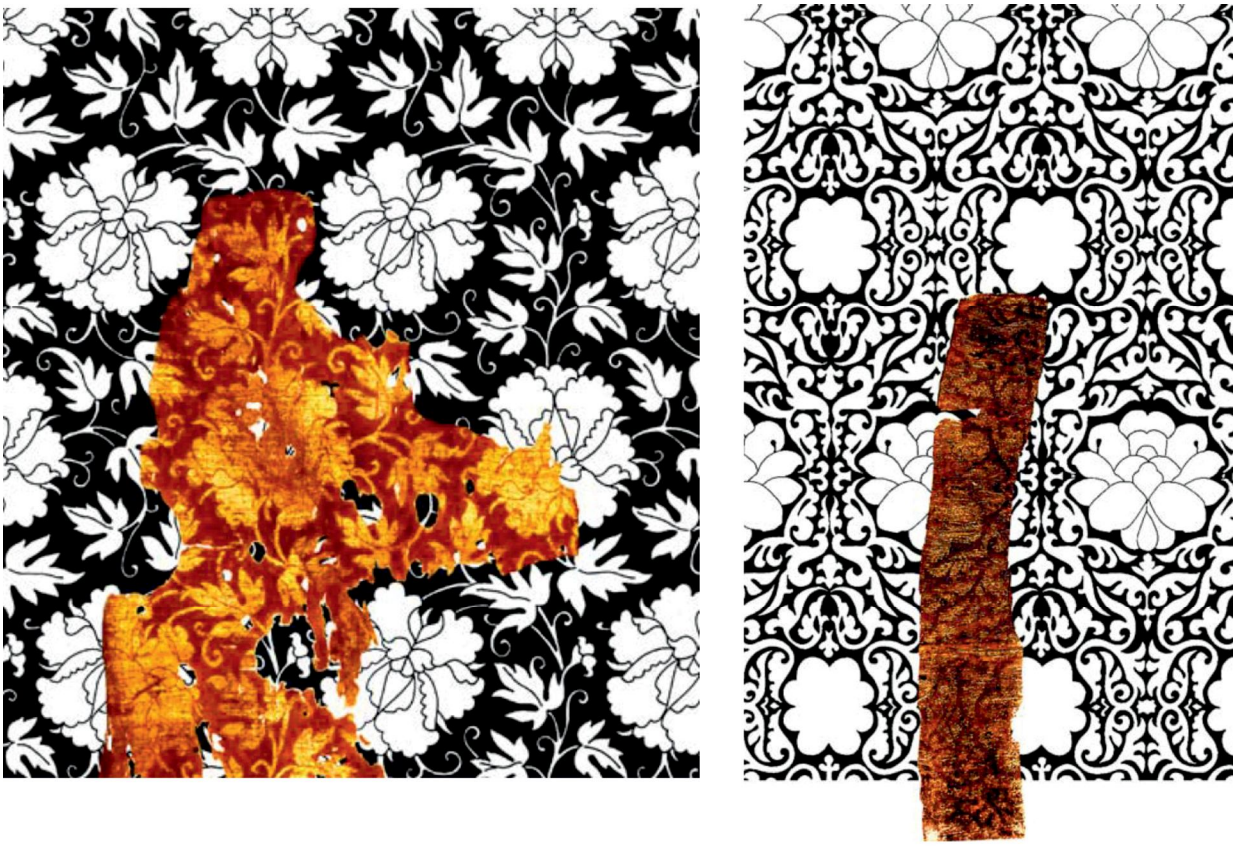
В записях Дж. Де Плано Карпини и Г. де Рубрука можно найти сведения о монгольских бокках. Первый из них пишет: «На голове … они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 27). Г. Рубрук добавляет: «Они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны» (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 100).

Приведенные описания навершия бокк – «четырехугольник», «как капитель колонны» – не противоречат описанию навершия бокки с Ногоон Гозгор 1. Отражение подобной формы женского головного убора в письменных источниках подкрепляется аналогичными археологическими находками с территории Монголии, Киргизии, Тувы, Алтая и других регионов. По данным У. Эрдэнэбата, к 2003 г. на территории Монголии было раскопано 24 захоронения, в которых обнаружены остатки бокки (Эрдэнэбат, 2006. С. 114–116). При этом на территории Хубсугульского аймака остатков боки найдено не было. По сведениям Х. Лхагвасурэна, за 1988–2012 гг. археологами Г. Мэнэсом и У. Эрдэн-

батом были обнаружены остатки 20 бокк (Лхагвасурэн, 2015. С. 116).

Остатки бокки как правило располагались в верхней части туловища погребенной. Например, в захоронении Нарын Хадны Восточногобийского аймака они находились на правом плече умершей (Хүрэлсүх, 2012. С. 20, рис. 32–34). В могиле № 2 у горы Бууралуул (Селенгинский аймак) они лежали на груди погребенной женщины (Коновалов, 2017. С. 70). На могильнике Боз-Адыр в Кыргызстане остатки боки найдены в трех женских погребениях. В кургане № 10 они располагались справа от черепа, в кургане № 11 – к северо-востоку от черепа, в кургане № 38 – над правой плечевой костью погребенной (Орозбекова, Акматов, 2016. С. 178–179, рис. 2–3). На могильнике Сарыг-Хая в Туве берестяная основа боки находилась на черепе погребенной женщины (Пилипенко, Жадаева, 2017. С. 201, рис. 1–2). На алтайском могильнике Телеутский Взвоз 1 остатки бокки обнаружены как в «ногах» (курган № 8), так и в районе головы (курган № 12) (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002. С. 50, 58). На основе фрагментов одной из бокк, найденных на могильнике Телеутский Взвоз 1, была выполнена реконструкция этого головного убора. Восстановленная бокка по формальным признакам отнесена к монголо-тянь-шаньской разновидности (Тишкин, 2003; Тишкин, Пилипенко, 2016. С. 21, рис. 1–11, 12).

Среди остатков тканей, обнаруженных у могилы № 6, особого внимания заслуживает шелковый платок, украшенный изображениями птиц и цветов (рис.12). Подобные изображения цветков на шелковых тканях обнаружены в погребениях кочевников на территории Ставропольского края – могильник Новопавловский (рис.13, *1*) (Нарожный, Охонько, 2007; Доде, 2007. С. 106, рис. 6) и в Ростовской области (междуречье Дона и Сала) – курганный



1 2

Рис. 13. Шелковые ткани с изображением пионов:
1 – Новопавловский могильник (Доде, 2007); 2 – могильник Вербовый Лог (Доде, 2007)
Fig. 13. Silk fabrics with the image of pions:
1 – cemetery Novopavlovsky (Dode, 2007); 2 – cemetery Verbovy Log (Dode, 2007)

могильник Вербовый Лог (рис. 13, *2)* (Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006; Доде, 2007. С. 106, рис. 7).

Наибольшее сходство с цветами на платке из Ногоон Гозгор 1 фиксируется у цветков на шелковой ткани, происходящей из некрополя Новопавловский, датируемого XIII–XIV вв. (Доде, 2007. С. 106, рис. 6). Близость двух изображений отмечается в расположении пестика и центральных лепестков цветов, которые отличны по форме от других. Пестик представляет собой символическое изображение «сердца» с тремя вершинами. Центральные лепестки на платке из Ногоон Гозгор 1 отходят по одному с двух сторон от основания завязи цветка под углом примерно 45° влево и вправо соответственно. Они прямые, за исключением окончаний, которые загибаются в противоположные друг от друга стороны и приобретают серповидный облик. Лепестки же цветка с ткани из Новопавловского могильника изображены несколько иначе. Они также отходят с двух сторон от завязи цветка, но они не прямые, а полукруглые и их внутренние стороны изображены в волнообразной манере. З.В. Доде в статье «Бестиарий на “монгольских” шелках. Стиль и семантика дизайна» определяет аналогичные изображения как изображения цветков пиона (Доде, 2007. С. 106–107).

Наличие изображения цветка пиона в орнаментальной композиции может указывать на китайскую изобразительную традицию. В китайской культуре и, в частности, в изобразительной традиции пион являлся одним из классических элементов, символизирующих любовь, жизнь, плодоношение (Доде, 2007. С. 106), благополучие, процветание (Ромах, 2011. С. 232), весну (Тянь Хэ, 2011. С. 176), аристократизм, достоинство, славу, почести и высокое положение (Грибина, Ермолаева, Илюшина, Федосеева, 2017).

В традиционной китайской культуре орнаменту всегда придавалось особенное значение. Как правило, китайский орнамент, в том числе и введенные в него изображения птиц, животных и цветов, представляет собой не просто совокупность элементов, мотивов, композиций, которые нужно понимать прямолинейно, а сложную систему знаков и символов (Неглинская, 2012.С. 421).

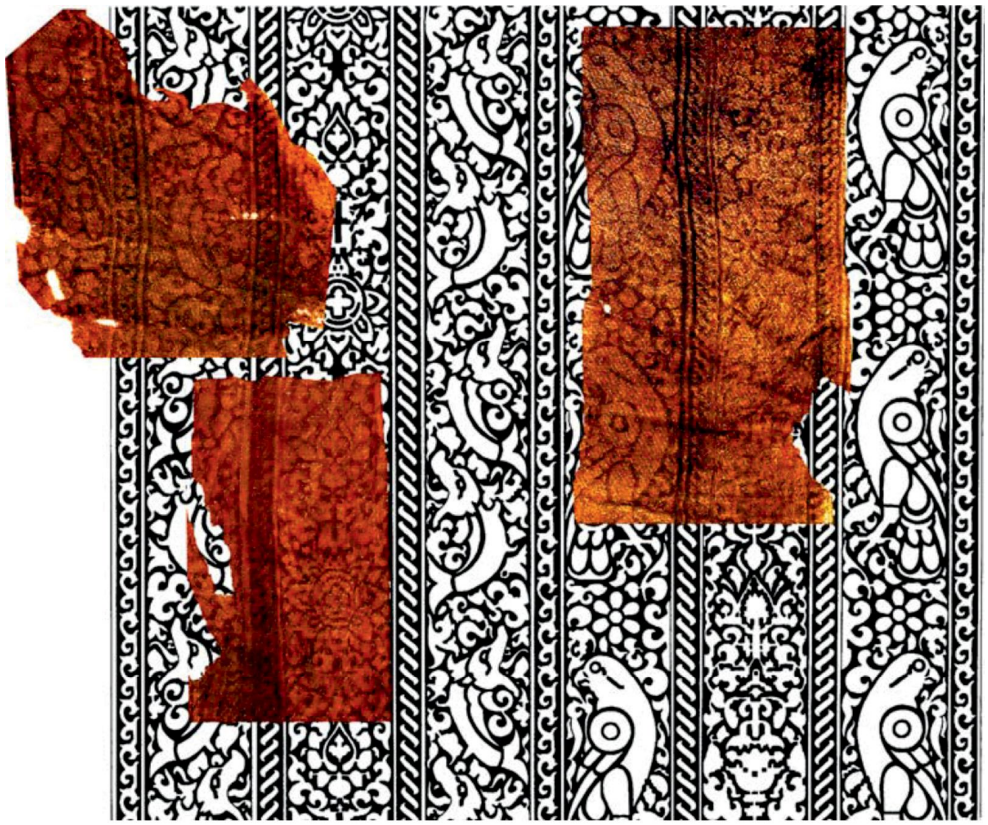
Наибольшее сходство с орнитоморфным изображением с платка из Ногоон Гозгор 1 имеет изображение птицы, встреченное на шелковой ткани из могильника Вербовый Лог и интерпретированное как изображение попугая (рис. 14, *1*) (Доде, 2007. С. 108–109, рис. 9, 10).

На платке из Ногоон Гозгор 1 по вертикали изображено несколько композиций, в составе которых присутствуют две птицы, разделенные цветком пиона. В двух композициях в центре платка птицы обращены грудками друг к другу, но развернуты головами в противоположные стороны. В композициях в верхней части платка и в нижней части они развернуты грудками в противоположные стороны, но обращены повернутыми головами друг к другу.

Как отмечает Д.Е. Куликов, зачастую изображение попугая можно перепутать с изображением хищных птиц, например, коршунов (Куликов, 2002. С. 26). Дифференцирующим критерием в таком случае может служить изображение пальцев на лапках птицы, а именно их расположение. Только у попугаев, дятлов, кукушек и туканов 1-й и 4-й пальцы обращены назад., у сов и тураковых 4-й палец подвижен и может быть направлен как вперед, так и назад (Ильичев, Карташев, Шилов, 1982. С. 108).

У птицы, интерпретированной как попугай, с ткани из Вербового Лога изображено всего три пальца – два направлено вперед и один назад. У птицы с платка из Ногоон Гозгор 1 схематично изображен обхват пальцами ветви, т. е. одна часть лапки обхватывает ветвь спереди, другая сзади. В связи с этим нет возможности точно сосчитать количество пальцев.

Интересно еще одно изображение попугая на ткани ке-сы, хранящейся в музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке и датирующейся концом XI – началом XIII вв. (рис.14, *2*) (Watt, Wardwell, 1997. P. 173, cat. no. 50). Образец ткани хорошо сохранился, изображение попугая четкое и реалистичное, если говорить об оперении и окраске перьев, которые имеют в основе зеленый цвет и бело-синие вставки. Однако у изображенного попугая три пальца на лапке. С учетом того, что данное изображение попугая в целом весьма реалистично с точки зрения анатомии и внешних признаков,



1

2

Рис. 14. Шелковые ткани с изображением попугаев: *1 – могильник Вербовый Лог (Доде, 2007);*
2 – ткань ке-сы из музея искусств Метрополитен в Нью-Йорке (Watt, Wardwell, 1997)
Fig. 14. Silk fabrics with the image of parrots: *1 – cemetery Verbovy Log (Dode, 2007);*
2 – cloth ke-sy from the Metropolitan Museum of Art in New York (Watt, Wardwell, 1997)

можно говорить о схематичности исполнения рисунка. Возможно, подобный подход к изображению лап птицы имел место и на других образцах декоративного искусства этого времени.

Как указывалось, изображение попугая действительно можно спутать, например, с изображением коршуна. Единым для хищных птиц, таких как коршун, ястреб и сокол является наличие «крючка» на надклювье клюва. Данная морфологическая особенность клюва характерна и для попугаев (Ильичев, Карташев, Шилов, 1982. С. 129). Критерием отличия может служить степень выделения (выноса) клюва. В случае с попугаем клюв более приплюснут, чем у хищных птиц, и выделение (вынос) направлено скорее вниз, чем вперед.

Большое сходство с орнаментом на платке из Ногоон Гозгор 1 в изображении головы и клюва попугая имеет изображение на ткани из коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне (рис. 15, *1*). На нем попугаи изображены в резных «медальонах», разделенных растительно-геометрическим орнаментом (Rossabi, 2002. P. 29, fig. 25). Представленный образец датируется XIII–XIV вв.

Приведем еще примеры изображения попугаев на тканях. На фрагменте ткани из Берлинского музея искусств (рис. 15, *2*) (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, 2002. P. 72, fig. 75) попугаи изображены в многогранных «медальонах». Они обращены в противоположные стороны и соприкасаются хвостами, а их головы повернуты в обратном направлении, т. е. друг к другу. Эта ткань имеет Центрально-азиатское происхождение и датируется первой половиной XIV в. Другое изображение попугая обнаружено в погребении у скалы Нартын Хадан, расположенной в юго-восточной части Монголии, в аймаке Дорноговь (Восточногобийском), сомоне Даланжаргалан (Эрдэнбат, Хүрэлсүх, 2007.С. 355, рис. 10). Шелковая основа найденного там дэ́ли (дэгэл) имеет красноватый оттенок. На

1 2

Рис. 15. Шелковые ткани с изображением попугаев: *1 – ткань из Смитсоновского института в Вашингтоне (Rossabi, 2002); 2 – ткань из Берлинского музея искусств (The Nasser D. Khalili Collection…, 2002)*
Fig. 15. Silk fabrics with the parrots depicting: *1 – cloth from the Smithsonian Institute in Washington (Rossabi, 2002); 2 – cloth from the Berlin Museum of Art (The Nasser D. Khalili Collection ..., 2002)*

ней золотой нитью вытканы изображения птиц, парящих среди облаков. Птицы изображены с раскрытыми крыльями и повернутыми в сторону головами. Идентифицировать данное орнитоморфное изображение как изображение попугая помогает форма головы, размер и форма клюва (небольшой клюв, приплюснут и несильно выделяется вперед).

Теперь обратимся к семантике образа попугая. В «Книге попугая» («Тути-Наме»), составленной в первой половине XIII в. индо-персидским писателем Зийа ад-Дином Нахшаби, попугай предстает в роли советчика, предсказателя будущего и помощника мужей, которым рассказывает о неискренности и обмане жен (Зийаад-Дин Нахшаби, 1979). Способность попугая подражать человеческой речи воплощалась в образе посредника между миром живых и миром мертвых. В китайской культуре никакого толкования образа попугаяне находим. Отметим, что именно для китайской культурной традиции не характерно совместное изображение попугаев и цветков пиона. Наиболее типичным является изображение пиона и пары фениксов, которые символизировали влюбленных (Ярмилова, 2009. С. 467). Изображение попугая более характерно для персидской изобразительной традиции. Сочетание изображения пиона, как типично китайского элемента, с изображением попугая может говорить о влиянии персидской традиции. Собственно изображение попугая на ткани из Вербового Лога, которое наиболее сходно с изображением попугая на ткани из Ногоон Гозгор 1, связывается с культурно-семантическим пространством Персии (Доде, 2007. С. 110). Слияние разных по происхождению образов, т. е. эклектика, представленная в орнаменте платка из Ногоон Гозгор 1 объясняется тем, что создание Монгольской империи запустило мощные интеграционные процессы. Развитие торговли между разными частями империи, система налогообложения и переселение ремесленников различных национальностей формировало благодатную почву для культурного обмена и создавало единое культурное пространство.

Для датировки, раскопанных в 2017 г. погребений и некрополя в целом, обратимся к материалам могилы № 4, исследованной в 2008 г. Основываясь на морфологических особенностях наконечников стрел, обнаруженных в ней, его можно датировать XIII–XIV вв. Уточнить хронологические рамки поможет радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного – 880±70 л. н. (СОАН-7574). Дата и ее доверительный интервал были калиброваны в программе «Oxcal 4.2» (Bronk Ramsey, 2009) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer, Bard, Bayliss и др., 2013).С учетом калибровки возраст захоронения № 4 (2 Sigma – 95,4 % вероятности) соответствует середине XI – середине XIII в. (1026–1262 AD). Взаимное пересечение двух хронологических диапазонов (возраст наконечников и радиоуглеродная дата) позволяет определить время сооружения погребения первой половиной XIII в. (Харинский, Эрденебаатор, 2011. С. 120–121).

Исследования, проведенные на некрополе Ногоон Гозгор 1 в 2008, 2009 и 2017 гг., позволяют отнести раскопанные на нем погребения к одному временному периоду, и хотя в конструкции и сопроводительном инвентаре могил есть определенная разница, она не является следствием разновременности этого памятника. Вероятно, формирование могильника проходило с запада на восток. Наиболее ранние захоронения находились выше по склону, а более поздние ниже. При этом в двух мужских захоронениях (№ 3 и 4), расположенных выше по склону, ориентировка умерших была головой на север, отсутствовали внутримогильные конструкции. В двух женских захоронениях (№ 5 и 6), локализующихся ниже по склону, ориентировка погребенных была головой на северо-запад. В могиле № 5 зафиксированы остатки деревянной внутримогильной конструкции.

Хотя сопроводительный инвентарь в могиле №5 не обнаружен, здесь была найдена берестяная основа бокки. Основываясь на имеющихся к настоящему времени материалах можно утверждать, что бокка является одной из важных составляющих монгольской культуры имперского периода и может служить надежным датирующим элементом (Акматов, Табалдиев, 2016). По мнению целого ряда исследователей, бокка выступала как показатель социального статуса погребенной и подчеркивала ее отношение к категории замужних женщин (Мыськов, 1995. С. 42; Ямилова, 2009. С. 122; Орозбекова, Акматов, 2016. С. 181).

Все приведенные аналогии шелкового платка из погребения № 6 с изображениями цветков пиона и попугаев датируются XIII–XIV вв. Это подтверждает правомерность отнесения некрополя к имперскому периоду. Могильник Ногоон Гозгор 1, вероятно, являлся родовой усыпальницей, и время его использования не было значительным Предварительно период его существования можно определить XIII в. – началом XIV в.

Заключение

Данные, полученные в 2017 г., существенно дополнили представления о погребальном обряде, фиксируемом на могильнике Ногоон Гозгор 1. Он является самым северным из некрополей XIII–XIV вв. на территории Монголии. Материалы могильника, находящегося на стыке двух азиатских регионов – Байкальского и Саяно-Алтайского, позволяют более детально представить культурно-социальные процессы, протекавшие здесь, и реконструировать этно-политическую обстановку в Центральной Азии во времена Монгольской империи.

К настоящему времени изучено четыре из семи археологических объектов, обнаруженных на памятнике и обозначенных на поверхности земли искусственной каменной кладкой. Все каменные конструкции оказались надмогильными сооружениями, под которыми располагались ямы с останками погребенных. Два захоронения могильника подверглись полному ограблению (№ 3 и 6), а одно частичному (№ 5). Единственным не потревоженным захоронением было погребение № 4. Ограниченность данных, полученных к настоящему времени, позволяет сделать лишь ряд предварительных замечаний о погребальном ритуале жителей Северного Прихубсугулья в XIII–XIV вв.:

1. Как мужские, так и женские захоронения могильника перекрывались плоской каменной кладкой. У погребения № 4 она была четырехугольной формы размерами 3×3,3 м. Кладка однослойная, в центре двухслойная. У других захоронений кладки были разрушены, поэтому с уверенностью говорить об их форме и размерах невозможно.

2. Под кладками находились могильные ямы овальной формы размером 0,65–0,9×2,0–2,1 м и глубиной 60–85 см. Умершие располагались вытянуто, головой на север (№ 3, 4) или северо-запад (№ 5 и 6). В погребениях № 4 и 5 умершие располагались на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Вероятно, такое же положение погребенных было и в двух разрушенных грабителями захоронениях.

3. В трех из четырех исследованных могил вместе с останками погребенных обнаружены кости барана. В погребении №6 их первоначальное положение установить не удалось. В могилах № 4 и 5 найдены три соединенные вместе поясничных позвонка барана. В первом из захоронений они находились под левым плечом погребенного, а во втором под спиной. Кроме этого, в погребении № 4 между левым плечом и стенкой ямы обнаружены останки двух ног молодого барана, лежавшие одна на другой.

Особенности погребального ритуала, отмеченные на могильнике Ногоон Гозгор 1, не позволяют отнести исследованные захоронения к монгольским погребениям имперского периода. На это указывают некоторые особенности. В захоронениях практически отсутствуют деревянные внутримогильные конструкции. Остатки деревянной крышки и дна отмечены лишь в могиле № 5, где погребена женщина. Однако при этом не исключено, что захоронения женщин могли включать отдельные элементы погребального ритуала, которые отсутствовали у местного населения. Женщин могли брать в жены из других племенных или родовых групп, культурные традиции которых отличались от представлений обитателей Северного Прихубсугулья. В этом же захоронении найдены остатки бокки, которая, по мнению целого ряда исследователей, является типичным головным убором монгольских женщин XIII–XIV вв. Она отличающаяся расширяющимся навершием от других вытянутых вверх женских головных уборов, встречающихся у жителей степной полосы Евразии. В дальнейшем бокка становится престижной частью гардероба и у народов, вошедших в состав Монгольской империи.

В исследованных захоронениях не обнаружена вертикально установленная берцовая кость ба-

рана. Тем не менее, кости этого животного представлены в трех могилах. При этом поясничные позвонки барана, как и у значительной части монгольских захоронений, располагались под телом погребенного.

Обнаруженные в захоронениях вещи имеют широкое распространение в среде кочевников-скотоводов, населявших Центральную Азию и Южную Сибирь в XIII–XIV вв. Все это позволяет говорить о том, что населению Северного Прихубсугулья не были чужды культурно-технологические изменения, проходившие в это время в среде кочевых сообществ. Помимо этого, оно имело доступ к вещам, которые происходили из регионов, удаленных на тысячи километров от побережья Хубсугула. Примером этому является шелковый платок с изображениями пионов и попугаев.

На нынешнем этапе исследований могильник Ногоон Гозгор 1 может быть охарактеризован как некрополь, оставленный местной группой населения. Вероятно, она имела тюркское происхождение и может быть связана с потомками дубо, которые известны в XIII–XIV вв. под именем туматы (Харинский, 2001. С. 36–42).

Археологические исследования на северном побережье озера Хубсугул в 2017 г. стали возможны благодаря финансовой поддержке А.Н. Недбаева и Г.К. Рыкова. Их интерес к прошлому Северной и Центральной Азии помог реализовать не один исследовательский проект. С помощью студентов и сотрудников Иркутского государственного университета и Иркутского национального исследовательского технического университета нашей экспедиции удавалось быстро решать бытовые и научные задачи, возникающие во время проведения полевых работ. Терпение и мастерство консерватора Батчимэг Болормы позволило очистить и сохранить находки, обнаруженные на могильнике Ногоон Гозгор 1.

Библиографический список

Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш. Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане //Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2016. С. 10–17.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Выркин В.Б., Белозерцева И.А., Энхтайван Д. Ландшафты Прихубсугулья: современное состояние и рациональное использование. Иркутск: Институт географии им. Б.В. Сочавы СО РАН, 2013. 107 с.

Грибина Г.А., Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Федосеева Л.А. Значение цветов сливового дерева и пиона в культуре Китая, в его изобразительном искусстве и ли-

References

Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. *Ob etnokul`turnoi prinadlezhnosti pogrebenii s oval`noi kamennoi nasyp`yu XIII–XIV vv. Na Tyan`-Shane* [On the ethnocultural affiliation of burials with an oval stone embankment in the 13th-14th centuries. on the Tien-Shan]. *Materialy VII Mezhdunarodno nauchnoi konferentsii "Drevnie kul`tury Mongolii, Baikal`skoi Sibiri i Severnogo Kitaya"* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. In 2 vol. Vol. 1. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2016, pp. 10–17. (In Russian).

Vlaskin M.V., Garmashov A.I., .V., Naumenko S.A. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech`e Dona i Sala: materialy po izucheniyu istoriko-kul`turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [Burials of the nobility of the Golden Horde time in the interfluve of Don and Sala Rivers: materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus.]. Iss. IV. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2006, 232 p. (In Russian).

Vyrkin V.D., Belozertseva I.A., EnkhtaivanD .*Landshafty Prikhubsugul`ya: sovremennoe ostoyanie i ratsional`noe ispol`zovanie* [Landscapes of Hubsugul: current state and rational use]. Irkutsk: Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 107 p. (InRussian).

Gribina G.A., Ermolaeva E.L., Ilyushina E.S., Fedoseeva L.A. The meaning of the colors of plum and peony in the culture of China, in its visual arts and literature. *Sovremen-*

тературе // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155 (02.03.2018).

Доде. З.В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 100–113.

Зийаад-Дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме) / пер. с перс. Е.Э. Бертельса. М.: Наука, 1979. 348 с.

Ильичев В.Д., Карташев Н.Н., Шилов И.И. Общая орнитология. М.: Высшая школа, 1982. 464 с.

Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 65–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Куликов Д.С. Орнитологические мотивы в культуре Шан-Инь и их связь с древнекитайской мифологией // Общество и государство в Китае: тезисы и докладыXXXII научной конференции. М.: Восточная литература, 2002. С. 6–42.

Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис Хана (XII–XIV вв.). Улан-Батор: Адмонпринтинг, 2015. 156 с.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей: материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Ставрополь:Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве; Армавир: Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, 2007. 175 с.

Неглинская М.А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин // Общество и государство в Китае. 2012. Т 42. № 7–3. С. 395–433.

Орозбекова Ж., Акматов К.Т. Женские головные уборы у населения Тянь-Шаня в монгольскую эпоху // ВестникНовосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 174–186.

Пилипенко С.А. К вопросу о выделении монголо-

nye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Modern scientific research and innovations], 2017, no. 12. Availabe at: http://web.snauka.ru/ issues/ 2017/ 12/ 85155 (accessed March 2, 2018).

Dode .Z.V. Bestiary on “Mongolian” silks. Style and semantics of design. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2007, no. 2 (30), pp. 100–113. (In Russian).

Ziia ad-Din Nakhshabi. *Kniga popugaya (Tuti-name)* [The parrot's book (Tuti-name)]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 348 p. (In Russian).

Il`ichev V.D., Kartashev N.N., Shilov I.I. *Obshchaya ornitologiy* [General Ornithology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982, 464 p.(In Russian).

Konovalov P.B. Medieval burial sites of Mongolia and questions of early Mongolian archaeological culture. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 65–84. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Kulikov D.S. *Ornitologicheskie motivy v kul`ture Shan-In` i ikh svyaz` s drevnekitaiskoi mifologiei* [Ornithological motifs in Shan-Yin culture and their connection with ancient Chinese mythology]. *Tezisy i doklady XXXII nauchnoi konferentsii “Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae”* [Society and state in China]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 6–42. (In Russian).

Lkhagvasuren Kh. *Mongol`skie pogrebeniya perioda Chingis Khana (XII–XIV vv.)* [Mongolian burials of the period of Genghis Khan (XII-XIV centuries)]. Ulan-Bator: Admon printing Publ., 2015, 156 p. (In Russian).

Mys`kov E.P. About some types of headgear of the population of the Golden Horde. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russain Archaeology], 1995, no. 2.pp 36–43. (In Russian).

Narozhnyi E.I., Okhon`ko N.A. *Novopavlovskii mogil`nik XIV veka v sisteme evraziiskikh drevnostei: materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Novopavlovsky cemetery of the XIV century in the system of Eurasian antiquities: materials and research on the archeology of the North Caucasus]. Iss. 7. Stavropol`: The Stavropol State Historical, Cultural and Natural-Landscape Museum-Reserve named after. G.N. Prozriteleva and G.K. Prave Publ.; Armavir: Center for Archaeological Research of the Armavir State Pedagogical University Publ., 2007, 175 p. (In Russian).

NeglinskayaM.A. On style trends in architecture, fine arts and crafts of the Yuan and Ming epochs. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the state in China], 2012, vol. 42, no. 7–3,pp. 395–433.(In Russian).

Orozbekova Zh., Akmatov K.T. Female headdresses from the population of the Tien Shan in the Mongolian era. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2016, vol. 15, no. 5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archeology and Ethnography], pp. 174–186. (InRussian).

PilipenkoS.A. *K voprosu o vydelenii mongolo-tyan`*-

тянь-шаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка» // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч.тр. / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. С. 129–133.

Пилипенко С.А., Жадаева А.В. Конструктивные особенности бокк из погребений средневековых кочевников Тувы и Прибайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятский научный центр СО РАН, 2017. С. 200–204.

Пилипенко С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутскуй Взвоз-I в Степном Алтае (технологичный аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2 (80). С. 84–87.

Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. Кн. 1. С. 156–162.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А.И. Малеин. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

Ромах Н.И. Цветочная символика в изобразительном искусстве и литературе Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 20. С. 230–235.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. 276 с.

Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч.тр. Омск: Наука-Омск, 2003. С.125–128.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье) // Вестник

shan`skoi raznovidnosti zhenskogo golovnogo ubora srednevekovykh mongolov "bokka" [On the issue of the allocation of the Mongolo-Tien-Shan variety of the female headdress "bokka" of the medieval Mongols.]. *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its development by nomads]. Barnaul: Издательство Алтайского государственного университета Publ., 2007, pp. 129–133. (InRussian).

PilipenkoS.A., ZhadaevaA.V. *Konstruktivnye osobennosti bokk iz pogrebenii srednevekovykh kochevnikov Tuvy i Pribaikal`ya* [Constructive features of bokka from the burials of medieval nomads of Tuva and the Baikal region].*Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu d. i. n., prof. P.B. Konovalova "Aktual`nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral`noi Azii"* [Actual questions of archeology and ethnology of Central Asia]. (Ulan-Ude, December 4–6, 2017).Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017,pp. 200–204. (In Russian).

PilipenkoS.A. Bokka complex design of the burial cemetery Teleutsku Vvoz-I in the Steppe Altai (technological aspect). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Reports of the Altai State University], 2013, no. 4/2 (80), pp. 84–87. (In Russian).

Pilipenko S.A. *Mongol`ski golovnoi ubor iz mogil`nika Basandaika* [Mongolian headdress from the cemetery Basandayka]. *Istoriche-skii opyt khozyaistvennogo i kul`turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003, book 1, pp. 156–162. (In Russian).

Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk].Moscow: Gosudarstvennoe izdatel`stvo geograficheskoi literatury Publ., 1957, 291 p. (In Russian).

Romakh N.I. Flower symbolism in the fine arts and literature of China. *Analitika kul`turologii* [Analytics of Culturology], 2011, no. 20, pp. 230–235. (In Russian).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. *Kurgannyi mogil`nik Teleutskii Vzvoz-1 i kul`tura naseleniya lesostepnogo Altaya v mongol`skoe vremya* [Barrow cemetery Teleutsky Vvoz-1 and culture of the population of forest-steppe Altai in Mongolian time]. Barnaul: Altai State University Publ., 2002, 276 p. (In Russian).

Tishkin A.A. *Arkheologicheskie, izobrazitel`nye i pis`mennye svidetel`stva o zhenskikh golovnykh uborakh mongol`skogo vremeni* [Archaeological, graphic and written evidence of female headdresses of Mongolian time]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* [*Integration of archaeological and ethnographic studies*]. Omsk: Nauka-Omsk Publ., 2003, pp. 125–128. (In Russian).

Tishkin A.A., Pilipenko S.A. On the possibility of reconstruction of women's headgear in Mongolian time (based on birch bark findings on the site Teleut Vzvoz-1 in the Upper Ob River). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

Томского государственного университета. Серия: История. 2016. № 5 (43). С. 20–24.

Тянь Хэ. Семантика традиционного китайского орнамента // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 1. С. 173–178.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 274 с.

Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Владивосток – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 151–153.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И. Археолого-этнографические исследования побережья озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Красноярск – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 282–285.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2011.Вып. 6. С.107–124.

Ямилова Р.Р. Семантика зооморфных изображений на тканях и атрибутах костюма эпохи Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2009. Вып. 1. С. 463–471.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. No. 1. P. 337–360.

Reimer P.J, Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P.G, Ramsey C.B., BuckC. E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W, Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., J. van der Plicht, Turney C.S.M.IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55. No. 4. P. 1869–1887.

Rossabi M. The Mongols and Their legacy The legacy

siteta. *Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: History], 2016, no. 5 (43), pp. 20–24. (In Russian).

Tyan` Khe. Semantics of Traditional Chinese Ornament. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2011, no. 1.pp. 173–178. (In Russian).

Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast`yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Archaeological sites]. Moscow: Moscow University Publ., 1966, 274 p. (InRussian).

Kharinskii A.V., Naumov I.V. *Etnoarkheologicheskie issledovaniya na severnom pobe-rezhe ozera Khubsugul* [Etnoarchaeological research on the northern coast of Lake Hubsugul]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* [Integration of archaeological and ethnographical research]. Vladivostok – Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 2000, pp. 151–153. (In Russian).

KharinskiiA.V., Ozheredov Yu.I. *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya poberezh`ya ozera Khubsugul* [Ethnoarcheological research on the northern shore of Lake Hubsugul]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii* [Integration of archaeological and ethnographic studies].Krasnoyarsk – Omsk: Izdatel`ski dom “Nauka” Publ., 2006, pp. 282–285. (InRussian).

Kharinskii A.V. *Predbaikal`e v kon. I tys. do n. e. – ser. II tys. n. e.: genesis kul`tur i ikh periodizatsiya* [The Cisbaikalia at the end of 1st millennium BC – middle of II millennium AD: genesis of cultures and their periodization.].Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2001, 198 p. (In Russian).

KharinskiiA.V., Erdenebaatar D. *Severnoe Prikhubsugul`e v nachale II tys. n. e.* [Northern Prihubsugulie in the beginning of II millennium AD]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Altai State University Publ., 2011, iss. 6, pp. 107–124. (InRussian).

YamilovaR.R. *Semantika zoomorfnykh izobrazhenii na tkanyakh i atributakh kostyuma epokhi Zolotoi Ordy* [Semantics of zoomorphic images on fabrics and attributes of a costume of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde heritage]. Kazan`: Izdatel`stvo“Fen” Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2009, iss. 1,pp. 463–471. (In Russian).

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon, 2009, vol. 51, no. 1, pp. 337–360.

Reimer P.J, Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P.G, Ramsey C.B., BuckC. E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., HajdasI., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W, Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R .A., J. van der Plicht, Turney C.S.M.IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP// Radiocarbon, 2013, vol. 55,no. 4,pp. 1869–1887.

Rossabi M. The Mongols and Their legacy The legacy

of Genghis S Khan/ Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York: Yale University Press, New Haven and London. 2002. P. 12–35.

The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, London (MSS 727) // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. London: Education The Metropolitan Museum of Art, 2002.322 p.

Watt J.C.Y., Wardwell A.E. When Silk Was Gold.Central Asian and Chinese Textiles.New York: The Metropolitan Museum of Art in Cooperation with TheCleveland Museum of Art, 1997.238 p.

ЛхагвасурэнХ. Монголын археологи (Чингэс ханы үу). Улаанбаатар, 2007. 681 с.

Хүрэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. Улаанбаатар, 2012. 144 с.

Эрдэнбат У., Хүрэлсүх С. Нартын Хадны оршулгаа // Археологийн судлал. IV (XXIV) боть, 1–25 дугардэвтэр. Улаанбаатар, 2007. С.332–359.

Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Улаанбаатар, 2006. 152 с.

of Genghis Khan / Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. New York: Yale University Press, New Haven and London, 2002, pp.12–35.

The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, London (MSS 727) // The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culturein Western Asia, 1256–1353. London: Education The Metropolitan Museum of Art, 2002, 322p.

Watt J.C.Y., Wardwell A.E. When Silk Was Gold.Central Asian and Chinese Textiles.New York: The Metropolitan Museum of Art in Cooperation with TheCleveland Museum of Art, 1997, 238 p.

Лхагвасурэн Х. Монголын археологи (Чингэсхааныүү). Улаанбаатар, 2007, 681 p. (In Mongolian).

Хүрэлсүх С. Хадны оршуулгын судалгааны зарима суудал. Улаанбаатар, 2012, 144 p. (In Mongolian).

Эрдэнбат У., Хүрэлсүх С. Нартын Хадныоршулгаа // Археологийн судлал. IV(XXIV) боть, 1–25 дугардэвтэр. Улаанбаатар, 2007, pp. 332–359. (In Mongolian).

Эрдэнэбат У. Монгол эхнэрийн богтагмалгай. Улаанбаатар, 2006, 152 p. (In Mongolian).

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kharinsky@mail.ru

Эрдэнэбаатар Димааджав,
профессор, заведующий кафедрой археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, Улан-Батор, Баянзурх район, 5-й хороо,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Портнягин Матвей Александрович,
лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: matirk@yandex.ru

Оргилбайяр Самдантсоодол,
преподаватель кафедры археологии,
Улан-Баторский государственный университет,
Монголия, Улан-Батор, Баянзурх район, 5-й хороо,
e-mail: orgiob@gmail.com

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,
Doctor of Sciences (History), full professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kharinsky@mail.ru

Dimaadjav Erdenebaatar,
Professor, Head Department of the Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5-th khoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com

Matvei A. Portniagin,
laboratory assistant researcher of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: matirk@yandex.ru

Samdantsoodol Orgilbayar,
Lecturer, Department of the Archaeology,
Ulaanbaatar State University,
5-thkhoroo, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: orgiob@gmail.com

Dmitrii Ye. Kichigin,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Staff of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Критерии авторства

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбайяр С., Кичигин Д.Е. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Attribution criteria

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.Y. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 39(=512.157)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-121-130

ХОРОЛОРЫ И ПРИАМУРСКИЙ ПЛАСТ В ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ЯКУТОВ

© Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, 1.

Аннотация. Большинство исследователей отождествляют якутских хоролоров с хори-бурятами Прибайкалья. Анализ содержания исторических преданий якутов о хоролорах позволяет выделить три их локальных варианта. В первом варианте преданий, имевших распространение в правобережных районах Средней Лены, обнаруживаются отзвуки прежней этногенетической общности хоринских родов якутов с прибайкальскими хори-бурятами, что дополняется данными топонимов монгольского происхождения. Согласно второму варианту преданий, бытовавших среди северных якутов, хоролоры являются древним полумифическим народом, освоившим приполярные районы «намного раньше чукчей». В алдано-амгинском варианте хоролоры представляются пришлым «чужесторонним» народом, говорившем на «непонятном» языке, прародина которого находится рядом с государством Китай (Кытат) и Никанским царством. В предметном наборе раннеякутской культуры XIV–XVII вв. обнаруживаются параллели с материалами археологических культур Приамурья, носителями которых являлись старые баргуты и дауры. В статье на основе данных фольклора, языка и этнографии выдвигается гипотеза о присутствии в этнокультурогенезе якутов хоринского компонента, состоящего из разновременных культурно-исторических наслоений, связанных с хори-бурятами Прибайкалья и тунгусо-маньчжурскими и смешанными тунгусо-монгольскими племенами Приамурья.
Ключевые слова: *этнокультурогенез, исторические предания, якуты, хоролор, хори-буряты, старые баргуты, дауры, этнокультурное взаимодействие, Якутия, Прибайкалье, Приамурье.*

Информация о статье. Дата поступления 31 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 1 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 121–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-121-130

KHORO PEOPLE AND THE AMUR LAYER IN ETHNOCULTURAL GENESIS OF YAKUTS

© R.I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation

Abstract. Most of the researchers associate Yakut Khoro people with Khori-Buryats of Baikal region. The analysis of Yakut historical legends about Khoro people allows to distinguish three local versions in them. So, traces of former ethnogenetic unity of Khoro people with Baikal Khori-Buryats are found in the first version of the legends spread in the right-bank regions of Middle Lena that is cAmplemented with data of toponyms of the Mongolian origin. According to the second version of legends that was adopted by Northern Yakuts, Khoro peoples were ancient semimythical people which inhabitied subpolar areas “much earlier than Chukchi”. In the Aldan-Amga version Khoro people are represented as aliens and “people from the other country” speaking “unclear” language, and their ancestral home was near the state of China (Cathay) and the Nikan kingdom. Parallels are revealed in the collection of material objects of the early Yakut culture of the XIV–XVII centuries with the materials of archaeological cultures of the Amur Region, which were born by Old Barga Mongols and Daur people. In this article on the basis of folklore, language, and ethnography a hypothesis is suggested about the presence of the Khoro people component made of cultural and historical layers of different time connected with Khori-Buryats of the Baikal area and Tungus-Manchu and mixed Tungus-Mongol tribes of the Amur area.

Keywords: *ethnocultural genesis, historical legends, Yakuts, Khoro people, Khori-Buryats, Jurchen, Old Barga Mongols, Daur people, ethnocultural interaction ethnocultural interaction, Yakutia, the Baikal region, the Amur region*

Article info. Received December 31, 2017; accepted for publication February 1, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Bravina R.I. Khoro people and the Amur layer in ethnocultural genesis of Yakuts. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 121–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-121-130. (In Russian).

Проблема хоринского компонента в этнокультургенезе якутов имеет обширную историографию. Большинство исследователей отождествляют якутских хоролоров с хори-бурятами (Нимаев, 1988; Румянцев, 1962). Весьма оригинальная гипотеза о происхождении якутских хоролоров выдвинута Б.З. Зориктуевым, согласно которой, судя по «экзотичности» языка, географии мифической родины и почитанию тотемной птицы ворона и т. д. они могли принадлежать к палеоазиатам, проживавшим в местности Кори на Нижнем Амуре и частично вошедшим в состав корейцев. Согласно гипотезе автора, самоназвание корейцев (когурё, корё) происходит от древней земли Кори, упоминаемой в китайских и корейских источниках (Зориктуев, 2011. С. 185–201).

В генеалогических преданиях якутов Улуу Хоро (Великий Хоро) предстает как третий, наряду с Омогоем и Эллеем, легендарный прародитель якутов. В них рассказывается, что он прибыл на Среднюю Лену на быстроногом быке, с ним было много людей и скота. По одним версиям Улуу Хоро был старшим братом жены Омогоя и обосновался рядом с его людьми на южной стороне долины Туймаада (Боло, 1994. С. 235, 298). Омогой Баай считается выходцем из батулинского рода прибайкальских бурят и с ним связывается монгольский пласт якутской культуры.

По другим преданиям, старец Улуу Хоро прибыл самостоятельно, несколько позже, с востока, из страны Хоро. При этом подчеркивается чужеродность его племени – *туспа омук* (другой народ), *атын омук* (иной народ), *туора омук* (чужесторонний народ) (Боло, 1994. С. 24, 33, 104, 256). Пришельцы говорили на диковинном языке, который у якутов ассоциировался с «утино-гусиным гоготанием». Путь Улуу Хоро особенно наглядно прослеживается по локальным преданиям амгинских якутов, на территории расселения которых, по документам XVII в., находилась Скороульская (Короуская) волость. По мнению местных краеведов, название волости в русской транскрипции означает искаженное «юс хоро улуус» (букв. три улуса хоро), а Короуская означает «хоро уус» (букв. род хоро). Улуу Хоро в долину реки Амга прибыл со стороны Алдана и обосновался там, построив укрепленное поселение *кёрюё* (ныне эта местность называется Хоро Кюрюётэ). Оставив здесь часть своих людей, сам продолжил свой путь вглубь Алдано-Ленского междуречья и вышел на р. Татта. Таттинцы в историческом прошлом поклонялись божеству Хоро, зооморфным воплощением которого был образ быка-пороза. Отсюда Улуу Хоро направился в сторону современного Усть-Алданского района, где решил поселиться в местности Мюрю, но, почувствовав недоброжелательность местных жителей, продолжил свой путь и вышел на р. Лену. Ему понравился вкус воды великой реки, и он решил обосноваться возле ее берега. Поселив часть своих людей в местности Хоро Одей Намского улуса, сам вышел в долину Туймаада. Здесь же размножились его потомки хоролоры, попавшие позднее в зависимость от кангаласского вождя Тыгына (Боло, 1994. С. 231).

География расселения хоро свидетельствует об их широком участии в этногенезе якутского народа. По ясачным документам XVII в., помимо Центральной Якутии хоринские роды значились в бассейнах рек Алдан и Яна. Хоролоры, согласно преданиям верхоянцев, прибыли на р. Яна «много раньше чукчей» или одновременно с чукчами. Это был древний и многочисленный народ, имевший своего предводителя *хосууна*, который отличался «крепким телосложением, упрямым нравом и глубоким умом». Люди эти вымерли во время эпидемии оспы и остались от них одни пепелища (Ксенофонтов, 1977. С. 158–161). В северных вариантах преданий, записанных С.И. Боло на Индигирке и

Колыме, хоролоры рисуются в виде полумифического народа, засыпающего на зиму, причем во время сна у них вырастают из носа ледяные сосульки до пола (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 286). Бурные события XVIII в. дали толчок миграции хоролоров на р. Вилюй. Вилюйские хоролоры всегда помнили, что они происходят из одного рода, вели свою единую генеалогию и регулярно съезжались на общеродовую сходку в Хоринский наслег Сунтарского улуса (Исторические преданияи рассказы якутов, 1960. С. 245).

Тотемом всех хоринских родов являлся ворон, с которым прослеживается связь мифологического образа одного из божеств якутского пантеона *Улуутуйар Улуу Суорун Тойона* (Гордый и Великий Ворон господин) – покровителя наиболее могущественных (черных) шаманов, главы злых духов *абаасы* верхнего мира, давшего людям огонь и *сюр* – силу духа. Некоторые исследователи допускают присутствие у хоролоров тотемного «двоебожия» или даже «многобожия», приписывая им также в качестве почитаемых птиц орла и лебедя (Дугаров, 2011. С. 268; Зориктуев, 2011. С. 194–198). Относительно орла в качестве тотемной птицы хоролоров впервые высказался Г.Ф. Миллер, который считал, что якуты вплоть до середины XVIII в. состояли из двух фратрий, имевших тотемы Орла и Лебедя. При этом культ Лебедя он связывал с батулинцами, а Орла – с хоринцами (Элерт, 2001. С. 115). По всей вероятности, исследователя привело в заблуждение то обстоятельство, что по территории расселения хоринский род входил в состав Хангаласской волости, тотемом которой являлся Орел. По преданиям, Орел – тотем хангаласцев, преследовал членов других родов, в том числе и хоринцев. В якутской мифологии Орел известен как верховное светлое божество *Хомпоруун Хотой айыы тойон* «горбоносый орёл айыы господин» или *Хотой Айыы* – помощник верховного правителя белых божеств Юрюнг Айыы тойона, родоначальник белых шаманов. На празднике ысыах к бубну белого шамана прикрепляли перья орла, как знак и символ Неба., а шаман хоро при совершении обряда белым шаманом обычно прятался, «укрывшись тремя берестяными коробками» (Ксенофонтов, 1992. С. 214).

Относительно третьей, приписываемой хоролорам в качестве тотема птицы – Лебедя, следует сказать, что в якутских мифах она в первую очередь связывается с родами батулинской и хатылинской групп якутов Намского и Ботурусского улусов, а также Эльгетского наслега бывшего Верхоянского округа. В отличие от якутских хоролоров бурятские хоринцы о себе говорили: «праматерь наша Лебедь». Согласно одному из вариантов бурятской легенды, родоначальник Барга-Батор со своим младшим сыном Хоредой-мэргэном, в поисках места для обитания, отправились вниз по р. Лена. Добравшись до пределов современной Якутии, Баргу-Батор оставил там Хоредоя, а сам вернулся назад. Однажды Хоредой-мэргэн во время охоты увидел трех лебедей на озере Садамтын-саган. Одни говорят, что это озеро находится в низовьях Лены в Якутской области, другие – в Монголии. Небесная птица лебедь была поймана Хоредоем и стала его женой. Они прожили на берегу озера Садамтын-саган в течение трех лет, но детей у них не было. И Хобоши-хатун (Лебедь госпожа) сказала мужу: «Мы должны переехать к югу за море: если туда переедем, у нас будут дети и множество потомков». Тогда Хоредой-мэргэн, оставив р. Лену, переехал на южную сторону Байкала и родились у них одиннадцать сыновей, от которых произошли хоринские роды (Хангалов, 1960. С. 107–111). *В* якутских преданиях не сохранились подобные сюжеты, но упоминается некий Хородой-Хойогос, имя которого созвучно с именем первопредка хорибурятов. По данным Л.П. Потапова, сюжет превращения лебедя в женщину, символизирующий возникновение нового рода характерен, прежде всего, для тюркоязычных народов Южной Сибири. В качестве примера он приводит тувинский род *хуулар* (букв. лебеди). Он считает, что наличие женского божества – праматери или прародительницы ряда родов и племен у якутов и особенно у бурят-хоринцев вероятно связано с тюркоязычными курыканами древнетюркской эпохи (Потапов, 1991. С. 83–84).

Таким образом, культ ворона среди якутских родов был присущ исключительно хоролорам. По фольклорному источнику, когда их предки во время наводнения сидели без огня, «прилетел ворон,

держа во рту огниво с мешочком для трута, и спустил это хоринцам» (Ксенофонтов, 1977. С. 84). Считалось, что огниво, полученное хоролорами от ворона, обладало чудодейственным свойством избавлять людей от кожных болезней, насылавшихся духом домашнего огня (Боло, 1994. С. 206–207).

В легендах о якутских шаманах подчеркивается, что наиболее сильные из них владели языком хоро. Язык хоро имел два вида: язык *хоро диких оленей* и язык *хоро coho оленей* (Боло, 1994. С. 20). *Coho* – «красящий (или красильный) камень красного цвета, род красной или цветной охры; краска» (Пекарский, 1959). Вероятно, название второго языка хоро каким-то образом было связано с писаницами на р. Амга, нарисованными охрой. Язык *хоро диких оленей* со временем превратился в сакральный язык шаманов, а *хоро coho* полностью исчез.

По представлениям якутов, *Кус Хоро дойдута* – «страна, где зимуют птицы», находилась далеко на востоке, «там, где небо и земля сошлись вместе» (Ксенофонтов, 1977. С. 161). В якутской загадке говорится: «Хоринская девица улетела в Китай (дым выходит из трубы)», а в преданиях северных якутов страна Кус Хоро называется *Кытат,* что, по мнению А.П. Окладникова, могло означать либо Китай, либо родину древних киданей (Окладников, 1955. С. 358). В 1940 г. С.И. Боло составил карту эпической географии по материалам олонхо «Дугуйа Бёгё», записанного им в Оймяконском районе. По предположению Ф.Ф. Васильева, топонимы и этнонимы олонхо отражают историческую обстановку эпохи позднего средневековья в Монголии и Забайкалье. Так, самым благодатным местом Среднего мира является долина озера Улуу Байгал (Великий Байкал), в которой, естественно, могли проживать предки саха. К юго-востоку от них расположены владения Могол Тойона и Мунха Хатын, которые враждовали с народом Арсан Дуолайа – владыки Нижнего мира. Возможно, в этом имени просматривается название правящей династии уйгуров *Арслан* (лев). На востоке Верхнего мира расположена страна Хоро сирэ, где живет много колдунов и воинствующих шаманов. Сразу за ней находится страна Кытат-Кытай, страна теплая, вечно зеленая, где зимуют перелетные птицы (Васильев, 1995. С. 150). В некоторы текстах якутского эпоса упоминается мрачная преисподняя *Нюкэн Юёдэн*. Во второй половине 40-х гг. XVII в. на территории Китая одновременно существовали два государства: на севере – маньчжурская Цинская империя, именовавшаяся в русских документах Богдойским царством, и остатки национального китайского государства на юге, которое в документах называют Старым Китаем или Никанским царством (от маньчжурского никань – китаец, китайский). В.Л. Серошевский писал, что якуты «о китайцах знают, что они живут далеко на юге; их государство часто описывается в сказках, а верховный владыка их зовётся Богдо-хан» (Серошевский, 1993. С. 242).

Улуу Хоро первым дал названия рекам Алдан, Амга и Таатта, исходя из степени их водонасыщенности и скорости течения. Так, не сумев на своем быке вброд перейти р. Алдан из-за большой ее глубины, он в досаде изрек: «Будь широко раскрытым Алданом!». Переехав Амгу вброд, сказал: «Будь гладкоструйной Амгой!». Про реку Таатту Улуу Хоро, благословляя, предрек: «Течение кое-где приостанавливается, в будущем тут размножатся люди и скот, здесь будет счастливое место» (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 100–101). По поводу названий этих рек топонимист М.С. Иванов заметил, что, схожие с ними, гидронимы Алдынкаан и Тотта имеются в Аяно-Майском районе Хабаровского края (Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 121, 158). Вполне естественно, что в ходе освоения новой территории люди опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Таким образом, вышеприведенные материалы связывают хорологов с Приамурским краем.

Взаимовлияние этнокультурных систем Якутии и Приамурья фиксируется в археологических памятниках, начиная с эпохи неолита. В старину якутам регионы Дальнего Востока представлялись как далекие края и отдельные страны, отличающиеся своими ландшафтными и климатическими условиями, населенные множеством разных племен и народов. Из географических названий этих земель одни сохранились в памяти якутов и поныне, другие вошли в разряд мифологической гео-

графии, а третьи являются предметом научных дискуссий. *Амыр* (Амурский край) находился за землей *Эджэн* (Эдьээн), составляющей ныне территорию Усть-Майского района, расположенного по соседству с Хабаровским краем. Предания, в которых нашли отражение исторические контакты якутов с племенами Приамурья, больше сохранились в Усть-Алданском (бывш. Дюпсинском) улусе, через территорию которого проходил тракт *Лаамы суола*, ведущий на Охотское побережье. Интересно отметить, что в архивных материалах второй половины XVII в. упоминается дюпсинский родоначальник Бадон Амуров (Амыр уола Быдыам) (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. *175–176*). В одном из преданий говорится, что рядом люпсинцами некогда проживало древнее племя *хотоконов*, историческая родина которых находилась по ту сторону Эджэна и они поддерживали родственные связи с корейцами Маньчжурии. У хотоконов не было своего скота, занимались они столярным и кузнечным ремеслами, ставя на своих изделиях письменные знаки-тамги. Также отмывали золото на Алдане, поэтому их еще называли «богатые хотоконы». Хотоконы в совершенстве владели военным делом и дюпсинцы часто их приглашали в качестве воинов в свои походы. В конце XIX в., когда открылись Нельканские прииски, хотоконы якобы ушли к себе на родину, в сторону Амура. Однако, судя по фамилии Котоконовых, распространенной среди вилюйских якутов, некоторая часть их осталась.

По преданиям мегинских якутов, в старину, со стороны Китая, с земли Тонгус Молджу прибыл человек по имени Молджу и, женившись на местной девушке, осел на Средней Лене (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. *143*). Вполне правомерно предположить, что здесь имеется в виду выходец из тунгусских родов Маньчжурии. Среди его сыновей, обученных военному искусству и «носящих панцири», значились Кэлтээки-Сабыйа и Нанай-Намырчы, имена которых схожи с тунгусо-маньчжурскими родовыми названиями *кэлтээки / килтээки* и *нанай*. Кэлтээки Сабыйа после очередной победы над врагами на скале начертал знаки, говоря при этом: «Пусть грядущее поколение по ним узнает обо мне!». С тех пор это место стало называться Писаные Ворота (Ксенофонтов, 1977. С. 114). Как известно, и мохэ, и их потомки чжурчжэни имели письменность. *Среди вилюйских якутов встречаются также родовые названия* удюгэй *и* акана*, которые невольно наталкивают на мысль об* удэге *и одной из групп нанайцев* аккани*. По свидетельству Р. К. Маака удюгейцы были известны как хорошие кузнецы и плавильщики железа (Маак, 1994. С. 273).*

Таким образом, в генеалогических преданиях якутов пришлые с востока племена описываются как скотоводы, ездящие верхом на быке, строящие укрепленные сооружения, имеющие обученных воинов, искусных кузнецов и ювелиров, умеющих, в отличие от якутов, добывать золото, владеющие письменностью. Эти черты культуры присущи средневековому населению Дальнего Востока, в том числе чжурчжэнам-удигэ. Чжурчжэни (*нюйчжэни, нюйчжи*) – народ, известный в Приамурье и на сопредельных территориях с XI в., и создавший в начале XII в. Золотую империю – государство Алчун. Как считают исследователи, термин *нюйчжи* происходит от киданьского слова *нюйгу* – золото. Этноним нюйчже-ниуча якуты *сохранили в своей памяти в форме* ньуучча*,* нуучча *(русский).* Кидани делили чжурчжэней, как якуты хоролоров, на диких и покорных. В число диких племен входили, по китайской терминологии, племена *ежэнь* (ср. с якут. эджэн) – *удигэ (удигай, удиха*), проживавшие в труднодоступных горно-таежных районах Приморья и не признававшие над собой какой-либо исходящей извне власти (Шавкунов, 1990. С. 49).

Чжурчжэньские кузнецы и ювелиры, подобно хотоконам из якутских преданий, на своих изделиях ставили тамги и письменные знаки. Жили чжурчжэни в неукрепленных и укрепленных поселениях (городищах), которые располагались, как правило, по берегам рек. Улуу Хоро на своем пути постоянно держится речных берегов, где строит укрепленные поселения *кюрюё*. Основу войска чжурчжэней составляла конница. Воины одевались в доспехи, состоящие из железных пластин, накладывавшихся по принципу чешуи. В этой связи интерес представляют латные доспехи подобной конструкции (якут. *таналай куйах*), обнаруженные на террито-

рии Хоринского наслега Усть-Алданского района Якутии (Васильев, 1995. С. 106).

Несмотря на наличие у чжурчжэней земледелия и животноводства, являвшихся основными источниками продуктов питания, они также занимались охотой и рыболовством. Из числа различных видов охотничьего вооружения внимание привлекают копья, у которых под пером имеются дополнительные приспособления в виде крюка. По преданиям жиганских якутов, в стране Хоро «…есть, говорят, старуха, которая с железной острогой охотится на птиц. Она будто бы захватывает своей острогой гуся, которого облюбует. “Дэгиэ” – железный стержень с крючком служит у нас для захватывания рыбы» (Ксенофонтов, 1977. С. 161).

Правящая часть чжурчжэней была знакома с буддизмом, но у основной массы чжурчжэней господствующим видом религии оставался шаманизм. Чжурчжэни-удигэ поклонялись огню. Во время выборки зольного заполнения очажных ям при раскопках жилищ фиксируется овеществленный обряд «кормления» духа огня в виде обуглившихся комков каши и пережженных костей птиц и мелких животных. Очевидно, чжурчжэни-удигэ, как это еще сравнительно недавно делали удэгейцы и нанайцы, а также и якуты, приступая к трапезе, бросали в огонь немного пищи с целью задобрить духа огня. Во время зачистки заполнения плавильных печей на Шайгинском городище, внутри были обнаружены костяки детей не старше десятилетнего возраста. Все кости находились в анатомическом порядке, однако черепа были разбиты на мелкие части. По предположению ученых, дети были принесены в жертву духу огня (Шавкунов, 1990. С. 156–157). Погребение с похожим обрядом, датируемое XIV–XVI вв., открыто в Якутии в местности Кёрдюгэн в Мегино-Кангаласском районе, входящем в ареал расселения хоролоров.

Таким образом, в этнонимике и культуре якутов прослеживается довольно ощутимый пласт, связанный со средневековыми племенами Приамурья.

Исторические предания о племени хоро были в свое время обстоятельно рассмотрены А.П. Окладниковым, который отметил, что хоролоры «резко выделяются из всех остальных компонентов якутской народности» (Окладников, 1955. С. 352). Нужно отметить заметное различие преданий саха о племени хоро. Так, по варианту преданий якутов, населяющих левый берег Лены, куда входят три великие долины Туймаада, Эркээни и Энсиэли, Хоро прибывает в долину Туймаада вслед за Омогоем и Эллеем и при этом является близким родственником первого. Улуу Хоро обязательно восседает на быстроногом быке. Это существенная этноуказывающая деталь, ибо бык, как принято считать, объект поклонения именно монголоязычных народов. Более того, слова, входящие в двухсоставные топонимы Центральной Якутии с включением термина *хоро*, например *Хоро Алааһа* (букв. луга Хоро), *Хоро Кюёлэ (букв.* озеро Хоро), *Хоро кюрюётэ* (букв. Укрепление / изгородь Хоро) и т. п., в основном, монгольского происхождения. В этом контексте недоумение вызывает диковинность хоринской речи для якутов, в языке которых монгольские заимствования составляют 28,7 % его словарного состава, не считая общетюрко-монгольской лексики. Тем более, морфологический строй хоринского диалекта в бурятском языке почти ничем не отличается от такового других племенных объединений, за исключением незначительных особенностей структурного характера (Дамдинов, 2000. С. 136).

По алдано-амгинскому варианту преданий Улуу Хоро прибывает самостоятельно, несколько позже первопредков саха, со стороны Востока. Эти хоролоры являются «чужесторонним» народом, говорят на «непонятном» языке. Гидронимы, встречающиеся по пути следования их родоначальника, имеют аналогии в соседнем Хабаровском крае. Более того, согласно мифической топонимии, их прародина находилась рядом с древним Китаем, Никанским царством и государством киданей. О наличии в исторической памяти якутов информации о былых этнокультурных контактах со средневековым населением соседнего региона свидетельствует цикл генеалогических преданий якутов Центральной Якутии. В них упоминаются выходцы из страны Тонгус-Молдьу (букв. Тунгусская Маньчжурия), имена героев которых схожи с этнотопонимами народов Приамурья (Молдьу, Нанай, Килээки, Амыр). В этой связи определенный

интерес представляет гидроним Хор (Хоро, Пор) близкий по созвучию к названию хоро. Это – крупный приток р. Уссури, где издавна проживает часть потомков чжурчженей-удигэ. Можно допустить применение гидронима Хор в существующем его варианте Хоро в качестве топоэтнонима группы приамурских пришельцев. Вполне возможно, что часть их дошла и до р. Яны и р. Колымы, где их культура со временем приобрела северный облик.

Г.В. Ксенофонтов в своей работе «Ураанхай сахалар» писал, что «картина товарообмена и экономических связей между разными племенами» «столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири…и население бассейна Лены» (Ксенофонтов, 1992. С. 30). По его мнению, известный по китайским источникам «рог хуту» (мамонтовая кость), соболиные шкурки, реализуемые «с огромным барышом на китайском рынке» в страны Востока, несомненно, доставлялись с северных окраин. При этом, в качестве посредников в торговых связях выступали приамурские дауры (Ксенофонтов, 1992. С. 32). Примечательно, что бисер и бусы якуты называли *хоро чопчу симэх* (хоринские украшения), а курительную трубку *догур хамса* (даурская трубка).

Исследователи происхождение дауров производят от монгольской (шивэй-киданьской) общности. В частности, археологами сделан вывод о принадлежности владимировской культуры (XIII–XVII вв.) ранним монголам в лице дауров (История Амурской области с древнейших времен до начала XX в., 2008. С.119). На Верхнем Амуре некоторое время находились так называемые старые баргуты, ныне проживающие на северо-восточной окраине Китая, в состав которых входили и хори. По мнению ряда исследователей, под термином даур (дагур) значилась совокупность монголоязычных племен дауров, баргутов и хорчинов (Цыбенов, 2012. С. 22–24). Большинство исследователей отмечают присутствие в культуре дауров традиций мохэ и их потомков чжурчженей. Об этом в частности свидетельствуют накладка лука, схожая с чжурчженьским луком «тунгусского» образца; серебряное кольцо, одевавшееся на большой палец при стрельбе из лука, которое широкое распространение имело как у амурских народов, так и якутов (якут. *дапсы*). По мнению Б.Д. Цыбенова, характеристики ундугунской (XII–XV вв.) культуры, которая определяется как тунгусо-монгольская, и владимировской культуры в ряде случаев совпадают. Например, погребальные колоды, костяные наконечники стрел, украшения, предметы конской сбруи и др. (Цыбенов, 2015. С. 187, 189). Эти элементы характерны и для якутских погребений XIV–XVII вв. Особенно наглядно это иллюстрируется на предметном фоне погребения Атласовское 2, обнаруженного на территории бывшего Хоринского наслега Хангаласского улуса (Бравина, Дьяконов, Петров, Соловьёва, Сыроватский, Багашёв, Пошехонова, Слепченко, Ражев, Алексеева, Зубова, Кузьмин, 2017. Рис. 2–3).

В XVII в. маньчжуры делили население Приамурья на два крупных объединения: *солоны* (др. назв. солонбуу) и *сахарча*. К *сахарча* относилось даурское население среднего и нижнего течения Зеи (якут. Дьиэ юрэх, букв. речка Дом), а также среднего Амура, включая роды *судур* и *алдан*. На карте «Расселение якутских племен», включенной в книгу «Материалы по истории якутов XVII в.», напротив владений дюпсинских родов на правом берегу р. Алдан, рядом с хоролорами отмечены дауры (Материалы по истории Якутии XVII века, 1970. С. 1101). Нельзя исключать вероятность того, что «утино-гусиная» речь, приписываемая якутами хоролорам, была связана с языком дауров, в котором характерно значительное число заимствований у маньчжуров или их предков – чжурчжэней и китайцев. В челобитных XVII в. говорится об учащении случаев бегства якутов Алдано-Ленского междуречья «на Дауры» и «в Китайскую сторону».

Таким образом, анализ элементов хоринского компонента в этнокультургенезе якутов проявляет присутствие в нем, по меньшей мере, нескольких культурно-исторических наслоений. Первый пласт, вероятно, был заложен прибайкальским племенем хори, имеющим лебединое происхождение, прибывшим на Среднюю Лену одновременно или чуть позже основной массы тюрко-монголоязычных предков якутов, т. е. в предмонгольское время (XI–XII вв.). Второй пласт, по всей видимости, был связан с хоринцами Забайкалья, часть которых само-

стоятельно или в составе старых баргутов попала на Верхний Амур и жила в непосредственном соседстве с даурами. Почитание ворона, развитое шаманство, непонятная для якутов речь, культ огня (*хоро хатам*) и т. д. по всей вероятности были связаны с культурой тунгусо-маньчжурских или же смешанных тунгусо-монгольских этнических общностей Приамурья. Формирование этого пласта можно датировать XIII–XVI вв. Территория Приамурья издавна являлась зоной этногенетических процессов, где происходил синтез культур и языков. Здесь смешивались аборигенные, локальные и заимствованные представления и культурные традиции. И возможно, что именно через хоринский субстрат в культуре якутов присутствует довольно ощутимый приамурский культурно-исторический пласт.

Библиографический список

Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии. Якутск: Бичик, 2004. 192 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Бичик, 1994. 352 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьёва Е.Н., Сыроватский В.В., Багашёв А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII века Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Дамдинов Д.Г. К истории изучения языка хорибурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 148 с.

Дугаров Б.С. Хоролоры: этнофольклорная характеристика и бурятские параллели // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 205–209.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 1. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Благовещенского педагогического университета, 2008. 424 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. В 2 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 2. Якутск: «Бичик», 1992. 317 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды

References

Bagdaryyn Syulbe. *Toponimika Yakutii* [Toponymy of Yakutia]. Yakutsk: Bichik Publ., 2004, 192 p. (In Russian).

Bolo S.I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu (po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga)* [The past Yakuts before the Russians came to Lena (according to the legends of the Yakuts of the former Yakut district)]. Yakutsk: Bichik Publ., 1994, 352 p. (In Russian).

Bravina R.I., D`yakonov V.M., Petrov D.M., Solov`eva E.N., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuz`min Ya.V. Female burial of the XVII century Atlasovskoe-2 from Central Yakutia: the results of a comprehensive study. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 1 (36), pp. 44–63. (In Russian).

Vasil`ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [The Military Work of the Yakuts]. Yakutsk: Bichik Publ., 1995, 224 p. (In Russian).

Damdinov D.G. *K istorii izucheniya yazyka khori-buryat* [To the history of the study of the Chori-Buryat language]. Ulan-Ude: Belig Publ., 2000, 148 p. (In Russian).

Dugarov B.S. Khorolors: ethno-folkloric characteristics and Buryat parallels. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no. 10, pp. 205–209. (In Russian).

Zoriktuev B.R. *Aktual`nye problemy istorii mongolov i buryat* [Actual problems of the history of the Mongols and the Buryats]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russian).

Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov [Historical legends and stories of the Yakuts]. In 2 parts. P. 1. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1960, 322 p. (In Russian).

Derevyanko A.P., Zabiyako A.P. *Istoriya Amurskoi oblasti s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [History of the Amur region from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk Pedagogical University Publ., 2008, 424 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [Uraangkhai-sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts]. In 2 vol. Vol. 2. In 2 books. Book 2. Yakutsk: “Bichik” Publ., 1992, 317 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Shamanizm. Izbrannye trudy (Pub-*

(Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Творческо-производственная фирма «Север – Юг», 1992. 318 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Маак Р.К. Вилюйский округ. Изд. 2-е. М.: «Яна», 1994. 592 с.

Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1970. 1268 с.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 88 с.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. Изд. 2-е. В 3 т. Т. 1. История Якутской АССР. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Изд. 2-е. В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991. № 5. С. 79–86.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 268 с.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Изд. 2-е. М.: Политическая энциклопедия, 1993. 736 с.

Хангалов М.И. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 423 с.

Цыбенов Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки: монография. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2012. 252 с.

Цыбенов Б.Д. Погребения владимировской культуры Верхнего Приамурья как источник по изучению этногенеза дауров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 184–192.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

likatsii 1928–1929 gg.) [Shamanism. Selected Works (Publications 1928-1929)]. Yakutsk: Tvorchesko-proizvodstvennaya firma “Sever – Yug” Publ., 1992, 318 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Jelljejada: materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov* [Ellyada: materials on the mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 248 p.

Maak R.K. *Vilyuiskii okrug* [Vilyui District]. Moscow: “Yana” Publ., 1994, 592 p. (In Russian).

Materialy po istorii Yakutii XVII veka (Dokumenty yasachnogo sbora) [Materials on the history of Yakutia XVII century (Documents yasaknogo collection)]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 1970, 1268 p. (In Russian).

Nimaev D.D. *Problemy etnogeneza buryat* [Problems of ethnogenesis of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 88 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Yakutiya do prisoedineniya k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state]. In 3 vol. Vol. 1. *Istoriya Yakutskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [History of the Yakut ASSR]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1955, 432 p. (In Russian).

Pekarskii E.K. *Slovar` yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. In 3 vol. Moscow: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1959. (In Russian).

Potapov L.P. Elements of religious beliefs in ancient Türkic genealogical legends. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1991, no. 5, pp. 79–86. (In Russian).

Rumyantsev G.N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat* [Origin of the Chori Buryats]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1962, 268 p. (In Russian).

Seroshevskii V.L. *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. Moscow: Poli-ticheskaya entsiklopediya Publ., 1993, 736 p. (In Russian).

Khangalov M.I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1960, 423 p. (In Russian).

Tsybenov B.D. *Istoriya i kul`tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daurs of China. Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: East-Siberian State University of Technology and Management Publ., 2012, 252 p. (In Russian).

Tsybenov B.D. Burials of the Vladimirovskaya culture of the Upper Amur region as a source for studying the ethnogenesis of Daurs. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2015, vol. 14, iss. 7: *Arkheologiya i etnografiya* [Archeology and Ethnography], pp. 184–192. (In Russian).

Shavkunov E.V. *Kul`tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal`nego Vostoka* [The culture of the Jurchen-Udege in XII-XIII centuries. and the problem of the origin of the Tungusic

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.

peoples of the Far East]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russian).

Elert A.Kh. New materials about the pantheon of the Yakut deities and spirits in the first half of the 18th century (article one). *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI – XX vv.* [Public Consciousness and Literature in XVI-XX centuries]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 107–124. (In Russian).

Сведения об авторе

Бравина Розалия Иннокентьевна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: bravinari@bk.ru

Information about the author

Rosalia I. Bravina,
Doctor of Sciences (History), full professor, director of Archaeology and Ethnography Team,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation,
e-mail: bravinari@bk.ru

Критерии авторства

Бравина Р.И. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Bravina R.I. carried out research work, based on the results obtained, carried out a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 165.9
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-131-140

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕАЛЬНОСТИ. ШАГ ПЕРВЫЙ: ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ В АНТИЧНОЙ МЫСЛИ

© А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. Рассматривается история осмысления базовых понятий, формирующих представления о реальности в ранний и классической периоды античной мысли (VI–IV вв. до н.э.): «фюсис», «логос», «номос», «космос». Показывается многозначность термина «фюсис», его связь с медициной, религией и естественным окружением человека. Выявляется многоаспектность понятия логоса у ранних греческих мыслителей и утверждается, что в классический период античности понятие логоса «отрывается» от земной природы. Место логоса в отношении земной, природной и социальной реальности начинает занимать понятие номоса, что в итоге не позволяет сформировать единое представление о силах, обеспечивающих единый порядок в мире, то есть о законах природы. В понимании античными греками законов космоса выявляются две линии: линия номоса, утверждающая единство естественного и духовного миров, и линия логоса, возвышающая законы, управляющие природой, над миром. Рассматривается влияние Платона и Аристотеля на формирование в античности представлений о реальности. Утверждается, что оба мыслителя сохраняют свое влияние на поздние периоды европейской мысли, включая Новое время и современность. Делается вывод о том, что формирование представлений о реальности в эпоху античной классики шло различными путями и в понимании законов природы древними греками присутствует и логосный, и мифический аспект, что в определенной степени оказывает влияние на современность.
Ключевые слова: *представление о реальности, закон, природа, античность, фюсис, логос, миф, полис, закон природы.*

Информация о статье. Дата поступления 5 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 3 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Шафоростов А.И. История формирований представлений о реальности. Шаг первый: законы природы в античной мысли // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-131-140

STORY GROUPS IDEAS ABOUT REALITY. STEP ONE: THE LAWS OF NATURE IN ANCIENT THOUGHT

© A.I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. The article deals with the history of understanding the basic concepts that form the idea of reality in the Early and Classical periods of Antique thought (VI–IV centuries BC) – fyusis, logos, nomos, space. It shows the meaningfulness of the term fyusis, its relationship with medicine, religion and the natural environment of man. The multidimensional concept of logos is revealed in the early Greek thinkers and it is stated that in the Classical period of Antiquity the concept of logos is “detached” from the earth's nature. The place of the logo in relation to the earthly, natural and social reality begins to occupy the concept of nomos, which ultimately does not allow to form a single idea of the forces that provide a single order in the world, i.e. the laws of nature. The ancient Greeks understanding of the universal laws we see two lines – the line of NOMOS, which asserts the unity of the natural and spiritual worlds, and the line logo, elevating the laws that govern nature, the world. The influence

of Plato and Aristotle on the formation of the ideas of reality in antiquity is considered. It is argued that both thinkers retain their influence in the later periods of European thought, including Modern times and modern times. It is concluded that the formation of ideas about reality in the era of Antique classics went in different ways, and in the understanding of the laws of nature by the ancient Greeks there is a logical and mythical aspect, which to a certain extent has an impact on modernity.
Keywords: *representation of reality, antiquity, fyusis, logo, myth, law, nature, Polis, the law of nature*

Article info. Received April 5, 2018; accepted for publication May 3, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Shaforostov A.I. Story groups ideas about reality. Step one: the laws of nature in ancient thought. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 131–140. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-131-140. (In Russian).

В последние десятилетия наблюдается все увеличивающаяся проблематизация реальности. Сегодня практически общепризнанно, что классические представления о реальности утратили свою значимость и перестали обеспечивать должную незыблимость как научного и философского, так и повседневного мировоззрения. Поэтому вопрос о том, как формировались фундаментальные представления о мире, в частности понимание того, что представляют собой законы природы, не только обращен в прошлое, но относится и к настоящему и в определенной степени к будущему. Актуальность этой темы заключается в ряде аспектов. Во-первых, наука сегодня по сути является господствующим типом мировоззрения и понимание ее основ, конечно же, важно для выработки целостного понимания сущности науки и ее места в культуре. Во-вторых, фундаментальность законов природы вовсе не означает их «законченность» в том смысле, что процесс осмысления сущности тех связей, которые называются «законы природы», продолжается. В-третьих, наличие нескольких учений относительно законов природы – так, А. Уайтхед (один из крупнейших математиков, философ и историк науки XX в.) проводит анализ четырех основных учений о законах природы (Уайтхед, 2009. С. 160) – требует рассмотрения предпосылок такой многозначности. Наконец, четвертое и, на наш взгляд, основное – обращение к истории формирования представлений о законах природы призвано помочь ответить на вопрос о том, насколько постоянны законы природы, изменяется ли только представление о законах природы или же в процессе развития находятся и законы природы как таковые? Круг вопросов, затрагиваемых при обращении к пониманию законов природы, обширен, и, для того чтобы приблизиться к главному вопросу, насколько наши представления о законах природы соответствуют той реальности, которая этим выражением обозначается, необходимо обратиться к истории формирования этих представлений.

Всего же можно выделить четыре этапа формирования представлений о законах природы: мифо-логосный подход – в античности, теологический – в средневековье, рациональный – в Новое время, системный подход современной науки. Отдельно следует упомянуть развиваемый с конца XX в. синергетический поход, который, хотя и не может считаться самостоятельным этапом, несет в себе серьезные перспективы для радикального переосмысления имеющихся представлений о законах природы вплоть до утверждения о том, что «в спонтанной саморазвивающейся реальности объективных законов природы просто нет» (Черникова, 2011. С. 14).

Причина обращения именно к античному периоду вполне очевидна: именно здесь заложены основы рационального мышления, создавшего классическую науку. Цель же настоящей работы заключается в попытке выявить концептуальные основы представления о реальности, сформированные в античной мысли раннего и классического периода (то есть VI–IV вв. до н.э.), и то, насколько близки античные греки смогли подойти к открытию законов природы. Выбор указанной цели объясняется тем, что античная мысль во многом сохраняет свою фундаментальность и продолжает оказывать влияние на мышление современного человека.

Для достижения данной цели представляется необходимым выявить основные моменты пути, по которому шло формирование понятия природы и понятия закона, рассмотреть степень их связанно-

сти, собственно и обусловившую зарождение представлений о законах природы.

Обстоятельное рассмотрение истории формирования понятий природы (*φύσις*) и космоса в античном естествознании дает И.Д. Рожанский, который в 1970–1980-е гг. организовал и возглавил семинар по истории античной науки и философии[1]. Отметим наиболее важные для нашей темы пункты этого рассмотрения. Во-первых, подчеркивается, что «в греческой философской, научной и медицинской литературе V—IV вв. до н. э. понятие *φύσις* стало играть прямо-таки ключевую роль» (Рожанский, 1979. С. 65). Так, греческие врачи использовали термин *φύσις* для обозначения с его помощью совокупности свойств лекарственного растения, прежде всего его внутренней силы, выражающуюся в его благотворном или пагубном действии на человека (Рожанский, 1979. С. 76). Из сферы чистой медицины применение термина *φύσις* постепенно распространяется на более глубокий и масштабный уровень – стихии, составляющие мир: воздух, землю, огонь. Происходит это благодаря смысловому сближению фюсис (*φύσις*) и динамис (*δυνάμεις*), то есть внутренней силы существа и присущей ему способности, тем более что «в донаучную эпоху (и не только у греков) эти стихии воспринимались как нечто одушевленное, активное, исполненное жизни» (Рожанский, 1979. С. 77).

Важно подчеркнуть следующий момент. Стихии – это не просто элементы, составляющие окружающий человека мир, они имеют божественный статус. До сих пор в нашем сознании «стихия» наделяется волей («стихия разыгралась»), и грекам это было тем более понятно, они благодаря господству мифического воззрения на мир «оживляли» и персонифицировали природные силы-стихии. Переход от мифа к логосу, который, несомненно, был присущ греческой мысли, хотя о степени его глубины и законченности сегодня ведутся непрекращающиеся дискуссии, затронул и понимание природы. Стремление рационализировать космические силы проявилось в том, что «божественность стихий заменяется тем, что они приобретают определенную «природу» (*φύσις*), то есть некоторые внутренне им присущие силы и способности (*δυνάμεις*)» (Рожанский, 1979. С. 77).

Первым мыслителем, для которого фюсис становится одним из центральных понятий, был Гераклит (544–483 гг. до н. э.), и именно благодаря Гераклиту слово *φύσις* стало философским понятием. И.Д. Рожанский заключает, что значение этого термина у Гераклита следующее: «Это – сущность данной вещи (в противоположность тому, какой она является нашим органам чувств); ее внутренняя (скрытая от внешних взоров) конституция, ее истинное бытие» (Рожанский, 1979. С. 80).

Также у Гераклита, учившего об изменчивости всего, вполне закономерно в трактовке фюсиса выявляется то, что «природа вещи развернута во времени, она – движение (у слова *φύσις* суффикс “действия по глаголу”)», «счислимое постоянство перемен незримого единого», что обеспечивает слитность, единство мира, недоступное чувственному зрению (Васильева, 2002. С. 24).

Итак, вклад Гераклита на подготовку возникновения у греков представления о законах природы остается вполне весомым в силу того, что он разрабатывает философское понятие природы, понимая под ним внутреннюю сущность вещей.

Известный современник и оппонент Гераклита Парменид (около 540 г. до н. э. – около 470 г. до

[1] Работа семинара определила целое направление в истории античной и не только античной науки. Этот семинар, проходивший дома у И.Д. Рожанского, просуществовал до начала 1980-х гг., и его участники – Андрей Лебедев, Анатолий Ахутин, Сергей Муравьев, Юрий Шичалин, Татьяна Бородай, Алексей Сидоров, Александр Столяров – сегодня являются ведущими специалистами в области истории античной философии и науки. В 1981 г. семинар из домашнего перешел на уровень вполне официальный и соединился с семинарами Научного совета по мировой культуре АН СССР (подр. см. Брагинская Н.В. «Домашние семинары»).

The work of the seminar defined a whole direction in the history of the Antique and not only Antique science. This seminar, which took place at home at I.D. Rozhansky, existed until the early 1980s, and its participants – Andrei Lebedev, Anatoly Akhutin, Sergei Muraviev, Yuri Shichalin, Tatyana Boroday, Alexei Sidorov, Alexander Stolyarov – today are leading experts in the history of Antique philosophy and science. In 1981, the seminar from home took on a completely official level and was connected with the seminars of the Scientific Council on World Culture of the USSR Academy of Sciences (see Braginskaya NV “Home Seminars”).

н. э.) в силу направленности своего учения на сферу подлинного, неизменного бытия не уделяет понятию фюсиса значительного внимания, но тем не менее вполне однозначно соотносит его с миром чувственно-воспринимаемых вещей, закрепляя тем самым его характерную значимость для изменчивых вещей.

Демокрит (460 г. до н. э – 370 г. до н. э.) развивает трактовку понятия фюсиса, и, хотя не все предложенные им смыслы этого понятия закрепились в философской традиции, следует отметить расширение использования термина *φύσις* применительно к первоначалам, а именно «когда этот термин служил для обозначения внутренней структуры вещей, поскольку последняя определяется теми или иными элементами, из которых эти вещи состоят, получило в дальнейшем очень большое распространение» (Рожанский, 1979. С. 90). В.В. Соколов, один из наиболее авторитетных историков философии в нашей стране, вообще приходит к заключению, что Демокрит заложил основу понятия законов природы (Соколов, 2010. С. 224), хотя этот вывод представляется спорным в силу того, что учение Демокрита о самопроизвольном отклонении атомов от своего первоначального прямолинейного движения свидетельствует скорее об обратном.

А.В. Ахутин[2], обращаясь к анализу употребления слова «фюсис» логографами (прежде всего Геродотом) и в более поздних (конец V – начало IV в. до н. э.) медицинских текстах гиппократова корпуса, приходит к заключению, что «одно и то же слово “фюсис” может означать и порождающий источник, родник; и взращивающую, пребывающую во взращиваемом (вообще возникающем) “силу” роста, “способность” возникновения; и рост, “видность”, зрелость возникшего, родившегося, то есть результат; и врожденную возникшему, свойственную ему силу-способность к “делам”». В результате в понимании фюсиса «основное смысловое напряжение создается следующим обстоятельством: три возможных вопроса, на которые это слово призвано отвечать: “какого рода?”, “каков на вид?”, “к чему способен?”» (Ахутин, 1988. С. 115).

Вершиной развития понимания слова «фюсис» в античной мысли классического периода становится тот смысл, который задает Аристотель: природа (фюсис) «есть некое начало и причина движения и покоя для того, чему она присуща первично, сама по себе, а не по случайному совпадению» (Аристотель, 1981. С. 82). И.Д. Рожанский, комментируя это место у Аристотеля, отмечает: «Иначе говоря, природа – *φύαις* – есть внутренне присущий вещам принцип (по терминологии Аристотеля “начало” – *αρχή*) движения или развития» (Рожанский, 1979. С. 106), то есть заостряет внимание на внутренне присущей природе способности к самодвижению.

В целом же, обобщая путь, пройденный античной мыслью указанного периода в осмыслении термина «фюсис», можно сказать, что этот путь, начинаясь в сфере медицины, поднимается к сфере божественных стихий и в итоге у Аристотеля приближается к современному пониманию, связанному с естественной средой, в которую включен человек.

В процессе усложнения применения термина «фюсис» и в процессе его осмысления в античной мысли достаточно отчетливо выявился следующий проблемный пункт: как природа (фюсис) соотносится с законом-логосом и законом-номосом?

То, что обеспечивает скрытое единство сущего, – это слово-понятие, имеющее прямое отношение к формированию представлений о законах природы – логос. В свое время (а именно в 1972 г.) известный советский исследователь Ф.Х. Кессиди, открывший своими работами дискуссию о том, был ли вообще в античной мысли переход от мифа к логосу и был ли он осуществлен (сам Кессиди этот вопрос считал положительно решенным), характеризовал логос у Гераклита вполне однозначно: «По своему смысловому значению логос равнозначен

[2] А.В. Ахутин – один из участников упоминавшегося выше домашнего семинара И.Д. Рожанского, автор ряда работ, посвященных становлению античной мысли, в частности: Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.

A.V. Akhutin – one of the participants of the above mentioned home seminar of I.D. Rozhansky, the author of a number of works devoted to the formation of Antique thought, in particular: Akhutin A.V. Antique principles of philosophy. SPb .: Science, 2007. 784 p.

понятию “всеобщий”, точнее, всеобщему порядку (закону) вещей» (Кессиди, 2003. С. 228).

Если согласиться с цитируемым автором, то цель нашей работы достигнута и проблемы нет: именно Гераклит своими представлениями о мире и логосе и сформировал представление о законе природы. Но не все так просто.

И.Д. Рожанский отмечает, что «в греческой литературе V в. до н. э. существительное *λόγος* нигде не встречается в значении разума или закона», и далее, ссылаясь на работы ведущих западных авторов Дж. Бернета и М. Уэста, заключает: «В последнее время все большее признание приобретает точка зрения, согласно которой у Гераклита вообще не было никакой особой доктрины Логоса и что наличие такой доктрины было продуктом творческой фантазии стоиков, а существительное *λόγος*, встречающееся в дошедших до нас фрагментах Гераклита, употреблялось им в обычных обиходных значениях этого слова» (Рожанский, 1979. С. 184).

В наше время авторитетный исследователь Гераклита А.В. Лебедев (ведущий научный сотрудник Института философии РАН и адъюнкт-профессор философии Критского университета в Греции) отмечает, что логос Гераклита недоступен пониманию большинства людей. Также понимание Гераклитом логоса как разума и отождествление его с высшим божественным разумом, лежащим в основе разумного устройства Вселенной, а также с «природой», объективным порядком вещей (именно это высказывает Ф.Х. Кессиди – *прим. А.И. Шафоростова*) принадлежит стоикам, то есть гораздо более поздней философской традиции. И «нигде в текстах Гераклита термин логос не означает “разум”: это более позднее, по существу эллинистическое значение слова» (Лебедев, 2014. С. 104).

Обращение к понятию логоса в контексте его смысловой связанности с понятием природы выводит нас к еще одному ключевому понятию, повлиявшему на представление и о реальности как таковой, и о законах природы – это понятие космоса. Тема космоса была одной из центральных как в самой античной мысли (достаточно указать на известный диалог Платона «Тимей», где излагается учение о Космосе, а также огромное число комментариев и интерпретаций в античной и последующей философии), так и в исследовательской литературе последних столетий, посвященных истории античности.

Выделим главные моменты в понимании космоса античными мыслителями. Первое – это космоцентризм. Важно подчеркнуть, что следствием космоцентризма являлось даже не включение человека, так как «включение» предполагает «выключение», способность выйти вовне, а исходная неразделенность человека и мира. Поэтому, как справедливо отмечает современный исследователь, специалист в области онтологии Е.В. Бакеева, «учения греческих “фисиологов” следует рассматривать скорее как <…> способ осмысления себя самого в неразрывной связи с миром – путем выхода к тому “месту” (началу), где человек и мир еще не разделены» (Бакеева, 2014. С. 23). Космос – это целое.

Второе: целостность космоса определяется живыми связями, то есть космос – это организм. Подчеркнем, что традиционное (до-классическое) понимание космоса греками строится на том, что космос – это живой организм, и его структура подобна структуре живого организма. Такое понимание структурности космоса (мира) претерпело в дальнейшем значительные изменения.

Третье: учитывая тот факт, что греческая культура – это прежде всего городская культура и именно открытие и развитие полисной структуры определило столь значимое место греков в мировой истории, вполне логично будет согласиться с идеей Ж.-П. Вернана, известного французского антиковеда XX в. (1914–2007 гг.), изучавшего генезис греческой мысли, о необходимости проведения аналогии космоса и полиса: «В аспекте солоновой законности (*eynomia*) аристократическое течение рассматривает полис в виде строя вещей (космоса), состоящего из разных частей, иерархический порядок которых поддерживается законом» (Вернан, 1988. С. 118).

Четвертое: мир-космос подчинен космической необходимости «вечного возвращения». Уже Гераклит выразил эту необходимость, сказав о космосе: (а) «Когда огонь угасает, все вещи упорядо-

чиваются (образуют из себя космос)» || (b) «Весь космос воспламеняется, а затем снова упорядочивается» (Гераклит, 2012. С. 96).

Пятое: у космоса есть своя природа, к изучению которой обратились первые философы-фисиологи, искавшие, из чего все состоит.

Шестое: представление о космосе в античности постоянно изменялось, на космос переносились идеи, как рожденные при изучении природы (окружающего человека мира), так и взятые и из политики, и из занятий наукой (математикой прежде всего). Яркий пример – Анаксимандр, специфическая особенность учения которого, как отмечает И.Д. Рожанский, состояла в том, что в его космологии нашли своеобразное отражение такие понятия, как *δίκη* – справедливость, *νόμος* – закон, *ισονομία* – равноправие и другие. «В космосе, как и в человеческом обществе, должны царить законы справедливости и равноправия, а если они нарушаются и какие-либо из “сущих вещей” (стихий, космических сил) попытаются достичь преобладания над другими, их удел – понести наказание и согласно порядку, установленному судом времени, погибнуть, превратившись в те самые противоположные им стихии или силы, из которых они первоначально возникли» (Рожанский, 1979. С. 137).

Таким образом, развитие представления о законах космоса осуществляется на основе геометризации, то есть установления равенства элементов и отказа от иерархичности, которой нет места в математизированном пространстве, и переноса законов человеческого общества на космос, при этом космические элементы не должны нарушать законы не в силу своей природы (внутренней необходимости), а в силу неизбежного наказания.

Это две разные линии, и они задают двойственность понимания сущности законов космоса (законов природы). Первая линия, «математическая», утверждает логос как основание порядка, это космический разум, возвышающийся над земным изменчивым миром. Такое понимание обнаруживается в учениях Пифагора о мире чисел, Парменида о подлинном (мыслимом) бытии, Сократа о космическом разуме. Это надмировые законы.

Вторая – линия номоса. Она стала продолжением и развитием традиции, утверждавшей Олимп – вполне конкретное земное место – местом обитания богов. Отмечается, что спецификой эллинской культуры было то, что отдельные боги не были включены во взаимосвязанную жесткую структуру, это была свободная структура, сформировавшаяся в «темные века» и в период архаики в результате, с одной стороны, взаимовлияния многофункциональности локальных божеств, с другой – большей теологической определенности и четкости, распространявшейся посредством панэллинских святилищ и литературной традиции (Кембриджская история древнего мира, 2014. С. 32). Важно то, что эта структура «не только объединяла в божественную семью силы естественного и духовного миров, управление которыми вменялось богам, но еще и (и по этой причине) с помощью божественного порядка интегрировала все социальные группы и общественные формы деятельности, для защиты которых люди могли призывать (индивидуально или коллективно) тех или иных богов» (Кембриджская история древнего мира, 2014. С. 33). Ключевым моментом здесь является формирование представления о единстве естественного и духовного миров.

Однако в «линии номоса» были пункты, препятствующие простому слиянию понятий номоса и фюсиса. Номос – это любая социальная или политическая норма, «санкция такой нормы – сугубо человеческая, ее авторитет базируется на том, что норма эта принята данной группой людей как правомерная и как такая, которой они сами себя связывают; следовательно, изменять ее или не изменять – дело лишь самих людей». Фюсис же «отсылает к неизменной “естественной” силе, которая делает вещи и людей теми, чем они и являются: это понятие описывает природные феномены или процесс их становления, от возникновения до угасания» (Кембриджская история древнего мира, 2014. С. 442). В итоге вместо слияния этих понятий на первое место с последней трети V в. до н. э. стало выходить их противопоставление.

Возникает вопрос: если в греческой культуре все острее противопоставляются понятия номоса и фюсиса, то значит ли это, что представления о ре-

альности, о законах природы стали ориентироваться на понятие логоса?

В пользу этого предположения говорит учение о Демокрита об атомах, понимаемых им как элементы-буквы: «Греческое слово *στοίχεῖον* (соответствующее латинскому *elementum*) первоначально обозначало букву, как написанную, так и произнесенную (то есть обозначаемый ею звук), и только позднее стало употребляться в более общем абстрактном значении первичной составной части» (Зубов, 1965. С. 11). В более отчетливой форме идея «буквенности» предстает в слове «элемент», образованном как простая калька последовательности букв в латинском алфавите – «l», «m», «n», «t» («эл», «мэ, «эн, «те»), где ключевым является именно жесткая, однозначная связь-последовательность букв, определяющая логическую связанность того, что состоит из элементов (то есть слова). Несомненно, что обращение к буквам и словам – именно логосное прочтение мира, но всей проблемы это не решает. Понятие логоса все больше тяготеет к его истолкованию прежде всего как речи, как способа выражения истины (Платон), понимание же логоса как закона слабеет.

Классический период античной мысли завершается двумя центральными фигурами – Платон и Аристотель, и оба задают свое понимание и реальности, и законов природы, оказавшее огромное и не прекращающееся по сей день влияние на европейскую философию и науку.

Если исходить из отмеченного выше понимания слова «фюсис» как внутренней силы, оказывающей порождающее действие, в смысле закона или принципа развития вещей, живых существ и космоса в целом, то «к такому фюсис Платон относился резко отрицательно» (Рожанский, 1979. С. 101). Главная причина такого отношения Платона к фюсису заключается в том, что мир природы, мир порожденных земных вещей несамостоятелен, поэтому причина, обуславливающая их существование, – вне физического мира. Платон встает на позицию метафизики в этом вопросе, в итоге в земном мире нет законов природы и нет законов в смысле необходимых связей и в мире идей. В мире идей их нет потому, что этот мир вечен и неизменен. Идеи пребывают в вечности, становления здесь нет.

Влияние Платона на понимание законов природы тем не менее есть. Здесь необходимо учесть, что выражение «законы природы» двойственно по своему смыслу. Первый смысл: законы чего? – природы, то есть на первый план выходит объект закона, его направленность. Второй: чьи законы? – то есть акцент переносится на источник. Логос Гераклита ближе к первому смыслу, выступает мерой огня-космоса и в то же время возвышается над ним. Атомизм Демокрита, напротив, видит источник порядка, законности фюсиса в самой природе (в атомах).

Возникает принципиальный вопрос о том, является ли природа вторичной по отношению к управляющему ей космическому закону (например, мировая душа у Платона) или первичной, когда, соответственно, закон должен пониматься как внутри-присущий природе. Так как подробное рассмотрение различий тех смысловых линий, которые выводимы из этого пункта, увело бы нас далеко за пределы нашей темы, ограничимся указанием на то, что классическая мысль античности в лице Платона и Аристотеля задает многонаправленность понимания и законов природы, и реальности в целом, и актуальность такой множественности прочтения фундаментальных оснований природы сохраняется и сегодня.

Отрицание Платоном законов природы – это отрицание самостоятельности фюсиса (материи) как источника законов природы. Что же есть? Есть вневременной смысл бытия, представленный миром идей. Мир идей при этом – это не механическое скопление всевозможных идей, но упорядоченная совокупность идей, где порядок задается центральной идеей – идеей Блага. В дальнейшем оформившееся в Новое время понятие закона природы понимает законы в духе Платона – как надвременные сущности, задающие ход вещей.

Аристотель, чья физика на две тысячи лет определила представления о небе и земле мыслителей самых разных направлений, понимая природу как первую материю, не говорит о законах природы как таковых. Для нас важно не то, употреблял ли Аристотель выражение «законы природы» или

нет, а то, как он задает представление о реальности своим учением о природе.

Аристотель собственно и создал систематическую науку о природе – физику. Физика изучает предметы подвижные и существующие самостоятельно, то есть объективно, независимо от человека. Важно то, что математика, согласно Аристотелю, изучает сущности, имеющие место быть не самостоятельно, а в уме человека, то есть придуманные и потому неподвижные. Физика – вторая философия, это наука качественная, а не количественная. Следовательно, математика Аристотелю неинтересна, потому что она не изучает реальность.

В итоге Аристотель пришел к убеждению, что физика не может быть наукой, построенной на базе математики, ибо физика есть наука о природе, а природе присуще изменение, движение, математика же изучает «статические связи и отношения» (Гайденко, 2000. С. 199). Важно это потому, что соединение математики и физики было тем самым отложено почти на две тысячи лет и проблему математизации физики решал уже Галилей в конце XVI в. Для Аристотеля в понимании движения главным было познание цели, того, «куда» движется тело, а не «как».

Г.Г. Майоров, известный автор работ в области истории европейской философии, профессор МГУ, подчеркивает особое понимании природы Аристотелем. Природа (*physis*) определяется им как сфера изменчивого, так что физика как наука о природе «имеет дело с чем-то подвижным», тогда как «первая философия» имеет дело с вечной и неподвижной сущностью – с той, которую в силу принятой дефиниции природы можно представить только как внеприродную или сверхприродную. Важно то, что сфера бытия становится у Аристотеля шире сферы бытия природного: над бытием изменчивым он ставит бытие неизменное, над физикой воздвигает теологию. В других классических и раннеэллинистических школах такого сужения понятия природы не произошло и понятие природы трактовалось в основном так же, как оно трактовалось досократиками, – как обозначающее всю сферу сущего. Поэтому у стоиков и эпикурейцев, у скептиков и даже древних академиков (несмотря на их противопоставление бытия изменчивого и бытия неизменного) божественное включено в природу, а теология (учение о богах) включена в физику (Майоров, 2012. С. 191).

Что касается законов и принципов, регулирующих бытие природы (то есть законов природы), то общим принципом для Аристотеля является тезис о наличии естественных мест, соответствующих четырем основным элементам, из которых составлено любое физическое тело: огню, воздуху, воде и земле. В итоге Аристотель утверждает ряд фундаментальных (метафизических) принципов, и прежде всего это принцип цели (учение об энтелехии), телеологическое (целесообразное) объяснение тех «последних, основополагающих связей природы, благодаря которой она предстает как целостный, иерархически упорядоченный космос» (Гайденко, 2003. С. 228).

Обобщая изложенный материал и возвращаясь к главному вопросу о том, как у античных греков шло формирование представлений о реальности на уровне понимания законов природы, отметим следующее. Античному человеку реальность дается несколькими способами. Во-первых, телесно, и через культ тела происходит утверждение себя в реальности. Во-вторых, через участие в жизни полиса, и быть гражданином означает максимальное включение в реальность. В-третьих, вербально, допонятийно – через язык поэзии и мифа. Миф – не просто сказание, но и особая, живая связь с реальностью, и Платон постоянно обращается к мифу, чтобы не потерять эту связь. Интересно отметить, что мифы Платона «работают» и по сей день, «втягивая» читателя в реальность его диалогов. И, наконец, реальность дается человеку логосно, через умозрение (буквально – «теоретически», от греческого *θεωρια* – «созерцание»), прежде всего это математика: «Уже в VI в. до н. э. ученые пришли к мысли <…>, что математика является универсальным языком для выражения законов природы, что “все есть число”» (История математики, 1970. С. 59–60).

Важно то, что в представлениях о законах природы нашли, хотя и в различной степени, все названные способы включения античного человека в реальность. И сегодня, когда реальность стано-

вится проблемой, когда привычным стало говорить о кризисе реальности, античная мысль сохраняет свою значимость. Современный человек во многом смотрит на природу, ее законы, реальность в целом глазами древнего грека, включая его мифическое восприятие мира.

Библиографический список

Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.

Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.

Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.

Бакеева Е.В. Введение в онтологию: образы мира в европейской философии: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 388 с.

Брагинская Н.В. Домашние семинары 1970-х // Русский журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Domashnie-seminary-1970-h (02.04.2018).

Васильева Т.В. Комментарии к курсу античной философии. М.: Савин С.А., 2002. 452 с.

Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.

Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 445 с.

Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.

Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русском переводе: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М.: Наука, 1965. 372 с.

История математики. В 3 т. Т. 1. С древнейших времен до начала Нового времени / под ред. А.П. Юшкевича. М.: Наука, 1970. 352 с.

Кембриджская история древнего мира. Т. V. Пятый век до нашей эры / под ред. Д.-М. Льюиса, Дж. Бордмэна, Дж.-К. Дэвиса, М. Оствальда. М.: Ладомир, 2014. 789 с.

References

Aristotel'. *Sochineniya* [Compositions]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1981, 613 p. (In Russian).

Akhutin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Antique beginning of philosophy]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007, 784 p. (In Russian).

Akhutin A.V. *Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya ("fyusis" i "natura")* [The concept of "nature" in antiquity and in modern times ("fyusis" and "nature")]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 208 p. (In Russian).

Bakeeva E.V. *Vvedenie v ontologiyu: obrazy mira v evropeiskoi filosofii* [Introduction to ontology: images of the world in European philosophy]. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ., 2014, 388 p. (In Russian).

Braginskaya N.V. *Domashnie seminary 1970-kh* [Home Seminars of the 1970s]. *Russkii zhurnal* [Russian Journal]. Available at: http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Domashnie-seminary-1970-h (accessed 02.04.2018). (In Russian).

Vasil'eva T.V. *Kommentarii k kursu antichnoi filosofii* [Comments on the course of Antique philosophy]. Moscow: Savin S.A. Publ., 2002, 452 p. (In Russian).

Vernan Zh.-P. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoi mysli* [The Origin of Ancient Greek thought]. Moscow: Progress Publ., 1988, 224 p. (In Russian).

Gaidenko P.P. *Istoriya grecheskoi filosofii v ee svyazi s naukoi* [The history of Greek philosophy in its connection with science]. Moscow: PER SE Publ.; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000, 445 p. (In Russian).

Gaidenko P.P. *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskii razum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003, 528 p. (In Russian).

Murav`ev S.N. *Geraklit Efesskii: vse nasledie: na yazykakh originala i v russkom perevode* [Heraclitus of Ephesus: the whole heritage: in the original language and in the Russian translation]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2012, 416 p. (In Russian).

Zubov V.P. *Razvitie atomisticheskikh predstavlenii do nachala XIX veka* [Development of atomistic representations before the beginning of the XIX century]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 372 p. (In Russian).

Yushkevich A.P. *Istoriya matematiki* [History of Mathematics]. In 3 vol. Vol. 1. *S drevneishikh vremen do nachala Novogo vremeni* [From Ancient times to the beginning of Modern times]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 352 p. (In Russian).

L'yui-s D.-M., Bordmen Dzh., Devis Dzh.-K., Ostval'd M. *Kembridzhskaya istoriya drevnego mira* [Cambridge History of the Ancient World]. Vol. V. *Pyatyi vek do nashei ery* [Fifth century BC]. Moscow: Ladomir Publ., 2014, 789 p. (In Russian).

Кессиди Ф. От мифа к логосу: становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.

Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 418 с.

Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука о природе. М.: Наука, 1979. 486 с.

Соколов В.В. Философия как история философии. М.: Академический Проект, 2010. 843 с.

Уайтхед А. Приключения идей. М.: Изд-во ИФ РАН, 2009. 383 с.

Черникова И.В. Философия и история науки: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.

Kessidi F. *Ot mifa k logosu: stanovlenie grecheskoi filosofii* [From myth to logos: the formation of Greek philosophy]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ., 2003, 360 p. (In Russian).

Lebedev A.V. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym kriticheskim izda-niem fragmentov)* [The Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and speech (with a new critical edition of fragments)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2014, 533 p. (In Russian).

Maiorov G.G. *Filosofiya kak iskanie Absolyuta. Opyty teoreticheskie i istoricheskie* [Philosophy as the search for the Absolute. Experiences theoretical and historical]. Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM Publ., 2012, 418 p. (In Russian).

Rozhanskii I.D. *Razvitie estestvoznaniya v epokhu antichnosti. Rannyaya grecheskaya nauka o prirode* [The development of natural science in the era of Antiquity. Early Greek science of nature]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 486 p. (In Russian).

Sokolov V.V. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as the History of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2010, 843 p. (In Russian).

Uaitkhed A. *Priklyucheniya idei* [Adventure of Ideas]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 2009, 383 p. (In Russian).

Chernikova I.V. *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and History of Science]. Tomsk: NTL Publ., 2011, 388 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: ashafor@yandex.ru

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: ashafor@yandex.ru

Критерии авторства

Шафоростов А.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Shaforostov A.I. carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 719:06;719:72
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-141-148

ГОРОД ЯКУТСК И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА

© Д.А. Степанов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

Аннотация. В статье вкратце рассматривается сложный путь становления г. Якутска. Он возник в долине Туймаада из казачьих укреплений и посадской застройки XVII в., первоначально достаточно бессистемной, но в XIX столетии получившей обновленную регулярную планировку, которая и легла в основу исторического облика города. Вопрос о сохранении исторического наследия Якутска встал уже в конце XIX в., однако особое значение он приобрел в начале XX в. в сложные годы Гражданской войны. В настоящее время с ускорением темпов роста города эта проблема только усугубляется. Актуальность работы обусловлена проблемами сохранения исторического облика Якутска, исторической целостности его взаимосвязанных частей – отдельных памятников архитектуры и пространственно-территориальной планировки на фоне возрастающей активности городского строительства. Целью работы является исследование и обсуждение проблем сохранения исторического облика г. Якутска. Анализ истории города показал, что еще в XVII–XVIII вв. в результате пожаров и градостроительной перепланировки произошла полная утрата памятников архитектуры и истории XVII в. В XX в. утрачена часть памятников XVIII–XIX вв., в том числе в ходе так называемых мероприятий по сохранению памятников и созданию охранных зон. Оставшаяся часть памятников находится в плачевном состоянии.
Ключевые слова: *Ленский острог, крепость Приклонского, Якутский острог, Якутск, р. Лена, памятник архитектуры, памятник деревянного зодчества, городская планировка, исторический облик, пространственно-территориальная планировка.*

Информация о статье. Дата поступления 27 марта 2018 г.; дата принятия к печати 25 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Степанов Д.А. Город Якутск и проблема сохранения его исторического облика // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 141–148. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-141-148

YAKUTSK CITY AND THE PROBLEM OF PRESERVATION OF ITS HISTORICAL OBLIQUE

© D.A. Stepanov

North-Eastern Federal University,
58 Belinskiy Str., Yakutsk 677000, Russian Federation

Abstract. This article briefly examines the complex path of the emergence of the city of Yakutsk, rooted in the valley of Tuymaada, and which originates from the Cossack fortifications and the 17th-century buildings of the town, originally quite haphazard, but in the nineteenth century it received an updated regular lay-out that lay in the original oblique of the city. The question of preserving the historical heritage of the city of Yakutsk appeared already at the end of the 19th century, and especially acute in the early 20th century, during the difficult years of the Civil War. At present, this problem is only aggravated with the acceleration of urban growth. Acuity of the work is due to the acute problems of preserving the historical oblique of the city of Yakutsk, the historical integrity of its interconnected parts – individual architectural monuments and spatial and territorial planning under the growing city building activity. The aim of the work is to study and discuss the problem of preserving the historical oblique of the city of Yakutsk. Analysis of the history of the city showed that as early as the 17th and 18th centuries, as a result of fires and town-planning redevelopment of the city, there was already a complete loss of cites of architecture and history of the 17th century. In the XX century some of the sites of the XVIII–XIX centuries were lost, including during the so-called measures for the preservation of sites and the creation of protective zones. The rest of the sites are in a deplorable state.

Keywords: *Lena fort, Fortress of Priklonskiy, Yakutsk fort, Yakutsk City, Lena River, architectural monument, a monument of wooden architecture, urban planning, historical appearance, spatial-territorial planing*

Article info. Received March 27, 2018; accepted for publication April 25, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Stepanov D.A. Yakutsk city and the problem of preservation of its historical oblique. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 141–148. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-141-148. (In Russian).

Введение

Основание г. Якутска берет начало с 1632 г., когда енисейские казаки под руководством сотника П. Бекетова заложили первый острог на р. Лене. Но возникновению и становлению города Якутска предшествовала череда выбора места расположения первых казацких острожков с 1632 г., когда П. Бекетов заложил первый Ленский острог. Местоположение первого острога остается точно неизведанным, предполагается, что на участке Воин или местечке Ыстарай куорат. По описанию был заложен в «Гимадайском урочище» (Чымаадай), на правом берегу Лены, примерно в 70 верстах вниз по реке от Якутска (Явловский, 2002; Попов, 2007). Однако каких-либо следов и предметов быта того времени здесь так и не найдено, хотя острог стоял здесь года три, с населением в 200 чел. служилых чинов и казаков (Сафронов, 1997). В 1636 г. атаман И. Галкин, принявший острог, переносит его на более удобное и безопасное, по его мнению, место – предположительно в местность Ярмонское, на правом же берегу Лены, в 10–15 верстах от г. Якутска, ориентировочно у левого устья р. Суола. В 1638 г. с учреждением Якутского воеводства, независимого от Енисейского, воеводой назначается стольник П. Головин, прибывший в Якутск в 1641 г. Головин, найдя место прежних острогов «неугожими», переносит острог на новое место «в урочище Табугинское к оз. Сайсар» (Явловский, 2002), на левый берег Лены, в долину Туймаада. В описании острога, сделанным П. Головиным в челобитной, говорится, что окружность стен составляла 333 сажени «печатных», и отстоял острог от реки на 50 сажен (Сафронов, 1997. С. 23, 25). Здесь поселение уже получает название Якутского острога (Архипов, Антонова, 1980. С. 18). С этого времени собственно и берет начало основание г. Якутска и формирование основ его современной городской застройки. В 1681 г. острог, из-за ежегодных паводков и подтоплений, при воеводе И.В. Приклонском перенесли «выше стараго острога 580 саженей» (Султанов, 1907. С. 46, 50). Место это известно и сегодня по местонахождению Троицкого собора, заложенного в 1708 г. и стоявшего в юго-восточном углу крепости Приклонского, на месте сгоревшей деревянной церкви, и первоначальному положению проездной башни внешней стены острога, построенной в 1686 г. воеводой М.О. Кровковым, и стоявшей там до 1960-х гг.

Возникновение и становление города

Застройка Якутска изначально осуществлялась достаточно стихийно. Вокруг острожка П. Головина, заложенного в 1643 г. на правом берегу Лены, на Эюковом лугу вскоре возникла посадская территория из «жилетцких дворов» разных сословий, размещавшихся по выбору самих застройщиков на удобных местах, также произвольно возникали и улицы. Вместе с тем, рядом с острогом с самого начала были отведены места для гостиного двора, торговых амбаров, домов для приезжих иноземцев (Сафронов, 1997. С. 21–23, 28; Петров, 2002. С. 12–13). Точное расположение острога Головина остается неизвестным. Из описаний его предположительное местонахождение на границе современных кварталов «1» и «Б».

В середине XVII в. Якутск активно развивается как экономический центр и опорный пункт в освоении всего Северо-Востока Азии и Чукотки, отсюда шло снабжение и осуществлялся контроль многочисленных острожков и ясачных зимовий огромного края (Сафронов, 1997. С. 25). Отсюда в 1643 г. М. Стадухин и С. Дежнев отправляются на Колыму. Из этой поездки Дежнев вернется в Якутск уже только в 1662 г., из построенного им Анадырского острога, после всех перипетий в «Студеном море», Олюторском заливе и на Чукотке (Цеханская, 1989; Дёмин, 1999; Никитин, 1999). Прибытие

многочисленных промышленных, торговых и «охочих» людей в Якутск, вызывает активное развитие торговли. В 1642 г. в таможенной избе острога зарегистрирован 1 131 чел., в основном из промышленных людей (Юрганова, 2014. С. 96). В городе появляется базар и многочисленные торговые лавки – в 1654 г. их насчитывалось уже более десятка (Сафронов, 1997. С. 26). В 1663 г. или 1664 г. в 300 саженях севернее старого острога был основан Спасский мужской монастырь (Калашников, 2012. С. 38; Явловский, 2002. С. 37; Петров, 2002. С. 14). Вокруг острога начал разрастаться посад. Наметившийся беспорядок в посадской застройке пытался выправить воевода Ф.И. Бибиков, по его распоряжению в 1678 г. город был разделен на 4 посада. Первый посад находился в кремле, где размещались администрация, дом воеводы, церковь. Бояре и служивые люди должны были разместиться к западу от крепости. Во втором посаде, «к югу от крепости до небольшой проточки» поселялись торговые и промышленные люди. Третий посад к северу от крепости был предназначен для старообрядцев-раскольников. Четвертый – между крепостью и монастырем – для ссыльных (Явловский, 2002. С. 47; Петров, 2002. С. 13). Мужского населения города на этот год составляло 645 чел. (Явловский, 2002. С. 47). Эти 4 посада можно сопоставить с четырьмя современными историческими кварталами: «1», «В», «Б», «А».

Между тем острог часто подвергался весенним размывам и паводкам. Весной 1678 г. в третий раз подмыло острог, в результате чего были разобраны последняя «наугольная» башня и остатки стены, обращенной к реке (Попов, 2007. С. 20; Явловский, 2002. С. 47). Высокие паводки и размыв береговой линии создали угрожающее положение для острога, что вынудило поднять вопрос о переносе острога. В 1680 г. было получено высочайшее разрешение – Указ о строительстве нового города на более удобном месте и починке старого острога. К чему приступил назначенный в 1680 г. новый якутский воевода И.В. Приклонский, прибывший в Якутск в 1681 г. Новая крепость – именуемая городом или кремлем Приклонского, с 8 башнями, в том числе двумя проезжими – была отстроена в течение 1682–1683 гг. (Явловский, 2002. С. 50–57). Размеры крепости были небольшими – 60×60 саженей (примерно 130×130 м) со стенами рубленными тарасами. Новый город был отстроен на некотором отдалении от береговой линии «против старого острогу от посаду крайнего к матерой стороне сажени за 200, а от реки до городового места… сажен 400» (Калашников, 2012. С. 46). Несмотря на малые размеры, внутри новой крепости располагались служебные и жилые постройки – приказная изба, караульня, дом воеводы, часовня и церковь, занимавшая юго-восточный угол стены. На 1681 г. зафиксировано 642 чел. населения (Калашников, 2012. С. 47).

В 1684 г. пришедший на смену И.В. Приклонскому воевода М.О. Кровков находит крепость тесной и решает в 1686 г. отстроить вокруг нее острожный тын с 8 башнями, размером 140×160 саженей (Попов, 2007. С. 22). При Кровкове дополнительно отстраиваются амбары для хлебных, соляных, судовых запасов, для «соболиной казны», из старого острога переносятся пороховой погреб, воеводские и аманатские квартиры, тюрьма. Острог с крепостью занимали участок в районе современного 63 квартала г. Якутска, ограничиваясь современными улицами Петровского, Каландаришвили, Жиркова и проспектом Ленина (Петров, 2002. С. 14).

Из построек XVII в. к сегодняшнему дню ничего не уцелело. Еще в конце XIX – начале XX вв. сохранялись остатки западной части крепостных стен с башнями укреплений Приклонского (по нынешней улице Жиркова, бывшая Башенная), по которым с 1870-х гг. развернулась длительная переписка между якутской администрацией, иркутским генерал-губернатором и Археологической императорской комиссией о проблеме сохранения «единственного образчика деревянных крепостных сооружений XVI–XVII веков не только в России, но и во всей Европе» (Крадин, 1988. С. 156–157). К сожалению, большая часть этих построек, в том числе две остававшиеся башни, были сожжены во время Гражданской войны зимой 1922 г., при осаде города М. Коробейниковым, в период так называемого «дровяного кризиса». Единственную проездную башню спас первый министр финансов А.А. Семенов, выкупив башню у города и предложив взамен

на дрова свою дачу (Винокуров, 2002). Церкви, отстроенные в XVII в. – Михаила Малеина (Михайловская церковь, перенесенная из старого головинского острога), Спасская, Троицкая, а также строения монастыря сгорели в пожарах еще в XVII–XVIII вв. (Попов, 1960. С. 73; Попов, 2007. С. 20, 23; Крадин, Масленникова, 2013. С. 95, 102).

Единственный оставшийся памятник XVII в. – надвратная башня восточной стены острога Кровкова с часовнями на свесах, простоявшая на месте расположения острога до 1960-х гг.[1], а затем перенесенная на территорию Краеведческого музея, сгорела в 2002 г.

Городская планировка Якутска с самого начала развивалась строго функционально относительно административно-торгового и культового центра, которыми являлись острог, церкви и торговые лавки. Компактная сосредоточенность перечисленных построек накладывала на город определенную функциональную зависимость и требовала наличия определенных подъездных, транспортных путей и магистралей. Вместе с тем, в общем характере посадской застройки выявляется зависимость от рельефа, обусловленная наличием многочисленных проток, ложбин и озер (Петров, 2002. С. 16). Общее распределение на четыре посадских квартала, видимо, не обеспечивало учет и предварительную уличную трассировку в плане будущей застройки и расширения городской территории. Междворовые улицы и проулки, расположенные хаотично с невыдержанной шириной, ввиду малочисленности населения, дворов и наличия обширных пустырей в XVII–XVIII вв. не вызывали какой-либо проблемы. В 1737 г. в городе насчитывалось 348 дворов (Попов, 2007. С. 41). В последней четверти XVIII в., судя по карте 1770 г., было несколько разрозненных главных проездных улиц (Попов, 2007).

Во второй половине XVIII в. политический, экономический и социальный рост Российского государства побудил к реформе русского градостроительства, в числе прочих причин указывались мероприятия по борьбе с пожарами и улучшению санитарного состояния городов. В 1763 г. Екатерина подписала указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» (Саваренская, Швидковский, Петров, 1979. С. 139). Город Якутск не стал исключением, градостроительная реформа коснулась и его.

В 1786 г. был разработан «Геометрический план областного города Якутска» содержащий наложение «прожекта» на «имеющиеся строения». Проектный план имел вид регулярной (прямоугольной) шахматной планировки из множества симметричных кварталов, учитывающий лишь небольшое количество существовавших тогда улиц и мало считающийся с дворовой застройкой и мелкими ложками. Крепость-острог не учитывалась совсем, за исключением Троицкого собора, вокруг которого обрисован полукруг, примыкающий к проектной улице. Еще несколько кругов и полукругов нанесены вокруг других церквей и распланированного гостиного двора. Из проточных логов учитывались только Заложное озеро («сухой лог», ныне именуемое как Теплое озеро) и Монастырские озера (сегодня частично засыпанные и сохранившиеся под названием Солдатское озеро, протянувшееся вдоль ул. Губина). Судя по более поздним картам Якутска середины и конца XIX в. этот план был реализован лишь частично, что, впрочем, было характерно для многих городов России, потому что невозможно было полностью решить проблему радикальной перестройки существующей структуры частных земельных участков. Тем не менее, согласно новому плану, Якутск в XIX в., уже достаточно широко раскинувшийся в долине Туймаада, приобрел геометрически более упорядоченные территориальные черты, приближающиеся к концепции регулярной планировки.

Очевидно, что именно строительный период конца XVIII – начала XIX вв. проведенный в рамках коренной перестройки города способствовал исчезновению большинства зданий и построек XVII – начала XVIII вв. Кроме того, целый ряд пожаров в XVIII в. уничтожил деревянные церкви и видные сооружения города: Троицкая деревянная церковь с частью построек крепости (пожар 1700 г.), практически полностью уничтожен Спасский монастырь

[1] В 1958 г. башня была передвинута с проспекта на сотню метров ближе к воеводской канцелярии.
In 1958, the tower was moved from the avenue a hundred meters closer to the voevoda chancery.

с двумя церквями (пожары 1711 г., 1770 г. и 1780 г.), Преображенская деревянная (пожар 1787 г.) (Явловский, 2002. С. 69, 86, 168, 174, 181; Попов, 2007. С. 23, 43; Крадин, Масленникова, 2013. С. 98). В 1806 г. свою оценку о Якутске оставил доктор медицины и адъюнкт ботаники И.И. Редовский, впечатленный первым посещением: «… Город… благодаря пространной архитектуре домов кажется очень большим, при ближайшем рассмотрении, однако, это впечатление исчезает. Церкви и монастыри омрачают вид… Город построен широко, но без плана, дома в нем деревянные… Правильных улиц в Якутске нет, кроме одной (Большая улица, ныне проспект Ленина)…» (Калашников, 2012. С. 104). Здесь же имеется и положительная запись о памятнике старины: «…Старая крепость и принадлежащие ей здания – бесспорно самое замечательное из того, что может показать город…».

Однако уже в 1824 г. были разобраны и пошли на постройку клуба северная и южная стороны крепости, вообще, в XIX в. старая крепость Приклонского активно разбирается и продается (Попов, 2007. С. 33, 35). Вместе с тем еще к середине XVIII в. в Якутске числилось 9 церквей, из которых одна каменная (Троицкий кафедральный собор, сооруженный в 1701–1728 гг., на месте сгоревшего в 1700 г.) (Попов, 2007. С. 43). Во второй половине XVIII в. продолжается строительство церквей, в том числе каменных, чему в немалой степени способствует меценатская активность купцов и промышленников. Появляются Введенская деревянная церковь (по другим данным это Богородицкая) (впоследствии – Благовещенская) (1760 г.), Богородицкая каменная (1773 г.), Преображенская деревянная (1784 г., по другим данным 1789 г. или 1794 г.), Никольская каменная (1793–1821 гг.), Спасский монастырский каменный собор (1785/1786–1800 гг.) (Юрганова, 2003. С. 146; Попов, 2007. С. 45; Калашников, 2012. С. 78; Крадин, Масленникова, 2013). Несмотря на мрачную оценку И.И. Редовского, церкви в немалой степени способствовали пространственно-архитектурной взаимосвязи с территориальной городской планировкой и безусловно играли большую социально-формирующую и культурную роль для того времени.

Проблема сохранения исторического облика Якутска

По карте 1846 г. в городе насчитывалось 462 двора (Попов, 2007). Город раскинулся между оз. Чалбах на юго-западе, Талое – на северо-западе и Монастырскими озерами на северо-востоке. Новые кварталы обустроились уже в северо-западном направлении за крепостью, вплотную придвинувшись к оз. Талое. Вокруг Николаевской церкви, отстоящей пока вдалеке от города, за узким логом по дороге на Вилюйск образовалось широкое кладбищенское поле. Эти территориальные границы города сохраняются вплоть до конца XIX в. Улицы центральной части города в основном были сформированы в период перестроечных работ начала XIX в. согласно плану-регламенту регулярной планировки и совпадают с современным планом города. Так, центральная улица города – Большая улица носит теперь название проспекта Ленина (все улицы были переименованы после революции 1917 г.), и она являлась продолжением Иркутского тракта. Улица проходила через весь город и выходила на севере на дорогу в Намский улус, или позднее ее называли Мархинской дорогой (ныне ул. Дзержинского). На Большой улице с XIX – начала XX вв. располагались каменные здания:

– Гостиный двор (Большой базар), построенный в 1824–1836 гг., 1957 г. он был снесен, а на его месте обустроена площадь Ленина;

– Публичная библиотека (1909–1911 гг.), ныне это здание Национальной библиотеки;

– Якутский окружной суд (1914–1916 гг.), ныне восстановленное здание занимает Академия наук РС (Я);

– Торговый дом «Коковин и Басов» (1913 г.), на его месте находилось выстроенное в 1976 г. здание института «Якутзолото», а ныне Дом Правительства № 3;

– магазин купца Г. Никифорова (1913 г.), а в советское время здесь находился магазин «Гастроном № 1», в 1972 г. магазин снесли, на его месте построили здание Совета Министров и Верховного Совета ЯАССР, ныне это Дом Правительства № 1);

– Предтеченская церковь (1920 г.), после революции церковь обезглавили, впрочем, как и большинство церквей, перестроили, и в советское

время здесь находился ряд различных учреждений, а в последнее время, до сноса в 1992 г., жилой барак (сейчас на этом месте построена гостиница «Полярная Звезда»).

Другая центральная улица города, проходящая южнее параллельно Большой – Полицейская улица – соответствует современной улице им. Ярославского. Казарменная улица, проходящая севернее параллельно Большой, соответствует современной ул. Орджоникидзе. Набережная улица носит название ул. Чернышевского. В целом, старые названия улиц хорошо сопоставляются с современными, ввиду частично сохранившейся до наших дней дорожной инфраструктурой города (Петров, 2002. С. 28–44; Попов, 2007. С. 65–66). Гораздо хуже обстоит положение со старинными зданиями и кварталами. Исторические кварталы посадской территории XVII–XVIII вв. – «1», «А», «Б», «В» утратили свой исторический облик и полностью заняты современной застройкой. Полковая и Поротовская (Охотская) улицы сегодня полностью застроены, в советское время здесь проходили ныне исчезнувшие улицы Федора Попова и Романовка. Также сегодня застроены Базарная улица (Салтыкова-Щедрина, выходившая в конец Ярославской у Хабарова), Карамзинский переулок (ул. Чапаева). Запоздалая попытка создания в конце 1990-х – начале 2000-х гг. охраняемой исторической территории – охранная зона № 1 историко-архитектурный комплекс «Старый город» – представляет собой, главным образом, торговый центр и рекреационную зону одновременно. Здесь собраны воссозданные старинные дома, начиная с торгового «Кружала», и представляющие собой макеты-копии: дом-музей Максима Аммосова; башня Якутского острога; магазин торгового дома «Наследники Кушнарева»; здание женской гимназии; юрта Степной думы; Соляная лавка; амбар-конюшня Артамонова; дом Кушнарева; дом Эверстова; Градо-Преображенская церковь и др. В 2016 г. в районе Залога была сформирована охранная зона № 2 – «Якутск деревянный» с центром вокруг Богородицкой церкви. Здесь планируется собрать отреставрированные старинные деревянные дома XIX – начала XX вв., еще сохранившиеся на территории Залога.

Заключение

Возникший в 1632 г. на р. Лене город Якутск, сформировался и вырос из казацких острогов, и, наконец, раскинулся вширь в благодатной долине Туймаада. Его пространственно-территориальная планировка формировалась в течение XVII–XVIII вв., пока не была перекроена градостроительной реформой в XIX в. При этом были практически утеряны следы первоначального заселения и утрачены памятники XVII в., последние из которых буквально сгорели в топке Гражданской войны, за исключением единственной надвратной башни острога. К XX в. сформировалась новая городская застройка, также несущая историческую составляющую города, заложенную в конце XVIII в. Исторический облик несет не только городская планировка, но и сами строения, являющиеся неотъемлемой частью этой пространственно-территориальной планировки.

Вопрос сохранения исторического облика г. Якутска, памятников истории и архитектуры должен заключаться в решении проблемы сохранения исторических памятников в комплексе исторического облика в пространственно-территориальной планировке, в сохранении исторической целостности его взаимосвязанных частей с исторической территорией. То, что происходит сегодня с переносом недвижимых исторических объектов, трудно назвать сохранением исторического облика городской застройки. Присутствует эффект искусственности. Более того, переносом объектов дело не ограничивается, происходит подмена исторического объекта макетом, по сути, уничтожение оригинального памятника истории и архитектуры. Историзм объектов заключается в их оригинальности. Макеты, к сожалению, при всей своей аутентичности уже не являются настоящими памятниками старины. По сути, так называемые охранные зоны – это современные рекреационные шоу-центры.

Памятники архитектуры и истории, являющиеся неотъемлемой составной частью пространственно-территориальной планировки, композиции, ансамбля старого города необходимо сохранять в их взаимосвязи. Это действительно является сегодня трудностью и вызывает определенные проблемы с дальнейшим ростом и развитием города.

Другой серьезной проблемой является обветшание памятников архитектуры, особенно памятников деревянного зодчества, приводящее к необратимым последствиям их деформации и последующей утраты. Эта проблема сохранения памятников упирается в отсутствие в республике собственных квалифицированных кадров по реставрации памятников культуры и отсутствием средств для восстановления и реставрации, приглашения специалистов-реставраторов.

Проблему сохранения исторического облика городской застройки и памятников архитектуры следует рассматривать в тесной взаимосвязи с исторической пространственно-территориальной планировкой города, куда входят, в том числе, и исторические улицы и кварталы.

Библиографический список

Архипов И.Д., Антонова Т.А. Памятники истории и культуры Якутской АССР Якутск: Книжное издательство, 1980. 86 с.

Винокуров П.В. Вклад А.И. Попова и А.А. Семенова в развитии города Якутска // Якутский архив, 2002. № 2. С. 64–67.

Дёмин Л.М. Семён Дежнёв. М.: Молодая гвардия, 1990. 33 с.

Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1999 гг. Якутск: Бичик, 2012. 736 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 191 с.

Крадин Н.П., Масленникова Д.С. Традиции и региональное своеобразие Спасского монастыря в Якутии // Россия и АТР. 2013. № 2 (80). С. 94–103.

Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М.: Росспэн, 1999. 192 с.

Петров П.П. Улицы и площади Якутска. Якутск: Бичик, 2002. 112 с.

Попов Г.А. Сочинения. Т. 3: История города Якутска, 1632–1917. Якутск: Якутский государственный университет; «Медиа-холдинг Якутия», 2007. 311 с.

Попов П.В. Исторические и архитектурные памятники города Якутска / Сборник научных статей. Якутск: Книжное издательство, 1960. Вып. III. С. 63–79.

Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М.: Стройиздат, 1989. 391 с.

Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – начале XIX в. Магнитогорск: Дом печати, 1997. 65 с.

Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири

References

Arkhipov I.D., Antonova T.A. *Pamyatniki istorii i kul'tury Yakutskoi ASSR* [Sites of history and culture of the Yakut ASSR]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, 86 p. (In Russian).

Vinokurov P.V. Contribution of A.I. Popov and A.A. Semenov in the development of the city of Yakutsk. *Yakutskii arkhiv* [Yakutsk archive], 2002, no. 2, pp. 64–67. (In Russian).

Demin L.M. *Semen Dezhnev* [*Semen Dezhnev*]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1990, 33 p. (In Russian).

Kalashnikov A.A. *Yakutiya. Khronika. Fakty. Sobytiya. 1632–1999 gg.* [Yakutia. The Chronicle. Data. Developments. 1632–1999]. Yakutsk: Bichik Publ., 2012, 736 p. (In Russian).

Kradin N.P. *Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo* [Russian wooden defense architecture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1988, 191 p. (In Russian).

Kradin N.P., Maslennikova D.S. Traditions and regional identity of the Spassky Monastery in Yakutia. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 2013, no. 2 (80), pp. 94–103. (In Russian).

Nikitin N.I. *Zemleprokhodets Semen Dezhnev i ego vremya* [Earth-explorer Semyon Dezhnev and his time]. Moscow: Rosspen Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

Petrov P.P. *Ulitsy i ploshchadi Yakutska* [Streets and squares of Yakutsk]. Yakutsk: Bichik Publ., 2002, 112 p. (In Russian).

Popov G.A. *Sochineniya. T. 3: Istoriya goroda Yakutska, 1632–1917* [Compositions. T. 3: History of Yakutsk, 1632-1917]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ.; "Media-kholding Yakutiya" Publ., 2007, 311 p. (In Russian).

Popov P.V. *Istoricheskie i arkhitekturnye pamyatniki goroda Yakutska* [Historical and architectural sites of the city of Yakutsk: Collection of scientific articles]. *Sbornik nauchnykh statei.* Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, iss. III, pp. 63–79. (In Russian).

Savarenskaya T.F., Shvidkovskii D.O., Petrov F.A. *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Pozdnii feodalizm i kapitalizm* [History of urban art. Late feudalism and capitalism]. Moscow: Stroiizdat Publ., 1989, 391 p. (In Russian).

Safronov F.G. *Gorod Yakutsk v XVII – nachale XIX v.* [The city of Yakutsk in the XVIIth – early XIXth centuries]. Magnitogorsk: Dom pechati Publ., 1997, 65 p. (In Russian).

Sultanov N.V. *Ostatki Yakutskogo ostroga i nekotorykh drugikh pamyatnikov derevyannogo zodchestva v Sibiri* [The

// Известия императорской археологической комиссии. Вып. 24. СПб: Типография Главного Управления Уделов, 1907. 172 с.

Цеханская К.В. Колумбы земли русской. Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Книжное издательство, 1989. 450 с.

Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск: Академия, 2003. 160 с.

Юрганова И.И. Якутский Спасский мужской монастырь: Этапы деятельности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 96–104.

Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1632–1914 гг.). В 2-х т. Т. 1: 1632–1800 гг. Якутск: Якутский край, 2002. 250 с.

remains of the Yakut jail and some other monuments of wooden architecture in Siberia]. *Izvestiya imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission]. Iss. 24. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov Publ., 1907, 172 p. (In Russian).

Tsekhanskaya K.V. *Kolumby zemli russkoi. Sbornik dokumental'nykh opisanii ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vv*. [Columbus of the Russian land. A collection of documentary descriptions of discoveries and studies of Siberia, the Far East and the North in the 17th–18th centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, 450 p. (In Russian).

Yurganova I.I. *Istoriya Yakutskoi eparkhii. 1870–1919 gg. (deyatel'nost' dukhovnoi konsistorii)* [History of the Yakut diocese. 1870–1919 gg. (the activity of a spiritual consistory)]. Yakutsk: Akademiya Publ., 2003, 160 p. (In Russian).

Yurganova I.I. Yakutsk Spassky Monastery: Stages of activity. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2014, no. 4, pp. 96–104. (In Russian).

Yavlovskii P.P. *Letopis' goroda Yakutska ot osnovaniya ego do nastoyashchego vremeni (1632–1914 gg.). V 2-kh t. T. 1: 1632–1800 gg.* [Chronicle of the city of Yakutsk from its foundation to the present day (1632–1914). In 2 volumes Vol. 1: 1632–1800.]. Yakutsk: Yakutskii krai Publ., 2002, 250 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Степанов Дмитрий Александрович,
магистрант,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677000, Российская федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58,
e-mail: dm.step94@mail.ru

Information about the author

Dmitriy A. Stepanov,
undergraduate (graduate student),
North-Eastern Federal University,
58 Belinskiy Str., Yakutsk 677000, Russian Federation,
e-mail: dm.step94@mail.ru

Критерии авторства

Степанов Д.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Stepanov D.A. carried out research work, based on the obtained results summarized and prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-149-157

АКТИВИЗАЦИЯ АРХИВНОЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

© М.В. Чирикова, Л.В. Корчевина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В данной статье рассмотрен процесс поиска и описания состояния дел архивных учреждений, расположенных в Сибирском регионе. Начальные шаги по введению местных источников в научный оборот предприняли иностранные ученые-историки, приглашенные в Российскую империю в XVIII в. Одним из первых заинтересовался сибирскими свитками Г.Ф. Миллер, в следующем столетии инициативу иностранцев подхватили сибирские ученые А.П. Щапов и П.А. Ровинский, а еще позже – Г.Н. Потанин. Однако основную роль в поиске и сохранении исторических документов, археологических и этнографических сведений сыграли непрофессиональные местные ученые-краеведы, заинтересованные в изучении родного края. Их деятельность стала более организованной и продуктивной в силу появления в XIX в. сибирских отделов Русского географического общества (сначала в 1851 г. в Иркутске, а затем в 1877 г. в Омске), которые взяли под свое попечение не только естественно-научные вопросы, но и ряд проблем гуманитарного профиля. Особо стоит выделить энтузиазм по сбору сведений о состоянии архивов в разных уголках Иркутского генерал-губернаторства Н.С. Романова и В.В. Птицына, посвящавших свое свободное время данным изысканиям по собственному волеизъявлению.

Ключевые слова: *ведомственные архивы, личные архивы, архивные документы, исторические источники, сибирские свитки, Археографическая комиссия, Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, историко-краеведческая деятельность, архивные комиссии и комитеты.*

Информация о статье. Дата поступления 30 марта 2018 г.; дата принятия к печати 27 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Чирикова М.В., Корчевина Л.В. Активизация архивной и историко-краеведческой деятельности в Восточной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 149–157. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-149-157

ACTIVATION OF ARCHIVE AND LOCAL HISTORY RESEARCH ACTIVITIES IN EASTERN SIBERIA IN THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

© M.V. Chirikova, L.V. Korchevina

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. This article examines the process of searching for and describing the state of affairs of archival institutions located in the Siberian region. Initial steps to introduce local sources into the scientific circulation were made by foreign historians invited to the Russian Empire in the 18th century. One of the first interested in Siberian scrolls was G.F. Miller, in the next century the initiative of foreigners was picked up by Siberian scientists A.P. Shchapov and P.A. Rovinsky, and even later – G.N. Potanin. However, the main role in the search and preservation of historical documents as well as archaeological and ethnographic information was played by non-professional local scholars interested in studying their native land. Their activities became more organized and productive due to the appearance in the XIX century Siberian departments of the Russian Geographical Society (first in 1851 in Irkutsk, and then in 1877 in Omsk), which took care of not only natural and scientific issues, but also a number

of problems of a humanitarian profile. Particularly worthy of note is the enthusiasm for collecting information about the state of archives in different parts of Irkutsk Region expressed by Governor Generals N.S. Romanov and V.V. Ptitsyn, who devoted their free time to these researches on their own will.

Keywords: *departmental archives, personal archives, archival documents, historical sources, Siberian scrolls, the Archaeographic Commission, the East Siberian Department of the Russian Geographical Society, the West Siberian Department of the Russian Geographical Society, historical and regional studies, archival commissions and committees*

Article info. Received March 30, 2018; accepted for publication April 27, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Chirikova M.V., Korchevina L.V. Activation of archive and local history research activities in Eastern Siberia in the XIX – the beginning of the XX centuries. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 149–157. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-149-157. (In Russian).

В конце XIX столетия состояние архивов в Восточной Сибири, как и во всей России, не было безупречным, на что неоднократно обращали внимание местные краеведы. И это несмотря на то, что правительство в предшествующий период предпринимало попытки изменить ситуацию с помощью законодательных актов, но они оказались безуспешными (Чирикова, 2017. С. 58–66). Поэтому спасением письменного исторического наследия долгое время занимались преимущественно провинциальные энтузиасты, в том числе сибирские.

Отношение к архивам начало постепенно меняться лишь на рубеже XIX–XX вв., когда интерес к историческому и культурному прошлому нашего края проявили авторитетные научные и учебные организации: Академия Наук, Археографическая комиссия, университеты. Они стали оказывать финансовую поддержку отечественным и зарубежным исследователям Сибири. Среди них особое место занимает историограф Г.Ф. Миллер (рис. 1),

Рис. 1. Миллер Герхард Фридрих (1705–1783 гг.)
Fig. 1. Miller Gerhard Friedrich (1705-1783)

благодаря экспедиции которого был обследован большой массив местных архивов за 1733–1743 гг.. Самые ценные материалы были отправлены в Петербург. Главной своей задачей Г.Ф. Миллер считал «собирание всяких известиев», а не переработку и не анализ найденных текстов (Мирзоев, 1970. С. 79). Тем не менее именно он позднее первым осуществил систематизацию сибирских архивных актов, ставших основой его фундаментальной работы «История Сибири». Благодаря своей деятельности Г.Ф. Миллер внес существенный вклад в развитие источниковедения и в совершенствование архивного дела. Во-первых, он сам обеспечил сохранность многих исторических документов XVI–XVII вв., во-вторых, привлек внимание к необходимости такой сохранности, в-третьих, плоды его поисковой и исследовательской работы вдохновили историков на изучение архивного наследия региона. Кроме Г.Ф. Миллера известны также заслуги других представителей науки и общественности в сбережении архивного богатства Сибири.

Активизация историко-краеведческой деятельности в XIX в. началась во многом благодаря тому, что в Сибири были созданы отделы Русского географического общества (рис. 2). Они не имели тщательно продуманного плана и действовали как любители, однако смогли достичь значительных результатов: на основе добытых источников создали музеи и архивы. Важно, что эти организации не только стали вести просветительскую работу, но и начали публикацию найденных документов. Об этой стороне деятельности отделов Географического общества достаточно подробно рассказал В.С. Манассеин, занимавшийся их историей в 1920-е гг. (Манассеин, 1926).

Новый этап в развитии Сибирских отделов Географического общества связан с проведением либеральных реформ 1860-х гг. (рис. 3). В Сибирь тогда устремилась волна переселенцев, включавшая политических ссыльных, многие из которых были высокообразованными, эрудированными, а главное, имели опыт исследовательской работы. Данное обстоятельство благотворно сказалось на развитии науки. Достойное место в ней заняли историки А.П. Щапов (рис. 4) и П.А. Ровинский (рис. 5), обращавшие особое внимание на взаимосвязь научных изысканий и практики. Они стали инициаторами использования архивных материалов для обоснования своих теоретических положений.

В 80-х гг. XIX в. сформировалась источниковедческая концепция областников, разработанная знаменитым этнографом и географом Г.Н. Потаниным (рис. 6). Согласно ей, «только наиболее пол-

Рис. 2. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (Иркутск)
Fig.2. The East Siberian Department of the Russian Geographical Society (Irkutsk)

Рис. 3. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (Омск)
Fig. 3. The West Siberian Department of the Russian Geographical Society (Omsk)

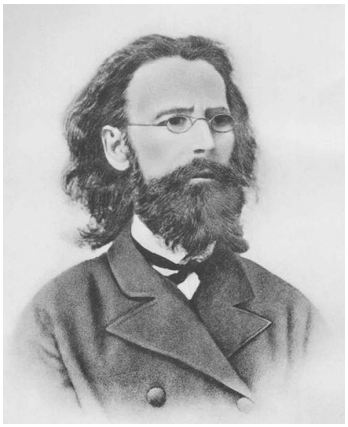


Рис. 4. Щапов Афанасий Прокопьевич (1831–1876 гг.)
Fig. 4. Schapov Afanasy Prokopievich (1831–1876)

Рис. 5. Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916 гг.)
Fig. 5. Rovinsky Pavel Apollonovich (1831–1916)

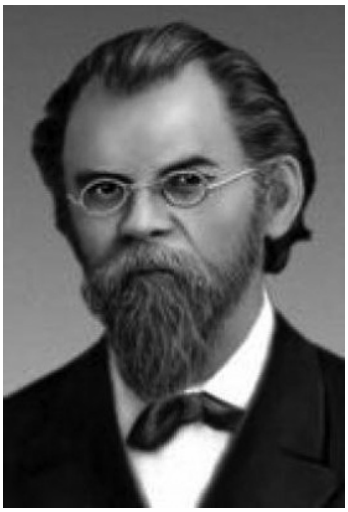


Рис. 6. Потанин Григорий Николаевич (1835–1920 гг.)
Fig. 6. Potanin Grigory Nikolaevich (1835–1920)

ное сохранение и концентрация источников на местах будут единственным условием создания сибирской науки» (Мирзоев, 1970. С. 254). Областники интересовались всем богатым разнообразием прошлого Сибири, и поэтому неслучайно очень многие документы именно они включили в научный оборот.

Несмотря на возрастание в конце XIX в. интереса к своей малой родине местного населения и активизацию исследовательской деятельности положение архивного дела в регионе оставалось во многом плачевным (данную проблему отмечает и В.Ц. Лыксокова в своих исследованиях истории архивного дела Бурятии, которая в указанный период являлась частью Иркутского генерал-губернаторства (Лыксокова, 2001). Для изменения ситуации краеведам необходимо было в первую очередь собрать полноценные сведения об имевшихся архивах: об их комплектации, материально-вещественном состоянии, условиях содержания. Лишь после выявления всех особенностей архивного дела различных районов Сибири можно было искать реальные пути решения задачи.

Первая общая неприглядная картина сибирских архивов была обрисована иркутским краеведом Н.С. Романовым (рис. 7). Он привел множество примеров их печальной участи, чтобы привлечь к ним внимание губернской администрации и населения. В своей статье «Сибирские архивы» местный историк-краевед описал истинное положение дел в регионах, расположенных за Уралом. Следует заметить, что автором рассмотрены наиболее известные в то время архивы.

Рис. 7. Романов Нит Степанович (1871–1942 гг.)
Fig. 7. Romanov Nit Stepanovich (1871–1942)

Среди них был Якутский областной архив, который имел интересные материалы о завоевании Амурского края, представленные донесениями сибирских землепроходцев Е.Л. Бахтеярова, М. Перфильева, В.Д. Пояркова, О. Степанова, Е.Ф. Хабарова, а также документы об истории открытий на берегах Ледовитого океана. Посетители этого архива в первой половине XIX в. засвидетельствовали, что он находился «в амбаре с прогнившей крышей», поэтому многие свитки наполовину истлели и уже тогда утратили свою былую ценность. Важные рукописи, представлявшие собой наибольший интерес, попросту были расхищены (Романов, 1913. С. 245).

Трагична судьба интересного архива в Якутской области – архива полицейского управления в г. Олекминске. В конце 60-х гг. XIX в. один исправник, чтобы скрыть большую растрату денег из казны, приказал все архивные бумаги ночью закопать в больших ямах. А окрестные жители, узнав об этом, документы оттуда достали и забрали для своих хозяйственных нужд. Бумаг было очень много, судя хотя бы по тому, что долгие годы рыботорговцы использовали их как обертку (Романов, 1913. С. 245).

К сожалению, подобные истории характерны для архивов не только Якутской губернии, но и других районов Сибири. Так, например, архив города Киренска тоже не в полном виде стал достоянием современных историков. И это неудивительно, так как размещался он в сырых деревянных амбарах и не имел описей. В 1887 г. в нем побывал сибирский этнограф-энтузиаст В.В. Птицын, который засвидетельствовал, что материалы на тот момент были упорядочены: находились в связках и были разложены по годам. Некоторые из них имели надписи «рассмотрены комиссией». Об этой комиссии данных никаких нет, можно лишь предположить, что работала она в 40-е гг. XIX в. Просмотр имевшихся документов привел В.В. Птицына к выводу о том, что прежде в Киренском архиве хранились и дела второй половины XVII в., дальнейшая судьба которых неизвестна. В архиве г. Киренска размещались документы Витимской и Пе-

ледуйской слобод, Илимского воеводства, а также Киренского и Усть-Кутского острогов. Эти бумаги носили по большей части административный характер. Здесь же были собраны переписка и распоряжения о крестьянском земельном наделе, о подушных податях, ясачном налоге инородцев, о рекрутских наборах, ревизские сказки и т. д. (Птицын, 1897. С. 5). Даже поверхностное знакомство с архивом показало наличие ценных исторических материалов, способных пролить свет на особенности управления и экономики губернии XVII–XVIII вв.

Не лучшая судьба и у архива Качугского волостного правления, в котором были дела Бирюльской, Качугской и Манзурской волостей, а также документация заседателей. Но, к сожалению, только материалы за XIX столетие были упорядочены и хранились в специальном помещении. Материалы же более раннего периода, которые могли бы многое рассказать о жизни местного крестьянства, были безвозвратно утеряны. Особенно большое сожаление данной утраты связано с тем, что в этом районе Иркутской губернии жили как вольные переселенцы, так и сосланные на каторгу. Информация о последних могла бы стать хорошим дополнением к тем сведениям, которые характеризовали содержание ссыльных и отношение к ним в Сибири (Романов, 1913. С. 264).

Интересен архив Посольского монастыря, который был основан в 1681 г. В нем остались невредимыми бумаги за XVIII в., но, к сожалению, утеряны документы более раннего периода. Полностью пропали рукописи Селенгинского архива. Дело в том, что его поместили в амбарах, предназначенных для складирования соли, на берегу реки Селенги. Как только случилось первое наводнение, хранившиеся в них бумаги смыло и унесло в озеро Байкал. А в этом архиве, кстати, еще в конце XIX в. содержались дела о стрельцах, сосланных сюда при Петре I. Позднее в нем собрали документацию и о ссыльных поляках, а также декабристах (Романов, 1913. С. 278).

Старинные дела архива в Кяхте уничтожил майский пожар 1868 г. Большая часть сохранившихся источников касается торговли России с Китаем с 1800 г. В.В. Птицын оценил эти материалы не только как интересные, но и весьма ценные для науки. Там же располагался архив Пограничного комиссара, находившейся в конце XIX в. еще в хорошем состоянии. Наиболее древние документы XVIII столетия хранились здесь переплетенными в виде толстых томов, однако их в то время насчитывалось уже совсем немного (Птицын, 1897. С. 5–6).

Не дошло до наших дней и большинство архивов Илимска – административного центра до 1687 г. Отсюда, как известно, начиналась экспедиция на Амур первопроходца Е.П. Хабарова. Когда-то в городе действовало два архива: Церковный и Городской. Церковный был подожжен и почти весь сгорел в 1730 г. Это связывают с ревизией после включения Илимска в Иркутскую епархию. В 1880 г. здесь хранились лишь дела с 1780 г., а также те, которые уцелели после пожара. Среди них были церковные книги, издание которых относится к периоду царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Рукописи, принадлежавшие Городскому архиву, перевезли в том же году в Киренск. Есть сведения, что в 1886 г. в Илимском архиве имелись древние свитки, которых позднее уже не было. Вероятно, их взял кто-то на память о посещении архива (Птицын, 1897. С. 5–6).

В подтверждение этого выявлено немало фактов. Вот один из них: Н.С. Романов в 1888 г. увидел в доме одного из своих знакомых старинные бумаги. Это были три указа, полученные Балаганской земской избой. Среди них два были императорские, а один – местный. Самый ранний, подписанный императрицей Анной 4 июня 1734 г., запрещал самовольно изготавливать порох. Другой императорский указ об отношении к воинским уставам и небрежном их исполнении, датированный 1744 г., был от Елизаветы. В том же году в самый последний его день вышел указ местного значения: Иркутский провинциальный магистрат направил его в земскую избу Балаганска для старосты Кузнецова. Данный документ касался детей, отцом которых был князь Черкасский, находящийся в ссылке. Все рассмотренные материалы были унесены из архива Балаганского полицейского управления просто ради любопытства. Подобным образом поступали и другие служащие (Романов, 1913. С. 280). По всей видимости, бесконтрольное самовольное изъятие деловых бумаг было свойственно многим уездным

полицейским управлениям Сибири, что привело к утрате большей части их документального наследия.

Серьезные трудности в сохранении архивного материала возникали и у архивариусов, которые работали в маленьких и средних древлехранилищах, а тем более в крупных архивах, находящихся в отдаленных регионах. В конце XIX в. в Иркутском генерал-губернаторстве почти не оставалось архивных фондов, принадлежавших волостным правлениям и инородным управам. К примеру, была расхищена почти вся документация архива волостного правления Усть-Уды (Романов, 1913. С. 281).

Показательным примером отношения к архивному наследию в сибирских провинциях служит такая неприглядная история: в 1908 г. в Иркутск из некоего неизвестного нам учреждения, находившегося в 350 верстах от города, привезли целый воз разных бумаг, которые впоследствии продали рыботорговцам. Подтверждением данного факта являются публикации в местной прессе, например в газете «Сибирь» 1908 г., где неоднократно отмечалось, что «на иркутских базарах омулей и икру завертывают в указы Анны Иоанновны, Петра I, Екатерины II и другие подобные документы».

Огромную историческую значимость имели архивные документы, собранные на солеваренном заводе в Усолье, а также в Александровской Центральной каторжной тюрьме. Узнать историю названных архивов второй половины XIX – начала XX в. не представляется возможным. Однако есть сведения о том, что многие дела в 1920-е гг. достались архиву Иркутской губернии, а теперь местом их хранения является Государственный архив Иркутской области.

Не вызывает сомнения, что хранилища Иркутска были заполнены уникальными материалами. Среди них архивы Главного управления Восточной Сибири, Городской Думы, Духовной консистории, Общего губернского управления и другие. Ценнейшие фонды Губернского архива уничтожил пожар 1879 г. В нем содержались в образцовом виде интересные исторические документы: бархатные дворянские книги, дела и старинные свитки XVII столетия (Романов, 1913. С. 273). Примечательно, что при архиве работал читальный зал, в котором могли изучать документы все интересующиеся историей родного края. Выдающиеся путешественники-исследователи Г.Ф. Миллер и Г.А. Фишер тоже работали в этом читальном зале.

Большой архивный фонд имел музей Географического общества, который пополнялся материалами, привезенными из разных населенных пунктов, в том числе и из Якутска. В феврале 1861 г. члены Восточно-Сибирского отдела организовали работу древлехранилища, которое расположилось в специальной комнате библиотеки ВСОРГО на улице Амурской. В конце 70-х гг. XIX в. его фонды включали в себя свыше 900 отдельных документов различного характера: «203 старых дела из некоторых архивов, 122 дела бывшего Троицкосавского пограничного правления по сношениям нашего правительства с китайскими властями, 304 свитка и 268 рукописей разных авторов» (Колмаков, 2002. С. 233; Птицын, 1897. С. 5–6). К большому сожалению, и музей, и библиотека отдела Сибирского географического общества, где находились эти ценные материалы, почти полностью погибли при пожаре 1879 г.

Городской архив Иркутска располагался внутри Московских ворот (рис. 8). В 1870 г. он был осмотрен В.В. Птицыным. Часть этого архива уже тогда была расхищена, потому что каждый, кто имел в него доступ, выбирал нужные для себя бумаги, оставляя папки прямо на полу. К тому же Московские ворота не охранялись, и поэтому неудивительно, что постепенно фонды архива оказались почти полностью расхищены. О ценности данного архива говорят уже только названия некоторых дел: протоколы и приговоры старой Иркутской

Рис. 8. Московские ворота, г. Иркутск
Fig. 8. Moscow Gate, Irkutsk

шестигласной думы; дело о доносе на иркутского генерал-губернатора Н.И. Трескина в правительствующий Сенат, содержавшем жалобы на его притеснения и злоупотребления, который отправили иркутские купцы во главе с М.В. Сибиряковым, ходатайствуя о проведении следствия. Позже из-за ветхого состояния Московских ворот этот архив перевезли в помещение, которое располагалось во дворе городской управы.

Зловещий пожар 1879 г. не пощадил и архив таможенных дел, в котором содержались рукописи середины XVII столетия. Буквально перед этим бедствием его привезли в Иркутск из Троицкославска, привели в порядок, составили описи. Тогда же безвозвратно был утрачен и архив немецко-польских миссионеров.

Своей уникальностью отличался архив, принадлежавший Духовной консистории и включавший материалы 30-х гг. XVIII в. Часть этих материалов была изъята преосвященными Мелетием, Нилом, Парфением, архимандритами Модестом и протоиереями Виноградовым и Громовым, которые использовали их в качестве источников для написания жития Святых Иннокентия и Софрония. Обратно же в архив эти ценные бумаги возвращены не были, так как часть из них попросту пропала ввиду разных обстоятельств (Романов, 1913. С. 277). Так, например, погибли бумаги о блаженном Софронии, которые собрал преосвященный Нил, готовясь к переезду в Ярославль. Он отправил их вниз по Ангаре на барже, на которой случился пожар, уничтоживший архив. Вполне вероятно, что незавидная участь постигла и другие ценные бумаги архива Духовной консистории.

В начале XIX в. в лавках букинистов и на «толкучке» можно было купить исторические рукописи, которые привлекали любителей всякой старины, интересующихся «археологией», а их в то время было немало. Некоторые частные коллекции представляли собой огромный документальный комплекс по истории Сибири. Например, у сибирского литератора М.В. Загоскина хранилось большое количество документов 1698–1699 гг., касающихся истории Забайкалья, Иркутска, Верхоленска, Бельска и др. Примечательно, что приобрел он их в разное время на «барахолках», а позже передал в отдел Географического общества.

Но нередко бывало и так, что старинные документы, собиравшиеся одними лицами, уничтожались другими людьми, не понимавшими их ценности. К примеру, таким образом исчезли коллекции Иоанна Родионова, А.П. Щапова, протоиерея А.Я. Брянских. Родственники последнего использовали приобретенные протоиереем бумаги для оклеивания стен в комнатах в доме Сибирякова.

Грустная судьба и у личного архива историка и публициста А.П. Щапова. После смерти видного русского ученого архив достался его брату Григорию. В дальнейшем его передали зятю последнего, который архив А.П. Щапова увез и поместил в амбаре. Позже, при переезде, как это часто бывает, он избавился от старых бумаг. Их сожгли, чтобы не брать с собой (Романов, 1913. С. 277). Подобный вандализм по отношению к историческим документам не был случайным и единичным явлением.

Сложившееся положение дел, которое на примерах рассмотрено в данной статье, привело к тому, что в конце XIX столетия отыскать рукописи древнее второй половины XVIII в. стало делом не просто трудным, а практически неосуществимым. К числу немногих архивов, в которых содержались дела с 1740 г., относился Барнаульский архив главного управления Алтайского горного округа (ГАИО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3. Л. 11), но о его дальнейшей судьбе данные отсутствуют.

Возвращаясь к проблеме личных архивов, следует напомнить, что их обнаружение и дальнейшее сохранение всегда вызывали определенные сложности и требовали деликатного подхода. Причиной тому было отношение наследников к полученным бумагам, часто не понимавшим их подлинного значения. В России тогда еще не было организаций, которые могли бы принять их для хранения и изучения.

Наблюдавшееся в Сибири пренебрежение к историческому наследию было свойственно и жителям остальных регионов Российской империи. Так, например, игумен одного из монастырей Волыни, который перешел к православной церкви от униатской, спустил в реку богатейший архив данного учреждения. И это неблаговидное деяние было

совершено лишь из-за того, что архив относился к униатскому периоду жизни монастыря.

Вероятно, лишь в столицах функционировали великолепно обустроенные архивы; в провинции только некоторые из них отличались бережным отношением к своему документальному наследию. В Иркутске таковым можно считать архив Главного управления Восточной Сибири. Неслучайно он размещался в специальном каменном здании. Другие архивы, находящиеся в кладовых, в подвальных помещениях и тем более в деревянных пожароопасных строениях, были утеряны из-за плохих условий.

Попыткой выхода из сложившейся ситуации было образование в 1858 г. комиссий, призванных разбирать и уничтожать завершенные архивные дела, а в 1859 г. в небольших городах Сибири еще и комитетов с аналогичными функциями (Митрохин, 1960). Основная часть чиновников, привлеченных к работе в этих комиссиях и комитетах, не обладала необходимой квалификацией, так как они не были профессиональными историками, а ведь именно эти энтузиасты, совершая поездки в отдаленные районы, осматривали архивы и решали их судьбы. Отрадно, что некоторые архивные материалы были высоко оценены членами указанных организаций с точки зрения научной значимости, однако в их компетенцию не входила забота о судьбе архивов и об условиях их хранения – не случайно, что в дальнейшем погибло много ценных бумаг. Деятельность комиссий и комитетов длилась недолго и уже через год была прекращена, так и не получив широкого распространения.

Удручающее состояние архивов требовало принятия срочных мер для разрешения возникших проблем. Стало очевидным, что инициатива в этом должна исходить от государства, потому что только при централизации архивного дела возможно было создание условий, обеспечивающих сохранение уникальных документов. Тогда многие надежды на улучшения в разных сферах жизни общества связывались с буржуазными реформами, это касалось и архивного дела. Но в период царствования Александра II было лишь положено начало дискуссиям по решению назревшего вопроса.

Как уже было сказано, во второй половине XIX столетия проблемы выявления и сохранения исторических документов стали предметом обсуждения, привлекли внимание не только государственных деятелей и ученых, но и провинциальной общественности.

Таким образом, активизация архивной деятельности была вызвана, с одной стороны, возросшим интересом жителей Сибири к истории своей малой родины, а с другой – плачевным состоянием архивов, потому что исчезновение важных письменных свидетельств прошлого и очевидная угроза окончательной утраты имеющихся фондов из-за плохих условий хранения препятствовали плодотворной историко-краеведческой деятельности.

В данный период пропажа документов стала настолько масштабной, что сложившаяся ситуация просто не могла не вызвать озабоченности со стороны научных кругов различного уровня компетенции. В связи с этим правительство все же обратило внимание на архивы. Это нашло отражение в том, что государство, в первую очередь, стало инициировать дискуссии о способах разрешения возникшей проблемы. Инициатива государственной власти нашла отклик среди самых разных слоев населения и принесла свои плоды: появилось большое количество предложений, нацеленных на оптимизацию архивного дела в России. Многие из них были оформлены в виде хорошо продуманных и интересных проектов. Полноценное освещение и анализ замыслов, представленных в этих проектах, достойны специального исследования и, соответственно, нескольких отдельных публикаций.

Библиографический список

Колмаков Ю.П. Иркутская летопись (1661–1940 гг.). Иркутск: Оттиск, 2002. 848 с.

Лыксокова В.Ц. Архивное дело в Бурятии: история организации и развития (60-е годы XIX в. – 1991 г.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. 219 с.

References

Kolmakov Yu.P. *Irkutskaya letopis` (1661–1940 gg.)* [Irkutsk chronicle (1661-1940)]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2002, 848 p. (In Russian).

Lyksokova V.Ts. *Arkhivnoe delo v Buryatii: istoriya organizatsii i razvitiya (60-e gody XIX v. – 1991 g.)* [Archival work in Buryatia: the history of organization and development (60s of the XIX century – 1991)]. Ulan-Ude: Publishing

Манассеин В.С. Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет существования // Обзор деятельности ВСО за 75 лет (1851–1926 гг.). Иркутск: Власть труда, 1926. С. 61–94.

Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М.: Мысль, 1970. 389 с.

Митрохин С.А. Развитие архивного дела в Бурятии // Архивное дело в Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 102 с.

Птицын В. Отчет о командировке в Киренск. Иркутск, 1897.

Романов Н.С. Сибирские архивы // Труды губернской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 1. С. 205–240.

Чирикова М.В. Развитие архивного дела в России (IX–XIX вв.): исторический обзор // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 58–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-58-66

and printing complex of the East-Siberian State Institute of Culture Publ., 2001, 219 p. (In Russian).

Manassein V.S. *Ocherk istoricheskoi deyatel`nosti VSORGO za 75 let sushchestvovaniya* [An outline of historical activity of the ESDRGS for 75 years of existence]. *Obzor deyatel`nosti VSO za 75 let (1851–1926 gg.)* [Survey of the activities of the ESD for 75 years (1851–1926)]. Irkutsk: Vlast` truda Publ., 1926, pp. 61–94. (In Russian).

Mirzoev V.G. *Istoriografiya Sibiri* [Historiography of Siberia]. Moscow: Mysl` Publ., 1970, 389 p. (In Russian).

Mitrokhin S.A. *Razvitie arkhivnogo dela v Buryatii* [Development of archive activity in Buryatia]. *Arkhivnoe delo v Buryatskoi ASSR* [Archival work in the Buryat ASSR]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1960, 102 p. (In Russian).

Ptitsyn V. *Otchet o komandirovke v Kirensk* [Report on a business trip to Kirensk]. Irkutsk, 1897. (In Russian).

Romanov N.S. Siberian archives. *Trudy gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the provincial academic archival commission], 1913, iss. 1, pp. 205–240. (In Russian).

Chirikova M.V. The Development of Archive Activity in Russia (IX–XIX Centuries): a Historical Overview. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 58–66. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-58-66

Сведения об авторах

Чирикова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Корчевина Лариса Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: larisa.kortschevina@hotmail.com

Information about the authors

Marina V. Chirikova,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: chirikovamv@mail.ru

Larisa V. Korchevina,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: larisa.kortschevina@hotmail.com

Критерии авторства

Чирикова М.В. и Корчевина Л.В. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

M.V. Chirikova and L.V. Korchevina made the research work, based on the obtained results carried out a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyright and are fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 625.1(59)(09)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-158-164

ИЗ ИСТОРИИ МЫСОВСКОГО ПРОЕКТА КЯХТИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

© В.Г. Третьяков

Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15.

Аннотация. В статье анализируется один из малоизвестных проектов Кяхтинской железной дороги от ст. Мысовая до г. Кяхты, которую кяхтинское купечество предполагало построить за счет собственных средств. Рассматриваются детали процесса подготовки материалов по созданию Акционерного общества «Кяхтинская железная дорога». Особый интерес вызывают положения устава акционерного общества. Затрагиваются вопросы истории проведения изыскательских и проектных работ в этом направлении железнодорожного строительства, предпринят анализ работы изыскательских партий как по мысовскому, так и по верхнеудинскому направлениям. Показываются основные доводы защитников этого варианта проекта Кяхтинской железной дороги перед иными, указываются причины, приведшие к тому, что правительство и Государственная дума отдали предпочтение верхнеудинскому варианту трассы, строительство которого должно было осуществляться за государственный счет. Рассматриваются те усилия, которые кяхтинское купечество прилагало к организации постройки железной дороги по мысовскому варианту за свой счет в условиях Первой мировой войны, сорванные начавшейся революцией и последовавшей за ней шестилетней гражданской войной.
Ключевые слова: *история железных дорог России, железнодорожное строительство, Транссибирская магистраль, Сибирская железная дорога, инженер А.И. Верблюнер, Кяхтинская железная дорога, станция Мысовая, Трансмонгольская магистраль, Верхнеудинское направление Кяхтинской дороги, кяхтинское купечество.*

Информация о статье. Дата поступления 1 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 12 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Третьяков В.Г. Из истории мысовского проекта Кяхтинской железной дороги // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 158–164. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-158-164

FROM THE HISTORY OF THE MYSOVSKY PROJECT OF THE KYAKHTA RAILWAY

© V.G. Tretyakov

Irkutsk State University of Railway Transport,
15 Chernyshevsky Str., 664074 Irkutsk, Russian Federation

Abstract. One of little-known projects of Kyakhta Railroad from the station Mysovaya to Kyakhta which the Kyakhta merchants assumed to construct at the expense of own means is analyzed here. Details of process of preparation of materials on creation of Kyakhta Railroad Joint-stock company are considered. Provisions of the Charter of Kyakhta Railroad joint-stock company are of particular interest of the author. The questions of history of carrying out prospecting and project works on this direction of railway construction are raised, the analysis of work of prospecting parties both on Mysovsky, and on Verkhneudinsky directions is undertaken. The main arguments of defenders of the project of this version of the project of Kyakhta Railroad before others are shown. The reasons which have led to the fact that the government and the State Duma have given preference to Verkhneudinsky option of the route which construction had to be carried out at the expense of the state budget are specified. Those efforts which the Kyakhta merchants persistently made for the organization of construction of the railroad for Mysovsky option at own expense in the conditions of the begun World War I, broken by the begun Revolution and the followed her six years' Civil War are considered.
Keywords: *history of the railroads of Russia, railway construction, Trans-Siberian Railway, Siberian railroad, engineer A.I. Verblyuner, Kyakhta railroad, Mysovaya station, Transmongolian highway, Verkhneudinsky direction of Kyakhtinskaya Road, Kyakhta merchants*

Article info. Received February 1, 2018; accepted for publication March 12, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Tretyakov V.G. From the history of the Mysovsky Project of the Kyakhta railway. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 158–164. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-158-164. (In Russian).

В ходе сооружения железнодорожной магистрали через Сибирь появилось немало предложений о строительстве новых железных дорог в Сибирском регионе. Среди них заметно выделялись проекты Кяхтинского направления. Под Кяхтинской железной дорогой понимался участок магистрали, который должен был соединить Транссибирскую железную дорогу с крупным торговым центром – Кяхтой. Главное, что разделяло инициаторов создания Кяхтинской дороги – это вопрос о направлении ее прохождения: от какого участка Транссиба пойдет дорога на Кяхту? Наиболее часто в документах и периодической печати встречались предложения о начале Кяхтинской железной дороги от ст. Мысовск.

Сегодня мы редко пользуемся этими названиями. Хотя многие идеи проектов были реализованы на практике. Так, созданная Трансмонгольская магистраль получила официальное название Улан-Баторская железная дорога, которая является совместной собственностью России и Монголии. Ее составной частью стала Ургинская дорога. Идея Кяхтинской дороги была воплощена в линии Заудинск – Наушки. Но несомненным является то, что путь от идеи к проекту и его воплощению был весьма непрост и достаточно долгим. Но сегодня мы имеем возможность констатировать его правильность или неправильность.

Торговые отношения между двумя государствами складывались долго: устраивались тракты, по которым доставлялись товары, выявлялись места успешного сбыта товаров, а так же наиболее удобные рынки для закупки русскими купцами монгольских товаров. Многие российские купцы торговали с Монголией и Китаем через Кяхту, другие – через Монды. Это были крупнейшие торговые пункты, и поэтому с началом строительства Транссибирской магистрали эти группы купечества забеспокоились о судьбе своего дела.

В 1906 г. в Иркутске прошло совещание, обсудившее проблему развития путей сообщения в Сибири, причем вопрос о необходимости соединения Сибирской железной дороги с Монголией обсуждался довольно широко (Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири, 1907; 1908). 13 декабря на заседании одной из секций обсуждалось состояние скотопрогонных трактов. Там, в частности отмечалось, что такие пути перегона скота работают в основном летом, а при наличии железной дороги скот можно было бы перевозить круглый год. Кроме того, на Китое были открыты месторождения минералов и полезных ископаемых. Поэтому строительство дороги становилось особенно выгодным (Там же, 1907. С. 145–146). На заседании 16 декабря рассматривались перспективные пути сообщения, и в том числе железнодорожный путь Верхнеудинск – Кяхта. Докладчиком по вопросу о строительстве железной дороги выступал инженер П.Н. Колотило. При обсуждении его доклада многие участники совещания предлагали создание пути к Кяхте от ст. Мысовой (г. Мысовск). Сразу же обнаружились и противники, и сторонники обоих вариантов.

В условиях противоборства этих двух вариантов в октябре 1908 г. группа видных деятелей Кяхты, – братья Лушниковы, Крылов, Кошкин, Соколов и другие, – просили Иркутского генерал-губернатора оказать содействие в получении разрешения на изыскания для постройки железнодорожной трассы от Мысовая до Кяхты. При этом половину всех расходов готово был принять на себя купечество Кяхты. Оформленное ходатайство с приложением заявления кяхтинских купцов управляющий Иркутской губернией направил в Министерство путей сообщения. Возможно, именно это ходатайство кяхтинского купечества и послужило поводом в правительстве и Министерстве путей сообщения использовать частный капитал при дальнейшем железнодорожном строительстве в Сибири. Такие рекомендации были направлены сибирским губернаторам.

Весной 1909 г. от имени Иркутского генерал-губернатора по всем крупным центрам губернии разошлась информация о том, что Совет министров в целом заинтересован в изучении вопроса об использовании частного капитала в железнодорожном строительстве и дал поручение начальнику края лично изучить такие возможности. Интересно, что лишь только Кяхтинские купцы, обсудив этот вопрос на специальном собрании, решили участвовать в железнодорожном строительстве. Однако они считали, что начало этой линии должно быть в Мысовске (Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги, 1914. С. 3–5). А поскольку все заинтересованные стороны (Правительство, МПС, губернские власти) приветствовали инициативу Кяхтинского торгового общества, то в августе 1909 г. купечеству было выдано разрешение на изыскательские работы по намеченному направлению Мысовая – Кяхта.

Подав ходатайство об изысканиях, члены инициативной группы начали разработку проекта Устава будущего акционерного общества «Кяхтинская железная дорога». В разделе о цели учреждения Общества и условиях его образования говорилось, что это акционерное общество образуется для организации всех работ по постройке и эксплуатации железнодорожной линии с нормальной колеи, которая должна будет пролечь от ст. Мысовой Забайкальской железной дороги через город Троицкосавск до Кяхты. Согласно проекту, Обществу разрешалось возводить и обустраивать пристани, склады и элеваторы, создавать другие хозяйственные сооружения, соединяя их с дорогой подъездными путями. Согласно проекту Устава, протяженность Кяхтинской железной дороги намечалась в 224 версты. По согласованию с МПС, Обществу предоставлялась возможность изменять протяженность линии, не превышая 3 % от общей протяженности и не увеличивая при этом объемы строительного капитала. Положения Устава предусматривали, что в течение 81 года со дня сдачи в эксплуатацию акционерное общество будет владельцем железной дороги и всех сооружений при ней. А по истечении этого срока сама Кяхтинская дорога и все ее сооружения переходили безвозмездно в собственность государства (Проект Устава общества Кяхтинской железной дороги. С. 1–3). Таким образом, инициаторы образования АО все детально продумали, получили разрешение на изыскательские работы и провели их.

Стоит заметить, что и на межведомственном совещании по вопросу об укреплении русского влияния в Монголии, проходившем в 1911 г. при Министерстве торговли и промышленности, сложилось мнение, что постройка Кяхтинской железной дороги есть значительное дело, имеющие крупное значение для снабжения монгольским скотом территорий российского Дальнего Востока, что дорога сыграет положительную роль в развитии товарообмена с Монголией и через Монголию с Китаем. В целом до 1912 г. вариант Мысовая – Кяхта – Урга признавался самым привлекательным (РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 28–30).

Согласно распространенным в те годы мнениям, эта железнодорожная линия должна была привести к увеличению оборотов торговли с Китаем (ведь речь шла о модернизации издревле существующего канала коммуникации) через Кяхту и позволить удержать за Россией монгольский рынок. Значение дороги подчеркивалось еще и тем, что в китайских газетах все чаще стали появляться публикации, обосновывавшие необходимость скорейшего создания железнодорожного пути от Пекина к Монголии. Естественно, в случае быстрого возведения этой дороги, в Монголию хлынули бы потоки товаров, привезенных морем. В этом случае Россия непременно потеряла бы серьезное влияние в этом регионе, восстановить которое быстро вряд ли удалось даже в случае прокладки линии Мысовск – Кяхта. На эту угрозу указывала и монгольская делегация, прибывшая в Петербург в августе 1911 г. добиваться признания независимости своей страны и помощи в противостоянии китайской колонизации. Делегация подготовила специальное послание русскому царю, в котором среди прочего было и предложение о строительстве железной дороги (Чимитдоржиев, 1987. С. 134; Ганжуров, 1997. С. 22). Таким образом, монгольская делегация сама предлагала строить железную дорогу до Монголии и в Монголию.

Когда от правительства было получено разрешение на изыскательские работы, под руково-

дством А.И. Верблюнера были снаряжены три рабочие группы. Одновременно с ними работала геологическая партия Восточно-Сибирского отдела Географического общества под руководством известного геолога профессора А.В. Львова. Экспедиция показала, что район пролегания будущей железной дороги богат природными ресурсам: здесь были многочисленные залежи гранитов, базальтов, сиенитов, сланцев, были найдены месторождения золота, железной руды, каменного угля и др.

Проанализировав данные изысканий, А.И. Верблюнер обосновывал эффективность строительства участка от Мысовой до Кяхты, от которой легко могла быть проложена Трансмонгольская железнодорожная магистраль (Верблюнер, 1911. С. 11–40; Каминский, 1911. С. 40–44). Он подчеркивал, что движение на Кяхту всегда преобладало с запада, а не с востока (Верблюнер, 1911. С. 16–20). От Мысовой до Кяхты по купеческому тракту насчитывалось около 190 верст, от Верхнеудинска до Кяхты – 214, от Мысовой до Верхнеудинска – 134. «Лишний пробег в преобладающем направлении от Мысовой через Верхнеудинск на Кяхту составит таким образом 134 + 214 – 190 = 158 верст», – заключает Верблюнер. Получалось, что железнодорожная линия из Мысовой в Кяхту по проекту была длиннее существующей колесной дороги всего на 3,6 версты, но на 30 верст была короче той линии, которую можно было провести от Верхнеудинска (Там же. С. 20–21).

По проекту А.И. Верблюнера Кяхтинская железная дорога должна была иметь протяженность основного хода 233,53 версты, протяженность ветвей к пристани на р. Селенге – 3,16 верст, станционных путей – 59,30 верст, разъездных путей (для разъездов коммерческих и воинских поездов) – 26,25 версты. Общая длина этой линии определялась в 312,24 версты. В сутки планировалось пропускать по одной паре пассажирских, товарно-пассажирских, до семи пар товарных и 21 пару воинских поездов (Верблюнер, 1911. С. 36–38; Тиваненко, 1978. С. 156–158).

В апреле 1909 г. в Иркутске участники совещания о состоянии и развитии путей сообщения в Сибири председательством генерал-губернатора признали важное значение линии Мысовск – Кяхта. В 1912 г. тот же вопрос рассматривался на двух «высоких» совещаниях, проходивших в Троицкосавске и в Иркутске. В обоих случаях вариант Мысовая – Кяхта признавался эффективнее, варианта Верхнеудинск – Кяхта. Несколько совещаний по этому вопросу проходило и в 1913 г., и каждый раз на этих совещаниях предпочтение отдавалось проекту Мысовск – Кяхта как «наиболее отвечающим нуждам и задачам государства» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2192. Л. 31 об.; РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 15–30). В числе аргументов называли:

– верхнеудинский вариант удлиняет путь на 150 верст;

– линия Мысовая – Кяхта позволит осваивать и развивать Джидинский край и Боргойские степи (граничащие с Монголией на протяжении до 600 верст), где имелось много свободной земли, в то время как вдоль линии Верхнеудинск – Кяхта свободных земель уже нет;

– мысовской вариант будет способствовать развитию золотопромышленности края, он же сделает доступным заготовку леса на Хамар-Дабане;

– Мысовая – Кяхта надежно свяжет Монголию с Байкалом, что было очень важно, ибо население севера Байкала нуждалось в монгольском мясе (РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 15–18).

Иначе на этот вопрос смотрела верхнеудинская общественность, явно обеспокоенная стремлением кяхтинского и мысовского купечества убедить иркутского генерал-губернатора и министра путей сообщения в преимуществах своего варианта. Как только были завершены изыскания и опубликованы материалы А.И. Верблюнера, администрация Верхнеудинска начала активно выступать за обоснование необходимости и эффективности строительства трассы до Кяхты по верхнеудинскому направлению, развернув широкую критику мысовского проекта.

Конечно, судьба вариантов проектов будущей дороги фактически решалась не на съездах и совещаниях, а в аппарате МПС, правительстве, и даже в Государственной думе. Там конечно же знали о дискуссиях, но решать намеревались опираясь на материалы, которые были представлены в Министерство путей сообщения руководителями изыскательских партий. Летом 1912 г. были проведены

технические изыскания и экономические исследования этих проектов. Для обоих направлений был принят наименьший радиус закруглений (150 саж.), предельный уклон на горных участках – 0,015, а на остальных участках – 0,009. По обоим направлениям были также обследованы варианты линий на горных участках для замены уклона 0,015 уклоном 0,009 (РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 30–32). И вот по результатам рассмотрения обоих проектов, Министерство путей сообщения высказалось за направление Верхнеудинск – Кяхта ввиду его преимуществ по сравнению с более коротким (на 19 верст) мысовским направлением. В числе аргументов указаны: сравнительная легкость профиля, меньшая виртуальная длина, меньшая строительная стоимость и т. д. Но самое главное – в ходе проведенных экономических исследований района Кяхтинской дороги были сделаны выводы о вероятной бездоходности этой дороги, которая на первое время, по крайней мере, не обещала покрывать своих эксплуатационных расходов, как не покрывала их и Забайкальская дорога после 10 лет работы. Хотя то же исследование подтвердило возможность снижения дефицита по Кяхтинской дороге как самостоятельному предприятию в связи с возможным увеличением объемов добавочного груза на Забайкальскую магистраль, тем самым принося дороге значительный добавочный доход.

Таким образом, для обсуждения и принятия решения в Совет министров был представлен именно Верхнеудинский вариант проекта будущей дороги, а в специальной записке министр путей сообщения предлагал, во-первых, разрешить сооружение железной дороги Верхнеудинск – Кяхта за счет государства, во-вторых, утвердить строительную стоимость этой дороги с подвижным составом и оборотным капиталом в сумме 27 005 071 руб. с отпуском по сметам Министерства путей сообщения в зависимости от хода строительных работ (РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 30–32). Вопрос был рассмотрен и Государственной думой, решавшей вопрос о возможности сооружения этой дороги за счет казны (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 775. Л. 46). 3 октября 1913 г. на совещании в Совете министров был рассмотрен вопрос о необходимости и возможности продолжения строительства железной дороги от Кяхты до Урги – продолжения железной дороги Верхнеудинск – Кяхта (Там же. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 35). Правда, рассмотрение этого вопроса на данном совещании имело предварительный характер, а выбор источника финансирования будущего строительства оставался в компетенции комиссии по новым железным дорогам.

21 июня 1914 г. Государственный совет и Государственная дума приняли закон о стоимости сооружения железнодорожной линии Верхнеудинск – Кяхта и об отпуске из государственного казначейства средств на сооружение этой линии. Строительная стоимость сооружаемой железнодорожной линии от ст. Верхнеудинск Забайкальской железной дороги до слободы Кяхта определялась в сумме не свыше 24 709 822 руб. (РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 365. Л. 73–75)

Таким образом, вопрос о строительстве Кяхтинской железной дороги через Верхнеудинск на Кяхту был решен к середине 1914 г. Строительство дороги фактически было сорвано начавшейся мировой войной. Характерно, что в трехлетнем плане общеимперских изыскательских работ на 1915–1917 гг. эта дорога не запланирована, ибо она считалась уже разрешенной к строительству и даже как строящейся (История железнодорожного транспорта России, 1994. С. 298–299). Однако в списке линий, включенных в план железнодорожного строительства, принятый особым межведомственным совещанием 30 июня 1916 г., линия Верхнеудинск – Кяхта значилась в первой очереди (НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2507. Л. 590–592).

Конечно, всем было ясно, что в условиях войны строить железную дорогу на Кяхту государство не сможет. 15 февраля 1916 г. представители кяхтинского купечества во главе с братьями Лушниковыми вновь обратились в МПС с просьбой о разрешении создания специального акционерного общества для сооружения железной дороги от Мысовой до Кяхты; причем такое строительство они собирались осуществить за собственный счет (РГИА. Ф. 274. Оп. 6. Д. 35. Л. 5–6). Интересно, что главная проблема в организации такого строительства была связана с наличием принятого уже Закона от 21 июня 1914 г., которым было установлено, что сооружение железнодорожной линии Верхне-

удинск – Кяхта должно проводиться за государственный счет (Там же. Л. 2). Поэтому, не возражая в принципе против предложения кяхтинцев, Министерство путей сообщения должно было теперь добиться отмены положений этого закона. Только в июне 1916 г. МПС вынесло этот вопрос на обсуждение особого межведомственного совещания по выработке плана железнодорожного строительства. Предварительно Министерство путей сообщения в феврале 1916 г. направило предложения Лушниковых в Министерство финансов. Изучив эти предложения кяхтинцев, Министерство финансов в своем ответе МПС от 4 апреля 1916 г. отметило, что не возражает. При этом министр финансов отмечал, что не стоит питать особых надежд на более быстрое создание этой линии частными предпринимателями против государственного строительства, поскольку, по его мнению, все имеющиеся экономические расчеты указывают на заведомо малую доходность этой дороги и вполне вероятным увеличением ее стоимости (Там же. Л. 3–4). Конечно, в условиях затяжной войны правительство было заинтересовано в привлечении частного капитала во всех сферах производства, в том числе и в железнодорожном строительстве, но все же требовалось добиться специального решения этого вопроса правительством и Государственной думой.

Начавшиеся революции помешали реализации планов кяхтинского купечества по сооружению линии от Мысовой на Кяхту. В ходе гражданской войны Верхнеудинск становится крупным центром – столицей Бурят-Монгольской АССР, а Мысовая остается маленькой станцией. Теперь инициатива сооружения железной дороги на Кяхту и далее на Монголию перешла к руководству республики, определявшему выбор направления, а, следовательно, теперь о Мысовском варианте не было уже и речи.

Мы, вероятно, должны задаться вопросом: какой из вариантов (казенный или акционерный) скорее был бы осуществлен и способствовал бы продолжению этой дороги от Кяхты до Урги? Проанализировав все имеющиеся документы, можно прийти к выводу, что акционерное общество эту работу в принципе в тех условиях могло проделать раньше, чем государство. В принципе, могло случиться и так, что акционерное общество имело бы линию Мысовая – Кяхта, а государство линию Верхнеудинск – Кяхта. В тех условиях возможны были различные варианты. Поэтому проволочки с решением этого вопроса не совсем понятны. Так, например, вопрос об убытках не является главным, так как борьба с убыточностью является обязанностью самого акционерного общества, а не государства.

С современных позиций, очевидно, что и правительство и Государственная дума приоритет отдавали строительству новых железных дорог только за государственный счет и не поддерживали участие частного и иностранного капитала при сооружении не только железных дорог, но промышленных объектов вообще. В настоящее время мировой опыт, особенно опыт Китая, а сегодня и самой России, показывает, что для быстрого развития экономики необходимо использовать все ресурсы: государственные, иностранные, частные, во всех их взаимосвязях. Главное, чтобы вклады отвечали государственным интересам России и повышали благосостояние ее народа.

Библиографический список

Верблюнер А.И. Проект постройки железной дороги от Мысовска до Троицкосавска и Кяхты в связи с ее продолжением по Монголии через Ургу и Калган. Т. 12. Вып. 1–2. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. С. 11–40.

Ганжуров В.Ц. Россия и Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 183 с.

References

Verblyuner A.I. *Proekt postroiki zheleznoi dorogi ot Mysovska do Troitskosavska i Kyakhty v svyazi s ee prodolzheniem po Mongolii cherez Yrgu i Kalgan* [The project for the construction of a railway from Mysovsk to Troitskosavsk and Kyakhta in connection with its continuation to Mongolia through Urga and Kalgan]. Vol. 12. Iss. 1–2. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1911, pp. 11–40. (In Russian).

Ganzhurov V.Ts. *Rossiya i Mongoliya (istoriya, problemy, sovremennost`)* [Russia and Mongolia (history, problems, modernity)]. Ulan-Ude: Buryat Science Center of the

История железнодорожного транспорта России. В 3 т. Т. 1. 1836–1917. СПб.: «Иван Федоров», 1994. 336 с.

Каминский А.А. К вопросу об определении абсолютных высот Мысовой и Троицкосавска. Т. 12. Вып. 1–2. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. С. 11–40.

Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги. Иркутск, 1914. 16 с.

Проект Устава общества Кяхтинской железной дороги. 27 с.

Тиваненко А. Забытые дороги Хамар-Дабана (кругобайкальские тракты) // Байкал. 1978. № 3. С. 154–158.

Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири / под. ред. В. Попова. В 2 т. Т. 1. Иркутск: Канцелярия Иркут. генерал-губернатора, 1907. 215 с.

Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири / под. ред. В. Попова. В 2 т. Т. 2. Иркутск: Канцелярия Иркут. генерал-губернатора, 1908. 479 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 233 с.

Сведения об авторе

Третьяков Валерий Григорьевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, Чернышевского, 15,
e-mail: tretvv@yandex.ru

Критерии авторства

Третьяков В.Г. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 183 p. (In Russian).

Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii [History of railway transport in Russia]. In 3 vol. Vol. 1. 1836–1917. Saint Petersburg: “Ivan Fedorov” Publ., 1994, 336 p. (In Russian).

Kaminskii A.A. *K voprosu ob opredelenii absolyutnykh vysot Mysovoi i Troitskosavska* [To the question of determining the absolute altitudes of the Mysovaya and Troitskosavska]. Vol. 12. Iss. 1–2. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1911, pp. 11–40. (In Russian).

Kratkaya zapiska po voprosu o provedenii Kyakhtinskoi zheleznoi dorogi [A brief note on the conduct of the Kyakhta Railway]. Irkutsk, 1914, 16 p. (In Russian).

Proekt Ustava obshchestva Kyakhtinskoi zheleznoi dorogi [Draft Charter of the Society of Kyakhta Railway]. 27 p. (In Russian).

Tivanenko A. Zabytye dorogi Hamar-Dabana (krugobajkal'skie trakty) [The forgotten roads of Khamar-Daban (Circum-Baikal tracts)]. *Baikal*, 1978, no. 3, pp. 154–158. (In Russian).

Popov. V. *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutske o putyakh soobshcheniya v Sibiri* [Proceedings of the 1906 meeting in Irkutsk on the ways of communication in Siberia]. In 2 vol. Vol. 1. Irkutsk: Kantselyariya Irkutskogo general-gubernatora Publ., 1907, 215 p. (In Russian).

Popov. V. *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutske o putyakh soobshcheniya v Sibiri* [Proceedings of the 1906 meeting in Irkutsk on the ways of communication in Siberia]. In 2 vol. Vol. 2. Irkutsk: Kantselyariya Irkutskogo general-gubernatora Publ., 1908, 479 p. (In Russian).

Chimitdorzhiev Sh.B. *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka Publ., 1987, 233 p. (In Russian).

Information about the author

Valery G. Tretyakov,
Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences,
Irkutsk State University of Railway Transport,
15 Chernyshevsky Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: tretvv@yandex.ru

Attribution criteria

Tretyakov V.G. carried out research work, based on the obtained results he carried out generalizations, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).081
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-165-176

ПОБЕГИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ИХ ОРГАНИЗАЦИЯ

© А.А. Иванов

Иркутский государственный университет,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2.

Аннотация. В статье рассматриваются побеги политических ссыльных с территории Иркутской губернии в 1870–1905 гг. На основе обширного документального и историографического материала автор рассматривает причины, а также особенности организации и осуществления индивидуальных и групповых побегов. Причинами большинства побегов были тяжелые материальные условия, невозможность найти постоянный источник заработка, а также стремление значительной части революционеров продолжить оппозиционную деятельность в своих партийных организациях в Европейской России. В 1870–1880 гг. побеги из ссылки были сравнительно редким явлением: беглец был хорошо заметен на Московском тракте. После сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали условия для бегущих резко изменились – теперь достаточно было раздобыть себе документы, сесть в поезд и покинуть Сибирский край. Следовательно, число побегов резко увеличилось. В работе анализируются источники финансирования и материальной помощи иркутским ссыльным, совершающим побег, предпринята попытка установить примерное количество бежавших за весь период. В результате исследования сделан вывод о недостаточной изученности данной темы: по-прежнему неизвестно точное число бежавших, не прослежена система организации явочных бюро, не установлена дальнейшая судьба беглецов.
Ключевые слова: *политические ссыльные, Иркутская губерния, побеги, кассы взаимопомощи, колонии ссыльных, Иркутский тюремный замок, полиция, организация помощи бегущим, розыск, жандармы.*

Информация о статье. Дата поступления 28 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 2 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Иванов А.А. Побеги политических ссыльных Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. и их организация // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 165–176. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-165-176

ESCAPES OF POLITICAL EXILES OF THE IRKUTSK PROVINCE AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AND THEIR ORGANIZATION

© A.A. Ivanov

Irkutsk state university,
2 Chkalov Str., Irkutsk 664025, Russian Federation

Abstract. In article escapes of political exiles from the territory of the Irkutsk province during 1870–1905 are considered. On the basis of extensive documentary and historiographic data the author considers the reasons as well as features of the organization and certain implementation of individual and group escapes. Severe material conditions, impossibility to find a constant source of earnings and also the aspiration of a considerable part of revolutionaries to continue oppositional activity in the Party organizations in the European Russia were the cause of the majority of escapes. In 1870–1880 escapes from the reference were rather unusual cases: the fugitive was well noticeable on the Moscow path. After a construction of the Trans-Siberian railway line conditions for running sharply changed – now it was enough to get documents, to get on the train and to leave Siberia. Respectively the number of escapes sharply increased. Further sources of financing and financial support to Irkutsk exiles who escape are analyzed in article, an attempt to establish, at least generally, quantity of fugitives for the entire period is made. The

conclusion is drawn on insufficient study of this subject: the exact number fugitives is still unknown, the system of the organization of attendance bureaus, the future of fugitives is not tracked.

Keywords: *political exiled, Irkutsk province, escapes, cash desks of mutual aid, colony of exiled, Irkutsk prison castle, police, organization of assistance to the* fugitives*, search, gendarmes*

Article info. Received December 28, 2017; accepted for publication February 2, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Ivanov A.A. Escapes of political exiles of the Irkutsk province at the end of XIX – the beginning of the XX century and their organization. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 165–176. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-165-176. (In Russian).

История Иркутска XIX в. прочно связана с политической ссылкой. А.Н. Радищев и декабристы, петрашевцы и ссыльные поляки, народники, социал-демократы и социалисты-революционеры – все они обогатили общественную жизнь иркутян, оказали заметное влияние на оппозиционное движение, способствовали росту их самосознания, гражданственности и политической культуры. Именно ссылка «воспитала» в иркутском обществе потребность в самоуправлении, стремление к независимости от центральной и губернской власти, и в тоже время привила чувство ответственности и сопричастности в деле управления громадным краем.

Ссыльная колония стала складываться в Иркутске с 1870-х гг. Усилившееся противостояние общества и самодержавного государства быстро наполняло «места отдаленные», в том числе и в Иркутской губернии. Если в 1860–1870 гг. здесь отбывало наказание 30–60 политических ссыльных (без ссыльных поляков – участников Январского восстания), то в начале 1880-х гг. таких было уже более 80, на рубеже 1890-х гг. – не менее 100, на пороге нового XX в. – 110–120 чел., а в 1903 г., согласно Всеподданнейшего доклада Иркутского военного генерал-губернатора, зафиксировано 414 чел. (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 157. Л. 22). При этом надо иметь в виду, что часть осужденных или высланных в административном порядке, отбыв формальный срок поселения, по тем или иным причинам оставались в пределах губернии, из года в год пополняя ряды колоний в Иркутске, а также в Тунке, Киренске, Верхоленске, Балаганске.

Не все ссыльные мирились с перспективой многолетнего вынужденного пребывания в пределах Иркутской губернии. Для одних невыносимыми были суровые природно-климатические условия, другие не могли привыкнуть к жизни в иной культурно-бытовой и языковой среде коренных народов Восточной Сибири, третьи рвались в Европейскую Россию, чтобы в составе нелегальных организаций продолжить борьбу с самодержавным государством. В силу этих причин уже в 1860–1870 гг. в политической ссылке можно отметить такое явление как побеги.

История побегов политических ссыльных из Сибири, в том числе из Иркутской губернии, уже исследовалась в отечественной историографии. Советские историки, рассматривая различные стороны сибирской ссылки, неизменно уделяли внимание и этому важнейшему ее сюжету (Андреев, 1975. С. 191–207; Хазиахметов, 1978; Щербаков, 1984). Однако при этом изучалась в основном ссылка так называемого «пролетарского периода» 1905–1917 гг., а история ссылки конца XIX – начала XX в., и прежде всего история побегов этого времени, оказалась исследована менее глубоко и подробно. Цель данной статьи – восполнить существующий в науке пробел, описать и проанализировать имеющийся фактический материал для установления типичного и особенного в организации и осуществлении побегов на примере политических ссыльных Иркутской губернии с 1870 г. до октября 1905 г.

В истории сибирской политической ссылки, наверное, не было ни одного революционера, не мечтавшего о побеге. Подготовка иных побегов начиналась уже в пути, на этапе, во время ночевок в этапных тюрьмах. Однако осуществить такую «самовольную отлучку» было весьма сложно – политических, даже следующих в общих партиях с уголовниками, как правило, всегда сопровождали жандармские офицеры и унтер-офицеры, имевшие строгое предписание доставить «своих» арестантов

«от ворот до ворот». За «упуск» такого преступника вполне возможно было не только потерять погоны, но и самому попасть под конвоем на каторгу.

Придя на место поселения, ссыльный в одночасье оказывался на «свободе» – ни конвоиров, ни кандалов, ни тюремных смотрителей. Забытое чувство опьяняло, кружило голову, казалось, можно сделать шаг за околицу села и вот она, долгожданная воля. Однако на деле совершить побег с места поселения было также трудно, как из тюремного замка. Здесь все было против ссыльного. Сибирский крестьянин относился к «политикам» без всякого сочувствия при этом не боялся их, как уголовных ссыльных, а потому, уважая местную власть, всегда выдавал полиции. Если же беглецу и удавалось выйти на большой тракт, то здесь было еще хуже: из-за редкого движения он был «на виду» и не мог незаметно пройти или проехать и нескольких десятков верст.

По этим причинам побеги с мест поселения были в 1860–1880 гг. весьма редки, единичны. Бегство в одиночку было трудноосуществимым, нужна была организация, которая помогла бы беглецу «выправить» надежный паспорт, купить лошадей, изменить внешность, обустроить отдых по всему маршруту, найти немалые деньги. Вот почему в 1860 гг. из иркутской ссылки пытался бежать только О.А. Мотков, принадлежавший к кружку Ишутина и судившийся Верховным судом за причастность к революционной организации «Ад». Он был приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепостях на восемь лет, но по Высочайшей конфирмации срок наказания был сокращен до четырех лет. По дороге в Сибирь Мотков сумел обменяться именами с ссыльнопоселенцем Бачинским и в марте 1867 г. бежал с этапного пункта в Нижнеудинске, но уже 23 апреля был задержан в окрестностях Иркутска (Иванов, Мясников, 2016).

В 1870-х гг. из пределов Иркутской губернии бежали или пытались бежать восемь ссыльных:

– В.К. Дебогорий-Мокриевич, член «киевской коммуны», ходивший «в народ» в 1874 г., на этапе он сделал «сменку» с уголовным Павловым и в ноябре 1879 г. под его именем был поселен в с. Тельминском, откуда через два дня уехал в Иркутск, жил нелегально и в 1880 г. выехал в Европейскую Россию;

– Ф.К. Долинин, в качестве административно-ссыльного был поселен в октябре 1879 г. в Киренске, откуда бежал, но был пойман и выслан в Якутскую область;

– В.И. Зак, в июле 1879 г. скрылся из Иркутска, где работал в аптеке, был задержан в Балаганском округе, затем выслан под надзор в Верхоянск;

– В.О. Избицкий, по дороге в ссылку в октябре 1879 г., обменявшись документами с уголовным Степановым, скрылся недалеко от Иркутска, но пропал без вести в тайге;

– Н.Н. Смецкая, в июне 1879 г. бежала из Тунки, была обнаружена в Балаганском округе и переведена в Якутскую область;

– Е.Д. Субботина, будучи водворена в Тунке, пыталась в январе 1879 г. бежать, добралась до Иркутска, где и была задержана, а затем выслана в Верхоленск с учреждением за ней особого надзора полиции (Иванов, Мясников, 2016).

Как видим, из восьми побегов удачным оказался только один, что может быть объяснимо малочисленностью политических ссыльных (каждый – на виду) и отсутствием у революционеров должной организации по устройству побегов. Не следует забывать и то, что из Сибири в Европейскую Россию можно было попасть только Московским трактом, а железнодорожной магистрали, как известно, еще не существовало. К тому же в этот период каждый побег сибирского ссыльного воспринимался местной и столичной полицией как чрезвычайная ситуация, а наиболее дерзкие побеги были предметом обсуждения на самом высоком уровне. Так, на докладе начальника Третьего отделения, содержавшем сведения об участившихся попытках побегов политических ссыльных в Восточной Сибири, сделанном в ноябре 1879 г., Александр II «собственноручно соизволил начертать»: «…весьма неприятно и доказывает, что настоящего надзора и там нет», а прочитав о дерзком побеге В.К. Дебогория-Мокриевича, подписал: «тут, вероятно, было преступное неряшество, если не потворство, с виновных следует сделать строгое взыскание» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 445. Л. 50).

Ситуация с побегами анализировалась не только в Департаменте полиции. Руководители «Народной воли» всячески стремились вернуть ссыльных товарищей в свои ряды. Учитывая печальный опыт беглецов 1870-х гг., было принято решение создать строго конспиративную группу, которая бы придала побегам организованный, а главное успешный характер. С этой целью в 1880–1881 гг. из Европейской России, как вспоминал Н.С. Тютчев, «были отправлены в Сибирь известные впоследствии народовольцы Ю.Н. Богданович и И.В. Калюжный. Им при помощи местных сочувствующих, поляков-повстанцев и политических ссыльных удалось наладить “притоны”, явки почти по всему тракту от Иркутска до Москвы. Способствовал организации этого пути и В. Дебогорий-Мокриевич» (Тютчев, 1924. С. 210).

«Красный Крест», так была названа новая структура, просуществовал не долго, как, впрочем, и сама «Народная воля». Однако принципы организации помощи бегущим товарищам были ею выработаны, опробованы и успешно «привиты» на сибирской почве. Это в полной мере касается иркутской колонии, где уже в начале 1880-х гг. были осуществлены два крупных побега, организованных в тесном сотрудничестве с местными политическими ссыльными.

Первый побег состоялся в феврале 1880 г. и не с места поселения, а из Иркутской губернской тюрьмы. Связующим звеном между беглецами и иркутской колонией, по всей видимости, выступил В.К. Дебогорий-Мокриевич. Им была куплена провизия, зимняя одежда, два ружья. «В Иркутск, вспоминал революционер, – я приехал перед самыми рождественскими праздниками [1880], и очень скоро у меня явилась возможность войти в сношения с политическими, сидевшими в иркутском тюремном замке. В это время они задумали совершить побег через подкоп, выводивший из тюрьмы во двор тюремного смотрителя (насколько помнится, в смотрительский погреб); подкоп этот был сделан уголовными арестантами значительно раньше, но почему-то арестанты не воспользовались им и передали свой секрет политическим» (Дебогорий-Мокриевич, 1894. С. 441–442).

Побег планировался сразу для шести «политиков». Не совсем понятно, почему было решено бежать в столь неудобный период (в разгар зимы), однако план, выработанный с участием Дебогория-Мокриевича, был таков: выбраться из тюрьмы через подкоп и кладовую квартиры смотрителя (!), затем, не останавливаясь в городе по льду Ушаковки дойти до Ангары, а там – до устья Иркута, и, пока не вскрылась река, уйти в Монголию, к границе с Китаем, «пройдя верст около четырех сот». Столь смелому и утопичному плану не суждено было сбыться по причине, которую никто и не мог предусмотреть. Ночью 6 февраля 1880 г. бежали И.Ф. Волошенко, Г. Иванченко, И.И. Тищенко, Н.В. Яцевич, Г.И. Фомичев и Г.А. Попко. Встреченные Дебогорием, они в телеге без труда добрались до Иркута, затем, нагрузившись провизией, двинулись пешком вверх по реке, а Мокриевич вернулся в город. Все складывалось как нельзя удачно, однако оставшиеся в тюрьме Н.П. Позен и А. Калюжный, видя, что подкоп все еще не обнаружен, также решили воспользоваться им, и бежали в следующую ночь, 7 февраля. Естественно, на этот раз беглецов никто не встречал, однако каким-то образом они все-таки выбрались из города, но были задержаны в окрестном селе – «раньше даже, чем о их побеге узнали в Иркутске» (Дебогорий-Мокриевич, 1894. С. 444).

Немедленно начался усиленный розыск «первой партии» беглецов. Хорошо скоординированные иркутскими жандармами масштабные действия увенчались успехом, и с 9 по 16 февраля все ссыльные были обнаружены и возвращены в тюрьму. Всем участникам побега, а также тем, кто не участвовал, но знал о нем и не сообщил администрации тюрьмы, были значительно увеличены прежние сроки каторжных работ, все они без исключения прошли через Нерчинские тюрьмы (Кантор, 1923. С. 181).

Вторым «громким» побегом опять же из Иркутской губернской тюрьмы следует считать побег С.Н. Богомолец и Е.Н. Ковальской. Женщины принадлежали к «Южно-русскому рабочему союзу», их имена были хорошо известны среди революционеров Петербурга и Киева. Побег состоялся в дневное время 16 февраля 1882 г. Все было задумано

талантливо и просто: Ковальская переоделась надзирательницей, Богомолец сыграла роль ее гостьи – обе были беспрепятственно выпущены из ворот разводящим караульной службы, не знавшим их в лицо. Пропажа двух арестанток открылась только на вечерней поверке.

В Иркутске беглецам была заранее приготовлена «надежная» квартира по 2-й Иерусалимской улице, в доме Т. Бабичева. Здесь они провели больше недели, при этом хозяин умело выдавал женщин за жену и ее сестру. Казалось, побег удался, однако 26 (28) февраля совершавшего очередной обход полицейского пристава Добромыслова что-то насторожило, он вызвал наряд, велел окружить дом и арестовал ссыльных. При аресте был обнаружен также вооруженный браунингом казак П. Лукин, не оказавший, впрочем, никакого сопротивления (Шайдурова, 2006. С. 232).

Следствие по делу С.Н. Богомолец и Е.Н. Ковальской показало, что в подготовку побега был вовлечен значительный круг лиц. Прежде всего, это иркутские ссыльные В. Александрова-Натансон (а, значит, и сам М.А. Натансон), Е.Н. Южакова и Е.Д. Субботина, собиравшие денежные средства и готовившие одежду. Казак П.М. Лукин оказался на деле мещанином П.М. Федоровым, занимавшимся когда-то организацией кружков среди рабочих Курско-Харьковской железной дороги, высланным без суда и, по его словам, прибывшим «в Сибирь специально для оказания помощи в побегах политическим ссыльным». Кроме этого по делу общества «Красный Крест» «Народной Воли» еще в декабре 1881 г. был арестован и заключен в тюрьму политический ссыльный, врач Б. Пласковицкий, занимавший должность младшего врача Кузнецовской больницы (Колмаков, 2003. С. 80).

В октябре 1882 г. по подозрению в организации побега Ковальской и Богомолец был арестован воспитатель мужской гимназии К.Г. Неустроев. Его обвиняли в создании нелегального кружка учащейся молодежи для помощи политическим ссыльным и арестантам, в снабжении беглецов одеждой и деньгами. Заключенного в тюрьму Неустроева 26 октября 1883 г. посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин. Неустроев пытался ударить Анучина, за что 5 ноября 1883 г. был предан Иркутскому военно-полевому суду, приговорен к смертной казни и расстрелян 9 ноября 1883 г. во дворе тюремного замка (Алексеев, Барышников, Боханов, 2002. С. 219).

В конце 1880-х гг. количество побегов из Восточной Сибири заметно увеличилось. На «самовольные отлучки» стали устанавливаться настоящие очереди. При этом далеко не всякому ссыльному оказывали поддержку, в колониях производился строгий отбор кандидатов на побег, сообразно их полезности для революционного дела, а также с учетом времени, проведенного в ссылке. Прежние заслуги, личные связи и отношения, понятно, не принимались в расчет, что порождало немало обид и конфликтных ситуаций. Вот, к примеру, побег В.Л. Бурцева. Будущий знаменитый разоблачитель Азефа отбывал ссылку в с. Малышевском близ Балаганска с декабря 1887 г. Уже месяца через два-три после водворения Бурцев решил бежать и под видом нуждающегося в медицинской помощи, добился отлучки в Иркутск. Иркутские ссыльные, как вспоминал Бурцев, направили его к М.А. Натансону, тот обещал приготовить паспорт: «записал приметы, дал советы разного рода насчет побега и просил ни к кому больше не обращаться, а ждать, когда он пришлет все, что нужно». Через два месяца пустых ожиданий В.Л. Бурцев понял, что «Натансон просто напросто и не имел в виду устраивать побега», потому что Бурцев «по своим взглядам был не подходящий для него человек…» (Бурцев, 1923. С. 37). Однако Бурцев все-таки бежал. Он обратился за «помощью к местным товарищам» т. е. к балаганцам. «На медном пятаке выгравировали печать, достали какой-то неважный бланк и приготовили паспорт. Первые 80 верст ссыльный ехал проселочной дорогой, затем, на большой почтовой дороге, на станции, кажется, Черемухове, взял подорожную и под видом только что кончившего гимназию в гимназическом костюме ехал некоторое время с каким-то попутчиком-купцом» до Красноярска, Томска, а там и дальше в Россию, Одессу и за границу (Бурцев, 1923. С. 38).

По воспоминаниям Н.С. Тютчева, в Иркутске в конце 1880-х гг. беглецы уже могли рассчитывать на постоянную помощь и поддержку. Здесь (и да-

лее в Красноярске) они получали «деньги, паспорта и казенные подорожные, могли изменить свою внешность и костюмы». В Иркутске, к примеру, ссыльные «скрывались в оранжерее, которую содержал 70-летний старик-повстанец, нанимая их к себе якобы на работу». Благодаря хорошей организации, в эти годы бежало еще несколько человек. Кроме В.Л. Бурцева, Н.С. Тютчев называет М. Сабунаева, Н. Паули, Н. Пахитонову, А.И. Бычкова, Кашинцева и Федорова. По его мнению, «среди коренных сибиряков в период “Народной Воли” встречалось немало сочувствующих революционному делу людей, готовых с риском для себя активно помогать политическим ссыльным» (Тютчев, 1925. С. 71).

Необычный побег из иркутской ссылки в этот период совершил М.Л. Войнич (будущий супруг той самой Л. Буль, автора романа «Овод»). Согласно статейному списку, Войнич прибыл в Иркутск 28 ноября 1887 г. и был водворен в селении Тункинском. В конце января 1889 г. он «случайно выстрелом из револьвера прострелили себе грудь» и «покорнейше» просил начальника Иркутской губернии отправить его «по возможности скорее в Иркутскую больницу», так как «условия для лечения в Тунке крайне не благоприятны». Подлечившись в Иркутске, Войнич написал новое прошение, в котором, в силу «причин психического и нравственного характера», попросил перевести его «на собственный счет в г. Балаганск». Получив искомое разрешение, он выбыл 22 июня 1890 г. из Иркутска, проехал мимо пункта назначения и 7 августа был замечен на почтовой станции с. Кимельтейского, а дальше – «не отыскан и, по-видимому, выехал в пределы Европейской России» – так было сказано в рапорте окружного пристава (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 225. Л. 5, 8, 38, 47, 93).

Устройством побегов политических ссыльных занимались не только ссыльные народники 1880–1890-х гг., но и пришедшие им на смену социал-демократы. В качестве примера хорошей постановки этого дела можно привести организацию побега Л.Д. Бронштейна. При этом надо учитывать, что в этот период коренным образом изменились условия «самовольного» оставления Сибири. Великая железная дорога действительно приблизила сибирскую окраину к России, и помимо большого промышленного и социального значения для огромного региона, существенно облегчила побеги революционерам. Так, отлучившись с места поселения в Верхоленске 21 августа 1902 г., Троцкий приехал в Иркутск, прибыл на вокзал, сел в поезд, куда местные социал-демократы предусмотрительно «доставили чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации» и, читая томик бессмертных творений Гомера, отправился в Самару. Сам побег показался беглецу делом почти обыденным, лишенным столь привлекательной для него революционной романтики (Иванов, 2000. С. 233).

Плохо подготовленные побеги заканчивались, как правило, неудачно, например, «самовольная отлучка» И.В. Джугашвили. В апреле 1902 г. он был арестован на собрании батумских социал-демократов, какое-то время содержался в тюремном замке и затем был выслан в Восточную Сибирь. Свой этапный путь будущий «вождь народов» начал в июле 1903 г., а прибыл на место причисления в д. Новая Уда Балаганского уезда 17 ноября 1903 г. Квартиру снял в беднейшей части деревни и, по словам хозяйки, много читал, а больше всего любил наблюдать за «простыми» крестьянами, вникать в их жизнь и чаяния. Уже в декабре 1903 г. Сталин предпринял побег из ссылки. Он покинул деревню и добрался до Балаганска, однако дальнейшему продвижению помешали холода. С обмороженными носом и ушами беглец возвратился в Новую Уду, и повторно бежал в январе 1904 г., пробыв в ссылке менее 2-х мес. (ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 30. Л. 7, 14).

Иногда побеги раскрывались уже на стадии планирования. Так было, к примеру, с П.И. Войнаральским, шедшим в этапной партии на Карийскую каторгу. Согласно ведомственной переписке, 8 декабря 1881 г. чинами полиции было замечено, что «следовавшая на почтовых лошадях за партией государственных преступников» дочь статского советника А. Дмоховская попыталась «принять на Бирюсинском этапе от брата своего, ссыльнокаторжного Л. Дмоховского, записку, заключавшую в себе просьбу государственного преступника Войнаральского достать ему паспорт и дать средст-

ва к побегу». Понятно, что наблюдение за «политиками» было усилено и побег не состоялся (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 83. Л. 26 об.).

В истории иркутской колонии политических ссыльных этого периода были случаи и талантливо выполненных побегов. Как правило, участники таких «самовольных отлучек» все свои расчеты строили с учетом «недостатков» тюремного содержания или гласного надзора, не отличавшегося в Сибири, как известно, совершенством. Сюда же добавлялось хорошее знание психологии людей, от которых приходилось бежать: недалекие смотрители, конвоиры и часовые. В качестве примера подобных побегов, «простых» до нелепости и гениальных одновременно, смотря с какой «стороны» оценивать, можно привести побег Я.В. Махайского. Побег произошел 10 июня 1903 г. из Александровской пересыльной тюрьмы – это несколько больших деревянных бараков, огороженных высоким забором, где подолгу содержались ссыльные, ожидавшие отправки в Забайкалье и в Якутскую область. В пересылке существовало правило, согласно которому ссыльные, назначенные в этапную партию, могли накануне пойти на сельский рынок и купить продовольствие в дорогу для себя или для всей партии. Вот и в этот день трое «политиков» П. Бронштейн, И. Махайский и Б. Миткевич под присмотром К. Колесова пошли на базар, а по дороге уговорили надзирателя зайти «на минуту» «к квартировавшему на Бородиной улице в доме Карлина административно-ссыльному Хавскому», страдавшему туберкулезом легких, а потому жившему не в тюрьме, а в селе на съемной квартире. Как следует из объяснения начальника тюрьмы И.Г. Попрядухина, «войдя в квартиру Хавского, Митткевич и Махайский прошли во вторую комнату, где лежал больной Хавский, а Бронштейн остался в первой комнате с его женою, где пригласили сесть и надзирателя Колесова у выходных дверей квартиры. Минут через пять, Колесов, желая поторопить политических, отпущенных на один час, намеревался пройти во вторую комнату, но жена Хавского и Бронштейн не пустили его туда под предлогом возможности обеспокоить больного и просили обождать еще несколько минут; по прошествии некоторого времени Колесов силой ворвался в комнату, но нашел там только Хавского, притворившегося спящим, а Махайский и Миткевич бежали через окно, выходящее во двор». Растерявшийся надзиратель Колесов поспешил отвести Бронштейна в тюрьму, а тот по дороге «умышленно замедлял возвращение», поэтому администрация узнала о побеге арестантов «спустя более получаса» и, несмотря на то, что по всем направлениям были разосланы конные надзиратели, бежавшие не были разысканы. При этом «никто из обывателей не видел, в какую сторону они бежали». Обыски в селе, по домам и разъезды по окрестностям при помощи полиции продолжались в течение трех суток, но результатов так и не дали (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 20–21 об.).

В январе 1905 г. произошел самый массовый побег политических ссыльных этого периода, и опять же из Александровской пересыльной тюрьмы. По донесению начальника Иркутского жандармского полицейского управления, «побег был правильно организован и совершен при помощи подкопа из барака № 5». Политические арестанты выпилили в полу половицы, затем вырыли уступами колодец «глубиной до 3-х аршин», от которого уже повели подземную галерею «в 1 аршин ширины и 3/4 вышины». Длина галерей составила «около 40 саженей»[1]. Рыли галерею, естественно, вручную, а землей заполняли свободное пространство под полами. В ночь с 16 на 17 января 1905 г. 15 политических ссыльных воспользовались этим ходом, бежали, удачно разместились на ожидавших их подводах, переоделись, но были вскоре задержаны крестьянским ночным караулом и опознаны служителями тюрьмы. При этом был арестован и один из организаторов побега – И.И. Серебренников «22 лет, вооруженный револьвером» (ГАИО. Ф. 600. Оп. ОЦ. Д. 13. Л. 35)[2].

[1] Одна сажень – 2,16 м, соответственно, 40 саженей – 86,4 м – можно представить, какой титанический труд проделали политические арестанты.

One sazhen – 2.16 m, respectively, 40 sazhens – 86.4 m – you can imagine what a titanic work done by political prisoners.

[2] Иван Иннокентьевич Серебренников – этнограф, статистик, областник, историк Сибири, автор известных воспоминаний «Красные» дни в Иркутске.

Причинами многочисленных побегов из ссылки были, прежде всего, тяжелое бытовое и материальное положение, гнетущее моральное состояние человека, оказавшегося на многие годы лишенным привычной социальной и культурной среды, а также стремление вернуться к революционной работе. В историографии нет точных сведений о количестве бежавших в этот период, но чтобы показать размах этого явления, приведем данные из доклада министра внутренних дел статс-секретаря В.К. Плеве государю, сделанному в ноябре 1903 г.: «… в 1902 году и в первой половине 1903 года скрылись: из Иркутской губернии 22, из Енисейской губернии 32 и из Якутской области 15 поднадзорных». Даже о. Сахалин признавался «крайне легким» для побегов в виду «постоянно плавающих вблизи острова японских рыбацких лодок» (ГАИО. Ф. 25 Оп. ОЦ. Д. 4. Л. 5). По нашему мнению, в 1870–1905 гг. из иркутской ссылки бежало не менее 100–150 чел.

Местное оппозиционное движение всегда с успехом пользовалось потенциалом политической ссылки. Вот, например, как об этом пишет Н.Н. Баранский, один из руководителей и организаторов Сибирского социал-демократического союза: «Основной директивой в сношениях со ссылкой, директивой, соблюдавшейся неуклонно по всей линии и обратившейся в традицию, была борьба с «демобилизационными» настроениями, иногда довольно сильно сказывавшимися среди ссыльных. Каждого дельного работника мы сами тянули из ссылки, насколько, конечно, нам позволяли наши средства, причем не забывали, признаться, и интересов собственной организации: обыкновенно за устройство побега предлагалось отработать хоть два-три месяца у нас в Сибири. Эта «отработочная» система не только пополняла наши силы, но, при нашей пространственной оторванности, была и весьма важной формой связи с общерусским движением» (Баранский, 1923. С. 23).

Организация и осуществление побегов из далекого Иркутска (почти 5 500 верст по железной дороге до Санкт-Петербурга) – дело не только сложное, но и весьма затратное. Откуда политические ссыльные брали средства? Одним из источников необходимых накоплений была нелегальная касса взаимопомощи.

Как известно, революционеры, попавшие в ссылку на основании судебного приговора («сосланные по суду») не получали казенного пособия и существовали на месте поселения исключительно за свой счет. Административно-ссыльным же, не лишенным прав и привилегий, полагалось пособие. В Иркутске и Иркутском окружном полицейском округе в рассматриваемый период оно составляло 114 руб. в год или 9,5 руб. в мес. В данную сумму входили также «одежные и обувные» деньги, при этом надо учитывать, что пособие назначалось не в момент прибытия ссыльного в город, а лишь после утверждения генерал-губернатором соответствующего представления Иркутского губернского правления, которое, в свою очередь, следовало после проверки материального благосостояния ссыльного в местах его прежнего проживания (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 8. Л. 21 об.). Одним словом, со дня поступления такого ссыльного в Иркутскую губернию до выдачи ему пособия, проходило несколько месяцев, в которые он необычайно сильно нуждался в средствах. Для того чтобы помочь таким товарищам, в каждой крупной колонии и существовала нелегальная касса взаимопомощи. Была такая касса и в Иркутске. О ней упоминают В.Е. Мандельберг, И.И. Попов и другие народники. Касса пополнялась добровольными пожертвованиями и взносами, собираемыми, в основном, среди самих ссыльных. Документально известно, например, что М.А. Натансон, имея в конторе по строительству ледокола «Байкал» весьма приличное жалованье в 1 800–3 500 руб. годовых, «при готовой квартире с отоплением и освещением», вел «скромный образ жизни», и постоянно делал «из своего заработка материальную поддержку политическим ссыльным» (ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 184. Л. 1).

Из этой же кассы оказывалась помощь ссыльным, проходящим дальше через Иркутск. «В громадном большинстве случаев, – вспоминал Мандельберг, – люди шли не только без средств, но и без одежды, белья, обуви и шли так на крайний

Ivan Innokentevich Serebrennikov – ethnographer, statistician, regional historian, historian of Siberia, author of well-known memoirs “Red” days in Irkutsk.

Север, в Якутскую область. Мы снабжали их шубами, валенками, теплым бельем, провизией». Отсюда же шло финансирование возвращающимся в Европейскую Россию. «Членами кассы были все ссыльные Иркутска. Обложили себя прогрессивным процентом с доходов, сообща устраивали различные предприятия (вечеринки, балы, лотереи); касса наша не столько помогала нуждающимся в Иркутске (на это шла самая незначительная часть доходов), сколько проходящим в ссылку, бегущим, возвращающимся...» (Мандельберг, 1910. С. 23–33).

Иркутская касса взаимопомощи, по всей видимости, существовала весьма продолжительный период времени, по крайней мере, с середины 1880-х гг. до начала 1906 г. Несмотря на столь длительный срок и привлечение к делу большого количества людей, ссыльным удавалось избегать провала и неизменно сохранять свою кассу от «недремлющего ока» жандармов.

Не будет преувеличением сказать, что вокруг ее организации, а также регулярного пополнения и группировалось наиболее активное ядро иркутских «политиков». Не случайно в 1902 г. кассой взаимопомощи заведовал Н.С. Тютчев, весьма деятельный народник, участник коллективного побега политических ссыльных из Баргузина в 1881 г. (Брешко-Брешковская, Линев, Тютчев, Шамарин) (Горев, 1924. С. 47).

Значение кассы для иркутских ссыльных хорошо передает свидетельство Н.М. Астырева, писавшего 5 февраля 1888 г. В.Г. Короленко из Иркутска: «Здешняя кучка отверженных живет очень дружно между собой; откинув скромность в сторону, могу сказать, что я был принят этой кучкой очень хорошо, – так что я единственный между ними, только понаслышке знающий о тех ужасах, которые они сами перенесли, или которым они были свидетелями. ... А теперь я свидетелем, как эти люди, урывая сладкий кусок у себя.., обменивают его на простой хлеб для тех, кои в нем нуждаются, в буквальном смысле этого слова. Жертвы, которыми они себя обложили, достойны удивления…» (Куклина, 1987. С. 98).

Касса существовала не только за счет взносов самих ссыльных. Активную помощь оказывали местные комитеты социал-демократов и эсеров. Часть собранных партийных взносов, к примеру, неизменно отдавалась ссыльным. Так, из кассового отчета Иркутского комитета Российской социал-демократической рабочей партии за апрель 1905 г. следует, что на поддержку ссыльных-романовцев было израсходовано в этот месяц 358 руб., на «побег» – 24 руб., «агитацию» – 235 руб. 30 коп., «в тюрьму» передано 30 руб. За август «Отправлено в иркутскую тюрьму: деньгами – 15, съестными припасами – 24,55, одежды – 1, извозчики – 1, почтовые марки – 0,35, сапоги – 5, жене заключенного – 3». За сентябрь «в Александровскую тюрьму – 40, Акатуйскую – 50, возвращающимся из ссылки – 66,80, куплено платья – 36,70, … побег – 50» и т. д. (Революционное движение в Иркутской губернии, 1955. С. 60–61, 74–77).

Важным источником пополнения кассы (и, конечно, не только иркутской) была помощь из-за рубежа. Ее организаторами стали русские революционеры-эмигранты. Например, в Цюрихе действовал Комитет Сибирской кассы, направлявший денежные средства П.Л. Лаврову, ведавшему сбором и распределением денег для политических узников. О размерах помощи можно судить по отчетам Петербургского отдела Общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным, а также его центральной заграничной кассы. За 10 лет (с 1881 г. по 1891 г.) Петербургским отделом было собрано 21 860 руб. 94 коп. Особенно активную деятельность разворачивали эмигранты после трагических событий в колониях сибирских ссыльных. Например, 24 декабря 1889 г. Ф. Дембо писала Лаврову из Берна: «У нас устроилась подписка в пользу пострадавших в последней Якутской истории. Собрано 72 франка, которые Вам и отсылаю. В Цюрихе тоже идет подписка и с той же целью…» При этом помощь шла не только из Европы, но и из Америки. Так, эмигрант Л.Б. Гольденберг писал Лаврову: «Русско-Американская Лига по получению известия об Якутске в 3 недели собрала 233 долл. – 450 руб., которые отправлены были в Якутск, и мы имеем уже известие об их благополучном прибытии» (Вахрушев, Андреев, 1973. С. 49–50).

Как следует из приведенного материала, из иркутской ссылки бежали в конце XIX – начале XX в. наиболее активные члены народнического и социалистического движения Центральной России. Причинами побегов являлась нужда, тяжелые бытовые и климатические условия, а также стремление вернуться к активной революционной работе. Число побегов со временем возрастало, их пик приходится на 1902–1903 гг., чему в немалой степени способствовало строительство железной дороги, а также общее оживление революционного движения. Побеги происходили с этапного следования, тюремного заключения, с мест поселения. Можно предположить, что здесь превалировали побеги ссыльнопоселенцев, а не каторжан. Организация побегов складывалась постепенно, начиная с 1880-х гг. Бежавшие использовали связи «Красного Креста» «Народной воли», а также возможности местных комитетов социалистических партий. Организация побегов требовала значительных финансовых и материальных ресурсов, которые черпались из иркутской кассы взаимопомощи, пополнявшейся, в свою очередь, местными комитетами и эмигрантскими центрами. История побегов политических ссыльных из Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. требует дальнейшего исследования: необходимо установить общую численность бежавших, маршруты их движения из Сибири, характер и проблемы взаимодействия с местными комитетами социал-демократов и эсеров.

Библиографический список

Алексеев С.М., Барышников В.В., Боханов П.П. [и др.]. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 2002. 512 с.

Андреев В.М. Распространение марксистской литературы и нелегальная деятельность ссыльных революционеров-народников // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. ст. / под ред. Л.М. Горюшкина, М.М. Громыко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 191–207.

Баранский Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза: воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг. Новониколаевск: Сибирское областное государственное издательство,1923. 89 с.

Бурцев В.Н. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922 гг.). Т. 1. Берлин: «Гамаюн», 1923. 381 с.

Вахрушев И.С., Андреев В.М. Корреспонденты П.А. Лаврова о Сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. ст. / под ред. Н.Н. Щербакова. Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1973. Вып. 1. С. 45–52.

Горев Б.И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895–1905. Ленинград: Государственное издательство, 1924. 89 с.

Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Париж: Imprimerie J. Allemane, 1894. 567 с.

References

Alekseev S.M., Baryshnikov V.V., Bokhanov P.P. *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the panorama of centuries: Essays on the history of the city]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 2002, 512 p. (In Russian).

Andreev V.M. The dissemination of Marxist literature and the illegal activities of the exiled peasant revolutionaries. *Ssylka i katorga v sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Reference and penal servitude in Siberia (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, pp. 191–207. (In Russian).

Baranskii N. *V ryadakh Sibirskogo sotsial-demokraticheskogo soyuza: vospominaniya o podpol`noi rabote 1897–1908 gg.* [In the ranks of the Siberian Social-Democratic Union: memories of the underground work of 1897–1908]. Novonikolaevsk: Sibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1923, 89 p. (In Russian).

Burtsev V.N. *Bor`ba za svobodnuyu Rossiyu. Moi vospominaniya (1882–1922 gg.)* [The struggle for free Russia. My memories (1882–1922)]. In Vol. 1. Berlin: “Gamayun” Publ., 1923, 381 p. (In Russian).

Vakhrushev I.S., Andreev V.M. Correspondents of P.A. Lavrov on the Siberian exile. *Ssyl`nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral` 1917 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov Publ., 1973, iss. 1, pp. 45–52. (In Russian).

Gorev B.I. *Iz partiinogo proshlogo. Vospominaniya. 1895–1905* [From the Party past. Memories. 1895–1905]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo Publ., 1924, 89 p. (In Russian).

Debogorii-Mokrievich V.K. *Vospominaniya* [Memories]. Paris: Imprimerie J. Allemane Publ., 1894, 567 p. (In Russian).

Иванов А.А. Лев Бронштейн в сибирской ссылке // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: «Оттиск», 2000. Вып. 1 (13). С. 200–244.

Иванов А.А., Мясников Д.А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 4. http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20854. Дата обращения: 20.12.2017.

Кантор Р.М. Побег из Иркутской тюрьмы // Каторга и ссылка, 1923. № 5. С. 181–184.

Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1941 гг. Иркутск: «Оттиск», 2003. 848 с.

Куклина Е.А. Н.М. Астырев и В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Куклина. Новосибирск: Наука, 1987. С. 85–107.

Мандельберг В. Из пережитого. Давос: «За рубежом», 1910. 145 с.

Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции // Историография, критика, библиография. Рецензии. История СССР: сб. документальных материалов / под ред. Ф.А. Кудрявцева. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1955. 156 с.

Тютчев Н.С. Побеги из Сибири политических в 90-х гг. // Каторга и ссылка. 1924. № 2 (9). С. 206–216.

Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. 207 с.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: Облик, организации, революционные связи. Томск: Томский государственный университет, 1978. 183 с.

Шайдурова Г.А. Побеги как одна из форм борьбы политических арестантов с режимом содержания в Иркутской тюрьме (из истории нескольких побегов) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Щербакова. Иркутск: «Оттиск», 2006. Вып. 3 (15). С. 230–239.

Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917). Иркутск: Иркутский государственный университет, 1984. 244 с.

Сведения об авторе

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии, истории и регионоведения,

Ivanov A.A. Lev Bronstein in the Siberian exile. *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2000, iss. 1 (13), pp. 200–244. (In Russian).

Ivanov A.A., Myasnikov D.A. *Struktura i chislennost` politicheskoi ssylki Irkutskoi gubernii 1870-kh godov* [The structure and strength of the political exile of the Irkutsk province of the 1870s]. Baikal Research Journal, 2016, vol. 7, no. 4. Availabe at: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20854 (accessed December 20, 2017).

Kantor R.M. Escape from the Irkutsk prison. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1923, no. 5, pp. 181–184. (In Russian).

Kolmakov Yu.P. *Irkutskaya letopis` 1661–1941 gg.* [Irkutsk chronicle 1661–1941]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2003, 848 p. (In Russian).

Kuklina E.A. N.M. Astyrev and V.G. Korolenko. *Sibirskie stranitsy zhizni i tvorchestva V.G. Korolenko* [Siberian pages of life and creativity V.G. Korolenko]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 85–107. (In Russian).

Mandel`berg V. *Iz perezhitogo* [From the experience]. Davos: “Za rubezhom” Publ., 1910, 145 p. (In Russian).

Kudryavtsev F.A. Revolutionary movement in Irkutsk province in the period of the First Russian Revolution. *Istoriografiya, kritika, bibliografiya. Retsenzii. Istoriya Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Historiography, criticism, bibliography. Reviews. History of the USSR]. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1955, 156 p. (In Russian).

Tyutchev N.S. Escape of political exiles from Siberia in the 90's. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1924, no. 2 (9), pp. 206–216. (In Russian).

Tyutchev N.S. *V ssylke i drugie vospominaniya* [In exile and other memories]. Moscow: Izdatel`stvo vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl`no-poselentsev Publ., 1925, 207 p. (In Russian).

Khaziakhmetov E.Sh. *Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg.: Oblik, organizatsii, re-volyutsionnye svyazi* [Siberian political exile 1905–1917: Form, organization, revolutionary ties]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978, 183 p. (In Russian).

Shaidurova G.A. Escapes as one of the forms of struggle of political prisoners with the regime of detention in the Irkutsk prison (from the history of several escapes). *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2006, iss. 3 (15), pp. 230–239. (In Russian).

Shcherbakov N.N. *Vliyanie ssyl`nykh proletarskikh revolyutsionerov na kul`turnuyu zhizn` Sibiri (1907–1917)* [The influence of exiled proletarian revolutionaries on the cultural life of Siberia (1907–1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1984, 244 p. (In Russian).

Information about the author

Alexander A. Ivanov,
Doctor of Sciences (History), professor, department of political science, history and regional studies,

Иркутский государственный университет,
664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Критерии авторства

Иванов А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Irkutsk state university,
2 Chkalov Str., Irkutsk 664025, Russian Federation,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Attribution criteria

Ivanov A.A. has performed research, on the basis of the received results has carried out generalization, has prepared the manuscript for printing, has copyright of article and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571) «1904/1905»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-177-185

ПРИЗЫВ РАТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

© Н.Д. Ростов[a], М.А. Ширшов[b]

[a] Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
656038, Российская Федерация, г. Барнаул, просп. Ленина, 46.
[b] Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

Аннотация. На основе широкого круга источников в статье анализируется опыт призыва ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. На конкретных примерах показываются проблемы, с которыми столкнулись государственные, военные и местные органы власти сибирских регионов при проведении мобилизационных мероприятий. Авторами предпринята попытка комплексно рассмотреть процесс подготовки и проведения призыва ратников Государственного ополчения в сибирских регионах. При этом пристальное внимание уделяется тому, как была организована работа призывных комиссий сборных пунктов, как проходило медицинское освидетельствование мобилизуемых, каков был порядок предоставления отсрочек от призыва. Показывается взаимодействие всех органов власти в поддержании порядка и дисциплины как на сборных пунктах, так и в местах посадки и на маршрутах следования призванных к местам военной службы. Большое внимание уделяется формированию дружин Государственного ополчения, порядку направления ратников на пополнение сформированных воинских частей и подразделений, а также организации социальной поддержки семей мобилизованных. В особых условиях Первой русской революции ратники дружин охраняли железную дорогу, обеспечивая контроль государственной власти над сообщениями. Личный состав, направленный на пополнение полевых частей, добросовестно исполнил воинский долг. Полученный опыт развертывания Государственного ополчения был позднее использован и во время Первой мировой войны.
Ключевые слова: *Русско-японская война, Сибирский военный округ, Маньчжурская армия, Государственное ополчение, дружина, ратники, охрана железных дорог, мобилизация, отсрочки от призыва, штаты.*

Информация о статье. Дата поступления 29 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 2 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 177–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-177-185

CALL OF THE GOVERNMENT MILITIA WARRIORS IN THE SIBERIAN MILITARY DISTRICT IN THE YEARS OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR, 1904–1905

© N.D. Rostov[a], M.A. Shirshov[b]

[a] Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
46 prospect Lenina, Barnaul 656038, Russian Federation
[b] Altai State Pedagogical University,
55 Molodezhnaya Str., Barnaul 656031, Russian Federation

Abstract. Based on a wide range of sources, the article analyzes the experience of recruiting the warriors of the State Militia in the Siberian Military District during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Specific examples show the problems that the state, military and local authorities of the Siberian regions have faced in carrying out mobilization measures. The authors made

an attempt to comprehensively consider the process of preparing and conducting the call of the warriors of the State militia in the Siberian regions. At the same time, close attention is paid to the demonstration of the organization of the work of the conscription commissions of precast points, the medical examination of the mobilized and the procedure for granting deferrals from conscription. The authors showed the interaction of all authorities in the maintenance of order and discipline, both at prefabricated points and at landing sites and routes called for places of military service. Much attention is paid to the formation of the units of the State militia, the order of the direction of the warriors for the replenishment of the formed military units and subunits, and the organization of social support for the families of the mobilized. In the special conditions of the first Russian revolution, the warriors of the guards guarded the railway, ensuring control of the state power over the communications. Personnel, aimed at replenishing the field units, conscientiously fulfilled their military duty. The experience gained in the deployment of the State militia was later used during the First World War.

Keywords: *Russian-Japanese war, Siberian military district, Manchurian Army, State militia, squad, warriors, railroads protection, mobilization, deferment of conscription, states*

Article info. Received December 29, 2017; accepted for publication February 2, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Rostov N.D., Shirshov M.A. Call of the Government militia warriors in the Siberian military district in the years of the Russian-japanese war, 1904-1905. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 177–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-177-185. (In Russian).

В конце XIX – начале XX вв. Китай стал ареной противостояния ведущих мировых держав. Территория страны была поделена на сферы влияния. Интересы Российской империи и Японии помимо Маньчжурии столкнулись и в Корее, которую обе страны стремились использовать в собственных интересах. Попытки решить вопрос дипломатическим путем закончились безрезультатно, стороны не смогли прийти к взаимовыгодной договоренности. Политический конфликт перерос в открытые боевые действия. В ночь на 27 января 1904 г. японский флот вероломно, без объявления войны, атаковал русскую Тихоокеанскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала первым крупномасштабным конфликтом XX в. На полях сражений в Маньчжурии сошлись армии, вооруженные скорострельными орудиями, магазинными винтовками и пулеметами. Численность армий противников к концу войны приблизилась к миллиону человек. Потери сторон, в условиях применения нового вооружения значительно превысили прогнозы.

Отдаленность театра военных действий потребовала от руководства Российской империи в первую очередь использования людских и материальных ресурсов Сибири для обеспечения действующей армии. Следует отметить, что возможности Приамурского военного округа были очень ограничены по причине малой населенности и слабого развития хозяйственной жизни края. В этих условиях основным источником ресурсов для Маньчжурской армии, особенно в начале войны, стал Сибирский военный округ (далее – СибВО). По мобилизации в Восточной Сибири было призвано 21 205 запасных воинских чинов, тогда как в Западной Сибири – 90 295 чел. (Горелов, 2003. С. 79).

В соответствии с мобилизационным расписанием № 18 и особым расписанием Приамурского военного округа № 8 на случай войны с Японией, в СибВО со 2 февраля 1904 г. началась полная мобилизация запасных нижних воинских чинов. Согласно записке о мобилизационной готовности, в 1903 г. в СибВО на учете состояло 96 850 чел. Мобилизационные ресурсы округа предназначались для укомплектования формируемых воинских частей: в СибВО – 27 933 чел., в Приамурском военном округе – 42 965 чел., в Туркестанском военном округе – 2 959 чел. (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 1. Л. 65). Оставшийся личный состав предназначался для формирования запасных батальонов в Сибирском и Приамурском военных округах.

С началом мобилизации на сборные пункты прибыло 99,2 % запасных воинских чинов. Из них 88,7 % было принято на службу (Русско-японская война 1904–1905 гг., 1910. С. 29). Мобилизация прошла в установленные сроки и позволила завершить формирование I-го, II-го и III-го Сибирских армейских корпусов, дислоцировавшихся в Маньчжурии, а также воинских частей, составляющих

гарнизоны г. Владивостока и крепости Порт-Артур. В СибВО восемь резервных батальонов были развернуты в пехотные полки, из которых был сформирован IV-й Сибирский армейский корпус, направленный на театр военных действий в апреле – мае 1904 г. Мобилизация, проведенная в сибирских регионах в феврале 1904 г, позволила сформировать первоначальный состав Маньчжурской армии и обеспечить ее пополнение обученными резервами в первые месяцы войны.

Вместе с тем следует отметить, что командование Маньчжурской армии было вынуждено значительную часть прибывающих резервов, в том числе и отдельные воинские части, выделять на укомплектование военных гарнизонов и охрану транспортных коммуникаций. Это не позволило создать численное превосходство над противником и задействовать все подразделения армии, находящиеся в Маньчжурии, для ведения боевых действий. Кроме того, материальное снабжение действующей армии, во многом затрудняли нехватка обозных войск, горный рельеф театра военных действий, отсутствие дорог, вьючного обоза и подробных карт местности (Апушкин, 1910. С. 37). Проблемы снабжения Маньчжурской армии усугублялась также и недостаточной пропускной способностью Транссибирской магистрали. Для передислокации армейского корпуса (около 30 000 чел.) из Европейской России на театр военных действий требовалось не менее одного месяца (Условия тылового обеспечения войск перед и в начале Русско-японской войны). Все это в своей совокупности предопределило особое значение людских и материальных ресурсов СибВО для пополнения действующей армии.

Согласно Устава о Воинской повинности, во время войны ополчение предназначалось в помощь постоянным войскам. В него входило не числящееся в войсках, но способное носить оружие мужское население в возрасте от 21 до 43-х лет, а также граждане, достигшие на действительной службе офицерского звания и по состоянию здоровья не годные к строевой службе. Ратники делились на два разряда. В 1 разряде числились граждане, которые были зачислены в ополчение при ежегодных призывах на военную службу, а также лица прошедшие действительную службу и по срокам завершившие пребывание в запасе. Ратники 1 разряда могли направляться на пополнение частей действующей армии или в состав частей ополчения. По своему служебному положению ратники 1 разряда приравнивались к военнослужащим. Только по форме одежды ополченцы имели некоторое отличие от армейских нижних чинов. Так, на фуражках вместо кокарды ратники носили металлический крест с инициалом имени Государя и надписью «За веру, Царя и Отечество» (Сибирская жизнь, 1904. № 56). Ратники 2 разряда направлялись на службу только в ополченские части и не могли участвовать в боевых действиях.

Следует также отметить, что ратники ополчения, согласно Уставу о воинской повинности, должны были призываться в СибВО одновременно с запасными воинскими чинами. Для этого требовалось еще в мирное время выполнить ряд мероприятий: произвести расчет необходимых денежных средств для сбора и отправления ратников к местам службы; подготовить материальные запасы для снабжения формируемых из ратников воинских частей; составить планы передвижения маршевых команд ратников к местам назначения. Однако к началу войны штаб СибВО не успел полностью выполнить данные мероприятия.

С началом боевых действий для проведения сбора ратников ополчения были приняты меры организационного характера. Призыв ратников и формирование дружин Государственного ополчения были возложены на созданную 8 марта в г. Омске комиссию под председательством командующего войсками СибВО генерал-лейтенанта Н.Н. Сухотина с участием представителей от Военного министерства и Министерства внутренних дел. К 15 апреля были подготовлены необходимые запасы материальных средств, спланировано распределение ратников по воинским формированиям, работа комиссии была закончена (Русско-японская война 1904–1905 гг., 1910. С. 73).

В целях полноценного проведения посевной кампании начало призыва ратников Государственного ополчения отложили до июня 1904 г. В соответствии с приказом по Военному ведомству от 28 мая 1904 г. № 288 сбор ополчения начинался 1 ию-

ня (Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995. С. 126). В этот день к 9 часам утра ратники из числа нижних чинов запаса должны были явиться в Уездное по воинской повинности присутствие, а офицеры и врачи в Управление ближайшего уездного воинского начальника. На устройство личных дел давалось трое суток (1–3 июня), а офицерам и врачам двое суток и еще трое суток на снаряжение и обмундирование (Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3453. Л. 13). Ратники призывались со всех регионов СибВО за исключением Якутской области и северных районов Енисейской губернии (Комарова, 2012. С. 49). Вследствие того, что в ходе прошедшей мобилизации нижних воинских чинов материальные запасы округа были практически исчерпаны, ратникам было предложено прибывать в одежде, годной для службы. За это они получали денежную компенсацию: за сапоги – 5 руб., за рубашку – 50 коп., за брюки – 35 коп. (Сибирская жизнь, 1904. № 114). Призыву подлежали ратники, зачисленные в ополчение при призывах к отбытию воинской повинности в 1902–1903 гг. и все перечисленные из запаса сухопутной армии в ополчение; граждане, числящиеся в ополчении и проживающие в губерниях СибВО достигшие службой в постоянных войсках военно-офицерских чинов в возрасте до 50 лет, а имеющие генеральские или штаб-офицерские чины – до 55 лет, а также имеющие звание медицинских врачей или фельдшеров (Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3453. Л. 13). На сборных пунктах ратники проходили медицинское освидетельствование, получали обмундирование, распределялись по маршевым командам и направлялись в воинские части.

В соответствии с Высочайшим распоряжением, освобождение от призыва было предоставлено:

– занимающим на железных дорогах должности, освобождающие запасных от назначения в войска;

– исполняющим на железных дорогах и переправах должности, связанные с поддержанием в порядке пути, охраною его, сопровождением и обслуживанием воинских поездов;

– находящимся на работах по сооружению Кругобайкальской железной дороги;

– составляющим администрацию по подрядам, принятым Управлениями государственных имуществ Енисейской, Иркутской, Оренбургской и Томской губерний для поставки шпал и бревен на Сибирскую железную дорогу;

– работающим на казенной Анжерской копи и частных копях Сунженского района;

– составляющим администрацию контрагентов, связанных договорами с дорогой (подрядчики, рядчики, доверенные, десятники и рабочие);

– ратникам из Европейской России, которые во время призыва находились и прибывали на работы, проводимые Сибирской и Забайкальской железными дорогами.

Отсрочка от призыва на 6 мес. предоставлялась работающим на копях Черемховского района и ратникам, несущим обязанности командиров, лоцманов, машинистов казенных и частных пароходств в бассейне рек Оби и Енисея, но не более одного командира, лоцмана и машиниста на тот именно пароход, на котором они проплавали всю прошлую навигацию (Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3453. Л. 10).

На период проведения призыва ратников ополчения власти приняли ряд непопулярных, но как показала последующая практика, необходимых мер. В целях предотвращения беспорядков, связанных с проводами в армию, с началом призыва до отправки команд на станцию железной дороги для посадки или на городской центральный сборный пункт, в селениях, где находились сборные пункты, была запрещена торговля спиртными напитками. Этот запрет также распространялся и на селения, которые находились на пути следования команд, где продажа закрывалась с вечера дня предшествующего прибытию команды и открывались по прошествии трех часов после ее убытия. В городах торговля закрывалась на третий день после объявления мобилизации и открывалась после сдачи последней партии ратников в распоряжение местного воинского начальника (Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3453. Л. 14). На станциях, на время остановки воинских эшелонов, перевозящих маршевые команды рат-

ников и нижних чинов запаса, также закрывалась продажа спиртных напитков (Государственный архив Томской области. Ф. 412. Оп. 1. Д. 5. Л. 70). Благодаря принятым мерам беспорядков удалось избежать. Население Сибири к призыву ратников отнеслось с пониманием. В архивных документах в целом отмечается организованная явка ратников на сборные пункты и отсутствие беспорядков. В публикациях газеты «Сибирская жизнь» отмечалось, что ратники «в ополчение идут охотно» (Сибирская жизнь, 1904. № 119).

Сбор ратников ополчения, как и мобилизация запасных нижних воинских чинов, в СибВО прошел организовано и в установленные сроки. Всего было призвано 39 070 чел. На укомплектование сформированных 24 дружин Государственного ополчения было направлено 21 199, в запасные батальоны – 14 560 и на формирование двух обозных батальонов для IV-го Сибирского армейского корпуса – 2 887 чел. Мобилизационная готовность дружин была установлена на 26-й день мобилизации, боевая готовность – на 40-й день (Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995. С. 126). Особую благодарность командующего войсками СибВО при формировании дружин ополчения заслужил Змеиногорский уездный воинский начальник. Совместно с чинами местной администрации, он сформировал дружину ополчения за 9 дней (Томские губернские ведомости, 1904. № 36).

Согласно штату 1894 г., дружина Государственного ополчения состояла из четырех рот и в своем составе имела 14 обер-офицеров, 3 чиновника, 957 строевых нижних чинов и 26 нестроевых (Горелов, 2003. С. 98). Командиры дружин ополчения назначались Высочайшими приказами, офицеры дружин – приказами начальника подразделения. В каждую дружину назначалось 3/4 ратников прошедших военную службу и 1/4 не проходивших. Обучение сформированных подразделений длилось полтора месяца (Комарова, 2012. С. 49). В ходе полуторамесячного обучения все дружины Государственного ополчения СибВО прошли курс подготовки, который включал курс стрельб, строевую подготовку и ряд других предметов. Так, ратники 10-й и 11-й дружин ополчения, сформированных в г. Томске начали огневую подготовку 30 июня 1904 г. (Государственный архив Томской области. Ф. 412. Оп. 1. Д. 5. Л. 40). На период обучения ратники размещались в основном в полевых условиях, так как казармы были заняты запасными батальонами. В г. Томске дружины располагались в белых палатках на берегу реки Томь (Сибирская жизнь, 1904. № 140.). Готовность дружин к выполнению задач по предназначению проверялась местными воинскими начальниками. 21 июля начальник Иркутского гарнизона и местной бригады генерал-майор А.П. Ягодкин произвел инспекторский смотр 24-й дружины Государственного ополчения. Было произведено ученье под руководством командира дружины полковника Пузыренского, которое показало организованность личного состава и его готовность к службе (Сибирская жизнь, 1904. № 162). Все дружины Государственного ополчения были сформированы к 20 июня (Русско-японская война 1904–1905 гг., 1910. С. 139). Так, в Тобольске была сформирована 1-я дружина ополчения (Сибирский листок, 1904. № 49), в г. Иркутске – 24-я (Сибирская жизнь, 1904. № 162), в г. Барнауле – 13-я (Горелов, 2003. С. 98).

В период с 28 июля по 15 августа 16 дружин выступили на охрану Сибирской и Забайкальской железных дорог. Сформированная в Бийском и Змеиногородском уезде 17-я дружина была направлена на охрану железной дороги в г. Новониколаевске (Горелов, 2003. С. 98). С 11 августа по 19 сентября оставшиеся 8 дружин были направлены на Дальний Восток на охрану железной дороги и Сучанских копий (Копылов, 1910. С. 74). Томские 10-я и 11-я дружины выступили в г. Харбин 16 и 17 сентября 1904 г. (Государственный архив Томской области. Ф. 412. Оп. 1. Д. 5. Л. 71–72). Первая несла службу в районе селения Фулярди (Сибирская жизнь, 1904. № 276), а вторая – в селении Куачендзы (Сибирская жизнь, 1905. № 7). Сформированная в г. Мариинске 12-я дружина была направлена в д. Чантофу на охрану железной дороги (Сибирская жизнь, 1904. № 230). На театр военных действий была направлена и дружина, сформированная в г. Красноярске (Комарова, 2012. С. 49).

Необходимо отметить, что из 16 дружин Государственного ополчения, выполнявших задачи по охране железных дорог в пределах Российской

империи, только 14 непосредственно выполняли охранные функции (Русско-японская война 1904–1905 гг., 1910. С. 139). Оставшиеся две привлекались к выполнению различных задач, в том числе в интересах увеличения пропускной способности дороги. В июне 1905 г. на Сибирской железной дороге работало 415 ратников (Сибирская жизнь, 1905. № 143).

После передачи охранных функций на железной дороге дружинам Государственного ополчения, Сибирские резервные батальоны были направлены в действующую армию. Это позволило увеличить численность боевых частей и снизить отрыв войск от выполнения боевых задач. Из Сибирских запасных батальонов ратники ополчения прибыли в действующую армию в декабре 1904 г. в составе маршевых команд 1-й очереди (Русско-японская война 1904–1905 гг., 1910. С. 74). Ратники в основном назначались в подразделения и учреждения тыла, в том числе для Сибирских корпусов, тем не менее, часть из них была направлена в боевые подразделения и участвовала в сражениях. После сражения на р. Шахэ в сентябре – начале октября 1904 г. на пополнение 9-го пехотного Сибирского Тобольского полка прибыли томские ополченцы (Сибирская листок, 1904. № 93).

По окончании войны дружины ополчения были возвращены к местам формирования. Так, 23 ноября 1905 г. в г. Томск прибыла 10-я дружина (Сибирская жизнь, 1905. № 235), а 25 ноября – 11-я дружина (Сибирская жизнь, 1905. № 232). Ратников должны были сразу распустить по домам. Однако необходимость охраны железной дороги отсрочила это событие. По указанию Военного ведомства демобилизацию решено было провести по прибытию из Маньчжурии войск на смену дружинам. Это решение противоречило Уставу о воинской повинности, согласно которому ратники распускались домой сразу после окончания войны. В условиях революционных волнений, это негативно отразилось на настроениях в воинских коллективах дружин и способствовало падению дисциплины. Зачастую ухудшению морально-психологического климата в дружинах способствовали и некоторые командиры, не проявившие должной сознательности и честности при выплате ратникам денежных средств при расформировании подразделений. Так, 26 ноября 1905 г. в 11-й дружине произошли беспорядки, причиной которых стала невыплата командиром дружины подполковником Селедковым путевых денег и иных выплат перед роспуском подразделения (Сибирская жизнь, 1905. № 240). Вместе с тем следует также отметить, что в целом, ратникам оказались чужды революционные политические идеи, их требования были направлены исключительно на скорейший роспуск подразделений по домам. Революционные политические партии не смогли привлечь дружины Государственного ополчения на свою сторону.

Призыв на военную службу большого числа ратников Государственного ополчения потребовал реализации мероприятий по социальной поддержке семей мобилизованных. С началом призыва на семьи ратников ополчения распространялось действие Устава о воинской повинности по их социальной защите. Семьи, нуждающиеся в помощи, получали пособие, которое устанавливалось органами власти в регионе, в зависимости от уровня цен. Так, в г. Томске на семью выделялось квартирное пособие в размере 1,5 руб. на жену и по 50 коп. на каждого ребенка (Сибирская жизнь, 1904. № 134). В г. Иркутске пособие составляло 2,5 руб. на каждого члена семьи (Восточное обозрение, 1904. № 51). Выдача пособий семьям ратников потребовала большого количества денежных средств и легла дополнительной нагрузкой на местные бюджеты. За первую половину 1904 г. только полицейским управлением г. Томска на пособия семьям запасных нижних чинов и ратников было выплачено 94 860 руб. 31 коп. (Сибирская жизнь, 1904. № 221). Томский уездный распорядительный комитет с июня по сентябрь 1904 г. выдал семьям ратников 17 904 руб. В социальной защите семей ратников приняли участие и сибирские Дамские комитеты, которые оказывали денежную и вещевую помощь нуждающимся. Причем выплаты комитетов составляли примерно 50 % по отношению к суммам, выплачиваемым казной. Так, Томским городским управлением за три летних месяца 1905 г. семьям запасных солдат и ратников было выплачено 5 320 руб. (901 семья), тогда так из сумм Дамского комитета – 2 349 руб. (864 семьи)

(Сибирская жизнь, 1905. № 232). Деньги для выдачи пособий комитеты получали в виде пожертвований от населения, которое активно откликнулось на призыв о помощи. В одном только Барнаульском уезде к 1 июля 1904 г. на помощь семьям было собрано 50 009 руб. 18 коп. (Сибирская жизнь, 1904. № 174). Главным жертвователем в Алтайском округе явилось местное крестьянство, давшее в 1904 г. более 2/3 всей собранной суммы – 73 755 руб. 91,5 коп. (Ростов, 2005. С. 177). С каждым месяцем войны количество семей ратников, нуждающихся в социальной поддержке, росло. Так, в г. Томске в июне таких семей было 907, а в сентябре уже 1 015 (Сибирская жизнь, 1904. № 244). В целях повышения мотивации к службе в частях ополчения приказом по Военному ведомству от 10 июля 1904 г. № 404 были повышены оклады врачей и чиновников дружин до размеров денежного довольствия войсковых частей (Иллюстрированная летопись Русско-японской войны, 1904. С. 22).

Несмотря на усилия местных органов власти и благотворительных организаций, призыв на действительную службу ратников и нижних воинских чинов запаса в СибВО негативно сказался на положении их семей. В городах Сибири отмечался рост количества детей просящих милостыню на улицах, в деревнях увеличились площади земли, которые не были засеяны. Часто ратники и нижние чины, вернувшись с войны, заставали разоренные хозяйства. В СибВО имели место и нарушения порядка выдачи пособий и небрежность отдельных должностных лиц. Некоторые крестьянские начальники, пользуясь своим положением, удаленностью вышестоящих органов власти занимались на местах произволом. Так, в Косихинской волости Барнаульского уезда пособие не выдавалось тем, кому было положено, должностные лица брали с «солдаток» взятки за указание сведений об имуществе, которые позволяли получить пособие. Также у некоторых «солдаток» из пособия старостами были вычтены подати, а те, кто продал скотину для покупки хлеба, вообще пособия не получили (Сибирская жизнь, 1904. № 263). Тарский и Тюкалинский уездные распорядительные комитеты Тобольской губернии формально отнеслись к вопросу социальной защиты семей призванных ратников и нижних чинов запаса. Просьбы о помощи рассматривались не своевременно, деньги по волостям рассылались с опозданием (Сибирская жизнь, 1904. № 64). Это способствовало росту протестных настроений в Западной Сибири. Так, если в 1905 г. массовых выступлений крестьян было 417, то в 1906 – 671, а рост выступлений запасных солдат составил с 22 в 1905 г. до 60 в 1906 г. (Баяндин, 2007. С. 106–107).

Необходимо также отметить, что после введения всеобщей воинской повинности в Российской империи в 1874 г., государственные, военные и местные органы власти Сибири не имели практического опыта призыва ратников Государственного ополчения. В условиях русско-японской войны все органы власти и управления сибирских регионов приобрели необходимую практику проведения мобилизационных мероприятий.

Подводя итог, следует отметить, что в целом, Государственное ополчение СибВО выполнило возложенные на него задачи. Дружины охраняли железную дорогу и не допустили нарушения железнодорожного сообщения. В период первой русской революции, несмотря на агитацию, дружины не поддались провокациям и не выступили на стороне революционеров, что позволило сохранить управление железной дорогой в руках государственной власти. Ратники, направленные на пополнение боевых частей, добросовестно исполнили свой воинский долг перед Отечеством. В дальнейшем опыт призыва ратников Государственного ополчения был использован в ходе Первой мировой войны.

Библиографический список

Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Типография Русского товарищества, 1910. 470 с.

Баяндин В.И. Военнослужащие в Сибири в годы Первой русской революции // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы

References

Apushkin V.A. *Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg.* [The Russian-Japanese War of 1904–1905]. Moscow: Tipografiya Russkogo tovarishchestva Publ., 1910, 470 p. (In Russian).

Bayandin V.I. *Voennosluzhashchie v Sibiri v gody Pervoi russkoi revolyutsii* [Military servicemen in Siberia during the First Russian Revolution]. *Materialy Vserossiiskoi*

Всерос. науч. конф. (Томск, 19–21 октября 2005 г.). Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2007. С. 106–112.

Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. Особенности проведения мобилизации на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. №. 3–4. С. 96–104.

Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 388 с.

Иллюстрированная летопись Русско-японской войны (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). СПб.: Новый журнал иностранной литературы, 1904. Вып. 6. 136 с.

Комарова Т.С. «Едем братцы к Порт-Артуру, чтоб содрать с японца шкуру». Мобилизация в Енисейской губернии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал, 2012. Вып. 10. С. 45–52.

Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917): монография. Новосибирск, 1995. 246 с.

Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков: монография. Изд. 2-е, доп. и перераб. Барнаул: АлтГТУ, 2005. 304 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. В 10 т. Т. 7. Тыл действующей армии. В 2 ч. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. 600 с.

Русско-японская война 1904–1905 гг. В 10 т. Т. 7. Тыл действующей армии. В 2 ч. Ч. 2. Пути сообщения. Средства передвижения и сношений. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1910. 560 с.

Сибирская жизнь. Томск, 1904.

Сибирская жизнь. Томск, 1905.

Сибирский листок. Тобольск, 1904.

Томские губернские ведомости, 1904. № 36 (1904-09-09). 23 с.

nauchnoi konferentsii "Sibirskoe obshchestvo v period sotsial`nykh transformatsii XX v." [Proceedings of the Science Conference "Siberian Society in the Period of Social Transformations of the Twentieth Century"]. (Tomsk, October, 19–21, 2005.). Tomsk, 2007, pp. 106–112. (In Russian).

Gorelov Yu.P., Rostov N.D. Peculiarities of mobilization in the territory of Siberia in the wars of the beginning of the XX century. *Polzunovskii vestnik* [Polzunovsky Herald], 2003, no. 3–4, pp. 96–104. (In Russian).

Gorelov Yu.P. *Sibiryaki na zashchite Otechestva v voinakh nachala XX veka* [Sibirians on the defense of the Fatherland in wars of the early twentieth century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2003, 388 p. (In Russian).

Illyustrirovannaya letopis` Russko-yaponskoi voiny (po ofitsial`nym dannym, svedeniyam pechati i pokazaniyam ochevidtsev) [Illustrated chronicle of the Russian-Japanese War (according to official data, information of the press and testimonies of eyewitnesses).]. Saint Petersburg: Novyi zhurnal inostrannoi literatury Publ., 1904, iss. 6, 136 p. (In Russian).

Komarova T.S. "Let's go to Port Arthur to get rid of the skin from the Japanese". Mobilization in the Yenisei Gubernia during the Russian-Japanese War of 1904-1905. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-Historical Journal], 2012, iss. 10, pp. 45–52. (In Russian).

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. *Sibirskii voennyi okrug. Pervye stranitsy istorii (1865–1917)* [Siberian military district. The first pages of history (1865–1917)]. Novosibirsk, 1995, 246 p. (In Russian).

Rostov N.D. *Zemli Altaiskoi vernye syny. iz istorii doblesti i chesti voinskoi sibirskikh polkov* [The faithful sons of Altai lands. From the history of valor and honor of the military Siberian regiments]. Barnaul: Polzunov Altai State Technical University Publ., 2005, 304 p. (In Russian).

Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [The Russian-Japanese War of 1904-1905]. In 10 vol. Vol. 7. *Tyl deistvuyushchei armii* [Rear of the active army]. In 2 parts. P. 1. *Organizatsiya i deyatel`nost` upravlenii deistvuyushchei armii* [Organization and activities of the departments of the active army]. Saint Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno Publ., 1910, 600 p. (In Russian).

Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [The Russian-Japanese War of 1904-1905]. In 10 vol. Vol. 7. *Tyl deistvuyushchei armii* [Rear of the active army]. In 2 parts. P. 2. *Puti soobshcheniya. Sredstva peredvizheniya i snoshenii* [Ways of communication. Means of transportation and communication]. Saint Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno Publ., 1910, 560 p. (In Russian).

Sibirskaya zhizn`. Tomsk, 1904. (In Russian). [Siberian life. Tomsk, 1904]

Sibirskaya zhizn`. Tomsk, 1905. (In Russian). [Siberian life. Tomsk, 1905]

Sibirskii listok. Tobol`sk, 1904. (In Russian). [Siberian life. Tobol`sk, 1904]

Tomskie gubernskie vedomosti, 1904, no. 36 (1904-09-09), 23 p. (In Russian). [Tomsk Province Gazette]

Условия тылового обеспечения войск перед и в начале Русско-японской войны [Электронный ресурс]. URL: http://www.oboznik.ru/?p=31057 (26.12.2017).

Usloviya tylovogo obespecheniya voisk pered i v nachale Russko-yaponskoi voiny [Conditions for logistic support of troops before and at the beginning of the Russian-Japanese War]. Availabe at: http://www.oboznik.ru/?p=31057 (accessed December 26, 2017).

Сведения об авторах

Ростов Николай Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
656038, Российская Федерация, г. Барнаул, просп. Ленина, 46,
e-mail: ndrostov@mail.ru

Ширшов Михаил Александрович,
аспирант,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55,
e-mail: mih.shirshof@yandex.ru

Information about the authors

Nikolai D. Rostov,
Doctor of Sciences (History), professor of the Department of the Communicative, Social-Cultural and Educational Technologies,
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov,
46 prospect Lenina, Barnaul 656038, Russian Federation,
e-mail: ndrostov@mail.ru

Mikhail A. Shirshov,
postgraduate student,
Altai State Pedagogical University,
55 Molodezhnaya Str., Barnaul 656031, Russian Federation,
e-mail: mih.shirshof@yandex.ru

Критерии авторства

Ростов Н.Д. и Ширшов М.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Rostov N.D. and Shirshov M.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)«1915»
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-186-192

БОЕВОЙ ПУТЬ ПОЛКОВНИКА Б.В. ГЕРУА: ОТ БОЕВ ЗА ГАЛИЦИЮ ДО ГОРЛИЦКОГО ПРОРЫВА (1914–1915 гг.)

© К.А. Пахалюк

Российское военно-историческое общество,
101000, Российская Федерация, г. Москва, пер. Петроверигский, корп. 4, стр. 1.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов реконструирован боевой путь полковника Б.В. Геруа в рядах 31-й пехотной дивизии во время Первой мировой войны. Опубликованные в 1969 г. в Париже воспоминания Геруа активно привлекаются отечественными историками, и поэтому важно точно определить оперативно-стратегический контекст, на основе которых они созданы. Представленные материалы также наглядно показывают специфику боевых действий дивизии в боях за Галицию в октябре 1914 г. и в период Горлицского прорыва в апреле 1915 г. Соединение оказалось прямо на пути австро-немецкого прорыва, сумев, как свидетельствует Б.В. Геруа, проявить себя и ни разу не отойти без приказа. Обращение к документам позволяет уточнить причины этого «чуда», которое связано не только с героической стойкостью самих русских солдат: деятельность штаба дивизии, который заблаговременно продумывал пути отхода и сумел наладить взаимодействие между частями; активное пополнение дивизии и переброска свежих частей на ее участок. Подобный «тактический срез» боевых действий показывает особенности русского военного искусства, аргументированно возражая его поверхностной критике и недооценке героизма. Октябрьские бои 1914 г. – яркий пример позиционной войны, а апрельские события 1915 г. – опыт активной обороны и отступления при численном и огневом превосходстве противника.
Ключевые слова: *Первая мировая война, бои за Галицию, Горлицкий прорыв, Б.В. Геруа, русская императорская армия, Тарнов, тактика пехотной дивизии, Юго-западный фронт, Российская империя, вооруженные силы Российской империи.*

Информация о статье. Дата поступления 23 марта 2018 г.; дата принятия к печати 16 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Пахалюк К.А. Боевой путь полковника Б.В. Геруа: от боев за Галицию до Горлицкого прорыва (1914–1915 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 186–192. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-186-192

AMERICAN STORY OF COLONEL CHUBAKOV

© K.A. Pakhalyuk

Russian military historical society,
p. 1, 4 Petroverigskiy pereulok, Moscow 101000, Russian Federation

Abstract. In article on the basis of archival documents the author explores the fighting way of the Colonel B. V. Gerois, when he commanded the 123rd Kozlovsky infantry regiment and then was the chief-of-staff of the 31st infantry division. Published in 1969 in Paris, his memories are actively quoted by historians, and therefore it appears important to clarify the operational and strategic context, which then became the basis for this memoirs. Moreover, the presented materials allow us to clarify the peculiarities of the fighting of the 31st infantry division in the battles for Galicia in October 1914 and during the Gorlitsky breakthrough in April 1915. In particular, a special emphasis is made on the tactics of Russian infantry units in defense and retreat, the role of communication in the management of battles. In addition, it reveals why the 31st infantry division, who find themselves at the forefront of Austro-German strike in April 1915 managed, as Gerois put in his memoirs, never retreated without an order. The reference to documents allows to specify the reasons of this “miracle” which cannot be explained only by heroic firmness of the Russian soldiers. Such attention to the tactical side of combat operations allows to clarify the characteristics of

martial arts of the Russian army during the World War I. Neglect of this level, as a rule, leads to the formation of superficial judgments about the combat work of the Russian Imperial Army.
Keywords: *First World War, the battle for Galicia, Gorlitskiy breakthrough, Geroy, the Russian Imperial Army, Tarnow, tactics of infantry division, South-West front, The Russian Empire, the Armed Forces of the Russian Empire*

Article info. Received March 23, 2018; accepted for publication April 16, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Pakhalyuk K.A. Colonel B. Gerois in the World War I: from the battle for Galicia to Gorlitskiy breakthrough (1914–1915). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 186–192. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-186-192. (In Russian).

Идея этой статьи возникла при подготовке к первой научной публикации воспоминаний генерала Б.В. Геруа. Этот сборник (в него войдут также некоторые его другие произведения и документы) планируется издать в серии «Белые войны» в конце 2018 г. При работе над вводной биографической статьей мы обратились к архивным документам для уточнения его боевого пути. Однако отобранный материал, на наш взгляд, позволяет уточнить ряд интересных подробностей, связанных с боями в Галиции в 1914 г. и в период Горлицкого прорыва. Так, в апреле 31-я пехотная дивизия оказалась «на острие» австро-германского наступления, а потому уточнение особенностей ее боевых действий в этот период представляет, как мы считаем, несомненный научный интерес.

Б.В. Геруа родился в офицерской семье, окончил Пажеский корпус, откуда вышел в лейб-гвардии Егерский полк. По окончании Николаевской академии Генштаба отправился на театр русско-японской войны. Он находился при штабе генерала Куропаткина, организовывал разведку, получил несколько орденов. Б.В. Геруа был, безусловно, талантливым генштабистом. В мемуарах он постоянно противопоставляет «старое» (закостенелое, отжившее) и «новое». Прием позволяет ему четко формулировать опыт, превращать воспоминания в связанный текст, увлекательный нарратив. В кадетские и пажеские годы противостоят дисциплина и фамильярность, для последующих 15 лет службы – «новое» и «старое», «живое» и «мертвое». Подобные метафоры весьма характерны для мировоззрения Геруа.

Будучи человеком живым, творческим, хоть и лишенным харизмы, Б.В. Геруа пошел по наиболее свойственному для его характера пути – пути штабиста, тем самым обрек себя на нахождение долгое время на вторых ролях. И там, где ожидалась работа живой мысли, мозга армии, он зачастую встречал людей косных, ограниченных, склонных к бюрократии и канцелярщине, для которых «бумажка» приобретала «священное значение». Отсюда и попытки, хотя бы в мемуарах, отгородить себя от значительной части этого сообщества.

Весьма показательно, что в 1911 г. он оставил службу в Главном управлении Генерального штаба и до начала Первой мировой войны преподавал в Николаевской академии. Здесь он вошел в число реформаторов высшего военного образования, объединившихся вокруг полковника Н.Н. Головина и поддержанных начальником Академии генералом Д.Г. Щербачевым. Через год Геруа перевели на должность экстраординарного профессора, а «за отличия» вне очереди он произведен в полковники (РГВИА. Ф. 409 П. С. 312–943. Л. 7). Он выпустил две книги. В работе посвященной тактике технических войск Геруа подчеркивает роль телеграфной связи, призывая к ее гибкой организации за счет рассредоточения технических средств между штабами так, чтобы обеспечивалась связь не только «сверху – вниз», но и «снизу – вверх» (Геруа, Маневр, 1912. С. 114). Для Геруа очевидна необходимость использовать связь во время маневренных операций, чему необходимо учиться уже в мирное время, а также корректировать полевые уставы.

Второй книгой Геруа стала его докторская диссертация «Маневр как средство достижения цели боя». Во введении он указывал на критическую значимость стратегического и тактического маневра, способа его организации на исход боя: «необходимо заблаговременное, вне поля боя, нацеливание частей, и следовательно, создание такой группировки сил на марше, которая отвечала бы идее будущего боя» (Геруа, Тактика, 1912. С. 3).

Мы намеренно обращаем внимание на эти стороны научного творчества Б.В. Геруа, которые очень пригодились ему в 1914–1915 гг. Боевые успехи Геруа, по нашему мнению, и обуславливалась тем, что он осознавал всю важность связи и предварительного продумывания любого маневра.

В боях за Галицию 1914 г.

Начало Первой мировой для Б.В. Геруа началось с «курьеза». Намечалось назначить его начальником оперативного отдела штаба Юго-западного фронта, но он запоздал с приездом на день, и взамен назначен начальником цензурного отделения того же штаба. В условиях когда основные силы русской армии только мобилизовались, очевидно, что цензура была второстепенным вопросом. Впрочем, на этой должности Б.В. Геруа задержался недолго: в один из выездов к фронту он встретил командира корпуса Р.Д. Радко-Дмитриева, с которым был знаком ранее. И вскоре получил предложение принять в командование 123-й пехотный Козловский полк (31-я пехотная дивизия 10-го армейского корпуса). Хотя Геруа и состоял в чине полковника только 2,5 года (а значит было много «более законных претендентов»), его 23 сентября[1] 1914 г. утвердили в должности командира полка.

К этому времени русские войска потерпели поражение в Восточной Пруссии, а в Галиции, напротив, одержали крупнейшую победу над австрийцами, выбив их за р. Сан. Назначение Геруа совпало с неудачным для русских штурмом крепости Перемышль и обозначившимся усилением противника южнее. 25 сентября 3-я русская армия (командующий Р.Д. Радко-Дмитриев) с боями стала отходить за р. Сан. Австро-венгерский план форсировать Сан потерпел неудачу.

8-я русская армия (командующий А.А. Брусилов) оказалась в ином положении. На левом фланге 2-я австро-венгерская армия начала теснить русский 24-й армейский корпус, оказавший сильнейшее сопротивление. Попытки противника отрезать русских от Львова также не удались.

К 1 октября обстановка стабилизировалась, и уже Брусилов задумался о переходе в наступление. Его план удара левым флангом современные исследователи оценивают как авантюру – в горах при наличии резервов противника обходной маневр едва ли мог быть успешен. Однако попытка обхода сорвало наступление противника. На левом фланге 1 октября выяснился частичный успех 4-й стрелковой бригады генерала А.И. Деникина. Поэтому Брусилов решил начать наступление 2 октября, предварительно усилившись двумя пехотными дивизиями из 3-й армии. Одной из них и была 31-я пехотная дивизия, которую двинули в д. Мосчиску, в расположение 12-го армейского корпуса генерала Л. Леша. Оставшимися силами 3-я армия также перешла в наступление и в трехдневных боях овладела переправами через Сан.

Попытка наступления Брусилова провалилась, будучи парированной встречным наступлением. Однако правый фланг, а именно 12-й корпус генерала Леша, в ходе яростных атак 4–5 октября продвинулся вперед. Затем противник подтянул резервы и сам 5 октября перешел в контратаку: из-за запоздалого подхода 121-го пехотного Пензенского полка австрийцы сбили с позиций два полка 19-й пехотной дивизии и заняли гору Магера. Утром 6 октября австрийцы прорвали позиции 60-й пехотной дивизии у высоты 282 в направлении на д. Гусаково. В ответ был задействовал резерв из двух батальонов 124-го пехотного Воронежского полка с батареей 31-й артбригады. В течение дня прорыв удалось ликвидировать, а к вечеру воронежцы штыками отбросили австрийцев к д. Тышковице (РГВИА. Ф. 2202. Оп.1. Д. 270. Л. 53–54).

Значимость данных боев объясняется тем, что здесь русские солдаты прикрывали подступы к Львову, остановив продвижение 3-й австро-венгерской армии. Русское командование организовало активную оборону, при этом части 31-й дивизии были раздерганы и фактически перемешаны с войсками 19-й и 60-й пехотных дивизий. В мемуарах Б.В. Геруа весьма скупо описывает взаимодействие с соседями, что косвенно свидетельствует о том, что оно было организовано на невысоком уровне. Он отмечал: «Вообще в этот период действия Козловцев представляются мне оторванными и

[1] Все даты по старому стилю.
All dates are according to the old style.

не связанными с работой своей дивизии в целом. Мы, правда, постоянно чувствовали руку и глаз А.С. Саввича [*командир бригады* – прим. К.П.], но можно было подозревать, что 31-я дивизия, попав в район и в подчинение чужого корпуса (12-го) в качестве гастролера, употреблялась новым начальством враздробь, по полкам, для так называемого «затыкания дыр» в боевой линии или для укрепления пошатнувшихся участков». Как видно, пагубная практика (создания импровизированных отрядов) эпохи русско-японской войны не была изжита, внося сумятицу в управление боем. Положение 123-го полка осложняли необорудованные позиции и слабая поддержка артиллерии.

Интерес к этому бою мы проявляем и потому, что за него Б.В. Геруа был награжден Георгиевским оружием. Оно было утверждено спустя более чем год, 16 декабря 1915 г.: «командуя 123-м пехотным Козловским полком в боях с 8-го по 23 октября 1914 г. под крепостью Перемышль, отбил все настойчивые атаки значительно превосходных сил противника и, будучи все время под сильным огнем легкой и тяжелой крепостной артиллерии, не только не уступил позицию, но и сам, переходя в контратаку, взял в плен трех офицеров и более 150 нижних чинов» (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 180090. П. с. 165–977). Постараемся подробнее рассмотреть упомянутые бои.

6 октября 1914 г. три полка 31-й дивизии сменили 19-ю дивизию. Весь день 7 октября 123-й полк Геруа находился под обстрелом, а 1-му батальону вообще угрожал охват ввиду ситуации справа, на фронте 60-й дивизии. Еще утром противник сумел атакой через высоту 311 частично пленить, частично рассеять батальон 237-го пехотного Ветлужского полка. Дальнейшие атаки поставили 60-ю дивизию в тяжелое положение, и только подошедшие резервы, а также содействие со стороны 31-й дивизии выправили ситуацию. Козловцы держали оборону от наседающего противника, причем попали в тяжелое положение ввиду отсутствия поддержки артиллерии.

9 октября атаки австрийцев продолжились. Корпуса 3-й австро-венгерской армии не оставляли попыток прорваться к Львову. Против 12-го корпуса действовала группа фельдмаршал-лейтенанта Х. фон Чученталера (пехотная дивизия ландвера и стрелковая бригада). Противник понес большие потери, но так и не сломил оборону русских. От огня тяжелой артиллерии сильно пострадал 1-й батальон 123-го Козловского полка: в окопах были засыпаны одна рота и пулеметная команда. Затем во фланг начали вести продольный огонь австрийские пулеметы, заставившие 1-й батальон отойти. Геруа бросил в контратаку 4-й батальон и две роты 122-го Тамбовского полка. У кладбища Мизинца завязался штыковой бой, атака противника была отбита (Нелипович, 2013. С. 478), но австрийцы временно закрепились у кладбища. Тогда «были направлены часть Козловского и один батальон Тамбовского полков; к 4 часам дня австрийцы выбиты из кладбища» (РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 270. Л. 57).

Однако штаб дивизии решил полностью вернуть утраченные позиции. Утром 10 октября по приказу начальника штаба 31-й дивизии 3-й батальон козловцев капитана Яковлева и 4-й батальон 122-го пехотного Тамбовского полка капитана Лухонина перешли в наступление. Изначально наступление развивалось успешно, однако вскоре 3-й батальон потерпел неудачу. Ему на помощь направили 4-й батальон подполковника А.А. Пургасова, который пошел в штыки и без единого выстрела к 6 ч утра взял позицию, а вместе с нею 2 офицера и 105 солдат (Нелипович 2013. С. 487). В ответ австрийцы открыли огонь и снова потеснили 1-й батальон 123-го полка. Он отошел к околице и только благодаря действиям Геруа сумел окопаться. Неудача была обусловлена отсутствием поддержки артиллерии. К вечеру позиции были усилены подразделениями 75-го пехотного Севастопольского полка. В журнале военных действий корпуса сказано: «На фронте 31-й дивизии противник перешел утром в наступление на участок у с. Мизинец и оттеснил Козловский полк на высоты восточного берега ручья у с. Мизинец… весь день велся лишь артиллерийский и ружейный огонь на фронте всех частей корпуса» (РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 270. Л. 57, 58 об.). За эти дни 123-й полк потерял 1 офицера и 700 нижних чинов убитыми, 13 офицеров и 781 нижних чинов ранеными, 157 пропали без вес-

ти. Все пулеметы были подбиты (Нелипович, 2013. С. 487–488).

11 октября атаки противника продолжились, свежие силы севастопольцев держались, а козловцы к концу дня все же оставили фольварк Мизинец. Дальнейшие атаки австрийцев отражены с большими для них потерями. 13-14 октября противник пытался наступать в стык между 31-й и 12-й дивизиями, но был отбит.

Тем временем под Варшавой немцы потерпели поражение. 16 октября последовала общая директива австро-венгерского командования об отходе. С 15 по 21 октября части 12-го корпуса оставались на прежних позициях, а 22 октября начали преследование отходящего противника. Днем пришел приказ о выводе 31-й дивизии с фронта и о направлении ее в состав 3-й армии в Краковец (РГВИА. Ф. 2202. Оп.1. Д. 270. Л. 63 об – 64 об.).

6 декабря была проведена артподготовка, а 7 декабря 31-я дивизия пыталась перейти в наступление на Биеч. Успех сопутствовал 121-му полку, который сумел овладеть высотой 309 (РГВИА. Ф. 2361. Оп.1. Д. 162. Л. 79,80). 10 декабря последовала контратака противника, в ходе которой едва не захватил наши батареи. Здесь отличился 123-й Козловский полк, который отстоял орудия и отбросил врага (более подробно описание боя дается в приложении). К концу 1914 г. 31-я дивизия, включая 123-й полк, расположилась по р. Дунаец, недалеко от города Тарнов.

Не считая отдельных попыток противника (как например, 23 февраля или 5 марта) (РГВИА. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 74–76) атаковать расположение дивизии, зимняя стоянка оказалась затишьем перед бурей. Ею стало мощное наступление австрийцев и немцев 19 апреля под Горлицей, положившее начало «Великому отступлению» русской армии. Прорыв готовили соединения вновь сформированной 11-й германской армии генерала А. фон Маккензена. Ему была подчинена 4-я австро-венгерская армия, а 3-я армия оказывала содействие. На участке прорыва противник обеспечил себе превосходство в живой силе в 2 раза, в тяжелой артиллерии – в 40 (Горлицкая операция, 1941. С. 12).

Основной удар пришелся по войскам 3-й русской армии. Геруа, как начальник штаба 31-й пехотной дивизии, вспоминал, что за месяц до прорыва были замечены немецкие приготовления, однако русское верховное командование недооценило угрозу. В отчете о боях дивизии упоминалось, что уже к 16 апреля смысл перегруппировки противника был разгадан. Захваченные пленные свидетельствовали: прибывали свежие германские части, против каждого русского полка сосредоточивалась дивизия. С 15 апреля артобстрелы стали более методичными.

Предложение командующего 3-й армией Радко-Дмитриева отойти на несколько переходов, чтобы вывести войска из-под удара и сохранить силы для маневра, штаб Юго-западного фронта и Ставка проигнорировали. Рассчитывали, что численность русских войск обеспечит устойчивость, а готовящееся общее наступление восстановит положение. Штаб фронта лишь выдвинул к центру 3-й армии резервы (3-й Кавказский корпус и одну второочередную дивизию).

Однако, уже в первые дни прорыва 3-й армии были нанесены тяжелейшие потери, войска стали отходить. Непосредственно в районе прорыва находились две слабые второочередные дивизии, которые и не могли сдержать превосходящие силы

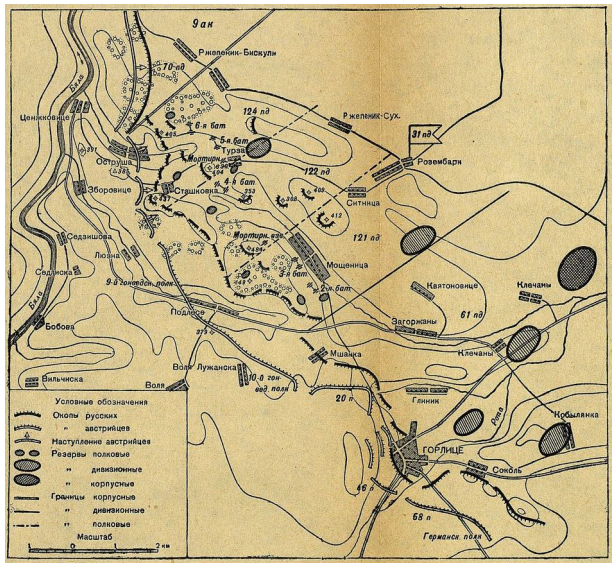


Рис. 1. Расположение 31-й пех. дивизии и фланги ее соседей 18 апреля (1 мая) 1915 г.
Fig. 1. Location of the 31st Infantry Division and its neighbors' flanks. April 18 (May 1) 1915

противника. Сам же 10-й корпус, не обладая крупными резервами, был растянут на фронте в 36 км. Огневое превосходство противника сделало свое дело, однако нельзя не признать, что первоочередные дивизии (в т.ч. и 31-я) проявили сравнительно большую устойчивость. Правда, за это пришлось заплатить огромную цену: за первые десять дней боев в 31-й дивизии осталось не более тысячи штыков (Бонч-Бруевич, 1926. С. 34).

Геруа отмечал, что ураганный огонь немецких орудий нарушил управление между частями. Однако катастрофы удалось избежать, во-первых, ввиду высокого боевого духа русских солдат (« было чудом, что они несмотря ни на что держались»), тактического мастерства, а также умелой работе штаба дивизии, когда все необходимые приказы, в том числе и об отходе, отдавались заблаговременно. «Как только завязывался наш очередной дневной бой, я решал по карте, на основании общих данных об обстановке, добываемых от штаба корпуса, в каком направлении и по каким путям нам придется отходить в случае, если этого потребуют обстоятельства. Сообразно с этим моим решением, в котором, само собою понятно, рядом с твердыми фактами стояли и догадки, я составлял полевые записки с инструкциями командирам полков и артиллерии, что делать и по какой дороге идти по получении приказания об отходе. Записки эти доставлялись задолго до темноты по адресу в строго секретном порядке. Таким образом, начальники частей в свою очередь получали возможность заблаговременно обдумать порядок выхода из боя и дальнейшего отступления» (Геруа, 1969. С. 79).

Обращение к архивным документам позволяет подтвердить оценки мемуариста. Следует отметить, что противник, как правило, наносил основной удар по соседям 31-й пехотной дивизии, а краткосрочные успехи обороны обусловливались вводом все новых резервных частей. Если рассматривать события на уровне всей армии, то вряд ли можно положительно оценить попытки шаблонно держаться за позиции, на которых русские войска обливались кровью и в итоге отступали.

Библиографический список

Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 году. В 2 ч. Ч. 2. М. – Л., 1926. 246 с.

Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Т. 2. Париж, 1969. 218 с.

Геруа Б.В. Маневр как средство достижения цели боя. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1912. 133 с.

Геруа Б.В. Тактика технических войск. Санкт-Петербург: «Новое время», 1912. 195 с.

Горлицкая операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1941. 408 с.

Незнамов А. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. В 7 т. Т. 3. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. 104 с.

Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М.: «Минувшее», 2013. 800 с.

References

Bonch-Bruevich M.D. *Poterya nami Galitsii v 1915 godu* [The loss of Galicia in 1915]. In 2 vol. Vol. 2. Moscow – Leningrad, 1926, 246 p. (In Russian).

Gerua B.V. *Vospominaniya o moei zhizni* [Memories of my life]. In 2 vol. Vol. 2. Paris, 1969, 218 p. (In Russian).

Gerua B.V. *Manevr kak sredstvo dostizheniya tseli boya* [Maneuver as a means to achieve the goal of combat]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1912, 133 p. (In Russian).

Геруа Б.В. Тактика технических войск [Tactics of technical troops]. Санкт-Петербург: «Новое время», 1912. 195 с.

Gorlitskaya operatsiya: sbornik dokumentov mirovoi imperialisticheskoi voiny na russkom fronte (1914–1917 gg.) [Gorlitsa operation: a collection of documents of the World Imperialist War on the Russian Front (1914–1917).]. Moscow: Venizdat Publ., 1941, 408 p. (In Russian).

Neznamov A. *Strategicheskii ocherk voiny 1914–1918 gg.* [Strategic outline of the War of 1914-1918]. In 7 vol. Vol. 3. Moscow: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet Publ., 1922, 104 p. (In Russian).

Nelipovich S.G. *Krovavyi oktyabr` 1914 goda* [Bloody October of 1914]. Moscow: “Minuvshee”, 2013, 800 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Пахалюк Константин Александрович,
ведущий специалист научного отдела,
Российское военно-историческое общество,
101000, Российская Федерация, г. Москва, пер. Петроверигский, корп. 4, стр. 1,
e-mail: kap1914@yandex.ru

Критерии авторства

Пахалюк К.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Konstantin A. Pakhalyuk,
Chief specialist of the Science Department,
Russian military historical society,
p. 1, 4 Petroverigskiy pereulok, Moscow 101000, Russian Federation,
e-mail: kap1914@yandex.ru

Attribution criteria

Pakhalyuk K.A. carried out research work, based on the obtained results he carried out generalizations, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 947.083.76(571.63):362.92
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-193-205

БЕЖЕНЦЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

© Т.З. Позняк

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Аннотация. Первая мировая война, революция и гражданская война превратили Россию в страну вынужденной миграции. Волна беженцев докатилась и до дальневосточной окраины. Их численность во Владивостоке в годы Первой мировой войны была значительно меньше, чем в Европейской России или Сибири, тем не менее, в условиях нехватки жилья и финансов помощь беженцам и обеспечение их повседневных нужд превратилось в серьезную проблему для городского самоуправления и Комитета помощи беженцам, который организовал размещение беженцев в военных казармах, питание и выплачивал пособия. После революции Комитет прекратил свою работу, забота о беженцах перешла на городское самоуправление. С началом интервенции жилищный кризис во городе приобрел масштабы катастрофы, беженцам приходилось жить в холодном, загрязненном, переполненном здании вокзала или вагонах на железнодорожных путях. С началом эпидемии тифа в городе в начале 1919 г. вокзал превратился в один из ее основных очагов, однако многие представители войск интервентов, занявшие большинство военных казарм в городе, не соглашались отдать их под нужды беженцев. С большим трудом городскому самоуправлению удалось добиться отвода казарм на окраине города. Организацией помощи беженцам ведала Комиссия общественного призрения, она обеспечивала их кровом в ночлежных домах и общежитиях, благотворительные организации иногда выдавали пособия, белье, одежду и обувь.
Ключевые слова: *Первая мировая война, Гражданская война, Владивосток, беженцы, городское самоуправление, общественное призрение, Комитет помощи беженцам, квартирный кризис.*

Информация о статье. Дата поступления 1 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 5 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-193-205

THE REFUGEES IN VLADIVOSTOK FROM THE FIRST WORLD WAR TO THE CIVIL WAR: PROBLEMS OF SURVIVAL AND PUBLIC CHARITY

© T.Z. Poznyak

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation

Abstract. In the First World War Russia became a country of forced migration, this process continued during Revolution and Civil War. The wave of refugees has come to the far Eastern outskirts. The number of refugees in Vladivostok was less than in European Russia and Siberia, nevertheless, the placement and provision of daily needs of refugees has become a problem for the city government and the public in the conditions of the housing crisis and the lack of finances. The Refugee Assistance Committee organized the accommodation of refugees in military barracks, meals and paid stipends. The committee's work was cut short after the revolution due to a lack of funds and people who wanted to work there. The care for refugees was entrusted to the city government and Public Charity Commission. With the beginning of the intervention the apartment crisis turned into

a disaster, the refugees had to live in a cold, polluted, crowded railway station building or railroad cars. With the onset of the typhus epidemic in the city in early 1919, the station turned into one of the main hotbeds of the epidemic, but representatives of the intervention forces, who occupied the majority of military barracks in the city, did not agree to give them to the needs of refugees. With great difficulty, the city self-government succeeded in securing the withdrawal of the barracks on the outskirts of the city. The city self-government in the person of the provided part of the refugees with blood in doss-houses and hostels, repaired, heated them, the charity organizations gave allowances, linen, clothes and shoes.

Keywords: *World War I, Civil War, Vladivostok, refugees, city government, Refugee Assistance Committee, unemployment, housing crisis, public charity*

Article info. Received February 1, 2018; accepted for publication March 5, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Poznyak T.Z. The refugees in Vladivostok from the First World War to the Civil War: problems of survival and public charity. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 193–205. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-193-205. (In Russian).

Первая мировая война, кроме ужасов и трудностей, переживаемых солдатами на полях войны, породила множество социальных проблем в тылу, вызвала массовую вынужденную миграцию населения и появление в стране новых групп населения, нуждавшихся в помощи (семьи нижних чинов, призванных на войну, сироты, беженцы, инвалиды и пр.). Проблемы размещения, питания и трудоустройства беженцев в разных регионах страны наложились на прочие трудности – нехватку продовольствия и жилья, рост цен, что привело к резкому ухудшению условий жизни населения страны и социальной напряженности. «Огромные массы людей, сорванные с обжитых мест голодом, военными действиями, бесчинствами войск и страхом за свое будущее, порождали ситуацию, называемую на современном языке гуманитарной катастрофой» (Минаев, 2001. С. 5).

Первые работы, специально посвященные проблеме беженцев в России, начали появляться еще в 1990-х гг. (Белова, 2014. С. 41), к настоящему времени совершен большой прорыв в исследовании этой проблемы не только на материалах Европейской части страны, но и Урала, и Сибири. Исследователями рассматривалась как общая постановка дела приема и обустройства беженцев в империи в годы Первой мировой войны и гражданской войны, правовые основы его организации, так и деятельность региональных администраций и общественности в этой сфере. В последние годы наблюдается колоссальный подъем интереса к данной теме (Белова, 2014; Курцев, 1999; Ростов, Горелов, 2015; Рынков, 2014, 2014; Михалев, Пьянков, 2015; Туманова, 2013; Шиловский, 2015; и др.). Изучение беженства на российском Дальнем Востоке ограничивалось периодом, включающим Первую мировую войну (Иконникова, 1999. С. 208-243) и исследования призрения детей в годы гражданской войны (Пай, 2008, 2012).

Целью данной статьи является изучение повседневной жизни беженцев во Владивостоке в период от Первой мировой войны до гражданской войны и деятельность региональной администрации, местного самоуправления и общественных организаций по решению их проблем.

Размещение беженцев на Дальнем Востоке не планировалось, несмотря на это, в августе 1915 г. первые беженцы по своей инициативе прибыли во Владивосток. Городской голова вышел с инициативой объединения всех сил для организации помощи им. В городе еще не стихла патриотическая волна, и предложение головы активно поддержала местная общественность. На организационном заседании 2 сентября 1915 г. собралось 96 чел., представлявших 59 организаций, был создан Комитет помощи беженцам (далее - Комитет), состоящий из 8 секций: регистрационная, квартирная, хозяйственно-продовольственная, врачебно-санитарная, учебная, юридическая, трудовая и секция религиозно-духовных нужд (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 4, 71-72, 82-83).

С середины октября беженцы начали прибывать во Владивосток еженедельно и к концу октября было зарегистрировано 890 беженцев (Далекая окраина 1915. 24, 25 окт.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 114, 116). С конца октября беженцев на вокзале кормили горячей едой, в день отпускалось 50 обедов, питание организовал Местный комитет

Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, средства поступали от сборов кофейни «Чашка чая», организованной местными дамами, где они сами же и работали (Там же. 1915. 28, 31 окт., 28 нояб.).

Беженцев разместили на окраине города - в казармах военного ведомства в «Гнилом углу»[1]. Эти помещения находились в антисанитарном состоянии, требовали побелки, устройства печей и бани, необходимо было заготовить топливо и нанять служащих для отопления помещений, принять меры врачебно-санитарного характера, этим первоначально и занялись члены Комитета (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 108-108 об.). В казармах было организовано питание «из общего котла», с 21 по 31 октября, например, ежедневно питалось от 237 до 360 чел. в день, всего за этот период накормили 3 285 чел. При артельном довольствии ежедневное питание беженцев обходилось в 32 коп. на чел. (Далекая окраина. 1915. 5, 25 нояб.)

Местные газеты были переполнены критическими статьями, авторы которых указывали на бездействие Комитета. В статье «Беженцы в Гнилом углу» автор описал ужасающее состояние отведенных беженцам казарм и их положения: «в одной казарме были хотя бы койки и тюфяки, в другой же – взрослые и дети были вынуждены спать на голых нарах “вповалку”», беженцы страдали от холода и вшей, жаловались на плохое питание, отсутствие умывальников и приспособлений для стирки, медицинской помощи и негативное отношение населения. Журналисты указывали на бездействие трудовой секции, которая не собрала сведения ни о существующих в городе вакансиях, ни о профессиях беженцев (Далекая окраина. 1915. 25, 27 окт.)

Однако Комитет не бездействовал, хотя не все его секции работали одинаково интенсивно: учебная - провела обследования местных школ и выявила 304 места для детей беженцев; врачебно-санитарная – установила ежедневное дежурство врачей на период с 1 по 15 ноября, приступила к организации амбулаторной помощи в казармах, для чего отвела несколько комнат – под аптеку, приемную, больничный покой с 3 кроватями и для фельдшера (Далекая окраина. 1915. 1 нояб.) Комитет призвал население пожертвовать средства, одежду и предметы первой необходимости для беженцев, на призыв откликнулись рабочие порта и нижние чины местного гарнизона, собрали средства, закупили зимние тужурки (Там же. 1915. 22 окт., 4, 5 нояб.).

Не все разделяли энтузиазм местного общества, среди населения стали распространяться слухи, что беженцы не хотят работать и требуют за свой труд «непомерной оплаты». В местной прессе, с одной стороны, писали о фактах иждивенческих настроений среди беженцев, с другой - корили обывателя, что он, склонный «искать оправдание своей инертности в деле помощи беженцам, рад воспользоваться этими слухами для собственного оправдания» (Далекая окраина. 1915. 27 окт.)

По мере того, как росло число беженцев в городе, а государственных средств на выплаты пособий в регион не поступало, возникли трудности с финансированием призрения беженцев. К 14 ноября в городе было зарегистрировано 1 238 беженцев, 29 декабря – 1 627 (Далекая окраина. 1915. 25 нояб., 9, 23, 31 дек.). Во Владивосток направлялась лишь небольшая часть беженцев из всего потока, следующего на восток. К началу 1916 г. в Сибирь прибыло 160 тыс. чел. (Рынков, 2014. С. 30). В октябре 1915 г. на помощь беженцам городское самоуправление выделило 6 000 руб., Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) – 10 000 руб. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 108-109, 118, 119). От государства средства на возмещение расходов региональных Комитетов поступили только в конце ноября 1915 г. – 45 тыс. руб., из них Приморский областной Комитет получил 20 тыс., которые необходимо было разделить между всеми городами и населенными пунктами области (Иконникова, 1999, С. 221-222; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 519. Л. 297). На конец августа 1916 г. ВСГ местному Комитету помощи беженцам выделил 25 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 124). Выделенные

[1] Район города к востоку от восточной оконечности бухты Золотой Рог, получивший свое название из-за туманов, которые оттуда наползали на город.
The area of the city to the east of the eastern extremity of the Golden Horn Bay, received its name due to fogs, which from there poured into the city.

Рис. 1. Восточная оконечность бухты Золотой Рог, получившая название «Гнилой угол». Фото М. Хаскелла
Fig. 1. The eastern end of the Golden Horn, which was called the "Rotten Corner". Photo by M. Haskell

городом и ВСГ средства не покрывали расходов Комитета, финансы его стремительно таяли, в конце декабря 1915 г. было решено лишить права на «всякое довольствие» беженцев, получивших работу или отказавшихся от предложенной работы. Лица, не приискавшие себе занятий, получали пособие в течение определенного времени, право же на бессрочное пособие имели только нетрудоспособные. Город был разделен на 9 попечительных участков, в каждом из которых назначены заведующие, которые сразу провели обследование беженцев на вверенных им участках. Согласно его результатам 21-22 декабря Комитет провел выплату пособий (Далекая окраина. 1915. 25 нояб., 22, 23 дек.). Проживавшим отдельными семьями на частных квартирах выдавалось продовольственное пособие деньгами: взрослому по 30 коп. в день, ребенку до 5 лет – по 15 коп. Жившим в общежитии продовольственная помощь по-прежнему оказывалась «натурой из общего котла». В апреле 1916 г. Комитет оставил пособие только детям до 14 лет и одному из трудоспособных членов семьи, который не мог работать из-за присмотра за детьми (Иконникова, 1999. С. 218-219; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 474. Л. 3).

Уже к концу 1915 г. волна массовой поддержки благотворительных начинаний пошла на убыль, и дело призрения беженцев легло на плечи немногочисленных энтузиастов. В городе наблюдалась острая нехватка жилых помещений, беженцы не могли найти дешевых квартир и даже углов, большинство их по-прежнему проживало в казармах в «Гнилом углу». В феврале 1917 г. в виду угрозы эпидемии тифа во Владивостоке состоялось экстренное заседание городской управы, где было обращено внимание «на антисанитарное состояние общежития беженцев (низкую температуру помещений, отсутствие теплых клозетов, грязь и др.)» и Комитету предложили создать более благоприятные условия для жизни беженцев, однако стесненность в средствах не позволяла изменить ситуацию (Далекая окраина. 1915. 4 нояб.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 703. Л. 75 об.).

После Февральской революции 1917 г. местное общество было охвачено борьбой за власть, благотворительность отошла на второй план, в ней появились другие приоритеты – население охотнее жертвовало на пострадавших от царских репрессий «борцов за свободу» и забыло воинов, членов их семей, сирот и беженцев. В марте 1917 г. Владивостокская дума заслушала доклад управы, согласно которому Комитет заявлял о тяжелом положении призреваемых беженцев и невозможности удовлетворить их нужды в виду отсутствия «как материальных средств, так и лиц, желающих работать по удовлетворению нужды беженцев». Комитет также просил сообщить городской управе о прекращении действия Комитета, чтобы она приняла беженцев под свое покровительство, или же передала их другой организации. Управа предложила передать

дело помощи беженцам Дальневосточному областному комитету союза городов, и дума согласилась (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 132).

Осенью 1917 г. положение прибывавших в город беженцев осложнилось, жилищная нужда в городе приняла «угрожающие формы», в октябре 1917 г. Латышское общество обратилось в управу с просьбой помочь в размещении прибывших в город 40 беженцев, в виду невозможности разместить их в казармах в «Гнилом углу». Беженцы вынуждены были неделями жить на вокзале в совершенно антисанитарных условиях (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 55). В начале декабря 1917 г. ВГД приняла постановление № 224 «Об открытии временного ночлежного дома»: «Идя навстречу удовлетворению жилищной нужды, принявшей в городе, за последняя время, угрожающие формы, ГУ на ряду с другими мероприятиями приступила в первую очередь к очистке вокзала от скопившейся там, за неимением квартир, публики. С этой целью, войдя в соглашение с военным ведомством, в здании гарнизонной гауптвахты устроен временный ночлежный дом, состоящий из 34 малых, 3 средних и 3 больших комнат». (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 221; Д. 783. Л. 44 об.). Еще в конце октября Комиссия из представителей городской управы, Совета рабочих и военных депутатов, Центрального бюро профессиональных союзов определила правила пользования ночлежным домом: он предоставлялся вновь прибывающим во Владивосток лицам в платное пользование: малые комнаты - одной семье, средние – двум семьям; три большие комнаты использовались исключительно для ночлега. Срок пользования комнатами устанавливался двухнедельный и только в особо исключительных случаях мог быть продлен постановлением Жилищной комиссии, которая и занималась вселением в ночлежный дом. Заведывание им поручалось члену городской управы Н.Е. Доенину (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 221, 239-240). После открытия ночлежный дом сразу же был заполнен жильцами, которые поселились там на постоянной основе, и уже в декабре все обращения бесприютных об удовлетворении их ночлегом к председателю Жилищной комиссии Е. Геруцкому оставались без удовлетворения.

В декабре 1917 г. в городе не было ни работы, ни дешевого жилья, по примеру Петрограда и Москвы, закрывших к себе въезд, во Владивостоке пытались ограничить приток беженцев и лиц, ищущих работу: в местных газетах было опубликовано «Обращение» городской думы и объединенного Исполкома Совета: «С наступлением зимнего времени и прекращением прихода иностранных пароходов, в городе Владивостоке все острее и острее чувствуется безработица. В Биржу труда ежедневно являются сотни людей, ищущих работу. Слухи о баснословных заработках во Владивостоке привлекают сюда рабочих из области и из центра России. Одновременно с наплывом людей все острей и острей становится квартирный кризис. Все, что можно приспособить под жилье, приспособлено. Приезжающим приходиться ютиться по целым неделям в переполненном людьми вокзале. Но если и дальше так будет продолжаться, то и на вокзале не будет места, и вновь прибывающие рискуют при зимних морозах остаться без всякого крова. Существующие здесь организации … делают все от них зависящее, чтобы помочь населению найти кров и работу. Но эти организации считают своим долгом заявить, что им стоит больших трудов устраивать уже осевшее во Владивостоке население; поэтому они слагают с себя всякую ответственность за то, если вновь прибывшие останутся без работы и без квартиры…» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 193).

Зиму и весну 1918 г. Совет рабочих и солдатских депутатов и городская управа пытались хоть как-то улучшить положение безработных и беженцев. В январе - феврале 1918 г. была образована Комиссия по разработке плана общественных работ, предоставлены для безработных и беженцев работы по очистке улиц и трамвайных путей от снега, очистке и ремонту тротуаров, пошиву белья для интендантства, однако в виду отсутствия средств эта деятельность быстро заглохла (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 831. Л. 6-7, 10, 12-18).

После чехословацкого переворота 29 июня 1918 г. и падения Советской власти в городе к работе вновь приступила Приморская областная земская управа (ПОЗУ) (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 14. Л. 39 об.; Д. 27. Л. 1). Призрением беженцев, как и

остального нуждавшегося в помощи населения, занималась городская Комиссия общественного призрения, земство и иностранные благотворительные организации. С начала июля 1918 г. ПОЗУ был организован Отдел общественного призрения, деятельность его регулировалась циркуляром от 8 августа 1918 г. № 893 Отдела призрения Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства, а также Временным положением о призрении беженцев, разосланным на места в середине сентября. В этих документах было детально прописано, кто из беженцев и на какие виды помощи имел право (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 30). Забота о беженцах возлагалась на городские и земские самоуправления с выделением из казны небольших средств. Согласно Временному положению, беженцами считались «граждане, покинувшие свое постоянное местожительство в местностях, занятых неприятелем или объявленных в эвакуации». Призрению подлежали неимущие, дети, больные и нетрудоспособные взрослые. Продовольственное пособие получали дети до 14 лет. Из взрослых считались нетрудоспособными мужчины, достигшие 55 лет, женщины старше 50 лет, женщины перед родами, в послеродовом периоде, имеющие детей до 5 лет, а также лица, не способные работать из-за физических недостатков и увечий (последнее должно было определяться врачом). Предоставлялось питание, квартира, лечение больных, обучение детей в учебных заведениях в виде денежного пособия или натурой. Продовольственное пособие на одно лицо определялось стоимостью продуктов, входящих в состав продовольственного пособия семьям, призванных на военную службу, но не должно было превышать 45 руб. в мес. Квартирное пособие составляло 10 руб. в мес. на каждого беженца, имеющего права на призрение, начиная с пятилетнего возраста. Вместо него организации, ведавшие беженским делом на местах, имели право помещать беженцев в общежитие независимо от семейного состава и трудоспособности. Содержание общежития, наемная плата, ремонт, отопление, освещение, кипячение воды производилось за счет государственного казначейства. Каждый неимущий беженец имел право на бесплатное лечение за счет государства в городских и земских больницах (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 31).

Обучение в низших школах земских и городских детей беженцев производилось за счет государства, причем расходы по оборудованию и содержанию школ, открываемых для беженцев, местному самоуправлению возмещались государством по действительной стоимости согласно сметам, утверждаемым МВД. Организациям, ведавшим призрением беженцев, предоставлялось право помещать за казенный счет в учреждения Общественного призрения беспризорных беженских детей, престарелых и увечных беженцев. Беженцы, пользовавшиеся общественным призрением, были обязаны по вопросам о выезде на родину или переезде на жительство в другие местности подчиняться соответствующим организациям, отказывавшиеся подчиняться этому правилу, лишались права на помощь (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 31 об.).

Однако благие намерения правительства упирались в отсутствие средств, поэтому Отдел призрения ПОЗУ ограничивался сбором сведений о беженцах по уездам и городам и их распределением, а в случаях особо уважительных причин «переводворением» беженцев из одного уезда в другой (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 9). Почти все местные благотворительные организации за вторую половину 1917 г. – начало 1918 г. распались, и органы местного самоуправления, вынужденные самостоятельно справляться с призрением нуждавшихся, обращались за средствами в областное земство. Помощь нуждавшимся оказывали только Американское и Японское общества Красного Креста (Там же. Л. 13 об.).

После прихода к власти Колчака ПОЗУ и ВГД продолжали действовать в качестве органов местного самоуправления. В 1919 г. делом призрения продолжал ведать Отдел призрения при ПОЗУ, директивы поступали из МВД через управляющего областью Эверсмана. Летом 1919 г. в условиях отсутствия в городе жилья и работы местные власти - гражданские и военные - единственный выход видели в закрытии города для беженцев и распределении их по другим населенным пунктам. Начальник Штаба Владивостокской крепости настоятельно

рекомендовал беженцев, прибывавших во Владивосток морем, направлять на жительство в Барабаш, Славянку, Новокиевск и Посьет, прибывавших же по железной дороге - задерживать в Никольске-Уссурийском или Раздольном, и предложил использовать в Барабаше, Посьете и Раздольном под размещение беженцев пустующие полковые казармы. В июле 1919 г. управляющий областью Эверсман предложил земскому и городскому самоуправлению позаботиться хотя бы на первое время обеспечением беженского населения в указанных населенных пунктах питанием и работой (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 18). Комендант Владивостокской крепости полковник Бутенко решил пойти еще дальше и запретить въезд в район крепости лицам, не имевшим в ней постоянного жительства. В письмах председателю ПОЗУ и Владивостокскому городскому голове 27 июля 1919 г. он предупредил, что приказ о запрете въезда в город лицам, не имеющим в нем постоянного жительства, будет издан одновременно с приказом о выселении беженцев, находившихся во Владивостоке и не связанных с городом работой (Там же. Л. 17).

Однако эти решения не привели к освобождению города от беженцев, они по-прежнему жили в здании вокзала, занимали вагоны, необходимые железной дороге. В подобном положении беженцы находились по всей Сибири (Рынков, 2014. С. 104). На имя управляющего Приморской областью 12 сентября 1919 г. Министр внутренних дел Пепеляев прислал телеграмму, предложив «принять все меры к немедленному освобождению прибывающих вагонов от беженцев и эвакуированных учреждений», размещению их в местах водворения, а также удовлетворять эвакуированных служащих, согласно постановления Совета Министров от 5 мая 1919 г. № 143, окладами «содержания эвакуированных служащих, состоящих в резерве», «широко используя их труд» (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 24).

Несмотря на предпринимаемые властями меры нормативного и директивного характера в попытках улучшить положение беженцев, в условиях отсутствия средств оно только ухудшалось, а с прибытием в город войск интервентов квартирный кризис приобрел характер апокалипсиса (Позняк, 2017. С. 340–341). К октябрю 1918 г. в городе присутствовало 73 тыс. чел. союзных войск, к концу года около 150 тыс. (Гражданская война 1987. С. 230; Шишов, 2005. С. 269). Военные потребовали вернуть здания, отданные под заселение беженцев в прежние годы: 13 сентября 1918 г. Командующий войсками Приморской области попросил городские власти освободить здание гауптвахты по Посьетской улице, отданное в конце 1917 г. под ночлежный дом, однако из-за отсутствия подходящих свободных зданий город не спешил исполнять это требование (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 102). В декабре 1918 г. в ночлежном доме проживало около 200 чел. Самостоятельные попытки его попечителя П. Цикуля найти помещения для переселения не увенчались успехом и натолкнулись на сопротивление жильцов. Они отказывались переселиться в предложенные бараки бывшего Работного дома на 8-ой Рабочей улице, поскольку он находился на окраине города, был очень холодным из-за неисправных печей, здание же гауптвахты располагалось в центре и вблизи мест выгрузки на железнодорожной станции и пристани Добровольного флота. Сложность ситуации с беженцами на вокзале и освобождением ночлежного дома проясняет письмо П. Цикуля в Комиссию общественного призрения от 23 декабря 1918 г.: «…вокзал переполнен людьми, спящими на холодных каменных плитах пола, причем там очень много малолетних детей, жизни которых грозит опасность» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 220–220 об.). Он писал, что единственной организацией, оказывавшей помощь беженцам, был Американский Красный Крест, выдававший пособие, занимавшийся поисками свободных помещений и расселявший беженцев в станционных теплушках. Обитатели ночлежного дома просили Красный Крест заступиться за них, и представители последнего сообщили беженцам, что они могут проживать в здании гауптвахты, «так как для них не имеется помещений, ибо другие беженцы, пользующиеся покровительством … Красного Креста, расселены в прочих разнообразных местах и одного общего здания для объединения всех беженцев в одном месте в рас-

поряжении Красного Креста не имеется» (Там же. Л. 220–220 об.).

Однако переписка Комиссии общественного призрения, городского головы, инженерного ведомства, начальника штаба крепости с декабря 1918 г. по конец января 1919 г. не дала результатов: стороны не смогли договориться, военные требовали освободить здание гауптвахты, город просил выделить взамен другие казармы. В этот момент прекратились, полномочия старого состава городского самоуправления, в конце января 1919 г. новый состав думы приступил к работе (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 215–222 об.).

В начале февраля 1919 г. в городе были зафиксированы первые случаи тифа, он распространялся вместе с прибывавшими по железной дороге. На тот период на вокзале ежедневно ночевало около 2 000 чел. Залы были днем и ночью заняты лежащими и сидящими людьми, уборка и дезинфекция вокзальных помещений были затруднены, и он превратился в один из основных очагов эпидемии. Ужасающее положение людей, вынужденных в условиях отсутствия свободных жилых помещений в городе жить в заброшенных товарных и пассажирских вагонах, стоявших в беспорядке по обеим сторонам железной дороги и на железнодорожном вокзале, красочно описано очевидцами событий – представителями войск интервентов. Врач 16 полевой амбулатории капитан Э. Элкингтон из Канадского экспедиционного корпуса писал: «… Вокзал Транссибирской магистрали заполнили голодающие беженцы. Голодающие в прямом смысле. Места на вокзале мало, они лежат на полу вплотную друг к другу. Да, мы делаем все, что можем. У нас есть кое-какие припасы, и это все, что мы можем отдать. Никогда не забуду: я держал буханку хлеба, ко мне подбежала женщина с малышом, я отдал ей хлеб, но, право же, я никогда не видел настолько голодного ребенка» (Иситт, 2013. С. 251).

Французский писатель Ж. Кессель, бывший во время гражданской войны в составе французских войск во Владивостоке, испытал потрясение от увиденного: «Вокзал и был источником зловония, который просто сбивал с ног. Отвратительный до тошноты запах. Но и это было еще не все. От двери до самых дальних уголков зала пол был устлан густой отвратительной массой, мягкой, рыхлой, похожей на торф или трясину. Никто не знал, жива ли она или мертва, поскольку иногда масса лежала неподвижно, а иногда совершала едва заметные движения. Сквозь окна, грязные от копоти, толстого слоя пыли и инея, пробивался слабый свет сероватого оттенка. Мне понадобилось много времени, чтобы различить в этой массе, покрывавшей все пространство зала, так что яблоку негде было

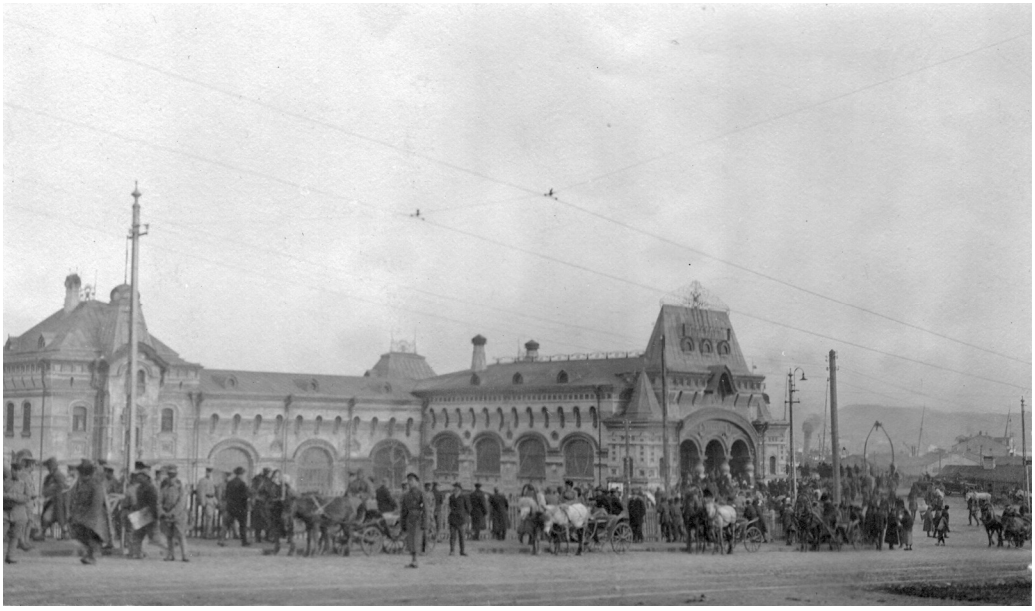


Рис. 2. Здание железнодорожного вокзала в ноябре 1919 г. Фото М. Хаскелла
Fig. 2. The building of the railway station in November 1919. Photo by M. Haskell

упасть, человеческие тела, переплетенные, связанные между собой» (Кессель, 2012. С. 61–62). Свидетельства очевидцев демонстрируют, что люди уже опустились на самое социальное дно и не имели никаких сил сопротивляться, даже не пытались вырваться из тисков нужды и бездомности, вероятно, уповая только на помощь со стороны власти и благотворителей.

На междуведомственном совещании 4 февраля 1919 г. член ПОЗУ, доктор П.П. Попов в докладе «Объединенная борьба с сыпным тифом» в общем числе мер борьбы с эпидемией обозначил необходимость освобождения вокзала и поиска помещения для беженцев: «…Позор, что мы имеем помещение для кинематографов, ресторанов «без крепких напитков» и притонов, а наряду с этим терпим положение, при котором сотни наших граждан с детьми на грязном полу вокзала проводят свои ночи без надежды устроиться сносно в близком будущем. … Между тем на это надо смотреть так: если есть люди на улице, то не может быть даже школы – ее надо отдать этим людям. Во всяком случае, если этого не было сделано, то теперь непреклонная необходимость нас заставляет изыскать способы. Во что бы то ни стало сейчас должны быть устроены ночлежные дома и дешевые квартиры с баней и дезинфекционной камерой и, по возможности, столовой при них. … Ночлежные дома должны быть открыты в НУ, Хабаровске и Владивостоке, хотя бы для этого пришлось закрыть 2–3 школы…» (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 62–63, 66).

На этом совещании было создано бюро по поиску помещений, необходимых для организации заразного госпиталя и общежития для лиц, живших на вокзале. Его члены – доктора П.П. Попов и Г.И. Локх обошли множество зданий военного ведомства - бывший местный лазарет, казармы на мысе Эгершельд, крепостную гауптвахту и др. Осмотр «корпусов морского ведомства обнаружил необычайно широкое расположение союзных учреждений». У них сложилось впечатление, «что странно искать с такими трудностями помещения для больницы сыпно-тифозной, когда достаточно небольшого потеснения учреждений союзников без всякого для них ущерба, чтобы удовлетворить эту экстренную и чрезвычайную потребность города». Однако представители японского командования категорически отказались потесниться и предлагали реквизировать городские здания или занять школы (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 71–72 об).

Содействие противоэпидемическому бюро оказали только комендант союзного командования майор Джонсон и комендант крепости полковник Бутенко, указав два помещения на мысе Чуркин под ночлежный дом и квартиры (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 222–223; Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 73).

Беженцы из гауптвахты и вокзала были переселены в казармы на мысе Чуркина 10 марта 1919 г. Для них сначала выделили одну казарму № 109, а затем вторую - № 147. Первая предназначалась для семейных беженцев, вторая – под ночлежный дом. Попечителем этих домов состоял член Комиссии общественного призрения П. Цикуль, а смотрителем - лицо по найму (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36–36 об.).

Семейные и одинокие беженцы жили в казармах бесплатно, отопление и освещение казарм осуществлялось за счет Комиссии общественного призрения, средства которой были в основном городские (в отличие от прежних имперских времен, когда часть средств поступала от благотворительных сборов). На расходы по содержанию ночлежных домов на мысе Чуркина в смету на 1920 г. было внесено 70 569 руб., они шли на личный состав – смотритель и 2 сторожа (11 925 руб.), отопление (27 782 руб.), освещение (4 345 руб.), телефон (600 руб.) и ремонт казармы (22 331 руб.). Денежной отчетности при ночлежных домах не велось, на расходы попечитель получал авансы и отчитывался за них перед Комиссией общественного призрения (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36 об.).

Казармы представляли собой огромные двухэтажные корпуса с большим числом печей, для их отопления требовалось «невероятное количество топлива». В казарме № 109 разместились 42 семьи, переехавшие с гауптвахты, 73 семьи, выселенные с вокзала, и 136 семей, прибывших из разных пунктов России, преимущественно из Сибири, и несколько местных, находящихся, по их заявлению,

здесь временно. В этой же казарме помещались 21 чел. холостых эмигрантов. Часть семей, преимущественно переехавших с гауптвахты, разместились в отдельных комнатах, но большинство жило в общих палатах, только некоторые имели койки (оставленные в казармах военным ведомством), а большинству приходилось спать на полу. Поселившиеся в отдельных комнатах, по мнению комиссии, осматривавшей казармы, намеревались остаться жить в них надолго, некоторые из жильцов потратились: сложили плиты, побелили стены.

В казарме № 147, отведенной под ночлежный дом, кроме ночлежников в отдельных комнатах разместилось несколько десятков семей. Точной регистрации ночлежников не велось, но, по данным смотрителя, в среднем бывало от 300 до 350 чел. за ночь. Для размещения такого количества людей отвели два больших зала, где люди располагались на полу. Комиссия планировала начать выдачу ночлежникам чаю, и для этого была сложена плита и вмазан большой котел. Контингент ночлежников был разнообразный, преимущественно рабочие, приезжие, отбившиеся от работы или ищущие ее, нищие. Положение беженцев было тяжелым, лишь некоторые из семейных имели работу, большинство жило на «выпрашиваемые» пособия, получали продовольствие от Американского Красного Креста. Утром все ночлежники из помещения уходили в поисках работы, и в нем проводилась уборка. Доставка в казармы из города осуществлялась на военном катере бесплатно. Женского отделения не было и, по заявлению заведующего домами не требовалось, так как среди одиноких ночлежников женщины отсутствовали (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36). Для оказания врачебной помощи ночлежные дома посещались представителями Американского Красного Креста, которые отвозили больных в городскую больницу. При казармах имелась лошадь для доставки дров, угля, отвоза мусора, необходимость содержания ее вызывалась отдаленностью приюта и дороговизной доставки материалов (Там же. Л. 36–36 об.). Выделение жилья улучшило положение беженцев, однако увеличило круг забот городского самоуправления, вынужденного искать средства для содержания казарм и персонала.

Таким образом, можно сказать, что Первая мировая война и последовавшие за ней революция и гражданская война превратили Россию в страну вынужденной миграции. Проблема беженцев во Владивостоке в годы Первой мировой войны не стояла столь остро как в Европейской части страны и Сибири в силу относительной малочисленности беженцев, но тем не менее в условиях жилищного

Рис. 3. Вид на Владивосток и бухту Золотой Рог
Fig. 3. View of Vladivostok and the Golden Horn Bay

кризиса и нехватки средств размещение и обеспечение повседневных нужд беженцев превратилось в серьезную проблему для городского самоуправления и общественности. Для решения этих насущных проблем в 1915 г. был создан Комитет помощи беженцам. После революции в условиях падения интереса местного общества к благотворительности Комитет прекратил свою работу, забота о беженцах перешла на органы городского самоуправления: Комиссию общественного призрения, земства, а также благотворительные организации, в основном иностранные. Все они в условиях квартирного кризиса и нехватки средств бились в тщетных попытках обеспечить минимальные потребности беженцев: выпрашивали у военного ведомства здания и приспосабливали их под ночлежные дома и квартиры для беженцев, в годы Первой мировой войны самых нуждавшихся обеспечивали пособиями или питанием из «общего котла» (средства поступали от казны и благотворительных организаций). В годы гражданской войны, когда поток беженцев в город стал неконтролируемым, даже столь минимальная забота была тяжким бременем для города. Некоторая часть беженцев была обеспечена кровом в ночлежных домах и общежитиях, Комиссия общественного призрения ремонтировала, отапливала эти здания, подвозила воду и дрова, благотворительные организации обеспечивали беженцев пособиями, бельем, иногда одеждой и обувью. Однако множество беженцев, прибывавших в город, жили в ужасающих условиях - в холодном, грязном, переполненном здании вокзала или вагонах на железнодорожных путях, они спали на холодном полу, не имели работы и еды. Единственным способом выжить для них оставалась помощь благотворительных организаций, попрошайничество, кражи и т. д. Эта часть беженцев фактически опустилась на социальное дно, откуда выбраться не было ни сил, ни желания, ни возможности. Маргинализация части беженцев, включая детей, нехватка средств, чтобы вернуть их к нормальной социальной жизни, превратились в серьезную проблему для региональной власти и городского самоуправления.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №17-81-01009 «Повседневная жизнь населения г. Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914–1922)».

Библиографический список

Белова И.В. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.

Далекая окраина. Владивосток. 1915.

Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны: монография. Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. 366 с.

Иситт Б. Из Виктории во Владивосток. Канадская сибирская экспедиция, 1917–1919 гг. / пер. с англ. С. Панич. Владивосток: Дальнаука, 1913. 392 с.

Кессель Ж. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. 144 с.

References

Belova I.V. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914-1925]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014, 432 p. (In Russian).

Grazhdanskaya voina i voennaya interventsiya v Soyuze Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Entsiklopediya [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, 720 p. (In Russian).

Dalekaya okraina. Vladivostok. 1915.

Ikonnikova T.Ya. *Dal`nevostochnyi tyl Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The Far Eastern rear of Russia during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 1999, 366 p. (In Russian).

Isitt B. *Iz Viktorii vo Vladivostok. Kanadskaya sibirskaya ekspeditsiya, 1917–1919 gg.* [From Victoria to Vladivostok. Canadian Siberian Expedition, 1917–1919]. Vladivostok: Dal`nauka Publ., 1913, 392 p. (In Russian).

Kessel` Zh. *Smutnye vremena. Vladivostok 1918–1919 gg.* [Troubled times. Vladivostok 1918-1919]. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel`stvo “Rubezh”, 2012, 144 p. (In Russian).

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 1–12.

Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95–105.

Пай С.С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Междунар. науч. конф. (Владивосток, 25–27 октября 2012 г.). Владивосток, 2012. С. 149–154.

Пай С.С. Социально-воспитательные учреждения Приморской области в 1918–1922 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 344–347.

Позняк Т.З. Квартирный кризис во Владивостоке в годы революции 1917 г. и гражданской войны // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй Междунар. науч. конф. (Владивосток, 12–14 октября 2016 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2017. С. 335–342.

Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 86–89.

Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.

Kurtsev A.N. Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914–1917) [Refugees of the First World War in Russia (1914-1917)]. *Voprosy istorii* [Problem of History], 1999, no. 8, pp. 98–113. (In Russian).

Minaev V.V. Demograficheskie faktory obostreniya ehkonomicheskogo krizisa v gody grazhdanskoj vojny (na primere Sibiri i Dal'nego Vostoka) [Demographic factors of the aggravation of the economic crisis in the years of the Civil War (on the example of Siberia and the Far East)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], 2001, no. 3, pp. 1–12. (In Russian).

Mikhalev N.A., P`yankov S.A. Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossijskoj imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav [Refugees of the First World War in the Russian Empire: number, location, composition]. *Ural`skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 4 (49), pp. 95–105. (In Russian).

Pai S.S. *Reshenie problemy bezhenstva, besprizornosti i beznadzornosti detei v Primorskoi oblasti v 1917–1922 gg.* [Solving the problem of refugees, homelessness and neglect of children in the Primorsky region in 1917-1922]. *Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Grazhdanskaya voina i interventsiya na rossiiskom Dal`nem Vostoke: uroki istorii"* [Materials of the second international scientific conference. Civil War and Intervention in the Russian Far East: Lessons from History]. (Vladivostok, 25–27 oktyabrya 2012 g.). Vladivostok, 2012, pp. 149–154. (In Russian).

Pai S.S. Social'no-vospitatel'nye uchrezhdeniya Primorskoj oblasti v 1918-1922 godah [Social and educational institutions of the Primorsky Region in 1918-1922] *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen UniversityJornal of Humanities and Science], 2008, no. 73-1, pp. 344–347. (In Russian).

Poznyak T.Z. *Kvartirnyi krizis vo Vladivostoke v gody revolyutsii 1917 g. i grazhdanskoi voiny* [[The housing crisis in Vladivostok during the years of the Revolution 1917 and the Civil war]. *Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoi emigratsii"* [Materials of the Second International Scientific Conference: Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration]. (Vladivostok, 12–14 oktyabrya 2016 g.). Khabarovsk, 2017, pp. 335–342. (In Russian).

Rostov N.D., Gorelov Yu.P. Priem bezhencev v g. Irkutske i Irkutskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Reception of refugees in Irkutsk and Irkutsk province in the years of the First World War]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies], 2015, no. 4 (17), pp. 86–89. (In Russian).

Rynkov V.M. "Sibirskij beg": vynuzhdennye migracii na vostoke Rossii v gody Grazhdanskoj vojny ["Siberian Run": forced migrations in the east of Russia during the Civil War]. *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "His-

Рынков В.М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 27–32.

Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М.: Эксмо, 2005. 512 с.

Rynkov V.M. Social'naya mobil'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny: specifika Aziatskoj Rossii [Social mobility during the First World War: the specifics of Asian Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The humanities in Siberia], 2014, no. 3, pp. 27–32. (In Russian).

Tumanova A.S. Organizacionno-pravovoe obespechenie bezhenstva v gody Pervoj mirovoj vojny [Organizational and legal support for refugees during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [*Vestnik of Moskow University. Series "Juridical sciences"*], 2013, no. 1 (11), pp. 50–59. (In Russian).

Shilovskii M.V. *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir`* [The First World War of 1914-1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf Publ., 2015, 330 p. (In Russian).

Shishov A.V. *Razgrom Yaponii i samuraiskaya ugroza* [The defeat of Japan and the samurai threat]. Moscow: Eksmo Publ., 2005, 512 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Позняк Татьяна Зиновьевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Российская Федерация, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 89,
e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Критерии авторства

Позняк Т.З. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Tatiana Z. Poznyak,
Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation,
e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Attribution criteria

T.Z. Poznyak made the research work, on the base of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-206-215

ОДИССЕЯ БЕЛОГВАРДЕЙЦА И ЭМИГРАНТА В.С. КОРОТКОВА

© А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал»,
Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию,
655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59-49.

Аннотация. В данной публикации освещается жизненный путь, судьба человека, безусловно известного в Сибири в качестве врага советской власти. Будучи по происхождению казаком, по убеждениям – монархистом, а по службе – офицером, В.С. Коротков являлся фронтовиком Первой мировой войны. После октябрьских революционных событий 1917 г. он служил в Красноярской городской милиции, симпатизировал членам антибольшевистского подполья, но в свержении первой советской власти не участвовал. С ее падением Коротков сразу же был назначен руководителем Красноярской милиции, затем он являлся еще и начальником отряда особого назначения. В этом качестве он участвовал в Гражданской войне на стороне белых, ликвидировал преступность, большевистское подполье, воевал с красными партизанами. Отступив с Белой армией на Дальний Восток, Коротков был вынужден эмигрировать в Маньчжурию, где прожил длительное время, занимаясь зубоврачебной практикой, сотрудничая с зарубежными фирмами. Являлся он и руководителем Хайларского отделения Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, атаманом одной из станиц. Коротков все же не избежал советского суда и вероятной гибели в лагерях. С разгромом советской армией японцев он был арестован и вывезен в Советский Союз. В 1947 г. Красноярский краевой суд осудил его на 25 лет лишения свободы.
Ключевые слова: *белые, большевики, Гражданская война, казаки, милиция, отряды особого назначения, подполье, советская власть, эмиграция.*

Информация о статье. Дата поступления 19 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 17 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Шекшеев А.П. Одиссея белогвардейца и эмигранта В.С. Короткова // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 206–215. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-206-215

ODYSSEY OF WHITE GUARD AND IMMIGRANT V.S. KOROTKOV

© A.P. Sheksheev

Khakass Republican organization “Society Memorial”,
Krasnoyarsk Diocesan Commission on canonization of saints and Church-historical heritage,
49, 59 Shchetinkina Str., Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation

Abstract. This publication highlights the life and destiny of a man, undoubtedly known in Siberia as an enemy of Soviet power. Being a Cossack by origin, by conviction a monarchist, and an officer in the service, V. S. Korotkov was a front-line soldier of the World War I. After the October revolution of 1917, he served in the Krasnoyarsk city police, sympathized with the members of the anti-Bolshevik underground, but did not participate in the overthrow of the first Soviet power. With its fall Korotkov was at once appointed the head of Krasnoyarsk militia, then he was also the chief of group of special purpose. In this capacity, he participated in the Civil War on the side of the white, eliminated crime, the Bolshevik underground, fought with the Red partisans. Retreating with the White Army to the Far East, Korotkov was forced to emigrate to Manchuria, where he lived a long life, doing dental practice, cooperating with foreign firms. He was also the head of the Hailar branch of the Office for Russian Emigrants in Manchuria, the ataman of one of the villages. Korotkov still did not escape the Soviet court and the probable death in the camps. With the defeat of the Soviet army of the Japanese, he was arrested and taken to the Soviet Union. In 1947, the Krasnoyarsk regional court sentenced him to 25 years in prison.

Keywords: *white, Bolsheviks, Civil war, Cossacks, police, special detachment, underground movement, the Soviet government, emigration*

Article info. Received April 19, 2018; accepted for publication May 17, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Sheksheev A.P. Odyssey of White Guard and immigrant V.S. Korotkov. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 206–215. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-206-215. (In Russian).

В ходе разгрома советскими вооруженными силами японской Квантунской армии и освобождения от нее северного Китая СМЕРШ захватил проживавших там белоэмигрантов, в прошлом участников борьбы с советской властью. Часть из них была убита на месте, другая – вывезена в Монголию и на территорию СССР, где оказалась расстрелянной или судимой и лишенной свободы. Контрразведка Забайкальского фронта арестовала и депортировала из Трехречья в СССР каждого четвертого взрослого казака (Волков, 2001. С. 380; Худобородова, 1998. С. 77). Перед советским судом предстал генерал-лейтенант Белой армии и атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов, который по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 30 августа 1946 г. был повешен.

Среди захваченных в районе Трехречья 7 декабря 1945 г. и в дальнейшем заключенных в Алма-Атинский концлагерь № 40 Министерства внутренних дел Казахской ССР находился Василий Семенович Коротков, бывший офицер, белогвардеец, возглавлявший во время Гражданской войны правоохранительные органы Енисейской губернии. 6 марта 1947 г. оперативный отдел Управления данного лагеря привлек его за контрреволюционную деятельность к уголовной ответственности. Уже 14 марта дело Короткова было передано для слушания в Военный трибунал войск МВД союзной республики. Но 15 апреля за недостаточностью инкриминируемых обвиняемому преступлений и для доследования его контрреволюционной деятельности в 1918–1919 гг. оно было возвращено в Управление лагеря, а 15 июля передано Управлению МВД Красноярского края. 27 августа 1947 г. это дело было принято к производству старшим следователем Красноярского управления МВД, младшим лейтенантом Ф-м (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 76, 128, 171). Так Коротков после 27 лет эмиграции и заключения вернулся в Красноярск в качестве подследственного.

Личность В.С. Короткова уже освещалась в краеведческой, научной и справочной литературе. Деятельность его оценивалась в них неоднозначно. Известный красноярский эсер Е.Е. Колосов, к примеру, отзывался о Короткове так: «Это был человек жестокий, физически очень сильный, по готовности на всякое преступление очень опасный, по натуре – просто разбойник». «Безжалостным карателем» оставался он в памяти ветеранов революции и Гражданской войны. Рассматривая деятельность Короткова с партийных и классовых позиций, в публикациях советского времени его называли «предателем» и «изувером» (Бугаев, 1993. С. 242). Уже в современном энциклопедическом издании рассказывается, что Коротков «руководил расстрелами подпольщиков и заложников», организовал «карательный» отряд, действовавший против партизан (Енисейский энциклопедический словарь, 1998. С. 283).

Но в новейшей литературе содержится иная, противоположная оценка личности и деяний Короткова как человека, занимавшегося «важным и опасным делом», «талантливого руководителя» (Звягин, 2001. С. 181, 239). Почти такая же или сдержанная характеристика Короткова, оценка его деяний содержалась и в книге самого автора (Шекшеев, 2006. С. 103–113). Между тем обнаруженные новые архивные материалы позволяют продолжить освещение данной темы и взглянуть на эту личность более содержательно.

Сохранившиеся в архивохранилище ФСБ протоколы допросов Короткова являются документами, которые при критическом их осмыслении позволяют показать его жизнь более полно и, не опускаясь до политизации, вынести сравнительно объективный вердикт деятельности этого человека. Его показания заслуживают внимательного

прочтения еще и потому, что содержат в себе новую информацию о малоизвестных науке аспектах большевистского подполья, Белого движения и русской эмиграции. Они успешно дополняются документами Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, изысканными краеведами в одном из архивов страны.

Родился В.С. Коротков 26 декабря 1892 г. (по старому стилю) в семье железнодорожного служащего г. Самары. С переводом родителя на обслуживание Сибирской железной дороги его в 1896 г. привезли в Красноярск. В 1907 г. Коротков окончил железнодорожное, в 1909 г. – техническое, а в 1913 г. – Курское землемерное училище. По окончанию последнего он служил при Курско-Орловском управлении земледелия и госимуществ. По случаю 300-летия Дома Романовых Коротков среди других оказался награжденным специальной медалью.

Заменив брата, он в августе 1913 г. вступил на военную службу вольноопределяющимся первого разряда 17 Туркестанского стрелкового полка, дислоцированного в Ашхабаде. После обучения в полковой учебной команде, Коротков в 1914 г. был переведен на службу в штаб Ташкентского военного округа. С окончанием Ташкентского военного училища по первому разряду (январь 1915 г.) его в начале 1916 г. произвели в прапорщики.

По распределению попав в Иркутский военный округ, Коротков служил в Красноярске подпоручиком 30 Сибирского стрелкового полка. Будучи младшим офицером, командовал ротой. В 1917 г. поручик Коротков был отправлен на фронт, где служил в Отдельной Читинской казачьей бригаде, являлся командиром батальона, а с июня по март 1918 г. – 510 Волховского пехотного полка. В составе 12-й армии Северо-Западного фронта он участвовал в боях, был ранен в левую ногу и контужен в голову. К этому времени он уже был награжден орденами Святой Анны четвертой степени, Святой Анны третьей степени с мечами и бантом, Святого Станислава третьей степени.

С падением Временного правительства и продолжающимся развалом русской армии Коротков в качестве командира полка привел свою воинскую часть к Петрограду, где она и была разоружена. В апреле 1918 г. демобилизованный он вернулся к семье в Красноярск.

Относившийся по своей сословной принадлежности к казачеству, Коротков, по его свидетельству, во время революции в политических организациях не состоял и считал себя монархистом (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 8, 16, 17, 60, 61; Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 1, 2, 9, 11, 13).

Находясь в Красноярске, Коротков по рекомендации бывшего сослуживца, офицера Ф.В. Богданова, возглавлявшего тогда местную городскую милицию, был принят на должность помощника начальника ее первого отделения. От знакомых милиционеров, являвшихся в прошлом офицерами, он знал о создании областниками в Красноярске подпольной антибольшевистской организации со штабом в сапожной мастерской и руководителем капитаном А. Бредихиным. Но, не испытывая особых симпатий к эсерам и областникам, Коротков так не стал ее членом. Когда же милиционерам от совдепа поступил приказ о политическом преследовании бывшего офицерства, они, являясь, как показал подследственный, «идейными сторонниками мятежа», отказались его выполнять. За это Коротков и четверо его подчиненных 1 июня 1918 г. были подвергнуты 13-дневному заключению в тюрьме, которое закончилось для них лишь по ходатайству нового начальника городской милиции С.А. Кочурова, в прошлом офицера и сослуживца Короткова по 30 полку. 20 июня, буквально через день после оставления большевиками Красноярска, Коротков как бывший офицер явился к начальнику гарнизона полковнику В.П. Гулидову, от которого он вышел уже начальником Красноярской городской милиции (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 9, 61, 62, 64; Государственный архив Красноярского края. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 16).

По мнению одного из авторов, Коротков поступил в милицию из-за «шкурных целей», имея желание выслужиться перед властями, руководствуясь стремлением уйти от воинской повинности и участия в начавшихся боях (Бугаев, 1993. С. 220). Опровергая такое объяснение, специали-

сты по истории правоохранительных органов все же признаются, что мотивы поступления людей на службу в милицию ими пока не обнаружены (Звягин, 2001. С. 181).

Тем значимее является заявление об этом самого Короткова, ставшего за период с февраля 1917 г. пятым начальником Красноярской и, видимо, губернской милиции. Он объяснил следователю, что его переход в антибольшевистский лагерь был обусловлен не политическими взглядами, а скорее прагматическими соображениями. Будучи беспартийным, но молодым и честолюбивым человеком, успешно начавшим военную карьеру, познавшим на фронте ощущение власти и недовольным политикой большевиков, заключивших Брестский мирный договор, он стремился к дальнейшему продвижению по служебной лестнице (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 9). О том, что Коротков в глубине души являлся аполитичным ландскнехтом, свидетельствуют его в прошлом приятельские отношения с будущими и известными большевиками, анархистами и тут же с представителями новой власти (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 74, 154).

Коротков обвинялся в разгроме Красноярского большевистского подполья, избиениях и расстрелах политических заключенных, организации «карательного» отряда, участии в боях с партизанами, в выполнении заданий японской разведки и формировании на территории Маньчжурии русских воинских отрядов на случай войны Японии и СССР (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 73, 84, 86, 171). При внимательном ознакомлении с материалами следствия становится очевидным, что показания подследственного, специально подобранных свидетелей и потерпевших, которые в них следовали своим политическим взглядам и эмоциям, нередко противоречат друг другу. Коротков, возможно, пытаясь защищаться, также не сразу облекал события в плоть конкретики и с трудом вспоминал имена их участников. Следствие безоговорочно принимало сторону обвинения. Более того, оно особое внимание уделяло поиску отрицательных черт характера и поступков подследственного и настойчиво пыталось инкриминировать Короткову новые эпизоды его якобы преступной деятельности.

Красноярское управление МВД располагало сведениями о том, что 10 ноября 1918 г. под руководством Короткова в Николаевской слободе был совершен арест десятерых человек, в том числе членов I подпольного большевистского комитета. Согласно показаниям большевика с 1903 г. и подпольщика А.И. Гуна, Коротков лично расстрелял одного из них. Реагируя на это обвинение, подследственный указал на ошибку, свойственную его современникам и перешедшую к историкам: все они возлагали вину за разгром большевистского подполья на белые правоохранительные органы в целом. Он объяснил, что его ликвидацией занимались контрразведка, государственная охрана и следственная комиссия при окружном суде, деятельность же находившейся под его руководством милиции ограничивалась арестами, опознанием и доставкой подпольщиков начальнику военного района. Согласно показаниям Короткова, задержание членов подпольного комитета проходило с ведома начальников первого и четвертого отделений милиции, а якобы расстрелянный им подпольщик оказался убитым конвоем при попытке к бегству (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 56, 65, 66, 95, 99, 108, 171).

В то же время Коротков признался в том, что в начале 1919 г. руководил обыском на квартире одного из подпольщиков, в ходе которого были обнаружены замурованные в стене винтовки, пулеметные стволы и патроны (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 66, 96).

Обвинялся Коротков и в использовании своего служебного положения, жестоком отношении к задержанным подпольщикам. 12 марта 1919 г. на квартире жительницы Красноярска А.С. Горайдо милицией были арестованы подпольщики Бабкин, Карпов, Марков, Савиновы и прибывшие за боеприпасами и медикаментами партизанские связные, в частности В.А. М-ва. В милиции они, по свидетельству Горайдо, якобы подверглись избиению, а М-ва была даже изнасилована. Состоявшийся 16 марта военно-полевой суд приговорил подпольщиков-мужчин к смертной казни, а женщин –

к бессрочной каторге. Однако несмотря на заявление допрашиваемого Короткова о его непричастности к этим деяниям показания свидетельницы нашли свое место в обвинительном заключении (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 98, 100, 101, 103, 107, 171).

Согласно следствию, видную роль играл Коротков и в таком эпизоде, случившемся в апреле 1919 г. При обыске конспиративной явки был обнаружен большевик, прибывший с информацией о подпольной работе своих товарищей в Сибири (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 68).

Советская историография доказывала, что «большевистское подполье города, подняв партизанское движение, не выпускало его из-под своего влияния вплоть до прихода Красной Армии» (Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И., 1978. С. 121). Воспоминания участников и публикации историков говорят о наличии в Красноярске в 1918–1919 гг. и разгроме силами правительственных правоохранительных сил трех подпольных большевистских комитетов (Годы огневые, 1962. С. 14–18). Но участие начальника Красноярской милиции лишь в четырех эпизодах борьбы с подпольем еще раз говорит о том, что местные власти, вероятно, не придавали последнему большой политической значимости.

Между тем обусловленная политической обстановкой стихия выросшей преступности имела связь с большевистским подпольем. Так называемые «черные коммунисты-анархисты» добывали денежные средства грабежами, передавали их большевистскому комитету и, зная о его связях, использовали их для заманивания приезжавших с мест подпольщиков. С другой стороны, все чаще в поле деятельности милиции вместе с уголовниками попадали лица, появившиеся в Красноярске с политическими целями. В конечном итоге, экспроприации, осуществляемые уголовниками, вывели оперативников на подпольный большевистский комитет, подвергшийся тут же разгрому (Волков, 2001. С. 148; Эйхе, 1966. С. 219; Штырбул, 1996. С. 43–44).

Деятельность большевиков, опиравшихся на уголовников, отличалась методами борьбы и жестокостью. Покушение было совершено даже на самого Короткова. 28 февраля 1919 г. он подвергся нападению «качинских головорезов» и был ранен в ногу (Свободная Сибирь, 1919; Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 90, 92).

Деятельность Короткова в должности начальника милиции и его подчиненных высоко оценивалась местными властями и прокуратурой (Звягин, 2001. С. 186, 203). Но в 1947 г. следствие располагало показаниями бывших надзирателей Красноярской тюрьмы о том, что Коротков в числе других должностных лиц каждые два дня регулярно посещал их узилище, где участвовал в избиении, а затем руководил расстрелами политических заключенных (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 84, 87). Отвечая на вопросы следователей, Коротков один из фактов физического наказания заключенного, имевший место в октябре 1918 г., подтвердил. Но в данном случае, судя по его показаниям, воздействию плетью подвергся уголовник, бранью и свистом оскорбивший проезжавших мимо тюрьмы милиционеров. За этот поступок Коротков был наказан в административном порядке (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 57, 66). При сопровождении посещавших тюрьму начальника военного района, управляющего губернии и прокурора, как заявил Коротков, он избиениями «политиков» не занимался (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 97). Относительно своего участия в расстрелах Коротков ответил, что оно заключалось в выполнении им распоряжения коменданта города по усилению охраны общественного порядка во время заседаний военно-полевого суда и его присутствии как официального лица при исполнении смертного приговора.

По свидетельству Короткова, расстрелы осуществлялись на кладбище комендантской командой или воинской частью. Дважды, согласно его показаниям, он находился при расстрелах уголовников, а в третий раз, 21 сентября 1919 г., при нем казнили большую группу политических заключенных. Среди 23 человек ему запомнились молодая активистка Минусинского «Союза трудящейся молодежи» Зинаида Гущик (Коротков назвал ее Верой – *прим. А.Ш.*) и некий революционер, умиравший с возгласом «Да здравствует Ленин и Троц-

кий!» (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 57, 68, 96).

Имела место и попытка следствия обвинить Короткова в причастности к убийству красноярских совдеповцев А.П. Лебедевой, Т.П. Марковского и С.Б. Печерского. Как известно, они, плененные в районе Туруханска и доставленные 27 июля 1918 г. в Красноярск, во время следования в тюрьму были выхвачены казаками из колонны и затем растерзаны. Коротков, находившийся при встрече пленных как официальное лицо, объяснил, что задержанных сторонников советской власти было несколько сотен, они выгружались из баржи до ночи, а о случившемся он узнал лишь утром, когда жертвы, доставленные в больницу, уже скончались (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 99).

Следствие обвиняло Короткова и как участника подавления солдатского восстания в Красноярске. Отвергая это обвинение, он пояснил, что июльский мятеж 1919 г. был ликвидирован без участия милиции, силами гарнизона и частей чехословацкого корпуса, происшедшее же ему стало известно лишь после возвращения из командировки (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 56, 108).

Наконец, следователи МВД обратились к расследованию деятельности Короткова по созданию и руководству специальными воинскими силами, которые якобы карали население за его просоветское повстанчество. Для борьбы с выросшим партизанским движением в соответствии с распоряжением по МВД Российского правительства от 10 февраля и специальным «Положением» от 21 марта 1919 г. в Сибири началось формирование отрядов, насчитывающих в Енисейской губернии около 500 человек (Балмасов, 2002. С. 73).

Но, согласно свидетельству Короткова, в каждой губернии организовывался один отряд особого назначения, а формирование его осуществлялось по территориальному принципу. Начавшись на Енисее в мае 1919 г., оно не было, как это виделось следователю, «группировкой офицеров». Первыми осназовцами являлись добровольцы, а затем их ряды пополнялись мобилизованными. Командовали ими лица, особо доверенные МВД и подотчетные в своей деятельности лишь губернаторам. Формирование и командование отряда особого назначения в Енисейской губернии с июля 1919 г. было возложено на Короткова. Но слабость финансового и материального обеспечения, а также приближение фронта не позволили ему довести численность осназовцев до положенных по штату 1200 человек. Фактически отряд ОН насчитывал 800 военнослужащих МВД. Его первая и вторая роты под командованием прапорщика Жукова и поручика Мешковского находились в Красноярске, третья рота во главе с подпоручиком Бондарем была расквартирована в Енисейске, а четвертая – в Минусинске. Конный дивизион, возглавляемый неким подполковником, располагался также в губернском центре, взвод же с прапорщиком Гусевым – в Ачинске (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 56, 62, 94, 95, 108).

Наконец, Коротков был вынужден согласиться с доводами следствия о том, что действия его отряда были направлены против «революционно настроенного» населения и носили «карательный» характер. В то же время он отрицал свое непосредственное участие в подавлении беспорядков на Знаменском стекольном заводе и ликвидации партизанского отряда Н.М. Копылова. Объясняя, что на заводе действовал отряд Решетникова из Красноярского гарнизона, а осназовцы во главе с ним лишь находились в оцеплении, Коротков указал, что операцией против партизан руководил подхорунжий Власов. Он не скрывал, что командовал подразделениями своего отряда в майских 1919 г. боях с партизанами на Манском и Тасеевском фронтах, а осенью того же года – на минусинском направлении. В конце 1919 г. отряд особого назначения влился в Енисейскую Отдельную казачью бригаду, а Коротков в звании войскового старшины или подполковника перешел на службу комендантом ее штаба (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 19, 40, 64, 95, 98).

С падением белой власти находившийся в Красноярске Коротков был, по некоторым сведениям, арестован, но бежал и вместе каппелевцами совершил «Ледяной поход». В январе 1920 г. он в составе казачьей бригады сражался с красными в районе ст. Зима, в феврале – вблизи ст. Голоустов-

ская, а в мае – в районе Читы. Здесь Коротков был награжден орденом «За Великий Сибирский поход». В ноябре того же года он перебрался из Читы в Маньчжурию. С казаками же, переброшенными в мае 1921 г. для борьбы с Красной армией в Приморье, Коротков появился во Владивостоке, где с июня того же года по октябрь 1922 г. служил помощником начальника Управления милиции Уссурийской железной дороги. Но вновь под напором красных, заставивших своего противника очистить Приморье, он покинул Родину (Бугаев, 1993. С. 242; Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 9, 10, 17, 39, 40, 62).

На чужбине Коротков сначала проживал в г. Маньчжурии, где работал зубным техником. Игнорируя массовый выезд эмигрантов в советскую Россию, он с 1923 г. по рекомендации земляка был принят на службу конторщиком в Маньчжурское отделение «Англо-Сибирской компании», или фирмы «Роберт Смит», которая занималась продажей чая, скупкой пушнины и сырья. Представляя фирму в г. Хайларе, Коротков в 1925 г. переехал в этот город, ставший ему прибежищем на длительное время. Окончив в 1926 г. Харбинскую специальную школу, он открыл в Хайларе кабинет, где занимался зубоврачебной практикой. Одновременно с этой деятельностью он с 1926 г. служил агентом и заведующим конторой Хайларского отделения французского Международного сберегательного общества, а с 1931 или 1932 г. и по 1936 г. – кассиром и заведующим вексельно-страховым отделом местной финансово-сберегательной корпорации американского «Трифткорбанка» (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 10, 11, 63, 73).

В то же время Короткову не была чужда общественная деятельность в среде местной эмиграции. Некоторое время он являлся членом правления Хайларской Русской гимназии (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 1 об.).

Между тем Коротков стремился оставаться в политике. Во время мятежа китайских войск в Хайларе в поддержку японских властей он арестовывался штабом охранных войск (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 12 об.).

Эмигрировавшее в Маньчжурию 20-тысячное казачество расселилось в основном в районе г. Харбина и Трехречья, образуя в Северо-Хинганской провинции целые поселки и хутора. С оккупацией Японией осенью 1931 г. Маньчжурии они были сведены в станицы. Вместо Русского национального общества, занимавшегося в основном вопросами материального положения эмиграции, по инициативе Харбинской японской военной миссии в 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, которое сотрудничало с созданным еще в 1920-е гг. во главе с Семеновым «монархическим» «Восточным союзом казаков». Коротков в 1934–1936 гг. состоял членом и товарищем председателя правления Хайларского отделения Русского национального общества, начальником местной самоохраны, а с 1936 г. и до 1945 г. – членом Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, представителем Общевоинского и казачьего союзов (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 16, 21, 32, 63, 69).

Не постеснялся Коротков участвовать и в афере, которая принесла большую прибыль его банковскому руководству. В 1936 г. он поддержал инициативу директора Г.Н. Клепачева и членов комиссии о реорганизации или закрытии Хайларского отделения банка. В результате «мошеннического», как считали современники, его банкротства, при котором клиентам возвращалась лишь половина вкладов, им был причинен большой ущерб. По мнению очевидца, Коротков в этом деле проявил себя «большим демагогом, циником, способным в нужную ему минуту прибегать к моральному террору».

Данная операция, проводившаяся в приграничном с СССР районе, не была лишена «политического привкуса» и вызвала пристальный интерес местного общества. Согласно информации лидера Русской фашистской партии К.В. Родзаевского, она была осуществлена «антифашистами», проникшими в Хайларское отделение Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Среди них назывался и Коротков, имевший будто бы связи с ма-

сонами и американцами и подлежащий по этой причине удалению с банковской службы (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 3–7).

С разорением банка Коротков в 1936 г. переехал в ст. Хунхульды Северного Хингана. 4 мая 1936 г. в п. Хунхульды причтом Спасо-Преображенской церкви Харбинской епархии было зарегистрировано бракосочетание Короткова с девицей Вятской губернии Нонной Михайловной Тулакиной 1908 г. рождения, происходившей из семьи русского эмигранта. Ее отец М.К. Тулакин перебрался в Маньчжурию еще в 1909 г. и имел в поселке собственные дом и мастерскую. Невеста в 1923 г. окончила Хайларскую Русскую школу, занималась стоматологией. Вслед за тестем Коротков обзавелся домом и стал вести сельское хозяйство. В 1937 г. в его семье родилась дочь Ирина, а в 1939 г. – сын Всеволод (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 8, 9, 12 об., 17).

Во главе казачьих станиц находились атаманы, избранные населением и утвержденные Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. В 1937–1938 гг. Коротков избирался помощником, а в 1939–1942 гг. – атаманом ст. Хунхульды. На этом посту Коротков выполнял возложенные на него японскими властями обязанности по сбору налогов с населения, соблюдал в станице установленные порядки. С присущей ему грубоватостью и прямотой поведения он воздействовал на жителей, уличенных в торговле водкой, уничтожении деревьев на кладбище, драках, дебоше и хулиганстве, кулаками и бамбуковой палкой. За эти злоупотребления властью Коротков в феврале 1942 г. был снят с атаманства (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 11, 69).

Важнейшим направлением в деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии являлась военная подготовка белой эмиграции на случай войны с СССР. По предложению сверху Коротков в 1937 г. организовал в ст. Хунхульды учебную команду из 20–25 молодых людей. Начавшееся в 1941 г. формирование Захинганского казачьего корпуса, осуществлявшееся по территориальному принципу, охватило русское мужское население Трехречья в возрасте от 17 до 56 лет. В казачьих станицах создавались команды, полусотни и сотни. Короткову было поручено формирование дивизиона из забайкальских и читинских казаков.

Деятельность Короткова на этом поприще поощрялась японскими властями и Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии: летом 1941 г. он был награжден орденом «За усердие», в феврале назначен представителем Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии в г. Хайларе и в п. Хунхульды, а в сентябре – главой его хунхульдинского отделения. Обучая жителей ст. Хунхульды и Петропавловская военному делу, Коротков создал и в 1942–1943 гг. командовал Хунхульдинским сводным казачьим дивизионом, состояв-

Рис. 1. Коротков Василий Семенович. Маньчжурия, 1938 г. Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края. Публикуется впервые
Fig. 1. Vasily Korotkov. Manchuria, 1938. Photo from the funds of the State Archive of the Khabarovsk territory. Published for the first time

Рис. 2. Короткова Нонна Михайловна. Маньчжурия, 1938 г. Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края. Публикуется впервые
Fig. 2. Korotkova Nonna Mikhailovna. Manchuria, 1938. Photo from the funds of the State Archive of the Khabarovsk territory. Published for the first time

шим из 120–150 казаков. Им же в 1944 г. было образовано «Женское общество государственной обороны», членами которого стали 60 казачек (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 11, 13, 39, 47, 70).

Обучение военному делу, длившееся, по свидетельству Короткова, в 1942–1944 гг. ежегодно лишь две недели, а один год – 21 день, видимо, не было качественным и не помогло даже в целях самообороны. Отступавшие из Маньчжурии японцы в 1945 г. зверски расправились со своими «союзниками» – хайларским казачьим отрядом Пешкова (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7; Худобородова, 1998. С. 77).

В связи с сотрудничеством Короткова с японскими оккупационными властями советское следствие в Красноярске обвиняло его в контактах с вражеской разведкой и даже в использовании своего зубоврачебного кабинета в качестве явочного места. Не согласившись с этим обвинением, Коротков все же показал, что в 1941 г. он вызывался в японскую миссию для доклада о положении дел в станице, а ее глава посетил станичников. Информировал он следствие и о том, что на станции Хакэ Китайско-Восточной железной дороги японцами были организованы курсы для подготовки диверсантов, разведчиков и террористов, слушателями которых стали трое жителей ст. Хунхульды и Петропавловская (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 13, 71, 72).

Якобы изобличенный свидетелями, Коротков 20 сентября 1947 г. признал себя виновным по ряду пунктов ст. 58 Уголовного Кодекса РСФСР. Обвинительное заключение по его делу 8 января 1948 г. было утверждено прокурором Красноярского края. Следуя ему, судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда на заседании 16 января того же года приговорила Короткова к 25 годам лишения свободы и пятилетнему поражению в правах. Наказание он отбывал в исправительно-трудовом лагере «Песчаный» Министерства внутренних дел СССР. Здесь он, будучи уже 63-летним человеком, попытался смягчить свою участь. Но прокуратура края своим решением от 22 июня 1955 г. отказала Короткову в пересмотре его дела (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 103, 128, 129, 150, 154, 164).

Безусловно, Коротков являлся врагом большевиков и советской власти, активно проявившим себя в борьбе с ними в Гражданскую войну, оставался он противником советской России и в годы эмиграции. Вместе с тем многие преступления, которые инкриминировались ему советскими правоохранительными органами, будучи бездоказательными, являлись надуманными по идейным соображениям. Скорее всего, это был отнюдь не положительный, но сильный человек с простыми устремлениями и крепкой психикой, хорошо выполнявший свои обязанности. Однако жизненный выбор оказался для него губительным.

Библиографический список

Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая Гвардия. 2002. № 6. С. 72–76.

Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Красноярск: Книжное издательство, 1993. 350 с.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства: монография. М.: Центрполиграф, 2001. 543 с.

Годы огневые: сборник воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 гг.) / гл. ред. В.К. Логинов. Красноярск: Книжное издательство, 1962. 407 с.

References

Balmasov S.S. Special forces and fight against the guerrilla movement in Siberia Kolchak government structures. *Belaya Gvardiya* [White Guard], 2002, no. 6, pp. 72–76. (In Russian).

Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [In the service of the police]. B. 1. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1993, 350 p. (In Russian).

Volkov S.V. *Tragediya russkogo ofitserstva* [The Tragedy of the Russian officers]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2001, 543 p. (In Russian).

Loginov V.K. *Gody ognevye: sbornik vospominanii uchastnikov krasnoyarskogo bol`shevistskogo podpol`ya i partizanskogo dvizheniya eniseiskoi gubernii v bor`be za vlast` sovetov (1918–1920 gg.)* [Years of fire: a collection of memoirs of participants of Krasnoyarsk Bolshevik underground and partisan movement of the Yenisei province in the struggle for Soviet power (1918–1920)]. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1962, 407 p. (In Russian).

Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 430 с.

Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. 736 с.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Свободная Сибирь. 4 марта 1919 г.

Худобородова А.Л. Место и роль казачества в жизни русской эмиграции в Маньчжурии (1920-е – середина 1940-х гг.) // Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. (Москва, 19-21 мая 1998 г.). М., 1998. С. 77–79.

Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные: монография. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 592 с.

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: монография. Ч. 2. 1918–1925. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 174 с.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл: монография. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

Gushchin N.Ya., Zhurov Yu.V., Bozhenko L.I. *Soyuz rabochego klassa i krest`yanstva Sibiri v period postroeniya sotsializma (1917–1937 gg.)* [Union of working class and peasants of Siberia in the period of building socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, 430 p. (In Russian).

Drozdov N.I. *Eniseiskii entsiklopedicheskii slovar`* [Yenisei encyclopedia dictionary]. Krasnoyarsk: Russkaya entsiklopediya Publ., 1998, 736 p. (In Russian).

Zvyagin S.P. *Pravookhranitel`naya politika A.V. Kolchaka* [Law Enforcement policy A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 352 p. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` [Free Siberia]. 4 march 1919.

Khudoborodova A.L. *Mesto i rol` kazachestva v zhizni russkoi emigratsii v Man`chzhurii (1920-e – seredina 1940-kh gg.)* [The Place and role of Cossacks in the life of Russian emigration in Manchuria (1920s – mid 1940s)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu g. Kharbina i Kvzhd "Gody, lyudi, sud`by. Istoriya rossiiskoi emigratsii v Kitae"* [People of destiny. History of Russian emigration in China]. Moscow, 1998, pp. 77–79. (In Russian).

Sheksheev A.P. *Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennye* [Civil turmoil in the Yenisei: winners and losers]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel`stvo Publ., 2006, 592 p. (In Russian).

Shtyrbul A.A. *Anarkhistskoe dvizhenie v Sibiri v 1-i chetverti XX veka. Antigosu-darstvennyi bunt i negosu-darstvennaya samoorganizatsiya trudyashchikhsya: teoriya i praktika* [Anarchist movement in Siberia in the 1st quarter of the twentieth century. Anti-state rebellion and non-state self-organization of workers: theory and practice]. P. 2. 1918–1925. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 1996, 174 p. (In Russian).

Eikhe G.Kh. *Oprokinutyi tyl* [Tipped the rear]. Moscow: Voenizdat Publ., 1966, 384 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович,
кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал»,
Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию,
655017, Российская Федерация, Республика Хакасия,
г. Абакан, ул. Щетинкина, 59-49,
e-mail: Turan47@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr P. Sheksheev,
Candidate of Sciences (History), member of the Board of the Khakass Republican organization "Society Memorial",
Krasnoyarsk Diocesan Commission on canonization of saints and Church-historical heritage,
49, 59 Shchetinkina Str., Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation
e-mail: Turan47@yandex.ru

Критерии авторства

Шекшеев А.П. выполнил исследование, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Sheksheev A.P. conducted the research on the basis of the obtained results was carried out the synthesis and wrote the manuscript. A.P. Sheksheev has an article on copyright and responsible for the plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 631(571.1/.5) (09)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-216-222

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОММУНИЗМ В СИБИРИ

© Г.А. Цыкунов

Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Аннотация. В статье исследуются организационно-правовые и социально-экономические вопросы создания и развития сельскохозяйственных коммун, получивших широкое распространение в Сибири в первой половине 1920-х гг. Устанавливаются причины образования коллективов, их социальный состав, анализируются организация производственной деятельности, способы распределения материальных благ. Показывается, что одной из главных причин создания сельскохозяйственных коммун являлось стремление крестьян преодолеть разруху и нищету в деревне после окончания гражданской войны. Анализ социального состава коммунаров показывает, что основу коллективов составляло беднейшее крестьянство, удельный вес которого преобладал в общей численности населения. Особое внимание уделяется анализу уставов сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии, их роли и назначению, правам и обязанностям коммунаров, руководящим органам. Выявляется высокая степень обобществления в коллективах, которая предусматривала переход в общее пользование всей земли и имущества крестьян, кроме предметов личного пользования. Рассматриваются конфликтные ситуации во внутренней жизни коммун, вызванные уравнительным распределением материальных благ. Отмечаются попытки коммунаров перейти к организации производства, предусматривающей материальную заинтересованность работников в результатах труда. Делается вывод о том, что сельскохозяйственные коммуны являлись составной частью проводимой советским государством политики военного коммунизма.
Ключевые слова: *Сибирь, Иркутская губерния, сельскохозяйственные коммуны, крестьяне, бедняки, середняки, уставы, права и обязанности, уравнительное распределение, материальная заинтересованность, новая экономическая политика.*

Информация о статье. Дата поступления 19 марта 2018 г.; дата принятия к печати 20 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Цыкунов Г.А. Крестьянский коммунизм в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 216–222. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222

PEASANT COMMUNISM IN SIBERIA

© G.A. Tsykunov

Baikal State University,
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The author examines the organizational-legal and socio-economic issues of the creation and development of agricultural communes, widely spread in Siberia in the first half of the 1920s. The article establishes the reasons for the formation of collectives, their social composition, analyzes the organization of production activity, the methods of distribution of material goods. The author concludes that one of the main reasons for the creation of agricultural communes was the desire of the peasants to overcome the devastation and poverty in the village after the end of the civil war. An analysis of the social composition of the Communards shows that the basis of the collectives was the poorest peasantry, whose share in the total population was the same. Attention is paid to the analysis of the statutes of the agricultural communes of the Irkutsk province, their role and purpose, the rights and duties of the communards, and the governing bodies. A high degree of socialization in the collectives was identified, which provided for the transition to the general use of all land and property of peasants, except for personal use items. The author considers conflict situations in the internal life of communes, caused by the equalizing distribution of material goods. Attempts by the communards to move to the organization of production, which provides for the mate-

rial interest of workers in the results of labor, are noted. The conclusion is that the agricultural communes were an integral part of the Soviet state's policy of military communism.

Keywords: *Siberia, Irkutsk province, agricultural communes, peasants, poor people, middle peasants, statutes, rights and duties, equalization, material interest, a new economic policy*

Article info. Received March 19, 2018; accepted for publication April 20, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Tsykunov G.A. Peasant communism in Siberia. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 216–222. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-216-222. (In Russian).

Мировой опыт показывает, что все революционные преобразования сопровождались небывалыми экспериментами по организации государственной, общественной и духовной жизни, научной основой которых являлись политико-философские учения великих мыслителей различных эпох. Древнегреческий мыслитель Платон, считавший идеальным государством государство коммунистическое, положил начало длительным спорам, приведшим к оформлению марксистской коммунистической идеологии. Под ее лозунгами проходили все революции в России и строительство так называемого коммунистического общества.

После провозглашения Советской России началось утверждение на практике идей о справедливом строе. Революционный порыв охватил большинство слоев населения, стремившихся в кратчайшие сроки ликвидировать богатство и бедность. Общинный характер труда и жизни крестьянства способствовал появлению новых форм коллективной организации хозяйства: товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и сельскохозяйственных коммун. В первые годы советской власти из всех форм кооперирования выделялись сельскохозяйственные коммуны, которые наглядно демонстрировали попытки внедрения коммунистических начал в сознание и хозяйственный уклад крестьян.

Гражданская война нанесла огромный урон сельскому хозяйству Сибири, переживавшему глубокий кризис. Созданная Иркутским губернским комитетом РКП (б) комиссия по указанию помощи населению от колчаковщины установила, что в Черемховском уезде было разорено и разрушено 24,9 % крестьянских хозяйств, в Балаганском – 36,5 %, в Нижнеудинском – 43,5 %, а всего по Иркутской губернии в обследуемых волостях было разрушено 24,4 % крестьянских хозяйств (Зыков, 1961. С. 7). Скорейшее преодоление хозяйственной разрухи стало одной из главных причин организации крестьянами коллективных хозяйств. Массовое создание сельскохозяйственных коммун в Сибири происходило после свержения колчаковского режима. В мае 1921 г. на территории сибирского региона насчитывалось 812 коммун, в том числе в Иркутской области – 22 коммуны (Степичев, 1966. С. 104).

Следует отметить, что организация коммун проходила вне рамок административного воздействия местных органов советской власти. Губернские и уездные земельные органы стали устанавливать организационный и политический контроль над коммунами после их официальной регистрации. Среди причин, побуждающих крестьян организовывать коммуны, преобладали все же экономические мотивы: победить нищету и голод, увеличить сельскохозяйственное производство в послевоенной деревне. Известный исследователь аграрной истории Сибири В.В. Гришаев опубликовал интересные архивные данные о проведенном анкетировании среди коммунаров Забайкальской губернии. В числе первоочередных причин, побудивших крестьян к организации коммун, были названы желание организованно вести хозяйство, чтобы повысить производительность труда, выйти из кулацкой кабалы. На втором месте оказались мотивы идейно-политического характера: скорейшее достижение братства и равенства, победа над капитализмом, сочувствие к коммунизму (Гришаев, 1987. С. 20).

Инициаторами создания отдельных коммун являлись участники партизанского движения в Сибири. Активное участие в организации коммун принимали крестьяне-переселенцы, которые в сравнении со старожилами имели слабое материальное хозяйство. В период военного коммунизма

некоторая часть крестьян вступала в коммуны с целью уклонения от продовольственной разверстки, другая часть надеялась на получение денежной помощи, семенного материала и сельскохозяйственного инвентаря. Определенный интерес к созданию коллективов проявляли зажиточные крестьяне, которые преследовали цели сохранения своего имущества, замены своих земель на лучшие земельные угодья крестьян-единоличников. Встречались и коммуны, состоящие исключительно из родственников: хотя они состояли из бедняков, стремящихся преодолеть нищету, доступ в такие коллективы был закрыт для других.

Классовый состав подавляющего большинства коммун показывает, что наибольший удельный вес в них занимали бедные слои крестьянства. Это подтверждается данными по социальному составу сельскохозяйственных коммун Сибири в 1922 г.: бедняки – 52,3 %, середняки – 21,4 %, батраки – 22,1 %, служащие и рабочие – 4,2 % (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 199. Л. 78 об.). Однако подъем индивидуального крестьянского хозяйства в годы новой экономической политики привел к уменьшению социальной базы коммун как организаций, приемлемых прежде всего для беднейшего крестьянства, а его доля в общей численности населения падала. В 1925 г. расслоение иркутской деревни по социально-экономическим признакам выглядело следующим образом: середняцкие хозяйства – 35 %, середняцкие, примыкающие к бедняцким – 16 %, бедняцкие – 31 %. Уменьшение доли бедняков в общей численности крестьян к середине 1920-х гг. повлияло на снижение числа коммун. Так, если в 1920 г. в Иркутской губернии было 20 зарегистрированных коммун, то в 1923 г. – всего 6 коммун (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 609. Л. 9 об.).

Производственная деятельность сельскохозяйственных коммун находилась в прямой зависимости от числа трудоспособных крестьян, площади обрабатываемых земель, наличия сельскохозяйственного инвентаря. В 1921 г. в 13 коммунах Иркутской области числилось 649 человек, в том числе трудоспособных – 311, детей – 314. В среднем каждый коллектив состоял из 50 человек. Наиболее многочисленной была коммуна «Показатель» Нижнеудинского уезда, она включала 84 человека, тогда как в коммуне «Бельково» Черемховского уезда насчитывалось 8 человек. Многие коллективы сталкивались с проблемой отсутствия хороших пахотных угодий. Зачастую обрабатываемые земли состояли из многочисленных разбросанных по округе отдельных наделов, что затрудняло ведение коллективного хозяйства. В других случаях из-за конфликтов с крестьянами-единоличниками приходилось осваивать новые целинные земли. В отмеченный период все коммуны Иркутской губернии имели в своем распоряжении 5591 десятину земли (в среднем по 430 десятин на коллектив) и 116 единиц сельскохозяйственного инвентаря (в среднем по 9 единиц на коллектив) (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 80. Л. 48 об.).

В качестве примера можно привести данные по производственной базе коммуны им. О.Г. Егорова Тайтурской волости Иркутского уезда в момент ее организации в 1920 г. В ее состав вошли 8 крестьянских семей, имевших 16 рабочих лошадей, 26 дойных коров, 35 овец, 16 свиней, 131 птицу. Из сельскохозяйственного инвентаря имелось 6 плугов, 9 борон, 1 молотилка, 15 телег, 16 саней, 2 сеялки, 16 конных упряжек. За год хозяйственной деятельности коммуны численность ее членов возросла в 2,5 раза, земельный фонд увеличился в 2 раза. В 1923 г. коммуна им. О.Г. Егорова как одна из лучших в Иркутской губернии участвовала во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. При финансовой помощи Тельминской ткацкой фабрики и личном содействии Ф.Э. Дзержинского коммуна приобрела у американской фирмы «Фордзон» первый в округе трактор (Степичев, 1966. С. 11).

Революционные идеи оказали большое влияние на рождение народного правотворчества. В уездах, волостях, селах, трудовых коллективах разрабатывались различные конституции, уставы, положения, в рамках которых пытались установить порядок функционирования территориальных и хозяйственных субъектов. Одной из труднейших задач при создании сельскохозяйственных коммун являлось организационно-правовое оформление коллективов: разработка и принятие уставов коммун. Для этого собиралось учредительное собрание, на котором обсуждались условия жизни и

деятельности коммуны, формировался каждый пункт устава рождающегося коллектива. При обсуждении этих вопросов не всегда удавалось найти приемлемое для всех решение. В одних случаях избиралась согласительная комиссия, которой поручалось доработка устава, в других – посылались письма или направлялись ходоки в уездные земельные отделы для выяснения спорных вопросов. Эти проблемы стали решаемыми после принятия I Всероссийским съездом земельных отделов и коммун в феврале 1919 г. «Нормального устава производственных сельскохозяйственных коммун», разработанного Наркоматом земледелия РСФСР.

До настоящего времени дошли уставы большинства сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии, представляющие научную ценность для изучения жизни и деятельности этих противоречивых объединений. Рассматривая уставы сельскохозяйственных коммун «Идеал», «Крыловская», «Голуметьевская» Черемховского уезда, «Сельский хозяин», им. О.Г. Егорова Иркутского района, «Красное знамя» Балаганского уезда, «Красная звезда» Тулунского уезда, «Вербовка», «Молот», «Пионер» Киренского уезда, можно сделать общие выводы о роли и назначении коммун, о правах и обязанностях коммунаров, о руководящих органах, об управлении делами, об организации труда и реализации продукции.

Во всех уставах закреплялось, что коммуна является добровольным союзом для ведения общественного сельского хозяйства, могучим средством борьбы против капитализма. Главным источником дохода являлся переход всего имущества коммунаров в общее пользование. К нему относили земли, движимое и недвижимое имущество, денежные средства, различные ссуды и пособия, получаемые от местных органов власти. В уставе коммуны «Красная звезда» Тулунского уезда было записано: «Все в коммуне принадлежит всем, никто ничего не может назвать своим, кроме предметов личного потребления: нижняя и верхняя одежда, постельные принадлежности» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 700. Л. 6 об.). Во всех коммунах, хотя и поразному, предусматривалось положение о выходе из коллектива. В большинстве случаев выбывающий из коллектива имел право получить примерно 75 % стоимости внесенного различного имущества, а также земельный участок. Однако в ряде уставов ставились различные препоны для желающих покинуть коллективы. Так, в уставе коммуны «Вербовка» было зафиксировано: «Общее собрание имеет право выдать выходящему его внесенный инвентарь в том случае, если это не внесет расстройства в хозяйстве коммуны» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 168. Л. 3).

В уставах коммун нашли отражение и вопросы управления делами этих коллективов. Высшим и законодательным органом, уполномоченным решать все вопросы, признавалось общее собрание. Именно ему принадлежало право окончательного решения вопросов приема и исключения членов коммуны, осуществления контроля за поведением коммунаров, утверждения соглашений на заключение договоров, установления порядка ведения хозяйства и внутренней жизни коммун. Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовала половина членов коллектива. Как правило, все решения на общих собраниях принимались открытым голосованием, простым большинством голосов. Исполнительным органом являлся Совет коммуны, избираемый общим собранием. Этот орган руководил всеми делами хозяйства, учетом и распределением продуктов, осуществлял взаимоотношения с местными органами власти. Контроль за деятельностью руководства коммуны, проверки отчетов и смет, наличия имущества осуществляла ревизионная комиссия. Руководителем коллектива являлся заведующий коммуной, который избирался на срок от одного до трех лет.

Уставы сельскохозяйственных коллективов определяли права и обязанности коммунаров. В целом они имели схожие черты и лишь незначительно отличались спецификой сельских поселений и менталитета населения. Коммунары имели право свободы в личной и политической жизни, жить в отдельных домах или общежитиях, производить при вступлении в коммуну добровольный взнос имуществом или деньгами, получать по своим нуждам продукты, одежду, работать по желанию сверх нормы, право выхода из коммуны и т. д. Уставы коммун отражали коллективные обязанно-

сти коммун как единого целого: выполнять все государственные повинности, поддерживать и защищать советскую власть, предоставить детям образование за счет коммуны, проявлять всяческую заботу о престарелых и детях. В уставах коммун «Крыловская», «Красное знамя», «Вербовка», «Лиственничная» особо подчеркивалось, что престарелые, малолетние, больные содержатся за счет коллектива.

Наиболее слабым местом в уставах коммун являлись вопросы организации производственной деятельности. Основное внимание обращалось на необходимость напряженного и продуктивного труда коммунаров. Так, в уставе коммуны «Вербовка» пункт № 21 гласил: «Каждый должен добросовестно трудиться по своим силам, способностям, не отказываться от работы, всячески содействовать экономическому развитию коммуны» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 4). Уставы коллективов предусматривали строгое наказание нерадивым коммунарам за их вредительское для коллектива использование сельскохозяйственных орудий. В качестве наказания могли применятся меры по уменьшению выдаваемого продовольственного пайка. Установление продолжительности рабочего дня зависело от сезонного времени, вида и условий работы, возраста людей. К примеру, устав коммуны «Голуметьевская» заявлял особою продолжительность рабочего дня до 12 часов во время сенокоса и уборки урожая. Каких-либо материальных и моральных поощрений за наиболее производительный труд уставы не предусматривали.

Уставы коммун «Сельский хозяин» и «Вербовка» фиксировали такое положение, при котором никто из членов коллектива не мог получить за свой труд в пределах своего хозяйства особого вознаграждения ни продуктами, ни деньгами, кроме удовлетворения его потребностей наравне со всеми. При получении какого-либо вознаграждения на стороне коммунары были обязаны все передавать в общее хозяйство. Крайняя нужда, недостаток средств труда и предметов потребления, равноправие всех в труде и его оплате привело к тому, что в коммунах, как и во всем обществе того периода, плата за труд фактически выражалась в уравнительном распределении. Оно утверждалось по принципу «от каждого – по его силам и способностям, каждому – по его потребностям» – так было записано во всех уставах коммун (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 162. Л. 3; Д. 182. Л. 18).

Идеям коммунистического общества отвечала поставленная в коммунах культурно-воспитательная работа. Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности, ведь из 10 коммунаров примерно лишь 2 владели грамотой. В большинстве коллективов были открыты школы, где организовывались курсы по ликвидации безграмотности, на которых занимались не только коммунары, но и крестьяне-единоличники. В коммунах им. О.Г. Егорова, «Крыловская», «Иннокентьевская», «Красное поле» были открыты детские дома, в которых в дневное время были организованы воспитание, досуг и питание детей. Коммунары в числе первых примкнули к антирелигиозной пропаганде, что привело к неприязненным отношениям с местным населением. Так, Совет коммуны «Молот» Киренского района в мае 1921 г. постановил, «что религия – дело каждого, а коммунары не будут молиться» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 174. Л. 10). Был и другой пример, когда женщины из коммуны «Интернационал» впервые за всю историю села Александровское Черемховского уезда работали в пасху, чем вызвали негодование со стороны единоличных крестьян. Противоречивое отношение к религии приводило к разногласиям и среди коммунаров, что являлось причиной внутренних конфликтов и даже распада коллективов.

В экономическом отношении большинство коммун относилось к натуральным хозяйствам, и большая часть произведенной продукции предназначалась для внутреннего потребления. Так, в коммуне «Пахарь» Киренского уезда произведенная в 1922 г. пшеница была распределена следующим образом: собственное потребление за год – 300 пудов (50 %), расход на воспроизводство – 100 пудов (17 %), уплата натурального налога – 60 пудов (10 %) (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 563. Л. 60). С учетом того, что основной доход коммуны получали от продажи сельскохозяйственной продукции, удельный вес которой был незначителен, то материальная база коллективов была слабой. Отсутствие то-

варно-денежных отношений не позволяло коллективам получать новые кредиты, расплачиваться с долгами и переходить к товарному производству. В ряде коммун полученные сельскохозяйственные кредиты использовались не на развитие коллективного хозяйства, а на личные нужды коммунаров. К примеру, в коммуне «Родина» Нижнеудинского уезда кредитные деньги были распределены между коммунарами на именные продуктовые ссуды.

В середине 1920-х гг. в сельскохозяйственных коммунах стали проявляться тенденции перехода от уравнительного способа распределения материальных благ к распределению по количеству и качеству затраченного труда. Отдельные члены коммун стали открыто проявлять недовольство «уравниловкой», требуя при распределении доходов учитывать величину их вступительного пая. Переход к принципу материальной заинтересованности был медленным и противоречивым, коллективы пытались апробировать различные варианты организации труда. Первыми шагами в этом направлении стало введение поденной оплаты труда. С ее принятием в коммуне «Икинат» Аларского аймака все мужчины от 18 до 55 лет получали поденную оплату по 55 коп. в день, женщины от 18 до 50 лет – по 45 коп., подростки от 16 до 18 лет – по 45 коп. Из этих ставок вычитались средства на общий стол согласно расходов по столовой. Денежные вознаграждения распространялись и на детей коммунаров, которые помимо бесплатного питания получали по одному рублю в год (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 27. Л. 38 об.). Однако поденная оплата труда не оказала должного влияния на повышение производительности труда коммунаров и экономическую эффективность хозяйств. Принятие сдельной оплаты труда началось во второй половине 1920-х гг., когда коммуны стали переходить на устав сельскохозяйственной артели.

Переход к новой экономической политике создал благоприятные экономические условия для развития единоличного крестьянского хозяйства. Высокая степень обобществления в коммунах практически прекратила приток середняков в коллективы. Новые реалии привели к сокращению социальной базы коммун – бедняцких слоев, перед которыми открывались перспективы самостоятельного ведения хозяйства. Эти тенденции не могли не сказаться на внутренней жизни коммун, где начались организационные, семейно-бытовые неурядицы, приводившие к ликвидации коллективов. В 1921 г. в коммуне «Молот» коллектив разделился на две конфликтующие группы, одна из которых требовала выхода из коммуны с целью «выбиться в середняки», другая настаивала на сохранении коллектива. Одна из коммунарок заявила на общем собрании: «Ненавижу вашу коммуну. Не надо мне много, пусть у меня будет мало, но я сама как хочу, так и ворочу. Мне никто не будет учитывать и определять паек в рот» (ГАИО. Ф. 46р. Оп. 1. Д. 174. Л. 13). Подобные явления были характерны и для других коммун, где на смену коммунистическим иллюзиям стала приходить психология частника. К 1927 г. большинство сельскохозяйственных коммун самоликвидировалось или перешло на устав сельхозартелей.

Сельскохозяйственные коммуны Сибири являются ярким примером всеобщей радикализации коммунистических начал, охвативших Россию после революции 1917 г. Создание и развитие подобных коллективов гармонично вписывалось в проводимую партией большевиков политику военного коммунизма. В то же время помимо анализа политической сущности коммун нельзя не отметить хозяйственную мотивацию их создания. Тяжелейшие последствия гражданской войны, упадок сельского хозяйства, угроза голода способствовали объединительному началу беднейших крестьян. В тот период именно такая форма коллективного хозяйства более всего подходила для преодоления трудностей. Непродолжительная история крестьянского коммунизма закончилась началом реализации новой экономической политики, делавшей упор на материальную заинтересованность работников в результатах труда.

Библиографический список

Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск: Кн. изд-во, 1987. 166 с.

References

Grishaev V.V. *Kommunary Sibiri* [Communards of Siberia]. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel`stvo Publ., 1987,

Зыков А.Н. Иркутские коммунисты в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана (1921–1925 гг.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1961. 173 с.

Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1965. 570 с.

Сведения об авторе

Цыкунов Григорий Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: tsykunovga@gmail.com

Критерии авторства

Цыкунов Г.А. выполнил научно-исследовательскую работу, на основании полученных обобщенных результатов подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

166 p. (In Russian).

Zykov A.N. *Irkutskie kommunisty v bor`be za osushchestvlenie leninskogo kooperativnogo plana (1921–1925 gg.)* [Irkutsk Communists in the struggle to implement the Lenin's cooperative plan (1921-1925)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel`stvo Publ., 1961, 173 p. (In Russian).

Stepichev I.S. *Pobeda leninskogo kooperativnogo plana v Vostochno-Sibirskoi derevne* [The victory of the Lenin's cooperative plan in the East Siberian village]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel`stvo Publ., 1965, 570 p. (In Russian).

Information about the author

Grigory A. Tsykunov,
Doctor of Sciences (History), professor, Chair of the Department of Theory of Law and Social and Legal Disciplines,
Baikal State University,
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: tsykunovga@gmail.com

Attribution criteria

Tsykunov G.A. carried out research work, based on the obtained generalized results he prepared the manuscript for printing, has copyrights for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-223-230

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

© А.Л. Матвеенко, Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. Цель данной статьи проследить административно-территориальные преобразования в западной части Иркутской губернии в первой половине XX века. Основное внимание уделяется эволюции административных единиц низового звена – волостей, позднее более крупных районов. С приходом к власти большевиков административно-территориальные преобразования приобретают гораздо больший размах. Советское руководство особо подчеркивало необходимость согласования административно-территориального деления с перспективами экономического развития. В июле 1922 г. центр Нижнеудинского уезда был переведен из г. Нижнеудинск в с. Тулун, одновременно преобразованное в город. Уезд стал называться Тулунским. С осени 1923 г. началась подготовка укрупнения волостей. В Тулунском уезде их решено сгруппировать районных волостей (районов): Братский, Куйтунский, Нижнеилимский, Нижнеудинский и Тулунский. В июне 1926 г. Иркутская губерния ликвидирована, а на ее территории образованы Иркутский, Киренский и Тулунский округа. Через три года и Тулунский округ был упразднён, а большинство его районов переданы в Иркутский округ. Летом 1930 г. ликвидированы и все остальные округа. Цель преобразований в приближении партийно-советского аппарата к недавно созданным колхозам, к населению. Исторический опыт позволяет оценить влияние административно-территориальных преобразований на развитие региональной экономики. Район необратимо стал основной инстанцией, доводившей вниз партийные и государственные директивы и контролировавшей их исполнение.
Ключевые слова: *Иркутская губерния, Нижнеудинский уезд, административно-территориальное деление, первая треть XX века, волости, переселенцы, старожилы, районы, Тулунский округ, большевики, опережающее развитие, план.*

Информация о статье. Дата поступления 2 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 27 апреля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Матвеенко А.Л., Скорикова Н.А. Эволюция административно-территориального деления западной части Иркутской губернии в первой трети XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 223–230. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-223-230

EVOLUTION OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE WEST PART OF THE IRKUTSKY GUBERNIA IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

© A.L. Matveenko, N.A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to trace the administrative and territorial transformations in the western part of the Irkutsk province in the first half of the twentieth century. The main attention is paid to the evolution of administrative units of the lower level – volost', later larger districts. With the coming to power of the Bolsheviks, administrative and territorial transformations are taking on a much greater scope. The Soviet leadership emphasized the need to harmonize the administrative-territorial division with the prospects for economic development. In July 1922 the center of the Nizhneudinsky Uyezd was transferred from the town Nizhneudinsk to the village Tulun, simultaneously transformed into a city. The county was called Tulun. From the autumn of 1923 the preparation of the enlargement of the volosts began. In the Tulun county, they decided to

group the district parishes (districts): Bratsky, Kuitun, Nizhneilimsky, Nizhneudinsky and Tulun. In June 1926 Irkutsk province was liquidated, and Irkutsk, Kirensk and Tulun districts were formed on its territory. Three years later, the Tulun District was abolished, and most of its districts were transferred to the Irkutsk District. In the summer of 1930, all other districts were liquidated. The goal of transformations was to put Party-Soviet apparatus closer to the newly created collective farms and to the population. Historical experience makes it possible to assess the impact of administrative-territorial transformations on the development of the regional economy. The region irreversibly became the main instance, bringing down party and state directives and controlling their execution.

Keywords: *Irkutsk province, Nizhneudinsky district, administrative-territorial division, first third of the XX century, volost', settlers, old residents, districts, Tulun county, Bolsheviks, outstripping development, plan*

Article info. Received April 2, 2018; accepted for publication April 27, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Matveenko A.L., Skorikova N.A. Evolution of the administrative-territorial division of the west part of the Irkutsky Gubernia in the first third of the 20th century. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 223–230. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-223-230. (In Russian).

В 1783 г. учреждено Иркутское наместничество, в составе которого образован Нижнеудинский уезд. В 1796 г. наместничество преобразовано в Иркутскую губернию. В 1822 г. Нижнеудинский уезд преобразован в одноименный округ, а в 1898 г. снова в уезд. Последующее опережающее развитие хозяйственного комплекса этой территории уже было предметно рассмотрено (Матвеенко, 2018). Напомним, что с 1901 г. по 1928 г. доля в посевах Иркутской губернии выросла с 17,9 % до 29,9 %, а в последующем стабилизировалась. Сильнейший импульс производственному росту придало строительство Транссиба, массовое водворение переселенцев, государственные мероприятия по всестороннему содействию колонизации. Данная же статья призвана рассмотреть эволюцию административно-территориального деления западной части Иркутской губернии, сопроводившую лидирующий на общем фоне социально-экономический рост.

По данным переписи 1897 г. в Нижнеудинском округе проживало до 81 000 чел., в том числе в Нижнеудинске – 5 752. Из жителей 33,1 % составляли не местные уроженцы. В дальнейшем приток крестьян-переселенцев в Восточную Сибирь усиливается, причем новоселы преимущественно оседают в южной (Минусинский уезд) и центральной (Ачинский, Красноярский, Канский уезды) частях Енисейской губернии и на западе Иркутской губернии – в Нижнеудинском уезде. К 1917 г. доля переселенцев в общей численности сельского населения составила в Канском уезде – 75,9 %, в Ачинском – 58,5 %, в Нижнеудинском – 51,6 % (Воробьев, 1975. С. 212). На 1 января 1916 г. в Иркутской губернии насчитывалось переселенческих, отрубных, хуторских и запасных участков: 1 383 в Нижнеудинском уезде, 631 в Балаганском, 453 в Иркутском и 133 в Верхоленском (Перечень, 1916).Таким образом, сеть поселений именно рассматриваемой территории росла наиболее динамично.

На 1897 г. Нижнеудинский уезд включал шесть волостей (Алзамайскую, Больше-Мамырскую, Братскую, Кимильтейскую, Куйтунскую, Тулуновскую) и одно инородческое ведомство («Нижнеудинскую землицу»). К 1906 г. добавилась Шерагульская волость. Для характеристики общего контекста укажем, что всего в Иркутской губернии на 1906 г. было 64 волости, 36 инородческих ведомства и 2 рода.

К 1909 г. в Нижнеудинском уезде образованы три новые волости: Икейская, Перфиловская, Шебартинская. Инородческое ведомство Нижнеудинской землицы разделено на Гадалейское, Карагазское, Солонецкое.

К 1912 г. добавилось еще шесть волостей. Созданы Тайшетская, Тангуйская, Уковская, Уянская волости, преобразованы из инородческих ведомств – Гадалейская и Солонецкая. Таким образом, число волостей в Нижнеудинском уезде за 1906–1912 гг. выросло с 7 до 17, а к 1917 г. достигло 21. Последними образованы Трактов-Курзанская, Котарбейская, Шамановская, Гуранская.

По доле переселенцев среди волостей Нижнеудинского уезда на весну 1917 г. можно выделить три группы:

1. С преобладанием переселенцев – Алзамайская (переписано 326 переселенческих хозяйств из общего числа хозяйств в 582 ед.); Барлукская (переписано 610 из 1 010); Гадалейская (переписано 355 из 506); Гуранская (переписано 532 из 557); Икейская (переписано 868 из 1 008); Котарбейская (переписано 677 из 718); Тангуйская (переписано 833 из 1 275); Трактов-Курзанская (переписано 558 из 728); Шебартинская (переписано 736 из 1 068).

2. С примерным равенством переселенцев и старожилов – Куйтунская (переписано 1 510 из 2 590); Перфиловская (переписано 336 из 637); Солонецкая (переписано 277 из 485); Тайшетская (переписано 1 466 из 2 584); Уковская (переписано 352 из 887); Тулунская (переписано 524 из 1 571); Уянская (переписано 637 из 1 309); Шарагульская (переписано 821 из 1 424).

3. Старожильческие волости с незначительной долей переселенцев – Больше-Мамырская (переписано 78 из 1 275); Братская (переписано 103 из 758); Кимильтейская (переписано 260 из 1 231); Шамановская (переписано 142 из 646). Последняя располагалась в нижнем течении Оки. При этом в Солонецкой волости было 174 инородческих (бурятских) хозяйства, в Гадалейской – 79. В Тайшетской и Тулунской волостях отмечена значительная доля (около четверти) не приписанных к селениям хозяйств, обычно не занимающихся сельским хозяйством. Приведенные группы не только наглядно характеризуют значение переселения, но и дают представление о расхождениях демографического и производного от него производственного «веса» различных волостей.

После Февральской революции 1917 г. «среди сельского населения (Иркутской) губернии началось сильное расслоение и разграничение интересов различных категорий населения. Буряты стали выделяться в волостные единицы с чисто бурятским населением, переселенцы отмежевывались от старожилов, те и другие стали дробиться на мелкие единицы. Этот процесс формирования новых волостей и других территориальных (нередко и чресполостных) единиц (к лету 1917 г.) не закончился и до настоящего времени и имеются позднейшие данные, что образовались уже новые волости, выделившиеся из состава прежних, части уже выделившихся снова соединяются вместе и т. д.» (Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 г. по Иркутской губернии, 1919).

С приходом к власти большевиков административно-территориальные преобразования приобретают гораздо больший размах. Главными недостатками дореволюционного деления России на губернии и уезды были объявлены отсутствие связи со стихийно сложившимися экономическими районами, приоритет полицейско-фискальных интересов, игнорирование национального состава населения. Советское руководство продекларировало необходимость согласования административно-территориального деления с перспективами экономического развития.

В течение чуть более 10 лет проведены три крупные реформы. Первой новацией стало создание национальных автономий в начале 1920-х гг. в соответствии с ленинской концепцией разрешения национального вопроса.

Вторым преобразование явилось «районирование» середины 1920-х гг., которое упразднило губернии, разделив их территории на округа. Официальной причиной мер называлось несоответствие старой системы административного устройства задачам социалистического строительства. Вместо Иркутской губернии появились Иркутский, Киренский и Тулунский округа. В то же время волости (насчитывавшие 5–7 тыс. жителей) укрупнялись, а затем преобразовывались в районы.

Третья реформа летом 1930 г. частично отменила вторую, упразднив не просуществовавшие и четырех лет округа (Новиков, 2014. С. 36). От трехуровневого деления (край – округ – район) перешли к двухуровневому (край – район). Район необратимо стал основной инстанцией, доводившей вниз партийные и государственные директивы и контролировавшей их исполнение. Таким образом, необходимость учитывать географические условия оказалось важнее «руководящей воли партии» и теоретических иллюзий о резком ускорении темпов экономического развития административными мерами.

Кроме перечисленных общесибирских преобразований, территории Иркутской губернии затронули и более частные изменения. Например, еще в

марте 1920 г. власти соседней Енисейской губернии ходатайствовали о передаче в Канский уезд Тайшетской и Алзамайской волостей Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Руководители последней выступили против предложения, указав на давнюю административно-хозяйственную часть Тайшетского района именно с Нижнеудинском. Несмотря на протесты иркутских властей, Сибревком 12 ноября 1920 г. постановил перечислить две указанные волости в состав Канского уезда (ГАИО, Ф. Р-42, Оп. 1, Д. 123, Л. 6–18). Однако в 1924 г. по решению административной Комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) эти территории были вновь возвращены в состав Иркутской губернии.

В апреле 1920 г. съезд революционных комитетов Иркутской губернии постановил образовать специальную Межведомственную Комиссию по административному делению. Ей предстояло решить о районировании Иркутской губернии, исполняя декрет Совета народных комиссаров от июля 1919 г. В свою очередь руководство Тулунского ревкома выступило с ходатайством о переносе уездного центра из Нижнеудинска в с. Тулун с одновременным приданием ему статуса города. Члены ревкома отмечали, что в начале XX в. население Тулуна выросло до 6 тыс. чел. «Появилось несоответствие между уездным центром и новыми экономическими возможностями. Перед Гражданской войной более половины всех денежных оборотов уезда падали на Тулун. Кроме того, из-за центрального положения, Тулун стал центром хозяйственной торговли, культурной жизни уезда. Сельскохозяйственные продукты свозятся для продажи в Тулун и имеется сельскохозяйственная станция» (ГАИО, Ф. Р-42, Оп. 1, Д. 421, Л. 17).

Критики считали, что значение Тулуна преувеличено, а центром Зиминско-Тулунского округа должен быть г. Нижнеудинск, так как он является городом одним из наиболее прилично оборудованных помещениями для размещения окружной власти и, кроме того, в этом городе имеется довольно солидное число пролетариата.

К концу 1920 г. Нижнеудинский уезд включал 24 волости, в том числе Николаевский завод и заимки г. Нижнеудинска. Добавились Мугунская, Одонская и Пушкинская волости (Первичные итоги сельско-хозяйственной переписи 1920 г., 1921. С. 4–7). Выбыли Алзамайская и Тайшетская.

Постановлением ВЦИК от 27 июля 1922 г. центр Нижнеудинского уезда был переведен из г. Нижнеудинска в с. Тулун, преобразованное в город. Одновременно Нижнеудинский уезд был переименован в Тулунский.

ВЦИК постановлением от 14 февраля 1923 г. утвердил план нового административного деления Тулунского уезда. Проведен ряд объединений: Илирская волость включена в Тангуйскую, Гуранская в Тулунскую, Солонецко-Пушкинская в Катарбейскую, Трактово-Курзанская в Шебартинскую, Тулинская к Куйтунской, а ряд межволостных границ скорректирован (ГАИО, Ф. Р-495, Оп. 1, Д. 200). Гадалейская (бывшая инородческая) очевидно переименована (до 1920 г.) в Одонскую (по пос. Одон южнее Тулуна). Остальные упомянутые в 1917 г. волости сохранились. Отметим, что они существенно различались по населенности: наименьшая в Илимской (3 020 чел.) и Одонской волостях (3 328 чел.); наибольшая в Куйтунской (12 652 чел.) и Тулунской (15 006 чел.). Всего в Тулунском уезде проживало 128 218 чел. на площади свыше 15 млн. десятин (532 населенных пункта, 25 436 дворов).

В итоге из составлявших весной 1917 г. Нижнеудинский уезд 21 волости, в 1923 г. в Тулуновском осталось 14, две (Тайшетская и Алзамайская) переданы в Канский уезд Енисейской губернии, две (Кимильтейская и Уянская) – в Зиминский уезд Иркутской губернии. Напротив, из Киренского уезда в Тулуновский в апреле 1923 г. переданы три приилимские (Илимская, Карапчанская, Нижнеилимская) волости (Иркутская гумерния в освещении сельско-хозяйственной переписи 1920 г., 1924. С. 2–25).

С осени 1923 г. началось составление и обсуждение проектов укрупнений волостей, преобразованием их в районные волости (районы). В Тулунском уезде решено сгруппировать прежние волости в пять районов: Братский, Куйтунский, Нижнеилимский, Нижнеудинский и Тулунский. Сохранившаяся документация позволяет составить представление о мотивах принятых решений. В частности, переход от 18 к 5 волостным исполнительным

комитетам целесообразен и дает перспективы на улучшение: административно-хозяйственной деятельности, сокращение расходов, подбор лучшего персонала, возможность полного руководства и понимания задач экономического строительства. Пять намеченных районов по «экономическому существу» делили на две группы: К первой группе можно отнести два будущих района, Тулунский и Куйтунский, как районы сельско-хозяйственного типа с ярко выраженными перспективами к развитию сельского хозяйства. Ко второй группе отнесли Нижнеудинскую, Братскую, Нижнеилимскую районные волости, менее плотно населенные, с преобладанием охотничьего промысла, с перспективами горнодобывающей промышленности (золото, медь, железо).

Особо подчеркивалось обширность проектируемых районов. Самые малые по размерам районы это Тулунский и Куйтунский, хотя по количеству населения самые крупные, более обжитые и зажиточные. Куйтунская районная волость приблизительно равна 90 верстам длины и 80 верстам ширины, площадь 10 000 кв. верст, общая конфигурация границ почти удовлетворительна и представляет собой квадрат. Обширность создаваемых районов вытекает из недостаточной плотности населения, а также из создавшегося общеисторическом порядке расположения населенных пунктов вдоль путей сообщения: 90 % населенных пунктов размещены по Братскому тракту и вдоль р. Ангара. В глубине же от этих путей территория практически не заселена.

Приведем характеристику районных центров, данную в момент создания:

Тулунский район с волостным центром в с. Тулун, расположенном на линии железной дороги, в трех верстах от станции Тулун. Хозяйств в с. Тулуне 925, семейств 1 454, населения 7 007 чел., которые разбиваются на две части. Одна часть занимается сельским хозяйством, вторая – ремесленники, мелкие торговцы, обслуживающие уездный аппарат служащие. Доля первой группы 75 %, второй и третьей – 25 %. Тулун особого политического влияния на окружающею территорию не имеет. Из остального ряда волостных сел ни чем особым не выделяется. Экономическое значение с. Тулуна для остальной территории района состоит в том, что он является рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и рынком снабжающим окружающие крестьянское население предметами первой необходимости. Обслуживание торгового оборота в цифрах можно выразить в пропуск через рынок 600 000 пудов хлеба прочего оборота торговли на сумму 800 000 руб. Имеется мукомольная мельница, размалывающая за год до 120 000 пудов, а также мелкие подсобные ремесла, обслуживающие население. Село Тулун в общесибирском значении и губернской обстановки является, несомненно, селом с резиденцией районного управления. Сбыт хлеба на рынке Тулуна заставляет тяготеть к нему ближайшие волости.

Куйтунский район с волостным центром в с. Куйтун, расположенном в трех верстах от одноименной железнодорожной станции. Количество дворов 558, населения – 2 732 чел. Население является чисто крестьянским, занимающимся сельским хозяйством, с ничтожным процентом кустарей и торговцев. Экономическое значение Куйтуна, состоит в том, что село является рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов, а также рынком, снабжающим местное крестьянское население предметами первой необходимости. Рынок является сравнительно слабым, главными снабжающими органами надо признать кооперацию. Имеется одна паровая мельница одинаковой мощности с Тулуновской.

Нижнеудинский район с волостным центром в г. Нижнеудинск, расположенном в одной версте от станции Нижнеудинск. Число усадеб 1 284, семейств 1 896, населения 8 617 чел. Политическое влияние, благодаря наличию профессиональных и профессиональных партийных организаций имеется: весь район по текущим состояниям и мероприятиям обслуживается местными организациями. Торговля производится госорганами, кооперацией и частным капиталом. Долголетнее городское существование Нижнеудинска дает право для расположения в нем волостного центра. Именно в Нижнеудинске производиться сбыт и обработка продовольствия и пушнины.

Братский район с волостным центром в с. Братск, которое расположено по Братскому трак-

ту и связано с Тулунским и Нижнеудинским районами гужевыми трактами. Помимо этого имеется еще водный путь по р. Ангара до Иркутска и Нижнеилимского района. Число дворов в Братске 97, жителей 559. Население в абсолютном большинстве занимается сельским хозяйством и пушным промыслом, особого политического влияния на окружающую территорию не имеет. По мнению уездного исполкома, с. Братск, исторически и экономически сосредотачивает в себе распределения и снабжения товарами и продуктами, в силу чего имеет наибольший перевес на установление резиденциями района.

Нижнеилимский район с центром в с. Нижне-Илимск – конечном пункте Братского тракта. Имеется 77 дворов, 558 чел. населения, занятых пушным промыслом и подсобным сельским хозяйством. Особого политического влияния на остальную территорию не имеет, но частично мероприятия Советской власти в районе обслуживаются работниками Нижне-Илимска. Благодаря наличию школ, народного дома, библиотеки в культурном отношении распространяет свое влияние на остальную территорию. Вся торговля в руках кооперации и госорганов, снабжение товарами идет через Братский район, Нижне-Илимск является подсобным пунктом распределения сбыта продукции по Братскому району. (ГАИО, Ф. Р-495. Оп. 2. Д. 1).

Районирование Иркутской губернии продолжилось в мае 1926 г., непосредственное руководство по его проведению было возложено на исполнительный комитет Сибирского края. В результате проведенного районирования Иркутская губерния ликвидировалась, на ее территории 28 июня 1926 г. образовано три округа (Иркутский, Киренский и Тулунский), волости официально преобразованы в районы.

Переход на окружную систему фактически завершился к октябрю 1926 г., «Тулунский округ, как одна из отсталых частей Сибирского края требовал много средств и усилий для поднятия экономического и культурного состояния округа и вместе с тем превращения окружного центра из села в город, конечно, не простым его переименованием, а удовлетворением потребностей населения, в области благоустройства, здравоохранения и культурного воспитания трудящихся масс… Как ни краток срок, с момента районирования, но он уже дал свои результаты, Тулуновский округ, стал жить и может еще многое получить от районирования. Если окружной центр не станет как Новосибирск, то будет через год культурным центром» (ГАИО, Ф. Р-496. Оп. ОЦ. Д. 8). Приведенная цитата наглядно отражает надежды руководства Тулунского округа, которым не было суждено сбыться.

19 июня 1929 г. Тулунский округ был упразднен. Большинство его районов были включены в Иркутский округ, а Нижнеудинский район в Канский. Летом 1930 г. упразднены и все остальные округа Сибири. От трехуровневого административно-территориального деления (край – округ – район) перешли к двухуровневому (край – район). Одновременно проводилось разукрупнение краевых образований. Цель преобразований в приближении партийно-советского аппарата к селу и колхозам, к народным массам. Переход к массовой коллективизации предполагал резкое расширение управленческой работы на местах и потребовал усиления районного уровня управления. В дальнейшем именно район стал основной инстанцией, доводившей вниз партийные и государственные директивы и жестко контролировавшей их исполнение. Именно район выступал промежуточной инстанцией, через которую краевые власти осуществляли контроль над территорией, обеспечивали поставки продовольствия для государства (Фейнсод, 1995. С. 128–134). Районное руководство в ходе прямого общения осуществляло непосредственный надзор за сельскими советами, колхозами, совхозами, машинно-тракторными станциями, промышленными и торговыми предприятиями, школами, больницами и т. п.

Библиографический список

Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы): монография. Новосибирск: Наука, 1975. 260 с.

References

Vorob'ev V.V. *Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy)* [Formation of the population of Eastern Siberia (geographical features and problems)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, 260 p. (In

Иркутская губерния в освещении сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Материалы Иркутского статистического бюро. Вып. 23. Иркутск, 1924. 129 с.

Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 г. по Иркутской губернии / под ред. К.Н. Миротворцева. Иркутск, 1919. 519 с.

Матвеенко А.Л. Развитие хозяйственного комплекса Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 129–136. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136

Новиков П.А. Исторический опыт административно-территориального деления Сибири в контексте межнациональных отношений // Сибирь – территория межнационального мира и согласия: материалы I межрегион. форума Сибирского Федерального округа (Иркутск, 29-30 мая 2014 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. С. 36–39.

Первичные итоги сельско-хозяйственной переписи 1920 г. // Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Вып. 5. Иркутск, 1921. С. 1–33.

Перечень переселенческих, отрубных, хуторских и запасных участков Иркутской губернии на 1 января 1916 г. Иркутск, 1916. 30 с.

Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: Траст-Имаком, 1995. 496 с.

Irkutskaya guberniya v osveshchenii sel'sko-khozyaistvennoi perepisi 1920 g. [Irkutsk province in the coverage of the 1920 agricultural census]. *Materialy Irkutskogo statisticheskogo byuro* [Data of the Irkutsk Statistical Bureau]. Iss. 23. Irkutsk, 1924, 129 p. (In Russian).

Mirotvortsev K.N. *Itogi predvaritel'nogo podscheta materialov perepisi 1917 g. po Irkutskoi gubernii* [Results of the preliminary counting of the materials of the 1917 census in the Irkutsk province]. Irkutsk, 1919, 519 p. (In Russian).

Matveenko A.L. Development of the Economic Complex of the Nizhneudinsky District of the Irkutsk Province at the End of the 19th – Early 20th Century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Journal of Ancient Technology Laboratory], 2018, Vol. 14, No. 1, pp. 129–136. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136

Novikov P.A. *Istoricheskii opyt administrativno-territorial'nogo deleniya Sibiri v kontekste mezhnatsional'nykh otnoshenii* [Historical experience of the administrative-territorial division of Siberia in the context of interethnic relations]. *Materialy I mezhregional'nogo foruma Sibirskogo federal'nogo okruga "Sibir' – territoriya mezhnatsional'nogo mira i soglasiya"* [Siberia – the territory of the interethnic peace and the consent: proceedings of the I Interregional Forum of the Siberian Federal District (Irkutsk, May 29-30, 2014)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2014, pp. 36–39. (In Russian).

Pervichnye itogi sel'sko-khozyaistvennoi perepisi 1920 g. [The primary results of the 1920 agricultural census]. *Materialy Irkutskogo gubernskogo statisticheskogo byuro* [Materials of the Irkutsk Provincial Statistical Office.]. Iss. 5. Irkutsk, 1921, pp. 1–33. (In Russian).

Perechen' pereselencheskikh, otrubnykh, khutorskikh i zapasnykh uchastkov Irkutskoi gubernii na 1 yanvarya 1916 g. [The list of resettlement, 'otrub', farm and reserve areas of Irkutsk Province on January 1, 1916.]. Irkutsk, 1916, 30 p. (In Russian).

Feinsod M. *Smolensk pod vlast'yu Sovetov* [Smolensk under the rule of the Soviets]. Smolensk: Trast-Imakom Publ., 1995, 496 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Матвеенко Анастасия Леонидовна,
аспирант кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: nastya.matveenko.1984@mail.ru

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермон-

Information about the authors

Anastasiya L. Matveenko,
postgraduate student of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: nastya.matveenko.1984@mail.ru

Natalia A. Skorikova,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: histor@istu.edu

това, 83,
e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

Матвеенко А.Л., Скорикова Н.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Attribution criteria

Matveenko A.L., Skorikova N.A. carried out research work, based on the obtained results, they carried out a generalization, prepared the manuscript for printing, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-231-236

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х гг.

© О.В. Афанасов

Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.

Аннотация. В статье на материалах Уральского военного округа рассматриваются аспекты военного строительства в СССР. В 1935–1938 гг. был осуществлен переход от смешанной территориально-кадровой системы формирования к единому кадровому принципу комплектования вооруженных сил СССР. «Технологический прорыв» привел к быстрому росту количества и качества сложной (военной техники, что изменило и способы ведения боевых действий. Овладение новым вооружением и техникой потребовало продолжительного и систематического военного обучения, наличия соответствующего уровня образования. Так, для укомплектования новых подразделений Уральского военного округа приходилось прибегать к координации взаимодействия учебных центров территориальных дивизий и центров системы вневойсковой подготовки Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Расширялась и сеть военно-учебных заведений округа, в том числе путем создания новых военных школ и училищ в Перми, Челябинске, Свердловске. Особое внимание уделяется технической оснащенности войсковых соединений, их дислокации в Уральском военном округе. Освещаются вопросы деятельности партийных органов, совершенствования кадрового состава военнослужащих. Затрагивается проблема предвоенных репрессий в отношении представителей командно-начальствующего состава, включая командующих, что негативно отразилось на деятельности округа.
Ключевые слова: *Рабоче-крестьянская Красная армия, военное строительство, Уральский военный округ, территориально-кадровая и кадровая системы комплектования, органы военного управления, войсковые соединения, дислокация, военное обучение, военно-учебные заведения, командно-начальствующий состав, репрессии.*

Информация о статье. Дата поступления 17 мая 2018 г.; дата принятия к печати 14 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Афанасов О.В. Формирование и деятельность Уральского военного округа во второй половине 1930-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 231–236. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-231-236

FORMATION AND ACTIVITY OF THE URAL MILITARY DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE 1930s.

© O.V. Afanasov

Irkutsk State University,
1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. Based on the materials of the Ural Military District the article examines aspects of military building in the USSR in the second half of the 1930s. In 1935-1938 the transition from a mixed territorial-cadre system of forming the Workers 'and Peasants' Red Army to a single cadre principle of recruiting the country's armed forces was carried out. One of the main prerequisites for this transition was the “technological breakthrough”, which led to a rapid increase in the quantity and quality of the complex (by technical parameters) of land, naval and aircraft military equipment, which naturally changed the methods of conducting military operations. The acquisition of new weapons and equipment required sustained and systematic military training, the availability of an appropriate level of education. Thus, for the staffing of new units of the Ural Military District (UMD), it was necessary to resort to coordinating the interaction of the training centers of territorial divisions and centers of the system

for out-of-arms training of the Society for Assistance to Defense, Aviation and Chemical Construction. In addition, the network of military schools in the UMD expanded, including the creation of new military schools and colleges in Perm, Chelyabinsk, and Sverdlovsk. When analyzing the composition of territorial formations of the Ural Military District, special attention is paid to the technical equipment of military units, their deployment in the UMD. The issues of the activity of the Party organs of the Ural Military District, improvement of the cadre of servicemen are discussed. The problem of pre-war repression against members of the command and command staff, including commanders, is being touched upon, which has had a negative impact on the activities of the UMD.

Keywords: *Workers 'and Peasants' Red Army, military building, Ural Military District (UMD), territorial-personnel system and personnel recruitment systems, military command institutions, military units, deployment, military training , military educational institutions, command and command staff personnel, repression*

Article info. Received May 17, 2018; accepted for publication June 14, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Afanasov O.V. Formation and activity of the Ural Military District in the second half of the 1930s. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 231–236. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-231-236. (In Russian).

В начале 1930-х гг. резко возросла напряженность международной обстановки. На границах СССР со стороны Дальнего Востока, пользуясь слабостью своих соседей, милитаристская Япония в 1931 г. захватила Маньчжурию, превратив ее в плацдарм для нападения на СССР. В планах японского руководства стоял захват территории от уральского хребта до Сахалина. Японская армия приступила к усиленной подготовке военного вторжения на территорию Советского Союза.

В свою очередь в 1933 г. по результатам демократических выборов в крупнейшей стране Европы – Германии к руководству пришла национал-социалистическая партия во главе с А. Гитлером, идеологом фашизма, который непримиримо относился к идее равенства и братства между народами, «советской идее» при строительстве государства.

В сложившейся сложной, неоднозначной политической и военной обстановке Советский Союз был вынужден заботиться об укреплении армии и флота, готовиться к реальному вооруженному противостоянию на протяжении всех своих границ. У высших руководителей страны иллюзий в этом отношении не было, вопрос стоял только в том, какое время у страны осталось для подготовки своей экономики, армии и флота к большой войне.

Опираясь на свои экономические и социальные преобразования, проводимые в стране, Советское правительство нашло и осуществило качественно новый подход к строительству своих вооруженных сил: в 1935–1938 гг. был осуществлен переход от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому принципу комплектования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Этот переход, прежде всего, был вызван тем, что в мире произошел «технологический прорыв», который привел к быстрому росту количества и качества сложной (по техническим параметрам) сухопутной, морской и авиационной военной техники, что естественно изменило и способы ведения боевых действий. Для овладения новым вооружением и техникой требовалось продолжительное и систематическое военное обучение, наличие начального технического или общего среднего образования.

Народный комиссариат обороны (НКО) СССР в этих условиях разработал мероприятия по усилению вооруженных сил, которые в мае 1935 г. были одобрены Политбюро ЦК ВКП(б) и утверждены Советским правительством. Основным из этих мероприятий явилось значительное увеличение количества кадровых соединений и частей, а также усиление кадров в оставшихся территориальных формированиях РККА. Кроме того, для повышения обороноспособности страны было принято решение об образовании новых военных округов.

Одним из числа вновь созданных военных округов стал Уральский военный округ (УрВО) (Приказ НКО № 079 от 17 мая 1935 г.). С началом Великой Отечественной войны данное военно-административное формирование сыграет огромную роль для обороноспособности СССР. Прежде всего, благодаря сосредоточенным на его террито-

рии промышленным объектам, а также созданным в 1930-х гг. военно-промышленным площадкам на случай эвакуации из центральной части страны.

Не последнюю роль в принятии решения о формировании на Урале отдельного военного округа имело то обстоятельство, что с бурным развитием народного хозяйства и значительным ростом населения в середине 1930-х гг. увеличились и мобилизационные возможности региона. Об этом свидетельствует и то, что огромная Уральская область в 1934 г. была разукрупнена, вместо нее появились три новые области – Свердловская, Челябинская и Обь-Иртышская. Свердловская область включала в себя территорию нынешних Свердловской и Пермской областей, а Челябинская – Челябинской и Курганской. Наличие же трех стрелковых дивизий и двух отдельных территориальных полков, а также ряда других частей (летных школ) требовало выделения этого обширного и богатого ресурсами края в самостоятельное военно-административное объединение.

В 1935 г. в состав вновь образованного УрВО вошли Свердловская и Челябинская области, Башкирская АССР, а также Кировский край с входившей в него Удмуртской АССР (Коварский, Корзников, Кислов, 1983. С. 84–85).

Первым командующим округом был назначен комкор И.И. Гарькавый, комкор М.И. Василенко его заместителем, а членом Военного совета и начальником политуправления округа дивизионный комиссар Г.А. Зиновьев, начальником штаба округа стал комдив В.Д. Соколовский.

В состав УрВО вошли 65-я, 82-я, 85-я территориальные стрелковые дивизии, 2-й Кировский и 4-й Башкирский территориальные стрелковые полки, 126-й артиллерийский полк, 61-й отдельный танковый батальон, 22-й отдельный саперный батальон, 4-й отдельный батальон связи, 33-й авиационный отряд, военные склады, военно-строительные части и мобилизационные органы. Территориальные формирования в тыловых округах сохранились до конца 1930–х гг., но состав их значительно изменился за счет роста технической оснащенности войск: в каждой дивизии кроме трех стрелковых полков были артиллерийский полк, инженерные подразделения, подразделения связи, танковые роты. В 85-й стрелковой дивизии с 1 января 1933 г. на базе разведывательной роты был сформирован отдельный танковый батальон (История Уральского военного округа, 1970. С. 127).

В конце 1926 г. в г. Вятке (ныне г. Киров) начал формироваться 2-й отдельный территориальный стрелковый полк. Личный состав поступил из 14-й, 16-й и 84-й стрелковых дивизий. В июле 1935 г. полк был передан из состава МосВО в УрВО. Директивой ГШ РККА № 4/4/35819 от 31 августа 1936 г. в УрВО в городах Киров и Слободской 2-й отдельный территориальный стрелковый полк в течение октября – декабря переформировывался в 7-ю мотоброневу бригаду общей численностью 1 388 чел. Летом 1937 г. бригаду передислоцировали на станцию Борзя (ЗабВО), а в августе того же года она своим ходом перешла в Монголию с дислокацией в Дзамин-Удэ, где вошла в состав 57-го Особого стрелкового корпуса.

65-я стрелковая дивизия была сформирована в мае 1931 г. с дислокацией в городах Тюмени, Камышлове и Ишиме. В состав дивизии входили 193-й, 194-й и 195-й стрелковые полки, 65-й артиллерийский полк, танковый батальон, разведывательная и саперная роты, зенитная и противотанковая батареи.

82-я стрелковая дивизия была сформирована в январе 1932 г. с дислокацией в г. Пермь, г. Свердловск и г. Кунгуре. В состав дивизии входили 244-й, 245-й и 246-й стрелковые полки, 82-й артиллерийский, танковая, разведывательная и саперная роты, зенитная и противотанковая батареи. Штаб соединения находился в городе Перми[1].

В 1936 г. 82-я стрелковая дивизия заняла первое место в соревнованиях по зимним видам спорта среди воинских частей УрВО. По итогам смотра боеготовности дивизии за 1936 г. отмечалась хорошая маршевая подготовка личного состава, который был способен преодолевать до 70 км в сутки. Нормы ГТО I ступени сдали 90 % личного со-

[1] Скипский Г.А. Территориально-кадровая система РККА на Урале в 1920–1930-е гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2001. 262 с.

Skipsky G.A. Territorial-personnel system of the Red Army in the Urals in 1920-1930-ies. Dis. ... cand. hast. sciences: 07.00.02. Ekaterinburg, 2001. 262 p.

става дивизии. Все более массовыми становились спортивные мероприятия. Во время окружных соревнований 82-ю стрелковую дивизию представляли 13 тыс. чел., что составляло практически весь личный состав соединения. Большое распространение получил такой новый вид спорта, как прыжки с парашютом. В 1936 г. личный состав дивизии совершил 11 750 прыжков с парашютной вышки[2]. В частях 82-й стрелковой дивизии создание механизированных подразделений охватило несколько родов войск.

В начале 1935 г. было сформировано авиазвено и отдельная зенитно-пулеметная рота, что положило начало боевому «слаживанию» частей дивизии при поддержке с воздуха и появлением подразделения ПВО. Для укомплектования этих подразделений приходилось прибегать к координации взаимодействия учебных центров территориальных дивизий и центров системы вневойсковой подготовки Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). В 1936 г., согласно введенным новым штатам и полевому уставу РККА, в период с февраля по октябрь был сформирован отдельный разведывательный дивизион, причем основой для формирования послужил постоянный состав танковой роты и кавалерийского эскадрона – самых боеспособных подразделений дивизии[3].

Формирование 85-й стрелковой дивизии началось в июне 1931 г. на базе 171-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии в Челябинске. Районами для комплектования стали Башкирская АССР и южная часть Уральской области, которая с февраля 1934 г. была преобразована в Челябинскую область. Формирование дивизии было закончено к январю 1932 г. При этом части дивизии дислоцировались в городах Челябинск, Златоуст, Шадринск и Троицк и были рассредоточены около крупных узлов Транссибирской железнодорожной магистрали, что позволяло достаточно быстро сосредоточить их для проведения полевых сборов. Постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР (ЦИК) от 27 марта 1934 г. «О награждении работников-строителей и эксплуатационников Челябинского тракторного завода им. тов. Сталина» за особые заслуги по организации активной помощи при строительстве и монтаже завода дивизия была награждена орденом Ленина. Знамя ЦИК СССР и орден Ленина были вручены 27 ноября 1936 г. командиру дивизии комдиву А.Д. Кулешову и переданы на хранение в 253-й стрелковый полк (История Уральского военного округа, 1970. С. 129).

С 1 января 1937 г. на базе 4-го отдельного Башкирского территориального стрелкового полка, дислоцированного в городе Уфе, была развернута 98-я горнострелковая дивизия в составе 292, 293 и 294 горнострелковых полков, 98 горно-артиллерийского полка, отдельного батальона связи, отдельного кавалерийского эскадрона, танковой, химической, саперной и зенитно-пулеметной рот. И уже в конце 1937 г. 292-й горнострелковый полк, батальон связи и саперная рота были передислоцированы на Дальний Восток и были включены в состав сухопутных частей береговой обороны формируемого Камчатского укрепленного района Тихоокеанского флота[4].

В 1936 г. в УрВО начала формироваться 7-я запасная танковая бригада в составе управления бригады, четырех батальонов по подготовке среднего и младшего командного состава (на танках Т-26 и БТ), роты танков Т-37. С января 1937 г. бригадой командовал комдив М.М. Бакши, а в мае того же года его сменил в должности полковник И.П. Сухов, бывший до этого начальником штаба бригады. В 1937 г. бригада была переформирована в линейную танковую бригаду в составе 156, 158, 162 и 166 отдельных танковых батальонов, разведывательной роты, саперной роты, роты боевого обеспечения и других подразделений. В 1938 г. бригаду (по аналогии со всеми остальными запасными танковыми бригадами) планировали свернуть в 7-й легкий танковый полк. Однако в том же году планы изменились, бригада была передислоцирована во 2-ю отдельную Краснознаменную армию и в августе 1938 г. уже находилась на ст. Завитая в Приамурье.

[2] Там же. С. 168–169. / Ibid. P. 168–169.

[3] Там же. С. 177. / Ibid. P. 177.

[4] Там же. С. 181. / Ibid. P. 181.

Расширялась также сеть военно-учебных заведений. В июле 1931 г. начались занятия во вновь созданной 3-й военной школе авиационных техников, дислоцированной в городе Перми. В марте 1938 г. школа была передана в состав вновь образованного Народного комиссариата Военно-морского флота и стала называться Военно-морским авиационно-техническим училищем им. В.М. Молотова (ВМАТУ).

2 сентября 1935 г. Советом Труда и Обороны (СТО) СССР было принято постановление «О системе подготовки кадров», согласно которому создавались новые школы лётчиков-наблюдателей в городах Краснодаре, Челябинске, Мелитополе. Директивой Генерального штаба РККА от 13 февраля 1936 г. было принято решение прекратить формирование скоростной бомбардировочной бригады в Челябинске и вместо этого осенью 1936 г. приступить к созданию школы лётчиков-наблюдателей со сроком обучения 3 года. Она получила наименование 15-я военная школа лётчиков-наблюдателей. Школа была создана 1 октября 1936 г. на основании Директивы ГШ РККА № 4/3/34338 от 13 февраля 1936 г. и получила наименование «15-я военная школа лётчиков-наблюдателей» нормального типа со сроком обучения 3 года. Приказом НКО СССР № 067 от 13 мая 1938 г. 15-я военная школа лётчиков-наблюдателей была переименована в «Челябинское военное авиационное училище лётчиков-наблюдателей». Согласно директивы штаба УрВО № Ш-41/1021 от 14 мая 1936 г. в городе Свердловске открылась пехотная школа. 1 сентября 1936 г. начали учебу четыре только что набранные роты молодых курсантов. В марте 1937 г. школа была переименована в пехотное училище.

УрВО своими соединениями, частями и подразделениями, не остался в стороне от «больших» строек, которые решались в стране и в Уральском регионе в частности. Практически повсюду, где дислоцировались войска, они оказывали помощь народному хозяйству и промышленности. Только за 1933 г. военнослужащие отработали в колхозах и совхозах по 37 дней, выделив для этого свыше 4 тыс. чел. Свыше 5 тыс. чел. вневойсковиков и допризывников привлекались для оказания помощи сельскому хозяйству Урала по линии Уралосоавиахима. Военнослужащие УрВО также участвовали в строительстве гигантов промышленности «Уралмаш» и «ЧТЗ», «Уралвагонзавод» и других, проводили массовые субботники и воскресники, а 85-я стрелковая дивизия 27 ноября 1936 г. даже получила орден Ленина и Знамя ЦИК СССР (История Уральского военного округа, 1970, С. 127–129).

В условиях формирования и становления УрВО как самостоятельной военно-административной единицы РККА в предвоенный период большое значение имела деятельность партийных органов, укреплению которых в армии содействовало создание в мае 1937 г. Военных советов в округах, в том числе и Уральском. Военный совет занимался наиболее важными проблемами, связанными с проведением в жизнь военной политики партии и правительства. 9–13 июня 1937 г. состоялась I окружная партийная конференция. На повестке дня стояли вопросы о состоянии и задачах партийно-политической работы, отчет и выборы окружной партийной комиссии. С 28 мая по 1 июня 1938 г. проходила II окружная партийная конференция. С докладом «О состоянии партийно-политической работы и мерах ее улучшения» выступил член Военного совета Н.Т. Николаев. Он отметил, что части округа добились некоторых успехов в боевой и политической подготовке. Докладчик показал это на примере 1-го батальона 195 стрелкового полка 65-й стрелковой дивизии, который в 1937 г. занял первое место в округе и был отмечен приказом НКО СССР. Серьезный разговор об итогах боевой подготовки, с указанием недостатков и дальнейших задачах партийно-политической работы состоялся на III окружной партконференции, проходившей в декабре 1939 г. (История Уральского военного округа, 1970. С. 139–140).

Внутриполитические события (массовые политические репрессии) в стране, развернувшиеся в середине 1930-х гг., коснулись всех силовых структур, в том числе и армейских. В РККА была развернута огромная по своим масштабам политическая чистка, в которую постепенно был вовлечен личный состав центральных управлений, военных округов. В УрВО была заведена «Книга учета врагов

народа, выявленных в частях округа» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 9. Д. 6. Л. 1–147 об).

С расширением репрессий в стране и в УрВО, появляется необходимость для органов вести другие списки, по новым формам. Например, представляет интерес «Список командного и начальствующего состава, уволенного по приказу РВС СССР №03 1928 г.» Список включает уволенных с января 1936 г. по апрель 1937 г. Указано, что всего рассмотрено 117 чел., из них представлены к увольнению 67 (РГВА. Ф. 25892. Оп. 9. Д. 7. Л. 33–34).

Полной неожиданностью для личного состава УрВО стали аресты в марте 1937 г. представителей высшего командного состава военного округа во главе с командующим комкором И.И. Гарькавым, которых обвиняли в совершении контрреволюционных преступлений. При этом необходимо отметить, что менее чем за 3 мес. были арестованы, а потом и расстреляны еще двое командующих округом – комкоры Б.С. Горбачев и Я.П. Гайлит (Черушев, 2012. С. 66, 68, 71).

В завершение рассмотрения вопросов, связанных с формированием, становлением и деятельностью УрВО во второй половине 1930-х гг., следует отметить, что войска и их руководство сталкивались с труднопреодолимыми задачами в деле укрепления обороноспособности страны, стоящих перед округом в условиях тотального контроля и репрессивной политики государства во всех его структурах. Негативные последствия такой деятельности, нашли свое отражение в начальном периоде Великой Отечественной войны.

Библиографический список

История Уральского военного округа / ред. А.А. Егоровский, И.В. Тутаринов. М.: Воениздат, 1970. 352 с.

Коварский Э.Л., Корзников А.И., Кислов Е.И. Краснознаменный Уральский: история Краснознаменного Уральского военного округа. М.: Воениздат, 1983. 285 с.

Черушев Н.С. Расстрелянная элита РККА 1937–1941: (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). М.: Кучково поле, 2012. 496 с.

References

Egorovskii A.A., Tutarinov I.V. *Istoriya Ural`skogo voennogo okruga* [History of the Ural Military District]. Moscow: Voenizdat Publ., 1970, 352 p. (In Russian).

Kovarskii E.L., Korznikov A.I., Kislov E.I. *Krasnoznamennyi Ural`skii: istoriya Kras-noznamennogo Ural`skogo voennogo okruga* [The Red Banner Urals: History of the Red Banner Urals Military District]. Moscow: Voenizdat Publ., 1983, 285 p. (In Russian).

Cherushev N.S. *Rasstrelyannaya elita RKKA 1937–1941: (komandarmy 1-go i 2-go rangov, kom-kory, komdivy i im ravnye)* [The executed elite of the Red Army (1937-1941): (commanders of the 1st and 2nd ranks, corps, divisions and equals)]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012, 496 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Афанасов Олег Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1,
e-mail: olaf-1@mail.ru

Information about the author

Oleg V. Afanasov,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Methodics of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
1 K. Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: olaf-1@mail.ru

Критерии авторства

Афанасов О.В. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Afanasov O.V. performed research work on the basis of the results of the conducted generalization, prepared the manuscript for publication, has a copyright to the article and is responsible for the plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-237-244

СТАТИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1937–1938 гг.

© С.О. Фомичёв

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22.

Аннотация. Репрессии (наказания) по политическим мотивам имели место на всех этапах существования советских Вооруженных сил, разными были формы и методы их проведения. Политические репрессии в Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянском Красном флоте в 1937–1938 гг. представляли собой массовую расправу над кадровыми военными. Судьба многих арестованных командиров и начальников во второй половине 1930-х гг. долгое время оставалась неизвестной, информация о репрессированных была строго засекречена, и допуск к ней был весьма ограничен. Проследить и дать оценку репрессивному процессу в Красной армии на всех стадиях его развития позволяют документы органов военного управления того времени (приказы, директивы, специальные сообщения, доклады, акты, протоколы партийных заседаний и конференций и т. д.). Анализ содержания данных документов позволяет современному исследователю намного качественнее оценить происходящее в период массовых политических репрессий («большого террора») в отдельно взятом военном округе. В настоящей статье было использовано большое количество материалов из фондов Российского государственного военного архива, большинство использованных документов ранее не публиковалось и вводится в научный оборот впервые.
Ключевые слова: *командно-начальствующий состав, Уральский военный округ, репрессии, органы военного управления, соединение, расстрел, арест, потери, боеспособность.*

Информация о статье. Дата поступления 24 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 2 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Фомичёв С.О. Статистика политических репрессий командно-начальствующего состава Уральского военного округа в 1937–1938 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 237–244. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-237-244

STATISTICS OF POLITICAL REPRESSIONS OF THE COMMANDERS AND COMMAND STAFF OF THE URAL MILITARY DISTRICT IN 1937–1938

© S.O. Fomichev

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg 195009, Russian Federation

Abstract. Repression (punishment) for political reasons occurred at all stages of the existence of the Soviet armed forces, there were different forms and methods of their realization. Political repression of the worker-peasant Red Army (RKKA) and the worker-peasant Red Navy (RKKF) in 1937–1938 constituted a massacre over military personnel. The fate of many of the arrested commanders and superiors in the second half of the 1930-ies remained unknown for a long time, information about the repressed was strictly classified, and admission to it was very limited. The documents of the organs of military administration (orders, directives, special reports, reports, records, minutes of the party meetings and conferences etc.) allow to trace and evaluate the repressive process in Red Army at all stages. Analysis of the content of these documents allows the modern researcher much better rate the events during the period of mass political repressions (“big terror”) in a single military district. In this article it was used a lot of data from the collections of Russian State Military Archive (RSMA), most documents used here are published and put into scientific circulation for the first time.

Keywords: *commander and command staff, the Ural Military District, repressions, military command and control agencies, unit, shooting, arrest, losses, combat capability*

Article info. Received December 24, 2017; accepted for publication February 2, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Fomichev S.O. Statistics of Political Repressions of the Commanders and Command Staff of the Ural Military District in 1937–1938. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 237–244. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-237-244. (In Russian).

Массовые политические репрессии командно-начальствующего состава Уральского военного округа (УрВО) развернулись раньше, чем в других военных округах Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Уже в марте 1937 г. несколько представителей высшего комсостава, в том числе командующий войсками УрВО комкор И.И. Гарькавый, были арестованы органами НКВД по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений.

О промежуточных результатах политической чистки в войсках УрВО было сообщено в докладах командования военного округа на совещании у НКО в конце ноября 1937 г.: количество уволенных – 412 командиров (начальников), из них арестовано – 200 чел. (Сувениров, 1998. С. 80).

В некоторых отчетных документах содержится информация о ходе политической чистки в войсках УрВО и приводятся сведения о количестве уволенного и арестованного командно-начальствующего состава за какой-то период. Например, в докладе командования УрВО наркому обороны о результатах боевой подготовки в войсках округа за 1-й квартал 1938 г. отмечено: «1937 и 1938 год части округа продолжали очищать свои ряды от агентов право-троцкистского блока врагов народа и неустойчивых элементов. Из войск округа всего уволено комсостава 451 чел., из коих арестовано органами НКВД 233 чел., призвано обратно 60 чел. и 18 чел. проверяются. Намечено вновь к увольнению 38 человек» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 14. Л. 84). Совершенно очевидно, что получить достоверные данные о количестве репрессированных до завершения массовых репрессий было затруднительно.

Первые итоги массовых репрессий 1937–1938 гг. в военных округах и в центральном аппарате были подведены 6-м отделом УКНС РККА в январе 1939 г. В документе «Справка о числе уволенного командного, политического и начальствующего состава в 1937 и 1938 гг.» указана итоговая численность уволенного и арестованного комначсостава в УрВО: за 1937 г. уволено 402 командира, из них арестовано 119 чел.; в 1938 г. уволен 321 командир, из них арестовано 133 чел. (РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 3). Таким образом, в период 1937–1938 гг. уволено 723 командира (начальника), из них арестованы 252 чел. В «Справке» отмечено, что количество уволенных показано без политсостава, число арестованных в 1937 г. показано только по сведениям уволенных по ст. 44 п. «в», а также, что «сведения по округам являются приближенно точными» (РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 4). Следовательно, статистические сведения из «Справки» не являются точными, в них лишь приближенно указываются потери в командно-начальствующем составе.

В документе «Сведения о числе уволенных из РККА лиц комначюрполитсостава в 1937 и 1938 гг. по частям, учреждениям и заведениям Уральского военного округа» приведена несколько иная информация (РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 749. Л. 126–128). По данным, приведенным в документе, указано, что в округе в 1937 г. уволено 457 командиров, из них арестовано 222 чел. В 1938 г. уволено 320 командиров, из них арестовано 132 чел. Данный документ свидетельствует, что в УрВО за 1937–1938 гг. общее количество уволенных составило 777 командиров (начальников), из них были арестованы 354 чел. Учитывая штатное количество командно-начальствующего состава УрВО по состоянию на 20 мая 1938 г. в 5 751 чел., следует полагать, что потери в военнослужащих данной категории в ходе увольнений в 1937–1938 гг. составили 13,5% их штатного состава (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 95. Л. 95).

Количество уволенных по политическим мотивам, т. е. без учета уволенных по возрасту, бо-

лезни, по дискредитации, было несколько меньшим. Согласно подсчетам, произведенным автором на основе анализа содержания приказов об увольнении, хранящихся в РГВА, за период с 1 января 1937 г. по 31 декабря 1938 г. по политическим мотивам было уволено 585 представителей командно-начальствующего состава УрВО, т. е. уволенных по дискредитирующим статьям (44 п. «в» – в связи с арестом органами НКВД и 43 п. «б» – в аттестационном порядке по служебному несоответствию) Положения о прохождении службы комсоставом РККА.

По составу эти уволенные командиры (начальники) распределялись следующим образом: командный – 341 чел.; технический – 66 чел.; административный – 90 чел.; политический – 44 чел.; медицинский – 36 чел.; юридический – 8 чел.

По состоянию на 31 декабря 1938 г. из числа уволенных по политическим мотивам было арестовано 474 представителя командно-начальствующего состава. В 1937–1938 гг. было осуждено 272 чел. командного и начальствующего состава (высшего состава – 18, старшего состава – 112, среднего – 142 чел.). При этом приговорены к высшей мере наказания (ВМН) – 181 командир (начальник), к работам в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) сроком от 1 года и более – 91 чел. Следовательно, 66,5 % осужденных командиров были приговорены к ВМН – расстрелу.

Проведенный анализ данных, находящихся в документах различных фондов РГВА и в фондах АГВП, позволяет сделать выводы о минимальном количестве репрессированных из числа командно-начальствующего состава УрВО в 1937–1938 гг.:

1. Количество командно-начальствующего состава УрВО, уволенного по политическим мотивам – не менее 585 чел., или 9,8 % штатного (по состоянию на 20 мая 1938 г.).

2. Из числа уволенного командно-начальствующего состава УрВО в 1937–1938 гг. было арестовано не менее 474 чел.

3. Основные виды наказания: увольнение из армии по политическим мотивам (до 19 %), арест (около 81 %).

4. Из общего количества арестованных: был уничтожен (расстрелян) по приговорам судебных и решениям внесудебных органов 181 командир (начальник) или 38,2 % арестованных; приговорен к различным срокам заключения в ИТЛ – 91 командир (начальников) или 19,2 % арестованных; освобождено из ИТЛ после пересмотра дела, оправдано судом, освобождено в ходе следствия за отсутствием состава преступления – не менее 58 командиров (начальников) или 12,2 % арестованных.

Общее количество жертв массовых политических репрессий в УрВО среди командно-начальствующего состава – 193 чел.: расстрелянных – 181 чел. и 12 чел., умерших в тюрьме во время следствия и в исправительно-трудовых лагерях.

Анализ статей УК РСФСР и УК УССР, по которым выносились расстрельные приговоры, показывает, что обвиняемым в совершении контрреволюционных преступлений практически не оставляли шансов. Основная масса командно-начальствующего состава УрВО, приговоренная к ВМН, была осуждена по двум и более политическим статьям.

Общий ущерб в результате увольнений по политическим мотивам и арестов сопоставим с выводом из строя командно-начальствующего состава одной из четырех дивизий округа (по состоянию на май 1938 г.). Однако подобная характеристика результатов репрессий в УрВО является обобщенной и не отражает особенностей их влияния на командно-начальствующий состав. В связи с этим возникает необходимость проанализировать имеющиеся сведения о репрессированных, распределив их по служебным категориям, воинским званиям, возрасту, партийности и национальному составу.

По категориям командно-начальствующего состава УрВО общее количество арестованных распределяется следующим образом:

– командный состав – 287 чел. (60,5 %);
– инженерно-технический состав – 66 чел. (13,9 %);
– политический состав – 32 чел. (6,7 %);
– административно-хозяйственный состав – 62 чел. (13 %);
– медицинский состав – 25 чел. (5,3 %);
– юридический состав – 2 чел. (0,1 %).

Все подвергшиеся аресту в 1937–1938 гг. распределились по воинским званиям следующим образом:

– высший командно-начальствующий состав – 20 чел. (0,4 %);
– старший командно-начальствующий состав – 179 чел. (33,8 %);
– средний командно-начальствующий состав – 149 чел. (31,4 %);
– без воинского звания (определить не удалось) – 126 чел. (26,6 %).

Таким образом, наибольшее число арестованных в ходе политических репрессий в УрВО в 1937–1938 гг. относится к старшему командно-начальствующему составу.

Основным видом репрессии для командно-начальствующего состава УрВО являлся арест: было арестовано 95 % уволенных из числа высшего комсостава, 77,1 % из числа уволенных старшего командного состава и 83 % уволенных из числа среднего командного состава.

Поскольку количество военнослужащих различных категорий (состав, персональные воинские звания, возраст, образование, национальность) не одинаково, то необходимо отразить влияние репрессий на каждую из них (табл. 1).

Основную массу арестованных составлял командный состав УрВО. Но, учитывая общее количество командно-начальствующего состава округа и распределение их по категориям, необходимо отметить, что в большей степени был подвержен репрессиям инженерно-технический и административно-хозяйственный состав.

Представляет интерес не только распределение арестованного командно-начальствующего состава УрВО по персональным воинским званиям, но и то, какая убыль была нанесена каждой категории (табл. 2).

В значительной степени пострадал высший командно-начальствующий состав УрВО. В 1937–1938 гг. был уволен с военной службы по политическим мотивам 21 представитель «красного генералитета», 20 из которых были арестованы: комкор – 4, корпусный комиссар – 1, комдив – 2, дивизионный комиссар – 1, комбриг – 8, бригадный комиссар – 3, бригинженер – 1.

По приговору судебных органов за совершение контрреволюционных преступлений были рас-

Таблица 1

Распределение репрессированных командиров (начальников) УрВО по составу

Table 1

The distribution of the repressed commanders (chiefs) UrVO (UMD) by composition

Состав Composition	Уволены в 1937–1938 гг. (чел.) Fired in 1937–1938 (pers.)	Арестованы в 1937–1938 гг. (чел.) Arrested in 1937–1938 (pers.)
Командный Command	341	287
Инженерно-технический Engineering	68	66
Политический Political	41	32
Административно-хозяйственный Administrative	91	62
Военно-юридический Military law	8	2
Военно-медицинский Military medical	36	25
Итого: Total:	585	474

стреляны 18 представителей «красного генералитета»: комкоры Я.П. Гайлит, И.И. Гарькавый, Б.С. Горбачев, М.И. Василенко, корпусный комиссар Н.И. Ильин, комдивы – М.М. Бакши, А.Т. Кожевников, дивизионный комиссар А.В. Тарутинский, комбриги – И.Э. Блюм, Г.Ф. Гаврюшенко, Н.А. Нестеровский, Н.А. Полянский, С.Я. Петрушин, К.А. Сонин, В.В. Ягушевский, бригадные комиссары – С.К. Карвовский, Я.А. Опарин, бригинженер И.И. Побережский.

Таким образом, 20 из 21 уволенных с военной службы представителей высшего командно-начальствующего состава УрВО были арестованы, при этом 18 чел. (90 % арестованных) были уничтожены в 1937–1938 гг., т. е. почти весь высший состав УрВО был ликвидирован.

По занимаемым должностям уволенный командно-начальствующий состав УрВО распределяется следующим образом:

– командующий округом (заместитель, помощник, член Военного совета, начальник штаба) – 6 чел.;

– командир дивизии (заместитель, начальник штаба) – 8 чел.;

– командир бригады (заместитель, начальник штаба) – 3 чел.;

– военный комиссар (нач. политотдела) дивизии – 6 чел.;

– начальник отдела штаба округа – 14 чел.;

– командир полка (помощник, начальник штаба) – 20 чел.;

– командир дивизиона, батальона – 24 чел.;

– командир роты, батареи – 52 чел.;

– военный комиссар (замполит) полка, батальона – 5 чел.;

– начальник училища (заместитель) – 3 чел..

Таким образом, жестокой ломке подверглось управленческое звено УрВО: командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, дивизионов, рот, батарей, начальники отделов штаба округа.

Основной удар пришелся на органы управления частей и подразделений. Так, управление и части 65-й стрелковой дивизии потеряли 64 чел. командного и начальствующего состава, управление и части 82-й стрелковой дивизии – 80 чел., управление и части 85-й стрелковой дивизии – 102 чел., управление и части 98-й горнострелковой дивизии – 40 чел., управление и части 7-й запасной танковой бригады – 16 чел., военно-учебные заведения – 55 чел. Наибольшее количество уволенных

Таблица 2

Распределение репрессированных командиров (начальников) УрВО по категориям персональных воинских званий

Table 2

The distribution of the repressed commanders (chiefs) of the UrVO (UMD) by categories of personal military ranks

Категории командно-начальствующего состава по воинским званиям Categories of the command personnel according to their military ranks	Уволены в 1937–1938 гг. (чел.) Fired in 1937–1938 (pers.)	Арестованы в 1937–1938 гг. (чел.) Arrested in 1937–1938 (pers.)
Высший командно-начальствующий High command-and-ruler	21	20
Старший командно-начальствующий Senior command-and-ruler	232	179
Средний командно-начальствующий Average team-and-ruler	331	275

Примечание. Арестованные командиры (начальники), которые не имели воинских званий на момент ареста, отнесены к среднему составу, поскольку занимали соответствующие данной категории должности.

Note. The arrested commanders (chiefs), who had no military rank at time of arrest, related to the average composition, as held the relevant category.

по политическим мотивам – 30 представителей командно-начальствующего состава было в 254-м стрелковом полку 85-й стрелковой дивизии.

Исходя из биографических данных, можно провести анализ по партийности, возрасту и национальности уволенного командного состава.

По партийной принадлежности коммунисты составляли большинство репрессированного командно-начальствующего состава. Коммунистов среди арестованных было 54,2 %. Характерно, что командиры (начальники), вступившие в партию в 1917–1920 гг., составляли около 17,9 % от общего количества репрессированных коммунистов. Это подтверждает, что чистка в армии имела исключительную политическую направленность, при этом в значительной степени пострадали коммунисты с большим стажем, те, кто участвовал в революции, гражданской войне, устанавливал советскую власть в стране, формировал новую армию.

Командный и начальствующий состав до 30 лет составлял 22,6 % уволенных, от 31 до 40 лет – 45 %, от 41 до 50 лет – 30 %, свыше 51 года – 2,4 %. Таким образом, увольнения прервали карьеру командирам до 40 лет, получившим образование и воспитание после революции и гражданской войны.

Интересны данные по национальному составу уволенных командиров, которые позволяют понять, против кого были направлены репрессии. Русские составляли 52,2 % уволенных, украинцы – 7,3 %, поляки – 9,3 %, евреи – 2,8 %, прибалты (латыши, литовцы, эстонцы) – 4,8 %, финны – 4,8 %, белорусы – 3,9 %, татары и башкиры – 5,5 %, немцы – 3 %, корейцы – 3 %, другие национальности – 3,4 %.

Известные сведения о датах арестов командиров (начальников) УрВО позволяют сделать вывод о том, что процесс политических репрессий в округе протекал неравномерно. Он имел свои активные фазы – июнь–октябрь 1937 г., декабрь 1937 г. – январь 1938 г. и июнь – июль 1938 г. Максимальное количество арестованных приходится на сентябрь 1937 г. – 65 командиров (начальников). Всего в 1937 г. было арестовано не менее 283 представителей командно-начальствующего состава, в 1938 г. – не менее 117 чел.

Установлено, что в 1937–1939 гг. осуждено различными судебными и внесудебными органами 272 чел., из них было расстреляно – 181, умерли во время следствия – 2, умерли отбывая наказание в местах лишения свободы – 10 чел.

Реабилитационный процесс командно-начальствующего состава УрВО может характеризоваться следующими цифрами: в 1939 г. было освобождено из мест заключения не менее 36 чел. (7,6 % арестованных); в 1940 г. было освобождено из мест заключения не менее 15 чел. (3,2 % арестованных). В первую очередь пересматривались дела тех, кто не признал свою вину ни в ходе предварительного следствия, ни на суде. Процесс реабилитации военнослужащих происходил значительно медленнее процесса арестов, иногда пересмотр дела занимал 1–3 года.

Посмертная реабилитация жертв политических репрессий в УрВО проходила активно во второй половине 1950-х гг., когда было реабилитировано более 80 % уральцев, павших жертвами террора.

Пройдя застенки и лагеря НКВД, военнослужащие, как правило, продолжали добросовестно служить Родине и после своего освобождения. Среди восстановленных в армии были и представители высшего командно-начальствующего состава, занимавшие на момент ареста должности командиров соединений и объединений, возглавлявшие штабы оперативных и оперативно-стратегических формирований.

Почти все, кто побывал в застенках НКВД, предпочитали не вспоминать об этом, тем более отражать это в своих мемуарах (к исключению можно отнести воспоминания генерала армии А.В. Горбатова). Пройдя через застенки НКВД, они получили жесткий урок, суть которого сводилась к необходимости безоговорочного повиновения высшей политической власти. Для военного руководителя это значило не только отказ от критической оценки политических решений, но и готовность слепо выполнять любые приказы политического руководства, даже вопреки целесообразности, не взирая на потери. Формирование именно такого фанатично-преданного генералитета было особо важно для Сталина в преддверии Второй

мировой войны. Однако такой тип военного руководителя приобретал существенные недостатки: отказ от инициативы и готовности идти на риск при принятии решений, нежелание брать ответственность на себя.

Многие бывшие арестованные командиры и те, кто восстановился в армии после увольнения по политическим мотивам, находились под пристальным наблюдением органов НКВД и не могли не ощущать холод недоверия. Несмотря на это в годы войны они проявили себя настоящими патриотами и профессионалами. Своим героическим ратным трудом в годы войны эти командиры не только доказали преданность Родине, заслужили ордена и высокие генеральские звания, но и опровергли абсурдность обвинений в контрреволюционных преступлениях, некогда выдвигаемых в их адрес.

По результатам статистических исследований можно выделить следующее: имеющиеся в работе сведения указывают на неравномерность распределения репрессий (наказаний) среди различных категорий командно-начальствующего состава УрВО. Большинство арестованных – командно-начальствующий состав в возрасте от 26 до 45 лет. При этом больше всех политическим репрессиям подвергся наиболее опытный и имеющий перспективы возрастной контингент (26–40 лет) УрВО. Особенностью УрВО стало и то, что политическим репрессиям в довольно короткий срок подвергся старший и в особенности высший состав (за пять с небольшим месяцев были арестованы трое командующих округом, сменявших друг друга на этом посту). Вслед за ними, естественно, были подвержены репрессиям и те командиры, кому не посчастливилось так или иначе пересекаться по службе с «врагами народа», а это были командиры-коммунисты с большим военным и партийным опытом работы. Все они к этому времени уже составляли старший командно-начальствующий состав и командовали соединениями и частями, возглавляли органы военного управления и штабы. Их знания, опыт военной службы и ведения реальных боевых действий, а не военных игр на картах, были необходимы армии как воздух в период строительства, боевой учебы и развертывания новых элементов Вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны.

Проведенный анализ множества архивных документов позволяет сделать вывод о том, что общая цифра потерь в командно-начальствующем составе УрВО в годы массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в стране, составила – не менее 777 чел. уволенными. Удалось установить фамилии 585 командиров и начальников, уволенных по политическим мотивам, 474 чел. из их числа арестованы ОО НКВД по обвинению в политических преступлениях и объявлены «врагами народа».

В 1937–1938 гг. в ходе массовых репрессий погибли 193 командира-уральца, 18 из них – представители высшего командно-начальствующего состава. Основные органы военного управления УрВО оказались в разные промежутки времени без руководства, это еще раз показало то, что основной удар пришелся по органам управления частей и подразделений, парализовал планомерную боевую подготовку, подорвал авторитет командного и начальствующего состава. Потери, которые понес командно-начальствующий состав УрВО в ходе массовых политических репрессий, безусловно, сказались и на уровне боевой подготовки войск округа, и на его боеспособности в целом.

Библиографический список

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.

References

Suvenirov O.F. *Tragediya RKKA 1937–1938* [The Tragedy of the Red Army in 1937–1938]. – Moscow: TERRA Publ, 1998, 528 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Фомичёв Сергей Олегович,
преподаватель,
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
195009, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,

Information about the author

Sergey O. Fomichev,
teacher,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg 195009, Russian Fede-

ул. Комсомола, 22,
e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Критерии авторства

Фомичёв С.О. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ration,
e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Attribution criteria

Fomichev S.O. performed research work on the basis of the results of the conducted generalization, prepared the manuscript for publication, the article has a copyright and is responsible for the plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 947
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-245-257

ЯПОНСКИЕ ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В МОНГОЛИИ 1945–1947 гг.

© С.И. Кузнецов

Славянско-Евразийский исследовательский Центр университета Хоккайдо,
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809, Japan.

Аннотация. В статье рассматриваются причины и последствия интернирования японцев в Монголию в 1945–1947 гг. Анализируются обстоятельства и механизм принятия решения по поводу направления более 12 тыс. военнослужащих Квантунской армии и гражданских лиц из районов Северного Китая в Монголию. Дается краткий обзор источников, отечественной и японской исследовательской и мемуарной литературы, показывается география размещения лагерей военнопленных в Монголии, использование их труда в народном хозяйстве страны. Освещаются проблемы материального и бытового положения военнопленных, обеспечения их жильем, питанием, медицинским обслуживанием. Приводятся данные по факторам, обусловившим высокий процент смертности интернированных в Монголии (общая неподготовленность к приему значительного контингента интернированных, плохое питание, необеспеченнность теплым жильем и одеждой). Перечислены места захоронения на территории Монголии. Содержится материал о индоктринации интернированных. Рассматриваются обстоятельства и условия репатриации интернированных на родину. В работе содержится материал о сохранении исторической памяти о японских интернированных в Монголии, в частности, о Мемориальном комплексе памяти японских военнопленных в местности Дамбадаржаа на северной окраине Улан-Батора, который был построен на средства японского правительства и открыт в октябре 2001 г. на месте бывшего кладбища японских военнопленных.
Ключевые слова: *Монголия, советско-японская война 1945 г., японские военнопленные и интернированные, лагеря военнопленных, трудовое использование, индоктринация, интернирование, репатриация, историческая память, захоронения, Мемориал Дамбадаржаа в Улан-Баторе, управление по делам военнопленных.*

Информация о статье. Дата поступления 16 января 2018 г.; дата принятия к печати 20 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Кузнецов С.И. Японские интернированные в Монголии 1945–1947 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 245–257. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-245-257

JAPANESE MILITARY INTERNEES IN MONGOLIA IN 1945–1947

© S.I. Kuznetsov

Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University,
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809, Japan

Abstract. The article devoted the causes and consequences of internment of the Japanese in Mongolia in 1945-1947. There are analysis of the circumstances and mechanism for deciding on the direction of more than 12,000 Kwantung Army troops and civilians from the regions of North China to Mongolia. A brief review of the sources, domestic and Japanese research and memoir literature, shows the geography of the placement of prisoners of war camps in Mongolia, the use of their labor in the national economy of the country. The problems of the material and everyday situation of prisoners of war, their provision with housing, food, medical care are covered. Data are given on the factors that led to a high mortality rate of internees in Mongolia - a general lack of preparation for receiving a significant contingent of internees, malnutrition, insecurity with warm shelter and clothing. The places of burial in the territory of the Mongolian People's Republic are listed. Contains material on the indoctrination of internees. The circumstances and conditions for the repatriation of internees to their homeland are considered. Contains material on the preservation of the historical memory of the Japanese internees in Mongolia, in particular, the Memorial Complex of the memory of Japanese prisoners of war in Dambadarjah on the northern outskirts of Ulaanbaatar, which was

built with the money of the Japanese government and opened in October 2001 at the site of the former cemetery of Japanese prisoners of war.

Keywords: *Mongolia, the Soviet-Japanese War of 1945, Japanese prisoners of war and internees, prisoner of war camps, labor exploitation, indoctrination, internment, repatriation, historical memory, burial, Dambadarjaa Memorial in Ulan Bator, Prisoners of War Department*

Article info. Received January 16, 2018; accepted for publication February 20, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Kuznetsov S.I. Japanese military internees in Mongolia in 1945–1947. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 245–257. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-245-257. (In Russian).

Международно-правовые проблемы интернирования японцев в Монголию

После окончания советско-японской войны 1945 г. Монголия, как и многие другие территории, стали местом интернирования японских военнослужащих и гражданских лиц из северной части Китая. Обстоятельства интернирования японцев в Монголию необходимо пояснить. Во-первых, Монголия была связана с СССР с 1936 г. Протоколом о взаимопомощи, согласно которому являлась фактически его сателлитом и позволяла пользоваться Советскому Союзу ее территорией как своей, например, для размещения войск. 2-я статья Протокола предусматривала взаимную помощь в случае нападения извне. Монголия объявила войну Японии, следуя духу этого протокола 10 августа 1945 г. Хотя протокол предусматривал вступление в войну, только в случае агрессии от кого-то третьего. Других причин объявления войны, которые соответствовали бы нормам международного права, не усматривается. Однако усматривается определенная выгода, которую рассчитывали получить монгольские руководители в результате объявления войны: премьер-министр Монголии Чойбалсан считал, что участие МНР в войне с Японией приведет к воссоединению с МНР Внутренней Монголии и Барги (Лузянин, 2003). Можно предположить, что интернирование японцев в МНР в качестве почти бесплатной рабочей силы было определенным, хотя и слабым «утешением» для монгольских властей. Само объявление войны Монголией можно рассматривать как своеобразный международный курьез, настолько несопоставимы силы сторон. Очевидно, что такое участие в войне могло быть только под надежным прикрытием «старшего брата». Не зря накануне войны Чойбалсан обратился к Сталину с просьбой в полном объеме удовлетворить потребности монгольской армии в запчастях, горючем, вооружении, том числе новых боевых самолетов, полном обмундировании для 30 тыс. монгольских солдат (Батбаяр, 2002. С. 197).

Документы о советско-монгольской договоренности по поводу объявления войны Японии и направления в Монголию военнопленных до настоящего времени не опубликованы. Некоторые исследователи предполагают, что такая договоренность могла быть достигнута во время переговоров И. Сталина и премьер-министра Монголии Х. Чойбалсана 5 июля 1945 г. во время их встречи в Кремле (Рощин, 2005. С. 112). Встреча была довольно короткая – согласно записи в журнале посещений И. Сталина она продолжалась всего 35 мин., вопросы же были очень серьезные: в их числе были шедшие в то же время советско-китайские переговоры и статус МНР, вступление СССР и МНР в войну с Японией. Кроме этого, Чойбалсан встречался со Сталиным дважды в Москве – 22 января 1944 г. и 22 февраля 1946 г., а позже – несколько раз в Сочи. Записи их переговоров не публиковались.

Участие монгольской армии в советско-японской войне носило достаточно символический, вспомогательный и ограниченный характер в силу малочисленности, недостаточной боевой подготовке и отсутствии боевого опыта.

Еще два момента. К Женевскому протоколу о жертвах вооруженных конфликтов Монголия присоединилась в 1977 г., а дипломатические отношения с Японией установлены в 1972 г. Хотя, наверное, эти обстоятельства не могли играть какую-то роль в 1945 г. Монгольский историк Батбаяр цитирует письмо Х. Чойбалсана в Дальневосточную ко-

миссию о претензиях Монголии на возмещение ущерба, причиненного Японией в 1935–1945 гг.: «В результате японской агрессии против МНР монгольская армия потеряла 2039 чел. в этот период, а ущерб, нанесенный японской агрессией в это же время составил сумму 321 млн 983 тыс. тугриков» (Batbayar, 1999. P. 164–165). Правда к этому времени интернирование японцев уже состоялось и письмо пошло как бы «вдогонку» и в его оправдание.

По мнению монгольского историка Ч. Дашдаваа, который анализировал монгольские архивные источники, в конце августа 1945 г. монгольские власти уже были проинформированы о прибытии (интернировании) военнопленных японцев. Совет министров Монголии на заседании 31 августа 1945 г. принял решение о создании отдела по руководству лагерями японских военнопленных в Монголии.

Историография и источники (монгольские, японские и российские)

Тема японского интернирования в Монголии до недавнего времени изучалась не очень активно, видимо в силу отсутствия или труднодоступности исторических источников. Было несколько публикаций в основном научно-популярного плана Ч. Лувсан-Очира (1998), Э. Лувсанбалдана (2001), Ч. Дашдаваа (2007). В России некоторые материалы нашел в Центральном военном архиве и опубликовал их историк из Иркутска С.В. Карасев (Карасев, 2002). Статью, в которой затронута тема военнопленных в 2013 г. опубликовал улан-удэнский историк Л.В. Курас (Курас, 2013). Он же в соавторстве с Б.Д. Цыбеновым опубликовал статью о численности и условиях проживания японцев в Монголии (Курас, Цыбенов, 2015. С. 245–252). В 2013 г. в Монголии вышла крупная монография Ч. Дашдаваа (Дашдаваа, 2013), которую, вероятно, можно считать сегодня наиболее значимым трудом по теме. Основана она на материалах как российских, так и монгольских архивов. Последние особенно важны для изучения условий жизни и работы японцев в Монголии. Наконец, в Японии в 2017 г. вышел сборник статей, посвященных этой теме (Нихондзин, 2017), где есть статьи известных исследователей темы плена – Е.Л. Катасоновой, О.Д. Базарова, Томита Такэси и др.

Документы, касающиеся интернирования японцев в Монголию содержатся как в монгольских государственных, так и в российских архивах. В России вышло несколько сборников документов, непосредственно относящихся к теме военнопленных. Однако в них содержатся лишь немногочисленные, отдельные документы, которые касаются пребывания японецев в Монголии опосредованно (Военнопленные в СССР, 2000. Японские военнопленные, 2013).

В 1949 г. в Японии, в Нагано вышла первая книга воспоминаний японцев об интернировании в Монголии, которую написали сослуживцы по воинскому подразделению под командой Ёсимура – Ямаура Сёго, Ямаура Симидзу, Канбара Синдзюро и Исии Эйдзи. В ней впервые перечислены объекты, на которых работали японцы в Улан-Баторе (Уранбатору, 1949. С. 9). Среди мемуаров, написанных бывшими японскими военнопленными, можно назвать книгу Ямабэ Синго, в которой он описал свое пребывание в монгольском госпитале для военнопленных (Ямабэ, 1991). В 1988 г. в Токио в серии воспоминаний бывших военнопленных вышел специальный том мемуаров посвященных Забайкалью и Монголии (Хорё, 1988). Воспоминания о монгольских лагерях для этой книги написали Фудзита Такэси, Ёнэока Такаси, Ямамия Масанори, Кубата Сэцуси, Коно Кунсукэ, Кобата Рёсукэ, Вада Фукую, Мурамото Хироси. Интересные воспоминания, которые существенно расширяют наше представление о лагерной жизни японцев в Монголии написали Сакурада Торао (Сакурада, 1997), Кубата Сэцуси (Кубата, 1983), Нагасима Хидэо (Нагасима, 2002).

Контингент и места размещения

Относительно численности японцев, интернированных в 1945 г. в Монголию существует несколько мнений. Расхождение в цифрах связано, на наш взгляд, с тем, что запланированное количество интернированных не совпадало с тем, сколько было их направлено в Монголию в действительности. К тому же происходило постоянное движение военнопленных, их возвращали в СССР, репатрии-

ровали на родину и т. д. Оказалось, например, что Монголия не имела возможности принять большого количества японцев из-за отсутствия жилья, материальных ресурсов, продуктов питания. К тому же для большого количества интернированных в Монголии просто не было достаточного фронта работ. Например, строительство железной дороги Улан-Батор – Наушки, где можно было массово использовать военнопленных задерживалось – у Монголии на это не было средств, а у Советского Союза в это время были более насущные проблемы восстановления страны в ее европейской части, освобожденной от оккупации.

В Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации находится документ, согласно которому советские военные органы передавали монгольским представителям японских военнопленных и некоторое трофейное имущество. Речь о возможной передаче военнопленных японцев и трофейного имущества монгольской стороне впервые зашла 4 сентября 1945 г. К этому времени предполагалось, что в Монголию будет перемещено 10 тыс. военнопленных японцев. Еще одним документом, в котором говорится о передаче пленных МНР, является «Донесение о движении военнопленных на участке Забайкальского фронта» от 24 сентября 1945 г. В нем сказано, что эшелонами № 80866 и 80899 со станции Мукден (Шэньян) на пограничную станцию Наушки для МНР было отправлено 3 тыс. чел.

Из донесения заместителя начальника Главного управления по делам военнопленным и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР о численности взятых в плен японских военнослужащих от 7 декабря 1945 г. следует: «оставлено для работ в распоряжении военного командования за пределами СССР, в том числе и в Монголии – 58 500 чел.» (Японские военнопленные, 2013. С. 42). В литературе встречаются цифры 20 000. чел. и 18 010 чел. (Курас, Цыбенов, 2014. С. 260). Согласно документам РГВА, на 8 мая 1947 г. в Монголии находилось 12 318 японских военнопленных. В это число входило 608 офицеров, 2 263 сержанта, 8 079 рядовых и 1 368 гражданских лиц – железнодорожников. На эту дату умерло в монгольском плену 1 323 чел. и находилось на стационарном лечении 1 308 чел.

Какие-то выводы можно сделать и на основании донесения о репатриации японцев. В октябре – ноябре 1947 г. в транзитный лагерь в Находке из Монголии были доставлены 10 685 японских солдат и офицеров (Японские военнопленные, 2013. С. 442). По мнению монгольского историка Дашдаваа, Монголия так и не сумела приготовиться к принятию 20-тысячного контингента японцев, поэтому около 7 000 были перенаправлены в районы Сибири и Дальнего Востока СССР. Это предположение документами не подтверждено.

Доставка военнопленных к местам размещения Монголии производилась по железной дороге – через Харбин-Маньчжурию-Читу до ст. Наушки. Далее – на автомобилях или в пешем строю на Кяхту, где имелся пограничный переход в Монголию. Места лагерей для японцев были определены в основном в четырех аймаках – Селенгинском (Сэлэнгэ), Центральном (Тувэ), Архангайском (Архангай) и Улан-Баторе. Первая группа японцев из 4 965 чел. прибыла пешим ходом со ст. Наушки в г. Сухэ-Батор – в непосредственной близи от границы 20 ноября 1945 г. Следующие группы перевозились автотранспортом через Кяхту и Алтанбулаг – 23 ноября – 1 404 чел., 4 декабря – 1 479 чел., 5 декабря – 1 494 чел., 9 декабря – 1 497 чел., 10 декабря – 1 458 чел. Всего 12 288 чел. (Курас, 2014. С. 262).

Среди интернированных было около 1 188 гражданских лиц и даже 2 женщины. Среди них было множество больных, тем более, что переход был изнурительным, а температура в Северной Монголии в конце ноября – начале декабря обычно опускается ниже –20 °С. Большинство военнослужащих интернированных в Монголию прежде проходили службу в Северо-Восточном Китае в районе Харчина (долина реки Халуун-гол у подножья горного хребта Жанчхуу). Среди гражданских лиц были представители всевозможных профессий – рабочие, крестьяне, инженеры, врачи, железнодорожники, строители, электрики и т. д. Интернирование этой группы вообще нельзя объяснить никакими причинами.

Управление по делам военнопленных и интернированных было создано в Монголии 12 октября 1945 г. (по аналогии с подобным учреждени-

ем в СССР). Ему подчинялись до 37 лагерных отделений военнопленных: в Улан-Баторе – «Центральный» – 839 чел., «5-я фабрика» – 1409 чел., «1-я колония» – 940 чел., Цаганхууран – «Белые казармы» – 648 чел.; в г. Сухэ-Баторе – 500 чел., Алтанбулаге – 300 чел. Лагеря располагались также в Амгалане, Хужирбулане, Цагаанхууране, Борнууре, Зуунбурэне, Зуунхараа, Налайхе, Жаргаланте, у озера Огий-нуур. В основном лагеря располагались по линии север-юг, от Алтанбулага вблизи советско-монгольской границы в направлении Улан-Батора.

Для интернированных было устроено три больницы.

Труд интернированных, устройство лагеря, особенности быта

Экономика послевоенной Монголии была в тяжелом положении. В значительно степени она зависела от поставок из СССР и советской помощи оборудованием, техникой и строительными материалами, которые в годы войны значительно сократились. Например, поставки нефтепродуктов сократились более чем в два раза. Продолжали работать мелкие промышленные предприятия, несколько угольных шахт. Велось небольшое строительство, в основном в столице. Крупные стройки, как например строительство железной дороги Наушки-Улан-Батор начались только в 1947 г., когда японцы в основном уже были репатриированы.

Японские интернированные работали в Монголии в различных артелях по производству одежды и обуви, работали плотниками, на кожевенных предприятиях, на добыче угля в шахтах Налайх, на производстве продуктов питания, строительстве (ремонт мостов, дорог). На предприятиях стройматериалов – кирпичный завод, добыча песка и камня. Некоторые работали водителями автотранспорта, механиками, грузчиками. Были бригады, работавшие в сельском хозяйстве. Около 80 чел. Японских военнопленных были командированы в специальный лагерь, располагавшийся в районе озера Огий-нуур. Заключенные этого лагеря занимались рыболовством и их обязанностью было обеспечение рыбой всего контингента монгольских лагерей для военнопленных. Более 252 чел. занимались земледелием и огородничеством в лагере Борнуур; 156 чел. Занимались земледелием в лагере Зуунбурэн – они выращивали пшеницу. Японцы приняли участие в строительстве около 30 зданий в Улан-Баторе. Среди них – дома правительства, театр, министерство иностранных дел, гостиница, кинотеатр, дом культуры и другие. Даже фундамент для памятника Сухэ-Батору в центре столицы соорудили при участии японцев. Таким образом, использование интернированных японцев в качестве подневольной рабочей силы в интересах экономики Монголии было важным пунктом программы отношения к военнопленным, которая исходила из СССР. С японцами не заключались трудовые соглашения, рабочее время не регулировалось. Реальная заработная плата была крайне низкой или не выплачивалась совсем. Не обеспечивались безопасные и гигиенические условия труда и жизни.

Жилищно-бытовые условия, в которых оказались интернированные в Монголии, с точки зрения нашего времени были удручающими. Элементарные удобства – водопровод, канализация, электрическое освещение не всегда были даже в городах. Отсутствовала или имелась в малом количестве теплая одежды и обувь, инструменты, продукт питания, медикаменты. Отсутствие достаточного количества теплой одежды для военнопленных была одной из больных проблем Управления по делам японских военнопленных. Из-за отсутствия тёплой зимней одежды многие военнопленные были не в состоянии выходить на работу. Остро стояла эта проблема в лагере Зуунхараа – здесь на конец января 1946 г., не хватало одежды для военнопленных, некоторые из них не имели даже зимних шапок; в лагере в пос.Налайх, где японцы работали в угольных шахтах, у 14 чел. не было зимней обуви, у 10 чел. – зимних шапок, 46 чел. не имели рукавиц, 53 чел. ходили в изношенной до предела обуви. И только в октябре 1946 г. были предприняты меры и пошита зимняя одежда (ватные штаны, рубахи, изготовлены зимние шапки, валенки). В результате зима 1946/1947 гг. прошла относительно спокойно, по крайней мере, массовых обморожений заключенных уже не случалось. Острой была жилищная

проблема. Страна, где сельское население проживало, в основном в юртах, была просто не готова к приему тысяч интернированных. Многие помещения, используемые под лагерь не были утеплены и люди страдали от холода. Начальник лагеря в Хужирбулане С. Шарав вспоминал: «Невозможно было смотреть на мёрзнущих, больных японцев. Поэтому мы договорились с начальником японских солдат Аракава о выдаче военнопленным после работы двух горячих кирпичей, которые они подкладывали под кровать или клали в ногах. Таким образом, они сумели пережить зимние холода» (Курас, Цыбенов, 2015, С. 250). Бывший военнопленный Кубата Сэцуси, работавший на строительстве дороги в Хужирбулане, отмечал, что в январе 1946 г. больше всего они страдали от страшного холода, при этом дневная норма выработки на человека составляла 0,75 кубометра мерзлого грунта (Хорё, 1988. С. 438). В помещениях ряде лагерей, где возросла численность военнопленных, не хватало нар и тюфяков. В том же в лагере «Белые казармы» по состоянию на 25 марта 1947 г. вынуждены были спать на голых нарах 576 чел. Отсутствовали какие-либо элементарные постельные принадлежности в лагерях «Первая колония» и Жаргалант. В последнем 414 чел. содержались в неотапливаемом помещении.

Впрочем, некоторые лагеря военнопленных в МНР были подготовлены к зимним условиям, например, по итогам прокурорской проверки в начале 1946 г. нормально обустроенным лагерем, был признан лагерь кожевенного завода, находившийся в пос. Алтанбулаг. К сравнительно благополучным можно было отнести лагерь мясокомбината. В относительно нормальных условиях проживали военнопленные, работавшие на строительстве института, дворца культуры в г. Улан-Баторе.

В Монголии были официально приняты нормы пищевого рациона для военнопленных, которые включали мясо, овощи, рис, сахар и др. Однако реальное положение дел с питанием военнопленных этим нормам никак не соответствовало. Питание, как и многое другое, во многом зависело от места заключения военнопленного. В большинстве случаев пища была однообразной и состояла из риса или пшена на воде, черного хлеба низкого качества. В некоторых лагерях в рацион питания военнопленных входило небольшое количество монгольского сыра, печенье в выходной день. Иногда военнопленным удавалось получить солёную рыбу и даже мясо – говядину или свинину. Для обеспечения военнопленных мясом Управление по делам японских военнопленных в феврале 1946 г. решилось на неординарные меры – организовало охоту на антилоп-дзеренов в Восточногобийском аймаке (Дорноговь). В феврале 1946 г. было заготовлено 1 944 дзерена, в марте – 6 000 дзеренов (Курас, 2015. С. 249). Охота на дзеренов продолжалась и в 1947 г.

Однако все этим усилия не могли изменить ситуацию - обеспеченность заключённых мясом была крайне низкой, по воспоминаниям многих военнопленных, им лишь 1–2 раза за все время удалось поесть мяса. Ситуацию усугублялась хищениями продуктов питания, которые совершала лагерная администрация. Имела место и обычная халатность, которая вела к неумышленной порче продуктов питания. В дневнике бывшего военнопленного Ямамия Масанори рассказывается о контактах с местным населением. Общение с военнопленными было строго запрещено, однако, как пишет Ямамия, однажды мы грузили гравий неподалеку от нескольких юрт и монголы неуверенно и робко пригласили нас зайти к ним. «Мы знали лишь несколько монгольских слов и общались исключительно при помощи жестов и улыбок. Монгол спросил нас все ли японцы такие худые как мы. Мы, как могли, ответили, что уже давно не ели досыта и не помним, когда последний раз видели мясо. Мне показалось, что на нас смотрят с жалостью. Хозяин юрты раскрыл большой конопляный мешок в котором был сухой творог – обычная походная пища кочевников и щедро наделил нас. Это было необычайно вкусно. Эти люди были сдержаны, но сердечны» (Хорё,1988. С. 419).

Смертность и захоронения

Низкокалорийное питание, отсутствие зимней одежды, проживание в плохо отапливаемых лагерных помещениях приводили к массовым простудным заболеваниям военнопленных, пневмонии. Ослабленный организм легко был подвержен

таким заболеваниям как тиф, туберкулез, дизентерия. Всего в МНР умерло 1 615 чел. из 12 318 военнопленных, что составляло 13,1 % контингента. Наиболее тяжелым периодом для японских военнопленных в Монголии были зимние месяцы 1945/1946 гг. В начале января 1946 г. умерло уже 202 чел., а к началу марта 1946 г. количество умерших достигло 553. 34,2 % всех умерших в монгольских лагерях пришлись именно на этот период. Это время адаптации к новым, тяжелейшим климатическим условиям, период морально-психологических переживаний. В таких условиях ослабленный организм легко поддавался заболеваниям. Нехватка продуктов питания вызывала дистрофию. Наиболее распространенным причинами смерти японских военнопленных в Монголии были такие заболевания, как туберкулез легких (36,4 %), пневмония (7,4 %), дизентерия (8,3 %), дистрофия (7,1 %), болезни сердца, тиф, гепатит (2,7–3,8 %), менингит, брюшной тиф (0,8–1,6 %), аварии и травмы на производстве (3,2 %). По монгольским данным, которые были переданы японской стороне в июне 1995 г., и тогда же опубликованы в газете «Асахи», умершими значилось 1 612 чел. В том числе от туберкулеза – 583, от дизентерии – 139, от пневмонии – 121, дистрофии – 111, возвратная лихорадка – 80, тиф – 73, другие болезни – 393. Обморожения стали причиной 41 смерти, переломы – 34, другие причины – 23, самоубийства – 14. (Нагасэ, 2013. С. 532). Для лечения интернирования был развернут специальный госпиталь в г. Сухэ-Баторе, который испытывал все те же трудности – недостаток материальных средств, медикаментов, квалифицированных врачей.

Всего мест захоронения интернированных японцев в Монголии было около 16, расположенных, в основном, вблизи лагерей, т. е. на севере страны (табл. 1).

Индоктринация

Информации об этой деятельности монгольских властей очень мало. Ч. Дашдаваа вообще считает, что никакой целенаправленно идеологической и коммунистической обработки интернированных в Монголии не проводилось. Думается, что причина этого не в каком-то сознательном нежелании монгольских властей заниматься этим. Скорее всего, они просто не имели для этого возможностей. В СССР, например, существовал специальный могучий политический аппарат для этого, отпускались большие финансовые средства, издавалась газета и т. д. Это была настоящая государственная программа. Впрочем, для японцев в Монголии поступала из Советского Союза газета «Нихон симбун», выпускаемая в Хабаровске советскими политорганами специально для военнопленных. В воспоминаниях бывшего военнопленного Ямабэ Синго, работавшего на шерстяной фабрике в Улан-Баторе, отмечается, что поступала она редко – раз в несколько месяцев. «Это была таблоидная версия четырехстраничной газеты, которую редактировали в Сибири японцы-активисты под руководством КПСС. Эта газета не могла оказать большого влияния на мысли японцев, которые были интернированы в Монголию. Кроме того, мы были слишком истощены и голодны. «Нихон симбун» годилась для курения, мы заворачивали в нее табак, но была малопригодна для использования вместо туалетной бумаги из-за низкого качества маньчжурской бумаги» (Ямабэ, 1991. С. 226).

Репатриация

Особенностью репатриации японцев из Монголии является то, что интернированные были переданы не японской стороне, а Советскому Союзу. Имеются предположения, что советское руководство предлагало репатриировать японцев из Монголии уже в конце 1946 г., видимо по причине неблагополучного состояния здешних лагерей и высокой смертности. Подтверждением этому может служить телеграмма 22 марта 1947 г. секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбала в Москву, в которой он просит отложить репатриацию - военнопленные заняты на важных строительных работах в Улан-Баторе (Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа). Возможно, по этой причине репатриация японцев, интернированных в Монголию была начата

Таблица 1

Кладбища японцев в Монголии*

Table 1

Japanese Cemeteries in Mongolia*

Аймак Aimak	Населенный пункт Settlement	Количество захороненных Number of buried soldiers
г. Улан-Батор Ulaanbaatar	Дамбадаржаа Dambadarjaa	835
	Хужирбулан Khuzhirbulan	252
	Налайх Nalaih	12
	Сохой Цаганбулаг Sokhoi Tsaganbulag	10
Селенгинский (Сэлэнгэ) Slelenginsky (Selenge)	Сухэ-Батор Sukhbaatar	198
	Зуунбурэн Zunburwen	19
	Барунхара Barunhara	43
	Ерее Eree	96
	Алтанбулаг Altanbulag	8
	Зуунхара Zunhara	44
Центральный (Туве) Central (Tuve)	Угтаалжарргалант Ugtaalzhargalant	35
	Борнуур Bornuur	4
	Архуст Arhust	33
	Батсумбэр Batsumber	2
Архангайский (Архангай) Arkhangaisky (Arkhangai)	Угийнуур Uginuur	5
Хэнтийский (Хэнтий) Hentiisky (Hentii)	Балж Balzh	1
Всего Total		1 597

* Составлено по: Мягмарсамбуу, 2017 С. 113.

*** Compiled by: Myagmarsambuu, 2017. P. 113.**

позже – в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 3014 от 28 августа 1947 г. По нему предполагалась отправка из Монголии 11 тыс. японцев (Военнопленные в СССР, 2000. С. 894). Разумеется, интернированных отправляли в Советский Союз, в специальный лагерь № 380 в Находке, откуда они по морю уже возвращались домой. В госархиве Российской Федерации имеется Донесение о количестве эшелонов военнопленных и интернированных японцев, поступивших в 380-й транзитный лагерь в Находке из Монголии, датированное 9 февраля 1948 г. (табл. 2). Согласно этому документу первый эшелон прибыл в Находку 27 октября 1947 г. шестой – 8 ноября 1947 г. Всего было доставлено

Таблица 2

Прибытие эшелонов репатриантов на ст. Находка (октябрь – ноябрь 1947 г.)

Table 2

Arrival of repatriates' trains at the station Nakhodka (October – November 1947)

Номер эшелона Number of echelon	Начальник эшелона Head of echelon	Дата поступления Receipt date	Японцы / Japanese				
			Общее количество Total	Офицеры Officers	Унтер-офицеры Unter-officers	Солдаты Soldiers	Гражданские Civil
50596	Подполковник Нелнеров Lieutenant Colonel Nelnerov	27 октября 1947 г. October 27, 1947	1 008	57	179	654	118
50597/98	Подполковник Савченко Lieutenant Colonel Savchenko	1 ноября 1947 г. November 1, 1947	2 005	87	328	1 211	379
50599/600	Капитан Гусаков Captain Gusakov	3 ноября 1947 г. November 3, 1947	1 996	99	592	995	310
50601/602	Капитан Тимофеев Captain Timofeev	4 ноября 1947 г. November 4, 1947	2 000	122	443	1 200	235
50603/604	Подполковник Салауров Lieutenant Colonel Salaurov	6 ноября 1947 г. November 6, 1947	2 150	147	499	1 310	194
50605/606	Майор Яшин Major Yashin	8 ноября 1947 г. November 8, 1947	1 526	96	338	921	171
Всего Total			10 682	608	2 379	6 291	1 407

10 682 чел. (Японские военнопленные, 2013. С. 442).

Согласно монгольским данным, для отправки интернированных на родину с 10 по 26 октября 1947 г. было сформировано 11 команд, которые и направились в Советский Союз. Указывается, что по дороге скончалось 6 чел. и один был оставлен для лечения. Количество репатриантов, переданных советским властям – 10 705 чел. (Мягмарсамбуу, 2017. С. 112). Разница с количеством прибывших в Находку составила 23 чел., которая пока не имеет объяснения.

Историческая наследие и память о японцах. Программа эксгумации

В январе 1954 г. премьер-министр МНР Ю. Цеденбал получил письмо от японского Красного Креста с вопросом о судьбе 100 японских военнопленных, сведений о которых не имелось. Тогда же Ю. Цеденбал сделал запрос в Министерство внутренних дел относительно числа прибывших и репатриированных японцев. Официальный ответ гласил: Между 20 ноября и 10 декабря 1945 г. в МНР из Советского Союза прибыли 12 318 японцев, которые были размещены в шести лагерях и работали главным образом на строительстве в г. Улан-Баторе. За два года 1 613 из них умерло, 10 705 были переданы советским властям в октябре 1947 г. (Batbayar, 1999. P. 165). Примерно в это же время пришло письмо от японской женщины, которая разыскивала своего мужа Кояма Ёсито, который, как она полагала, все еще находится в Монголии. На что письмо ответил монгольский МИД, указав на то, что Кояма был обвинен в шпионаже в августе 1945 г. 17 января 1955 г. был еще один ответ, на этот раз от монгольского Красного Креста о том, что четверо японцев, находившихся в монгольских тюрьмах и осужденных за шпионаж были переданы китайским властям (Batbayar, 1999. P. 166).

Японские делегации, которые пытались получить информацию по захоронениям в Монголии, посещали страну в 1956 и 1966 гг. Однако только в 1972 г. были установлены дипломатические отношения. Впервые могилы своих родственников семьи погибших японцев смогли посетить только в 1972 г., в год установления дипломатических отношений между двумя странами. Мемориальный комплекс памяти японских военнопленных в местности Дамбадаржаа на северной окраине Улан-Батора был построен на средства японского правительства и открыт в октябре 2001 г. на месте бывшего кладбища японских военнопленных. В 1995–1999 гг. в соответствии с договоренностью между правительствами Японии и Монголии останки военнопленных, похороненных на монгольской территории, после эксгумации тел, были кремированы и прах их отправлен на Родину. Одновременно было принято решение о строительстве мемориала памяти японских военнопленных. В 1999 г. был сооружен памятник, позже построен мемориал, который посещается японскими делегациями и туристами. Более 16 лет рядом с мемориалом живет, поддерживает здесь порядок специальный монгольский служащий.

21 июня 2002 г. Находящийся в Монголии по приглашению президента страны Нацагийн Багабанди с официальным визитом японский принц Акисино с супругой – принцессой Кико посетили мемориальный комплекс памяти японских военнопленных, расположенный в окрестностях монгольской столицы. Члены императорской семьи Японии отдали дань уважения погибшим японским солдатам и возложили венок к мемориалу. В 2004 г. были проведены совместные мероприятия японского и монгольского обществ Красного Креста. Рядом с кладбищем открыт небольшой музей. Информация имеется в интернете, к сожалению только на монгольском языке (Японы олзлогдогсод Монголд).

Документы и материалы, которыми располагают историки в настоящее время, позволяют сделать некоторые выводы относительно интернирования японцев в Монголию. Направление в Монголию более 12 тыс. бывших солдат и офицеров японской армии вряд ли

соответствовало нормам международного права, а также военно-политической необходимостью. Это тем более распространяется на гражданских лиц.

Очевидно, что решение о направлении японцев в Монголию, а также об их количестве не было принято заранее, а лишь в конце августа 1945 г. Об этом свидетельствует тот факт, что решение о создании специального ведомства в Монголии, отвечающего за интернированных было принято лишь 31 августа. Отсюда – общая неподготовленность к приему интернированных, их размещения, обеспечения жильем, продовольствием, медицинским обслуживанием, инструментами, рабочей и теплой одеждой. Отсутствовали и обоснованные планы трудового использования интернированных. Об этом свидетельствует отказ Монголии от избыточного, первоначально предполагаемого количества интернированных. Результатом этого стал высокий уровень смертности интернированных, недопустимый в мирное время.

В своей деятельности монгольские органы по контролю за интернированными опирались, разумеется, на советский опыт и советские инструкции. Хотя была и своя, «монгольская» специфика. Например, направление командировок интернированных на самообеспечение продуктами питания – охота и рыболовство. Политика индоктринации не проводилась против интернированных в Монголии столь же интенсивно, как в Советском Союзе. Однако причина не в каком-то сознательном отказе от нее монгольских властей, а скорее в отсутствии возможностей, необходимых сил и средств.

Отвечая на запросы японской стороны о судьбе интернированных, монгольские власти, скорее всего, ориентировались на позицию СССР, хотя и занимали более мягкую позицию.

Библиографический список

Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002. 229 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос. 2000. 1118 с.

Карасев С.В. К вопросу о японских военнопленных в Монголии (1945–1947 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия: материалы и тезисы докладов к Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора С.В. Шостаковича. Иркутск: Оттиск, 2002. С. 36–38.

Курас Л.В., Цыбенов Б.Д. Японские военнопленные в Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 1(13). С. 260.

References

Batbayar Ts. *Mongoliya i Yaponiya v pervoi polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the twentieth century]. Ulan-Ude: Publishing house of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts Publ., 2002, 229 p. (In Russian).

Zagorul`ko M.M. *Voennoplennye v SSSR 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Moscow: Logos Publ., 2000, 1118 p. (In Russian).

Karasev S.V. *K voprosu o yaponskikh voennoplennykh v Mongolii (1945–1947 gg.)* [On the issue of Japanese prisoners of war in Mongolia (1945-1947)]. *Materialy i tezisy dokladov k Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.V. Shostakovicha "Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v nachale tysyacheletiya"* [Russia and the East: a view from Siberia at the beginning of the millennium: materials and abstracts for the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor S.V. Shostakovich]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2002, pp. 36–38. (In Russian).

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Japanese prisoners of war in Mongolia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 1(13), pp. 260. (In Russian).

Курас Л.В. Вторая мировая война и Монголия: современная российско-монгольская историография // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2013. № 2 (49). С. 124–131.

Курас Л.В., Цыбенов Б.Д. Динамика численности и условия проживания японских военнопленных на территории Монголии (1945–1947) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015: сб. ст. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 245–252.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 320 с.

Рощин С.К., Маршал Х. Чойбалсан: штрихи биографии. М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2005. 158 с.

Японские военнопленные в СССР, 1945–1956: сб. док. / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: Международный фонд «Демократия», 2013. 779 с.

Batbayar Ts. Mongolia and Japan in 1945–1995. A Half Century Reconsidered // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / ed. by S. Kotkin. New York: M.E. Sharpe, 1999. 313 p.

Дашдаваа Ч. Японы олзлогдогсод Монголд. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013. 310 с.

Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа [Электронный ресурс]. URL: http://www.medee.mn/mobile.php?eid=70573 (02.02.2017).

Японы олзлогдогсод Монголд [Электронный ресурс]. URL: http://www.mnb.mn/i/105214 (02.02.2017).

(Кубата Сэцудзи)

久保田設司□モンゴル虜囚熱河省承徳から外蒙古ウランバートルへ久保田設司著東京善本社 1983. 300 c. (In Japanese).

(Мягмарсамбуу Галиндэв)

モンゴル・日本両国の関係とモンゴルに残された日本軍将兵の遺骨についてガリンデヴ・ミヤグマルサムポ/日本人のモンゴル抑留とその背景東京 : 三元社 2017. 174 c. (In Japanese).

Kuras L.V. Vtoraya mirovaya vojna i Mongoliya: sovremennaya rossijsko-mongol'skaya istoriografiya [World War II and Mongolia: Contemporary Russian-Mongolian Historiography]. *Uchenye zapiski Zabaikal`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientific notes of Transbaikalian State University. Series: Philology, History, Oriental Studies], 2013, no. 2 (49), pp. 124–131. (In Russian).

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Dinamika chislennosti i usloviya prozhivaniya yaponskih voennoplennyh na territorii Mongolii (1945–1947) [Dynamics of number and conditions of residence of Japanese prisoners of war on the territory of Mongolia (1945–1947)] *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2015* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2015]. Irkutsk: Publishing house of the Baikal State University of Economics and Law, 2015, pp. 245–252. (In Russian).

Luzyanin S.G. *Rossiya – Mongoliya – Kitai v pervoi polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political Relations in 1911–1946]. Moscow: Ogni Publ., 2003, 320 p. (In Russian).

Roshchin S.K., Marshal Kh. *Choibalsan: shtrikhi biografii* [Marshal H. Choibalsan: The Strokes of Biography]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, 158 p. (In Russian).

Gavrilov V.A., Katasonova E.L. *Yaponskie voennoplennye v SSSR, 1945–1956* [Japanese prisoners of war in the USSR, 1945-1956]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya” Publ., 2013, 779 p. (In Russian).

Batbayar Ts. Mongolia and Japan in 1945–1995. A Half Century Reconsidered // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan / ed. by S. Kotkin. New York: M.E. Sharpe, 1999, 313 p.

Дашдаваа Ч. Японы олзлогдогсод Монголд. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013, 310 p. (In Mongolian).

Олны үг ортой эсэхийг шалгалаа. Availabe at: http://www.medee.mn/mobile.php?eid=70573 (accessed February 2, 2017).

Японы олзлогдогсод Монголд. Availabe at: http://www.mnb.mn/i/105214 (accessed February 2, 2017).

(Kubata Secudzi)

久保田設司□モンゴル虜囚熱河省承徳から外蒙古ウランバートルへ久保田設司著東京善本社 1983, 300 p. (In Japanese).

(Myagmarsambuu Galindev)

モンゴル・日本両国の関係とモンゴルに残された日本軍将兵の遺骨についてガリンデヴ・ミヤグマルサムポ/日本人のモンゴル抑留とその背景東京 : 三元社 2017, 174 p. (In Japanese).

(Нагасима Хидэо)
長島秀夫□モンゴル俘虜生活八00余日長島秀夫著札幌
長島, 2002. 112 с. (In Japanese).
(Нихондзин-но монгору ёкурю то соно хайкэй)
日本人のモンゴル抑留とその背景/東京 : 三元社 2017.
174 с. (In Japanese).
(Сакурада Торао)
田虎男モンゴル抑留記桜田虎男著国立生涯学習研究社
1997. 268 с. (In Japanese).
(Ямабэ Синго) ウランバートル捕虜収容病院 /
山邊慎吾著 /東京 : 草思社 1991. 370 с. (In Japanese).
(Уранбатору Ёсимура-тай: Сото кура-но юсю)
ウランバートル吉村隊 : 外蒙の幽囚 / 山浦重三,
蒲原正二郎, 石井栄次著/長野 : 明日香書房 1949. 194 с.
(In Japanese).
(Хорё тайкэн ки) 捕虜体験記 /
ソ連における日本人捕虜の生活体験を記録する会編/東
京 :
ソ連における日本人の捕虜の生活体験を記録する会/
1988. 500 с. (In Japanese).
(Нагасэ Рёдзи) 長勢了治著 /
シベリア抑留全史東京 : 原書房 2013. 618 с. (In Japanese).

Сведения об авторе

Кузнецов Сергей Ильич,
доктор исторических наук, профессор,
Славянско-Евразийский исследовательский Центр университета Хоккайдо (Япония),
Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Критерии авторства

Кузнецов С.И. выполнил исследовательскую работу по сбору материалов в опубликованных российских и японских источниках, на основе полученных результатов провел обобщения, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

(Nagasima Hideo)
長島秀夫□モンゴル俘虜生活八00余日長島秀夫著札幌
長島, 2002, 112 p. (In Japanese).
(Nihondzin-no mongoru yokuryu to sono hajkej)
日本人のモンゴル抑留とその背景/東京 : 三元社 2017,
174 p. (In Japanese).
(Sakurada Torao)
田虎男モンゴル抑留記桜田虎男著国立生涯学習研究社
1997, 268 p. (In Japanese).
(Yamabe Singo) ウランバートル捕虜収容病院 /
山邊慎吾著 /東京 : 草思社 1991, 370 p. (In Japanese).
(Uranbatoru Yosimura-taj: Soto kura-no yusyu)
ウランバートル吉村隊 : 外蒙の幽囚 / 山浦重三,
蒲原正二郎, 石井栄次著/長野 : 明日香書房 1949, 194 p.
(In Japanese).
(Horyo tajken ki) 捕虜体験記 /
ソ連における日本人捕虜の生活体験を記録する会編/東
京 :
ソ連における日本人の捕虜の生活体験を記録する会/
1988, 500 p. (In Japanese).
(Nagase Ryodzi) 長勢了治著 /
シベリア抑留全史東京 : 原書房 2013, 618 p. (In Japanese).

Information about the author

Sergey I. Kuznetsov,
Doctor of Sciences (History), Special Appointed professor,
Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University,
Japan, Kita-9, Nishi-7, Kita-ku, Sapporo 060-0809,
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Attribution criteria

Kuznetsov S.I. carried out research work on the collection of materials published in Russian and Japanese sources, based on the obtained results, carried out generalizations, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author states that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 339.96
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-258-264

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

© Чжан Цзя Цзюнь

Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству России и Китая в энергетике, в частности, в нефтегазовой сфере. Россия находится в числе лидеров как по доказанным запасам нефти и газа, так и по добыче этих полезных ископаемых. Обладающий крупнейшей экономикой в мире Китай постоянно нуждается в углеводородах. Поэтому для находящихся рядом стран логичным и естественным является сотрудничество в этой сфере. История взаимоотношений этих стран началась еще в середине XX в., и в настоящий момент они бурно развиваются. Встречи лидеров Китая и России всегда способствовали оживлению переговорных процессов и заключению новых контрактов. В статье отмечается, что основными переговорными площадками стали: Энергодиалог Россия – Китай, Московский Международный энергетический форум, Санкт-Петербургский экономический форум и др. Лидирующие позиции Китая в мировой экономике должны иметь устойчивую энергетическую базу, поэтому страна развивает различные направления сотрудничества: газопровод «Сила Сибири», инвестирование в нефтегазодобычу в Китае и проекты по сжиженному газу, совместные с Россией арктические и субарктические проекты. В заключение в статье оцениваются перспективы сотрудничества России и Китая в сфере энергетики.

Ключевые слова: *современная энергетика, нефтегазовая отрасль, российско-китайские переговоры, экономические вопросы, Энергодиалог Россия – Китай, «Сила Сибири», «Один пояс – один путь», энергетические проекты в Арктике, «Ямал-СПГ», сжиженный газ.*

Информация о статье. Дата поступления 7 мая 2018 г.; дата принятия к печати 1 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Чжан Цзя Цзюнь. История и современность российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 258–264. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-258-264

HISTORY AND PRESENT TIME OF THE RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF ENERGY

© Chzhan Czya Czyun

Irkutsk State University,
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the Russian-Chinese cooperation in the energy sector, in particular, in the oil and gas sector. The history of relations began in the middle of the 20th century, and at the moment they are rapidly developing. Meetings of the leaders of China and Russia have always helped to revive the negotiation processes and to get new contracts. The article notes that the main negotiation areas are: Russia-China Energy Dialogue, Moscow International Energy Forum, St. Petersburg International Economic Forum etc. China's leading position in the world economy should have a stable energy base, so the country is developing various areas of cooperation: the gas pipeline “Power of Siberia”, investing in oil and gas production in China and projects on liquefied gas, Arctic and subarctic projects together with Russia. In conclusion, the article assesses the prospects of cooperation between Russia and China in the energy sector.

Keywords: *Modern energy, oil and gas industry, Russian-Chinese negotiations on economic issues, Russian-Chinese Energy Dialogue, "Power of Siberia", "one belt-one way", energy projects in the Arctic, "Yamal-LNG", liquefied gas, cooperation between Russia and China in the energy sector*

Article info. Received May 7, 2018; accepted for publication June 1, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Chzhan Czya Czyun. History and present time of the Russian-Chinese cooperation in the field of energy. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 258–264. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-258-264. (In Russian).

Энергетика является основой любого хозяйства и главным фактором развития экономики. Состояние мировой энергетики влияет также на геополитику и социальный прогресс. Поэтому, для того чтобы понять, какие отношения могли бы установиться и какие реально отношения существуют между странами, нужно оценить основных игроков. Целью данной статьи является рассмотрение не всей энергетики в целом, а лишь нефтегазового сектора в разрезе современных китайско-российских отношений.

В числе лидеров по доказанным запасам нефти (млрд барр.) в 2000 г. и в 2010 г. были Саудовская Аравия, Венесуэла, Иран, Ирак, Кувейт, ОАЭ, Россия, Ливия, Казахстан, Нигерия. Лидеры по добыче нефти (тыс. барр. в день) – Россия, Саудовская Аравия, США, Китай, Иран, Канада, Мексика, ОАЭ, Венесуэла, Ирак, Кувейт, Нигерия. В потреблении нефти лидировали США, Китай, Япония, Индия, Россия, Саудовская Аравия, Бразилия, Германия, Южная Корея. Суммарно на эту первую десятку стран приходилось 55,8 % всей потребленной в 2010 г. нефти (Калугин, 2012. С. 8–10). Даже опустив конкретные цифровые данные, можно увидеть несоответствие списков.

Газовые месторождения часто сопутствуют нефтяным, поэтому речь идет об общей нефтегазовой сфере. Доказанными запасами природного газа (данные от 2000 г. к 2010 г.) богаты (по мере убывания) Россия, Иран, Катар, Туркменистан, Саудовская Аравия, США, ОАЭ, Венесуэла, Нигерия, Алжир. Крупнейшими производителями природного газа были США, Россия, Канада, Иран, Катар, Норвегия, Китай, Саудовская Аравия, Индонезия, Алжир. В десятку крупнейших потребителей газа в начале XXI в. входили: США, Россия, Иран, Китай, Япония, Канада, Соединенное Королевство Великобритании, Саудовская Аравия, Германия, Италия (Калугин, 2012, С. 16–18).

На основе этих базовых данных можно сделать следующие выводы:

1. Лидирующие по потреблению страны в списке не всегда совпадают с лидерами-производителями энергоресурсов. Это связано причинами географического и исторического характера. Потому отношения между странами по этой линии могут быть самыми разнообразными (выгодными, дружескими, враждебными, игнорирующими, конкурентными и др.).

2. Некоторые страны, например, США, Венесуэла, Мексика – находятся в Западном полушарии, и транспортировка продукции в Восточное полушарие и в Евразию экономически не выгодна. Поэтому они либо потребляют добытое сами, либо организуют союзы с близлежащими странами.

3. Мировая экономика в целом продвигается к новому технологическому укладу. Это не отменяет применение традиционных энергоносителей. Однако новые технологии, в том числе ресурсосберегающие – новая «чистая» энергетика (ветровая, приливная), «сознательное потребление» (самоограничение), повышение экологических стандартов и другие факторы не способствуют быстрому росту потребления энергоресурсов. Это может негативно сказаться на странах-производителях сырья.

4. В начале XXI в. происходит трансформация мировой системы. Это приводит к турбулентности мировой политики и высоким политическим рискам и издержкам. Страны Магриба, Персидского залива, Ближнего и Среднего Востока (Алжир, Ливия, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Сирия) политически неустойчивы. Зачастую энергоносители являются единственной основой их благополучия. Пример Ливии, мгновенно превратившейся из богатейшей страны при М. Каддафи в

территорию терроризма, эмиграции, нищеты, безвластия, очень показателен. Проблемой стала безопасная транспортировка энергоносителей из таких регионов.

5. В условиях деструкции социалистической системы произошло ослабление и распад Советского Союза, и некоторые западные страны решили, что они единолично могут устанавливать свои порядки в мире. Получив отпор от России, они стали использовать методы экономического и политического давления, шантажа в отношении России и ее торговых партнеров. Аналогичную силовую политику англосаксы пытаются проводить в отношении Китая. Таким образом, рынок нефти и газа подвергается серьезному влиянию нерыночных факторов.

В этих условиях естественными причинами сближения и сотрудничества России и Китая в сфере экономики, в частности, в сфере энергетики, стали:

– установившиеся добрососедские отношения, включая политическое и дипломатическое урегулирование проблем, а также взаимное уважение того исторического пути и вектора развития, который выбрала страна;

– Россия и Китай имеют протяженную общую границу, что является серьезным географическим преимуществом и позволило установить многочисленные транспортные коридоры для движения товаров и услуг;

– сотрудничество между Россией и Китаем носит взаимовыгодный характер и направлено в будущее – страны вместе участвуют в интеграционных проектах на континенте, предлагают и реализуют новые формы взаимодействия.

Экономические взаимоотношения России и Китая имеют длительную историю. Еще в 1950 г. был заключен «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». Было подписано соглашение о добыче и переработке нефти и газа в Синьцзяне, рассчитанное на 30 лет. В 1950-е гг. сотни советских специалистов, техников и рабочих помогали отстраивать нефтяную отрасль Китая. Китайцы в свою очередь получали профильные знания в Советском Союзе. С 1950 г. по 1954 г. СССР был единственным экспортером нефти в Китай. Впоследствии политические осложнения помешали двигаться по пути развития сотрудничества. Новый этап развития отношений уже с Российской Федерацией начался в 1990-е гг.

В ходе визита Президента России Б.Н. Ельцина в Китай в 1992 г. и визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву в 1994 г. было инициировано обсуждение широкого круга вопросов, в том числе касающихся энергетики. Отношения были охарактеризованы китайской стороной как «конструктивное партнерство». Подписание Пекинской декларации 1996 г. подняли отношения на новую высоту; было обозначено «стратегическое партнерство» на основе равенства, взаимного доверия и взаимной координации. В сфере сырьевого экспорта Россия, занятая поиском новых нефтяных рынков, нашла в лице КНР добросовестного покупателя. Начиная с 1994 г., велись переговоры о строительстве нефтепровода Россия – Китай, которые в 1999 г. завершились выработкой предварительного технико-экономического обоснования (ТЭО) трубопровода для транспортировки российской нефти. Однако по разным причинам (внутриполитическим, экономическим, экологическим) окончательный вариант трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) был оформлен позднее.

В марте 2006 г. во время визита В.В. Путина в Китай было подписано несколько десятков документов, в том числе о строительстве нефте- и газопроводов и о расширении партнерских отношений в сфере энергетики. Сотрудничество ОАО «Транснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) принесло свои плоды. В 2009 г. была запущена первая очередь ВСТО (от Тайшета до Сковородино) длиной 2 694 км и мощностью 30 млн т в год, в 2012 г. сдана вторая очередь – Сковородино – Козьмино. Ответвление на Китай было закончено 27 сентября 2010 г., и в 2012 г. по маршруту Сковородино – Мохэ были поставлены первые 15 млн т нефти. В 2017 г. было осуществлено строительство нефтепровода на территории КНР от Мохэ до Дацина. Данная линия – китайское «плечо» ВСТО, по которой ежегодно будет прокачиваться свыше 15 млн т сырой нефти, что устранит нехватку углеводородов в провинции Хэйлуцзян на

севере Китая (Китай достроил нефтепровод Мохэ – Дацин).

В последние десятилетия были оформлены организационные формы обсуждения и соответствующие переговорные площадки по вопросам энергетики. В ходе визита Президента РФ Д.А. Медведева в Китай в 2008 г. был сформирован Энергодиалог Россия – Китай. Его сопредседателями были назначены вице-премьеры обеих стран, курирующие сферу топливно-энергетического комплекса. В 2012 г. Энергодиалог был переименован в Межправительственную российско-китайскую комиссию по энергетическому сотрудничеству. Основными направлениями ее работы стали:

– нефтегазовый комплекс;

– угольная промышленность;

– электроэнергетика (в том числе и атомная энергетика);

– энергоэффективность и возобновляемые источники энергии.

С 2002 г. систематически проводится Московский международный энергетический форум. В Москве регулярно собирается Круглый стол по вопросам энергетики: одним из самых значимых стало мероприятие 2011 г. «Стратегическое партнерство России в сфере энергетики: потенциал и пути реализации».

Основы сотрудничества в сфере энергетики были подтверждены на саммите G20 в Санкт-Петербурге в 2013 г., где главы Газпрома и CNPC подписали соглашение об основных условиях поставки газа из России по восточному маршруту. Ежегодное увеличение потребления газа в Китае составляет 15–20 %. Прогнозируемые объемы потребления в 2020 г. в пределах 400–580 млрд $м^3$, причем показатель зависимости Китая от импорта будет примерно 50 % (Китай идет своим путем). Следовательно, Китай заинтересован в устойчивом бесперебойном притоке импортного газа в страну. С этой целью началось строительство газопровода, который получил название «Сила Сибири». Это магистральный газопровод длиной более 2 тыс. км, который проходит по территории Иркутской области, Якутии, Амурской области. Его ресурсную базу составят Чаяндинское месторождение в Ленском районе Якутии и Ковыктинское газоконденсатное месторождение в Иркутской области. Проложено уже две трети его длины. Российская сторона подведет его к Благовещенску, где газопровод нырнет в тоннель под рекой Амур и пойдет уже по китайской стороне. В Китае его будут прокладывать китайские партнеры проекта. На 30 лет законтрактована ежегодная прокачка 38 млрд $м^3$ из России. По расчетным оценкам «Сила Сибири» заработает с 2019 г.

В 2014 г. в мире произошли события, которые сильно повлияли на мировую торговлю, в том числе и энергоносителями. Во-первых, отчетливо проявилось ослабление мирового гегемона – США, который не хочет и не может свыкнуться с этим. Поэтому в отношении ряда союзов, стран, организаций и процессов были сделаны шаги, которые выгодны США, но не другим. В силу этого вызова со стороны остальных отмечается разнообразная реакция, которую сложно просчитать. Во-вторых, мировые экономические кризисы 2008 г. и 2011 г. оказались до конца непреодоленными. Важные мировые игроки выбрали разную тактику избавления от кризисных явлений, что также усложнило экономическую жизнь. В-третьих, вхождение Крыма в состав России, проблемы на Украине освободили противников России от благопристойности. Давление на Россию по всем направлениям стало очевидным. В-четвертых, способом решения собственных проблем Запад выбрал попытку переформатирования Ближнего и Среднего Востока путем развязывания войн, поощрения терроризма, проецирования своей военной силы и овладения ресурсами этих стран. Эти и другие обстоятельства сподвигли Россию и Китай к попыткам найти новые точки опоры во взаимных отношениях и новые драйверы экономического роста.

Сегодняшние лидеры двух стран – В.В. Путин и Си Цзиньпин имеют длинный горизонт планирования, умеют взаимоувязывать различные вопросы и договариваться, всегда отстаивают свои национальные интересы. Поэтому неудивительно, что на смену простым сделкам в сфере энергетики пришел концептуально новый, более объемный проект – «Один пояс – один путь». Это международная инициатива Китая, направленная на совершенствование существующих и создание новых торговых

путей, транспортных и экономических коридоров, связывающих десятки стран. Идея формирования «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) была озвучена Си Цзиньпином в 2013 г. в рамках визита в Казахстан. Как было отмечено, общей целью должно стать стабильное развитие экономики, процветание и могущество двух государств. Было предложено конвертировать преимущества политического диалога, географической близости и экономической взаимодополняемости в преимущества сотрудничества, устойчивого роста, создания общности интересов на основе взаимной выгоды. Для этого нужны взаимосвязь инфраструктуры и либерализация торговли.

По аналогии в октябре 2013 г. глава КНР предложил идею Морского Шелкового пути XXI в. (МШП). Обе инициативы – ЭПШП и МШП были объединены в общую стратегическую концепцию Китая «Один пояс – один путь». Пока она не приобрела системности и структурности, но Россия активно поддержала ее, так как строительство Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути решают схожие задачи. В 2016 г. настоящим прорывом стало официальное подписание Китаем, Монголией и Россией планов по строительству экономического коридора. Как энергоизбыточная страна, Россия может внести свою лепту именно энергоресурсами.

Совместными усилиями Россия и Китай пытаются освободиться от гнета нефтедоллара и доллара в международных расчетах. Во взаимной торговле стала применяться пара «рубль – юань», страны активно формируют золотой запас, очень осторожно обе страны относятся к криптовалютам. Дедолларизация двух стран (переход в международных расчетах на национальные валюты) невозможна без разрушения монополии доллара в торговле нефтью. Если учесть, что крупнейший экспортер нефти в Китай – Россия, а крупнейший ее импортер – Поднебесная, то неудивительно, что КНР начала торговлю фьючерсами на сырую нефть, номинированными в юанях (Итоги 19-го съезда КПК).

В последнее время Китай стал придерживаться плюралистической стратегии нефтегазового импорта. В 2016 г. потребление газа в Китае составило 210,3 млрд м^3, а к 2035 г. планируется увеличение его потребления более чем в 2 раза. Поэтому «сланцевая революция» не обошла стороной и Китай. Добыча сланцевого газа в Китае в 2016 г. составила 7,9 млрд м^3, к 2020 г. ее планируется нарастить до 30 млрд м^3, а к 2030 г. – до 100 млрд м^3 (Китайский газовый покер).

Таким образом, китайцы планируют значительную часть прироста своих потребностей удовлетворить сами. Однако здесь есть определенные сложности экологического порядка, ведь Китай, в отличие от США, густонаселенная страна. Китайские проекты пришлись не по душе США, которые планировали нарастить экспорт нефти и газа в Китай. Председатель КНР Си Цзиньпин мудро заявил на это, что единственным выбором остается кооперация. Пекин объявил о планах масштабных инвестиций в инфраструктуру сжиженного природного газа (СПГ) на территории США, а также в разработку сланцевого газа в штате Западная Вирджиния. Однако в отличие от России, США стремятся перетянуть одеяло на себя и получать выгоду единолично. В межгосударственных отношениях такая ситуация не может удовлетворить Китай.

Примером другого рода отношений является сотрудничество Китая с Россией в Арктике. Арктическими государствами считаются страны, территория которых находится севернее 66° северной широты – Россия, США, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Канада. Они входят в Арктический Совет (АС) – главную международную организацию, которая занимается крайним севером. В январе 2018 г. Китай обнародовал первую арктическую Белую книгу, в которой обязался соблюдать международное право, но все же говорит о приоритете национальных интересов в Арктике. Он стал наблюдателем в АС наряду с Индией, Италией и Южной Кореей.

Из восьми стран АС реально влиятельными являются две – Россия и США. Россия имеет самую длинную береговую линию в Арктике и фактически «владеет» Северным морским путем. Кроме России никто на регулярной основе не осуществляет северные морские перевозки, кроме россиян так далеко на Севере никто не живет. Штат Аляска в США считался до недавнего времени заповедником, где промышленная деятельность была за-

прещена, а антропогенное влияние регулировалось очень строго. У России есть 41 действующий ледокол, и еще 11 строятся. Среди них атомные ледоколы, включая самый мощный в мире ледокол «Арктика» (первые атомные ледоколы появились в России более 50 лет назад). США имеют 3 ледокола, из которых на ходу только 2 (Китай в Арктике). Остальные государства только приступили к строительству такого класса судов, и подобный опыт у них отсутствует. Кроме того, Россия единственная страна, которая восстановила старые военные базы в Арктике и построила принципиально новую – Арктический Трилистник. Россия имеет хорошо подготовленные полярные войска и технику, т. е. на сегодняшний день она полностью обезопасила себя с севера.

Если оценивать Арктику с экономической точки зрения, то в этом регионе по данным Геологической службы США за 2008 г. находятся 30 % неразведанных запасов газа и 13 % нефти. Логистические выгоды транспортного коридора также очевидны. В 2012 г. грузооборот Северного морского пути составил 1,25 млн т грузов (0,2 % грузооборота Суэцкого канала), но эксперты считают, что он может вырасти до 25 % (Китай в Арктике). В 2017 г. Россия окончила строительство арктического порта «Сабетта».

Интерес Китая к Крайнему Северу в условиях постоянного дефицита ресурсов и сырья вполне объясним. Политика Китая в Арктике акцентирует внимание на четырех основных вопросах. Во-первых, Китай намерен энергично участвовать в развитии транспортных путей в Арктике. Сегодня доставка грузов из Китая в Европу занимает 35 дней. Северный морской путь сокращает время доставки на две недели. Во-вторых, в Белой книге говорится об участии Китая в эксплуатации природных ресурсов, включая нефть и газ. В-третьих, Китай намерен добывать в Арктике «живые» ресурсы (рыбу и морепродукты). В-четвертых, существует намерение развивать арктический туризм.

Китай прекрасно понимает, что он может продвинуться в северные широты через союзников и, в первую очередь, через взаимовыгодные соглашения с Россией. Самый наглядный пример – проект производства сжиженного газа «Ямал СПГ» российского газового гиганта «НОВАТЭК». Китайцам принадлежит почти треть 27-миллиардного проекта: «Silk Road Fund» – 9,9 % и «China National Petroleum» – 20 %. В настоящее время проект уже реально работает. Пекин хочет участвовать и в строительстве глубоководного порта Архангельск. Китай за 25 лет провел 5 научных арктических экспедиций, участвовал в строительстве полярной станции «Арктическая Желтая река» на Шпицбергене, строит второй тяжелый ледокол. В Шанхае строится Арктический научно-исследовательский центр со штатом сотрудников до 1 000 чел. Сегодня амбициозный проект «Один пояс – один путь» китайцы планируют дополнить северной частью проекта и переименовать его в «Один пояс, один путь, один круг» (имеется в виду Полярный круг). Роль, которую Китай намерен играть в Арктике, высокопоставленный китайский дипломат сформулировал следующим образом: «Во-первых, мы не будем ни во что вмешиваться. Во-вторых, мы не будем отсутствовать» (Китай в Арктике).

Нельзя сказать, что в экономических отношениях России и Китая все беспроблемно. Китай более чем какая-либо другая страна четко следует национальным интересам, которые у него всегда на первом месте. Некоторые шаги в сторону США воспринимаются в России болезненно. Не стоит сбрасывать со счетов конкурентоспособный газ из Туркмении, который закупает Китай, потому что его больше устраивает цена на него, чем на российский. Китай имеет свое мнение по поводу сланцев, он не всегда идет навстречу российским производителям сырья и серьезно торгуется по цене. Однако обе страны планируют отношения всерьез и надолго. Поэтому Китай очень серьезно следит за геологоразведкой, а итоги 2017 г. оказались «ужасными» для мирового нефтегазового рынка. Геологоразведчики в 2017 г. смогли найти только 11 % от извлеченных в 2016 г. объемов углеводородов в мире. Это стало худшим показателем с 1940 г. В России же было открыто 5 крупнейших месторождений: Аяшское (Нептун) в Охотском море; Гораздинское и Вятишинское в Иркутской области; Судобадаровское в Оренбургской области; Центрально-Ольгинское на берегу моря Лаптевых. По итогу суммарная цифра должна составить 1 трлн. т неф-

ти, из которых 350 млрд т на современном техническом уровне являются извлекаемыми уже сегодня. Российские газовики прирастили запасы на 1,5 трлн. $м^3$ газа (Нефть и газ остались только у России).

Многообразные отношения России и Китая, наращиваемые постепенно и не в ущерб друг другу, дают основания надеяться на стабильность и процветание на евразийском континенте.

Библиографический список

Итоги 19 съезда КПК [Электронный ресурс]. URL: https://news-front.info/2017/10/27/21A13 (30.03.2018).

Калугин П.Е. Отношения Российской Федерации с Турцией в сфере энергетики: построение стратегического сотрудничества. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета. 2012. 135 с.

Китай в Арктике [Электронный ресурс]. URL: https://news-front.info/2018/02/04 (30.03.2018).

Китай достроил нефтепровод Мохэ – Дацин [Электронный ресурс]. URL: Https://regnum.ru/news/2300819.html (30.03.2018).

Китай идет своим путем [Электронный ресурс]. URL: https://neftegas.ru/news/view/16079 (30.03.2018).

Китайский газовый покер [Электронный ресурс]. URL: https://news-front.info/2017/11/13 (30.03.2018).

Нефть и газ остались только у России [Электронный ресурс]. URL: http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/127484 (30.03.2018).

References

Itogi 19 s``ezda KPK [Results of the 19th Congress of the Comunist Party of China]. Availabe at: https://news-front.info/2017/10/27/21A13 (accessed March 30, 2018).

Kalugin P.E. *Otnosheniya Rossiiskoi Federatsii s Turtsiei v sfere energetiki: postroenie strategicheskogo sotrudnichestva* [Relations between the Russian Federation and Turkey in the Energy Sector: Building Strategic Cooperation]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2012, 135 p. (In Russian).

Kitai v Arktike [China in the Arctic]. Availabe at: https://news-front.info/2018/02/04 (accessed March 30, 2018).

Kitai dostroil nefteprovod Mokhe – Datsin [China completes the Mohe-Datsing oil pipeline]. Availabe at: Https://regnum.ru/news/2300819.html (accessed March 30, 2018).

Kitai idet svoim putem [China goes its own way]. Availabe at: https://neftegas.ru/news/view/16079 (accessed March 30, 2018).

Kitaiskii gazovyi poker [Chinese Gas Poker]. Availabe at: https://news-front.info/2017/11/13 (accessed March 30, 2018).

Neft` i gaz ostalis` tol`ko u Rossii [Oil and gas remained only in Russia]. Availabe at: http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/127484 (accessed March 30, 2018).

Сведения об авторе

Чжан Цзя Цзюнь,
аспирант кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: 314372557@g.g.com

Information about the author

Chzhan Czya Czyun,
postgraduate student of the Department of World History and International Relationship,
Irkutsk State University,
1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: 314372557@g.g.com

Критерии авторства

Чжан Цзя Цзюнь выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Чжан Цзя Цзюнь выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-265-267

СИБИРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© Н.В. Кайгородова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Информация о статье. Дата поступления 5 мая 2018 г.; дата принятия к печати 30 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Кайгородова Н.В. Сибирская деревня в огне революции и Гражданской войны [Рецензия] // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 265–267. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-265-267. Рец. на кол. монографию: Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллектив. моногр., посвящ. 100-летию Российской революции и Гражданской войны / под ред. И.В. Курышева. Ишим : Изд-во ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. 320 с.

SIBERIAN VILLAGE IN THE FIRE OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

© N.V. Kaigorodova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontova Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Article info. Received May 5, 2018; accepted for publication May 30, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Kaigorodova N.V. Siberian village in fire of the revolution and the Civil war. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 265–267. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-265-267. (In Russian). Review of the monograph: Peasant Protest in Siberia during the years of the Revolution and the Civil War: collective monograph dedicated to the 100th Anniversary of the Russian Revolution and the Civil War / ed. by I.V. Kuryshev. Ishim: Publishing house of the IPI. P.P. Ershova (branch) of the Tyumen State University, 2018, 320 p.

Гражданская война в России в начале XX в. оказала колоссальное влияние на развитие страны и государственное устройство, и спустя 100 лет она находит яркий отклик в общественных дискуссиях ученых, представителей гражданской общественности, в среде политических деятелей. Коллективная монография российских историков «Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны» (2018 г.) – научное издание, целью которого явилось комплексное освещение политических, социально-экономических, нравственно-психологических граней истории сибирского крестьянства в 1917–1921 гг.

Актуальность исторического исследования этой темы, объективного общенаучного комментария вызвана также периодическими попытками крайних сил современных политических движений опорочить одну из сторон исторического гражданского противостояния в противовес оправдания действий другой стороны. Привлечение новых фактов в исторический оборот позволяет осознать последствия и исторические уроки революции и Гражданской войны и сформировать непредвзятую оценку исторических событий, происходивших в сибирской деревне в эту эпоху.

Наличие общественного диспута о роли отдельных личностей столетней давности указывает на отсутствие зрелой исторической памяти народа и ставит перед учеными научную задачу активнее искать и привлекать в российскую историческую науку письменные документы и другие материальные источники для осмысления роли крестьянского протеста в общественно-политической жизни Сибири в 1917–1921 гг.

Важно отметить, что проблемы народного сопротивления в Сибири в годы революции и Гражданской войны раскрываются российскими историками в контексте регионального Ишимского-Петропавловского (Западно-Сибирского) восстания 1921 г., сопоставимого по своей значимости с иными народными сопротивлениями большевистской диктатуре – Кронштадтским и Тамбовским восстаниями, более широко известными массовому читателю. Авторы коллективной монографии на основе исследования значительного массива источников преодолевают малую изученность и публикационную фрагментарность развернувшихся в Сибири народных волнений.

В научной работе российских историков подчеркивается определение Ишимского-Петропавловского восстания как ответа крестьянства на государственный произвол и насилие большевистской власти в противовес кулацко-эссеровскому мятежу, которым именовалось изучаемое народное выступление в советский период. Современное общественно-историческое осмысление крестьянского протеста позволяет извлечь из тех трагических событий неизбежные нравственные уроки как вектор в гражданско-политической конфронтации реалий современного российского общества.

Коллективная монография «Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны» вышла в 2018 г. Авторы – российские историки из столицы России и сибирских городов: И.И. Кротт, П.А. Новиков, А.П. Шекшеев, В.В. Иванов, И.В. Наумов, А.А. Любимов, А.В. Чичулин, А.А. Штырбул, Е.В. Бурдина, С.В. Туров, Л.В. Алексеева, И.В. Курышев, М.В. Шиловский, Г.А. Крамор, И.В. Лоткин, А.П. Ярков, А.А. Петрушин, Н.М. Ольков, В.Ф. Долгих. Монография состоит из трех разделов, каждый из которых разделен на 5 глав. Изложение материала в тематических блоках происходит по проблемно-хронологическому принципу. Научный труд дополнен приложением, где представлены главы из историко-документальных очерков, вводятся в оборот документы российских архивов, воспоминания очевидцев, материалы периодической печати той эпохи. Монография позволяет читателю получить полное представление о сложных перипетиях судьбы сибирской деревни, о нелегком выборе крестьянских общин в гражданском противостоянии.

В первом разделе «Крестьянский протест в Сибири (1918–1921 гг.): причины, формы, механизмы, динамика, последствия» раскрываются причины земельных конфликтов в сельском обществе в годы революции и Гражданской войны, особенности народных волнений в Восточной Сибири, участие региональных органов ВЧК ОГПУ в подавлении повстанческого движения.

Второй раздел «Государственная власть и крестьянство. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г.» отражает вопросы взаимоотношений сибирской крестьянской кооперации и правительства А.В. Колчака, позицию органов советской власти по отношению к крестьянству Западной Сибири и реакцию местного населения в виде Ишимско-Петропавловского восстания 1921 г.

Третий раздел «Социально-психологический облик сибирского партизана и повстанца» знакомит читателя с проблемами социально-экономического и культурно-психологического конфликта, развитого между крестьянами и горожанами в исследуемый период, рисует нравствен-

но-психологический облик сибирских повстанцев в обстановке событий революции и Гражданской войны.

Логичным эпилогом монографии выступает приложение, состоящее из научных заметок по рассекреченным в 1991 г. архивным следственным делам участников восстания и историко-документальным очеркам, наполненным эмоциональными переживаниями разразившихся трагических событий.

Выход издания приурочен к 100-летию революции и Гражданской войны в Сибири. Монография вводит в научный оборот широкий массив источников, позволяет читателю осмыслить значимость «Сибирской Вандеи» 1921 г. не только в контексте региональной истории, а также в рамках исхода Гражданской войны в центральной части России. Книга привлечет читателей, заинтересованных в поиске объективной оценки исторических событий в гражданских протестных движениях и в формировании исторической памяти о роли всех ее участников с самым широким освещением их деятельности.

Сведения об авторе

Кайгородова Наталья Васильевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: kaygorodova@mail.ru

Критерии авторства

Кайгородова Н.В. провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и написала рецензию, имеет на нее авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalia V. Kaigorodova,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontova Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: kaygorodova@mail.ru

Attribution criteria

Kaigorodova N.V. conducted a scientific review, summarized the evaluations and wrote a review, has copyrights to it and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований. Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000-40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т.д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200-1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9-12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Journal of Ancient Technology Laboratory" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.

2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;

2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.

2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.

2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For example, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Socio-*

genesis in Northern Asia, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address,
e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (27) 2018

Редакторы Т.И. Кочульская, Ф.А. Посысоева
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 29.06.18. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 500 экз. Заказ 256. Поз. плана 7н.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83